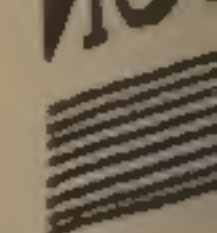

МОС

ИЗ

У

МОСКОВСКИЙ ГУБЕРНСКИЙ СУД
И МОСКОВСКИЙ КАБИНЕТ ПО
ИЗУЧЕНИЮ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА
И ПРЕСТУПНОСТИ

УБИЙСТВА И УБИЙЦЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСЗДРАВОТДЕЛА
МОСКВА 1928

MEMORANDUM FOR THE DIRECTOR
FROM THE SECRETARY
SUBJECT: [illegible]

RE: [illegible]

DATE: [illegible]

APPROVED: [illegible]
1938

МОСКОВСКИЙ ГУБЕРНСКИЙ СУД И КАБИНЕТ
ПО ИЗУЧЕНИЮ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА
И ПРЕСТУПНОСТИ ПРИ МОСЗДРАВОТДЕЛЕ

УБИЙСТВА И УБИЙЦЫ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

Е. К. КРАСНУШКИНА, Г. М. СЕГАЛА и Ц. М. ФЕЙНБЕРГ

ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСЗДРАВОТДЕЛА
МОСКВА — 1928

Отпечатано в 21 типог.
«Мосполиграф»
Москва, Ц., Варварка,
Елецкий, пер., 7.
Мосгублит 14762. Тираж 2000.
813

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
Краснушкин, Е. К.—К психологии и психопатологии убийства .	10
Меньшагин, В. Д.—Убийства	33
Аккерман, В. И.—Индивидуальные характеристики убийц	87
Внуков, В. А.—Женщины-убийцы	191
Маньковский, Б. С.—Детоубийство	249
Эдельштейн, А. О.—К психопатологии детоубийств	273
Бунеев, А. Н.—Душевно-больные убийцы	283
Шпирт, А. Ю.—Убийства «на дне»	315
Герцензон, А. А. и Лапшина, Н. С.—Убийство в РСФСР и за-границей	324
Арсеньев, Б. Я.—Убийства и судебная борьба с ними	362
Словарь специальных терминов	371

ЗАКАЗЫ НА ПЕЧАТЛЕНИЕ
И ПЕЧАТЛЕНИЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
Москва, Ленинский пр., 12, стр. 14
Редакция: 120000, Москва, 120000

Опечатки в оглавлении:

Напечатано:

7 строка сверху Ксихопаталогии.

1 „ снизу Словарь терминов.

Следует:

К психопаталогии.

Словарь терминов.

О Т Р Е Д А К Ц И И

Предлагаемый вниманию читателя сборник является шестым сборником трудов Московского Кабинета по изучению личности преступника и преступности, вышедших в свет за пятилетний период существования Кабинета.

Вместе с тем, сборник «Убийства и убийцы» является третьим тематическим сборником. Не случайно то, что вышедшие до сего времени тематические сборники вместе с настоящим посвящены изучению преступлений против личности или преступлений, непосредственно затрагивающих личность: «Хулиганство и поножовщина», «Правонарушения в области сексуальных отношений», и, наконец, «Убийства и убийцы». Такой заостренный интерес к преступлениям против личности вызывался не только тем, что с ними велась усиленная борьба, вследствие чего и суд, и советская общественность, и научные работники не могли не заинтересоваться проблемой этиологии и борьбы с преступлениями этого рода. Внимание работников Кабинета сосредоточилось на хулиганстве, половых преступлениях и убийстве еще и по следующей причине.

Преступления против личности при внимательном их изучении в условиях переходного времени обнаружили тенденции, несколько отличные от тенденций развития других преступлений, имущественных, например. В то время, как последние ныне характеризуются постепенно понижающимся по сравнению с предыдущими годами уровнем, преступления против личности в своем развитии оказались более устойчивыми, а по ряду отдельных преступлений и в отдельные периоды времени обнаружили некоторый рост.

Развитие имущественной преступности дает основание констатировать, что социальные мероприятия по борьбе с ними в основном правильны, что дальнейшее усиление и упрочение социали-

стической экономики может ускорить процесс сокращения имущественной преступности; основной проблемой борьбы с нею является проблема безработицы и аграрного перенаселения, с одной стороны, и проблема судебно-пенитенциарной борьбы с профессиональной преступностью, образовавшейся, как наследие прошлого и издержки пройденного пути, с другой стороны. В отношении же преступлений против личности должна быть отмечена несколько иная кон'юнктура.

Преступления против личности, в качестве наследия капиталистического прошлого, в качестве атрибутов нашей общей малокультурности и отсталости, в своей этиологии и в необходимых для борьбы с ними мероприятиях упираются в проблему культурной революции. Именно последняя способна пробить толщу старого быта, и ее осуществление изживет и общую нашу некультурность и даст возможность справиться с алкоголизмом, этим постоянным спутником преступности, и введет в нормальное русло так наз. проблему пола и проблему семьи, являющихся мощными побудителями как преступлений половых, так и убийств, и, в частности, детоубийств.

Интерес к проблеме убийств со стороны работников Кабинета вызывался, таким образом, не только специально-криминалогическими задачами, но он был обусловлен также и тем вниманием, которое все более усиливается ныне к проблеме культурной революции, поскольку осуществление последней требует всестороннего освещения различных областей нашего быта.

Убийство, как вид правонарушения, является одним из наиболее сложных и многогранных. Настоящий сборник содержит в себе результаты изучения почти исключительно случаев так называемого квалифицированного убийства, предусмотренного ст. 136 У. К. РСФСР и подсудного Губернскому Суду. Однако, и в этих пределах мы видим большое многообразие и в смысле движущих мотивов, и в смысле механизмов правонарушения, и в смысле его социальной опасности. Для того, чтобы подчеркнуть это многообразие, достаточно сравнить хотя бы два вида убийств, относимых нашим У. К. к квалифицированным: убийство с корыстной целью и детоубийство. Если первое характеризует правонарушителя, как весьма социально - опасную личность,

действовавшую по намеченному плану, преследовавшую цель обогащения и не останавливавшуюся для достижения этой цели перед физическим уничтожением стоящего на пути, то второе в большинстве случаев совершается женщиной, которая и сама является по существу потерпевшей и совершает преступление под давлением обстоятельств, преодоление которых выходит за пределы ее психических и интеллектуальных возможностей.

Между тем, практика Губернского суда далеко не исчерпывает всех видов убийства. За ее пределы выходят умышленное убийство без квалифицирующих моментов, убийство под влиянием сильного душевного волнения, убийство, совершенное с превышением пределов необходимой обороны.

Отсюда ясна необходимость весьма дифференцированного подхода к различным видам убийств. Приводимые ниже некоторые данные о судебной политике в отношении убийц показывают, как это дифференцирование осуществляется на практике:

Применение мер социальной защиты в отношении убийств в Москве и Московской губернии

Меры социальной защиты	Квалифиц. убийство	Простое убийство	Дето-убийство
Лишение свободы:			
от 5—10 лет	35,3	5,6	—
» 2— 5 лет	40,6	37,8	6,0
» 1— 2 г.	6,0	13,3	9,1
» 1/2— 1 г.	10,7	16,7	27,3
До 1/2 г.	—	12,2	—
Условно	6,0	12,2	57,6
Принуд. работы	0,7	2,2	—
Др. меры социальной защиты	0,7	—	—
Итого	100,0	100,0	100,0

Очерченные специфические особенности убийства, как вида правонарушения, определяют собой и задачи его изучения. При составлении настоящего сборника Московский Кабинет по изучению личности преступника и преступности поставил перед собой цель—показать квалифицированное убийство, как в социальном, так и в психопатологическом разрезе.

Общей обрисовке тенденций развития убийств как в СССР, так и в дореволюционной России, а равно и за границей посвящена работа А. А. Герцензона и Н. С. Лапшиной. Бурный рост убийств за границей, в особенности в Америке, имевший место в послевоенные годы и высокий их уровень даже в настоящее время—таков общий фон преступности за границей. Сопоставление кривой развития убийств в РСФСР и в дооктябрьской России говорит о том, что непрерывный рост убийств в царской России, имевший место в довоенное время, усилился во время войны и еще более возрос в период февральской революции. Дальнейшее развитие кривой убийств в РСФСР говорит о несомненном снижении, несмотря на то, что в отдельные моменты эта кривая развивалась волнообразно, а в последнее время даже несколько поднялась.

Внимательный анализ дореволюционных черт убийств, проведенный упомянутыми авторами, позволяет сделать выводы, с одной стороны подтверждающие известную устойчивость распределения убийств по основным «факторам», но с другой стороны и указывающие на некоторые сдвиги, например, изменения в половом составе, изменения в социальном составе убийц и другие.

Анализу квалифицированных форм убийств уже не только на основании данных общей статистики, а на основе изучения дел и приговоров Московского Губернского Суда посвящена работа В. Д. Меньшагина.

Анализируя движение убийств по годам и кварталам, по городу и по деревне, по РСФСР и по Москве, автор рассматривает социально-бытовой облик убийцы, дает характеристику отдельным группам убийств по мотивам и формам их совершения, а также вскрывает и «факторы» убийств. Алкоголизм, ненормальные условия семейного быта, общая культурная отсталость, столкновения старого и нового быта, социально-психологические последствия войн и т. д.,— таковы условия, в которых развивались убийства, таковы «факторы», отмечаемые автором.

Изучение убийств, изучение судебной политики в отношении их приводит к выделению особой группы—детоубийств. Этой проблеме посвящена работа Б. С. Маньковского. Рассматривая динамику и об'ем детоубийства, распределение детоубийств в городе и деревне, выясняя попутно соотношение

детоубийства и аборта, Б. С. Маньковский устанавливает отличный от квалифицированного убийцы социально-бытовой облик детоубийцы. Преобладание среди детоубийц женщин в возрасте до 20—25 лет, малограмотных, в громадном большинстве крестьянок или вышедших из крестьянства, незамужних—все это говорит за то, что к проблеме детоубийства внимание советской общественности должно быть обращено в большой степени.

Анализируя далее мотивы к совершению детоубийства, установленные судом, автор приводит ряд описаний детоубийств, совершаемых в различной социально-бытовой обстановке. Переходя к методам борьбы с детоубийством, автор обращает внимание на необходимость усиления мероприятий отделов охраны материнства и младенчества и дифференцированного подхода суда к матери-детоубийце и ставит вопрос о юридической квалификации поведения фактических отцов убитых детей,—вопрос, ныне в значительной степени уже разрешенный Верховным Судом РСФСР.

Если статьи приведенных выше авторов посвящены исследованию криминальной динамики, выявлению общих законов развития убийств, социальных причин последних, то ряд других статей рассматривают личность убийцы, характер ее криминальных и не криминальных реакций,—словом всего того, что можно обозначить индивидуальной криминальной констелляцией. Социологическое исследование убийства ставит ряд вопросов, которые статистика решить не может, которые она намечает лишь в общих чертах. Различная мотивация убийств, различный тип самого убийства, различная социально-бытовая физиономия убийц—все это требует внимательного отношения к личности правонарушителя.

Работа В. И. Аккермана именно и подходит к изучению убийства с индивидуально-характерологической точки зрения. Приводя большое число подробно изученных случаев убийства, с тщательно составленными историями жизни, социально-бытовыми обследованиями, автор анализирует и социальные, и биологические корни в поведении личности, выявляет те пути, по которым развивалась эта личность, и по которым она пришла к своей криминальной реакции. Благодаря всестороннему анализу

материала, автор не впадает в «биологизм», но, наоборот, своими индивидуальными характеристиками дает именно то, что не может, повторяем, дать статистика—живую личность в ее индивидуальном социально-бытовом и биологическом разрезе.

Женщинам-убийцам посвящена работа В. А. Внукова, основанная на изучении 67 случаев.

Здесь привлекает внимание известное своеобразие в самом тяжком акте нарушения жизненных прав другой личности. Несмотря на коренную ломку быта, на оформление новых ростков его, остатки старого, процесс уничтожения сорных трав прошлого, естественно, создают именно для женщины, которая крепче, нежели мужчина, связана с интимной человеческой ячейкой—семьей—ряд специфических условий, как то: известную узость интересов, напряженность и более ярко выраженную аффективность в переживаниях семейного, личного ряда, наибольшую ранимость именно в этой части и т. д. Это своеобразие обстановки, которая, в конечном итоге, уходит в экономические корни современного общества, создает и особую биологическую приспособляемость женщины к новой обстановке. Процесс такого приспособления зачастую бывает мучительным, противоречия его иногда заставляют женщину свернуть на путь криминального поведения.

Этим и обусловливается выделение женщин-убийц в особую группу.

Приводя значительное число подробно изученных случаев, располагая их на группы в зависимости от характера протяженности криминальной реакции, т. е. от охвата этой реакцией того или иного круга людей, обращая внимание в частности на детоубийство, В. А. Внуков в заключении дает ряд выводов и биопсихологического, и социологического порядка.

Предыдущие работы основывались на материале о душевно-здоровых, вменяемых убийцах. Однако среди последних известный % падает и на душевно-больных убийц, социальная опасность которых, естественно, не меньшая, если не большая. Вместе с тем, материал о них представляет большой научный био-психологический интерес. Душевно-больным убийцам посвящена работа А. Н. Бунеева.

Так как детоубийству в настоящее время уделяется значительное внимание, а вопрос о медико-психологической экспертизе детоубийц освещен далеко не полно, а сама она применяется в крайне редких случаях, то в целях освещения этого вопроса в сборник включен обзор А. О. Эдельштейна, трактующий о психопатологии детоубийцы.

Наконец, работа А. Ю. Шпирта касается специфических убийств, совершаемых преступниками-профессионалами, производящими жестокую расправу над «изменившими» преступному миру. Статья имеет криминалистический уклон, давая вместе с тем и материал для суждения об особой морали, особом быте преступного мира.

Если статьи социологического характера трактуют о криминальной динамике в свете социальной динамики, а статьи био-психологического характера освещают индивидуальную криминальную и био-социальную динамику личности, то работа Е. К. Краснушкина, обобщая и об'единяя те и другие является в то же самое время социально-психологическим об'яснением убийства.

Автор развивает мысль о многоэтажном строении психики и расширяет ее до понимания многоэтажного (в историко-социологическом смысле) строения личности в обществе и на основе этого строит различные группы убийц. В соотношении с той или иной группой убийц находится и социальная проекция этого убийцы. В этом последнем Е. К. Краснушкин различает деревенского и городского убийцу. Таким образом, автор связывает те или иные биологические различия с социальной сущностью личности и уже отсюда приходит к ряду практических выводов, как судебного, так и медицинского и социального характера.

Статьей Б. Я. Арсеньева о ближайших задачах судебной политики в области борьбы с убийствами заканчивается настоящий сборник. Эта статья является как бы связующим звеном между судебной практикой и тем опытом построения социального прогноза в отношении отдельных групп правонарушителей, который дается в ряде статей настоящего сборника.

К ПСИХОЛОГИИ И ПСИХОПАТОЛОГИИ УБИЙСТВА

Может быть, ни одно из повседневных общеуголовных преступлений так не привлекает внимание криминалистов, психологов, психиатров, судебных работников и публики и вместе с тем так не отталкивает, не вызывает такой жути и ужаса, как убийство. Да это и понятно. Оно переступает самые высшие социальные устремления человечества к мирному и безопасному сожительству. Оно приносит смерть, с которой, несмотря на всю ее повседневность, не мирится и которую потому не может понять обыденное сознание человека. Недаром, смерть во все времена служила источником всяких суеверий, основным источником для разных религиозных мирозерцаний и связанных с последними религиозных чувств и культа. Трудно и проникнуть в истинные мотивы убийства, ибо обычно оно не имеет прямых свидетелей, ибо эти свидетели, или чаще этот свидетель, бывает убит. Да и сами мотивы часто оказываются чуждыми, недоступными «вчувствованию» не только для неспециалиста, для публики, но подчас и для ученого. Отсюда убийца, как ни один представитель любого другого вида преступности, невольно склоняет мысль к ломброзианскому восприятию его, как выродка человеческого рода. Этому способствует и то, что для изучения и описания избираются исключительные, нередко действительно чудовищные, типы убийц или просто душевно-больные убийцы. Скрытость от человеческого взора мотивов действия убийцы и недоступность для «вчувствования» в это действие чаще, чем при других видах правонарушений, наводит и судью, и следователя на мысль о душевной болезни и заставляет их прибегать к психиатру.

А, между тем, убийство так же, как смерть, повседневно, обыденно. Обыденным и средним человеком оказывается сплошь и рядом при близком знакомстве и сам исполнитель его и, как это ни странно звучит, воспринятый как цельная личность, далеко не всегда и антисоциальным. Это станет понятным, если обратимся к корням этой формы человеческого поведения. И тут натолкнемся на новый парадокс. Пока человеческий индивидуум

вел образ жизни изолированной одиночной особи, он не совершал убийства, и первые социальные группировки привели его к убийству. Марк Косвен¹ утверждает, что у первобытного человека, пока он вел изолированное существование, пока между отдельными человеческими группами не появилась экономическая конкуренция, преобладала пассивная сторона инстинкта защиты. Многие из современных дикарей, живущих одиночками, вовсе не воинственны. «а, наоборот, в высшей степени пугливы, пассивны, избегают опасности и уклоняются от борьбы». «С тех пор, как человечество», говорит Косвен, «выходит из состояния изолированного существования разрозненных групп на обширную арену разносторонней борьбы этих групп между собой, первобытный инстинкт защиты теряет свой исключительно эвазивный (убегательный) характер, все более нарастая в сторону целесообразной активности». Развивается агрессивная, наступательная форма защитной реакции на ущерб, полученный человеком от человека, реакция мести, и при этом кровавой родовой мести. За убийство—убийство убийцы или вообще одного из группы, к которой принадлежал убийца. Убийство у некоторых диких племен настолько распространено, что многие дикие, как, напр., австралийцы, и естественную смерть не мыслят себе иначе, как убийство при помощи волшебства со стороны врага и, раскрыв гаданьем колдуна, начинают ему мстить. Но месть слепа и отсюда часто разгорается настоящая кровавая битва между двумя племенами. Однако, и тут ведется своеобразный счет: нередко война не кончается до тех пор, пока не будет положено равное количество бойцов с обеих сражающихся сторон. Убийство становится доказательством мужества. Так сиусскому индейцу не разрешается иметь перья в головном уборе, пока он не убил, а молодой даяк с Борнео или нагасский воин в Ассаме, не могут получить жены, пока не прольют крови врага. Словом, пролитой кровью приобретаются у первобытных права гражданства. А убивают по самым незначительным и самым разнообразным поводам, связанным с нанесением ущерба: убивают за кражу, за угон скота, за похищение жены, за порубку леса и т. д.

Но у многих диких племен убивают и лиц, наносящих пассивно, просто одним своим наличием в группе, материальный ущерб группе,—лиц, составляющих для группы балласт: детей, особенно первенцев и, далее, больных, слабых и стариков. Это последнее особенно практикуется у кочевников, ибо все слабые люди группы затрудняют поход. Так, дикие бразилианцы ударом палицы кончают с слабыми и стариками и даже с'едают их. Это отношение к слабым, больным и старикам, а также и

¹ Марк Косвен. Преступление и наказание в догосударственном обществе. ГИЗ 1925.

вообще, кровавая расправа за нанесенный ущерб имели место в давние времена, повидимому, и в Европе. «В Швеции, в церквах», рассказывает Тэйлор¹, «хранились особые неуклюжие палицы, называвшиеся «семейными»—иные сохранились и до нашего времени,—которыми в старинные времена родственники торжественно убивали престарелых и безнадежно больных людей». А в Англии только в XV веке кончились так называемые «частные войны», когда потерпевший ущерб имел право отмщать за себя, если он не соглашался на материальную компенсацию. Сказанного, мне думается, достаточно, чтобы согласиться с Тэйлором, что «племя установило свой закон не на основании отвлеченного принципа, что убийство человека хорошо или дурно, но ради своего сохранения». Таким образом, убийство, эта первобытная агрессивно-защитная реакция, сопутствовало первой ступени развития социальной жизни человека и явилось, по утверждению Тэйлора, Ферри², Косвена и др., первоосновой, зачатком права.

В процессе развития и усложнения экономических отношений становится социально невыгодным убийство члена группы, ущерб начинает возмещаться экономически. Но первобытная форма наступательно-защитной реакции переживает эти новые формы социально-экономических отношений. Тут, мне думается, справедливы слова Гольцендорфа³ о родовой кровной мести, утверждающего, что «период, требующийся для изживания народной душой кровной мести, по своей длительности может быть сравнен с изменениями, имеющими место в геологических эпохах». И, правда, мы знаем, что и до сих пор в некоторых культурных странах живет и процветает кровная месть. Такова корсиканская «Вендетта». А не являются ли такой же первобытной наступательно-защитной реакцией и войны уже в историческую эпоху жизни человечества? И не прав ли до известной степени Тэйлор, говоря, что «хотя закон и занял столь благотворно место частной мести, не вполне еще подчинил себе более крупные ссоры—именно, ссоры между государствами» и что «государства продолжают решать свои споры войною, которая тогда становится тем же—только в больших размерах—чем бывала кровавая распря между кланами?» Не является ли война, это массовое истребление людей, первобытной формой расчета экономических конфликтов? Конечно, война капиталистического периода развития государства представляет собой иное, более сложное явление, и, однако, не снижает ли и современная война до первобытного состояния психику ее отдельных участников,

¹ Тэйлор. Антропология.

² Enrico Ferri. L'omicida, 1925.

³ Holtzendorf Fr. Die Psychologie des Mordes, 1875.

разрушая хрупкие культурные слои их психики и приводя тем самым их к одичанию? И не понятно ли, что этот психологический фактор одичания, рядом с экономическим разорением воевавших стран, приводит к росту отдельных убийств? (см. раб. Герцензона и Лапшиной). И, наконец, не является ли каждое отдельное убийство в мирной обстановке также первобытной формой наступательно-защитной реакции человека? Мне думается, что на все это следует ответить утвердительно.

Каждая человеческая личность построена многослойно. Самый нижний этаж ее составляет вековой опыт всего человеческого рода, как вида. Этот вековой опыт человечества заложен в каждом человеке в форме первобытных, готовых от рождения биологических основных влечений и инстинктов. Среди них мы найдем и защитный, на первых социальных ступенях развития человечества получивший форму наступательной, агрессивной реакции. Этот биологический видовой слой личности прикрыт огромными наслоениями прошлого исторического социального развития человечества, получаемого каждым индивидуумом в порядке социальной наследственности. Это—этаж нередко вековых традиций, привычек, некоторых социальных установок, обычаев, суеверий, примет и т. д., прививаемых каждому человеку незаметно из поколения в поколение окружающей его средой. Этот этаж часто крепко спаян с нижним биологическим и нередко действует настолько слитно и совместно с ним, что границы между ними трудно проводимы, и, таким образом, в своих нижних слоях вместе с видовым биологическим опытом личности он образует слой архаических механизмов поведения человека. Верхний этаж, наиболее хрупкая часть всей постройки, представляет собой наслоения личного опыта, личного развития, отвечающего современности, отвечающего условиям той исторической эпохи и тех социальных слоев, в которых вырастает человек. Это—этаж разумных действий, этаж социальной морали современного индивидууму общества, к которому он принадлежит. Наконец, вся эта многоэтажная постройка человеческой личности покоится на биологическом фундаменте целостного организма, своими соками, своим химизмом определяющего общий тон, общую окраску всех процессов, протекающих по всем этажам. Это то, что мы называем темпераментом человека. Но многослойность человеческой личности является отражением многослойности окружающего его общества. Общество так же многослойно: в нем можно найти группы, в силу экономических и социальных условий отражающие в разной степени разные исторические пласты. На огромном пространстве нашего Союза мы можем встретить отдельные национальные группы, еще достаточно ярко сохраняющие в себе черты первобытного кочевника, или группы, все еще практикующие первобытный увоз невесты,

кровную месть и т. д. Но существуют обычаи и традиции, распространенные в широкой массе современного общества, которые являются рудиментами, остатками очень далекого и к разным историческим эпохам относящегося быта. Обычаи и традиции—это память народа. И как память отдельного человека нередко в отдельных воспоминаниях восходит до очень раннего детства, так и народная память нередко хранит в себе не только свое историческое прошлое, но и отдельные моменты из эпохи своего далекого еще доисторического бытия.

В свете этого исторически многослойного построения общества и преломляющей в себе эту многослойность и потому также многослойной индивидуальности понятно преобладающее участие в убийствах некоторых человеческих групп и некоторых отдельных личностей.

Там, куда труднее всего проникает культура, в той группе, которая наиболее искалечена вековым крепостничеством, в той группе, где в силу вековой нищеты и тяжелой материальной и духовной зависимости от произвола хозяина-помещика ценность жизни была всегда настолько низка, что в отношении к смерти образовалась полная фатализма примиренность, там, где смерть близкого человека привыкли встречать нередко, как освобождение от лишнего тягостного в силу материальных недостатков рта,—словом, в крестьянской среде, все еще не изжившей старый родовой быт, чаще и убийства (см. раб. Меньшагина). Но мало того. И мотивы его там проще, первобытнее, понятнее: там все еще нередкость убийства из мести, там все еще господствуют убийства в драке, иногда возникающие в традиционных кулачных боях враждующих деревень, в этих рудиментах «частных войн», в этих рудиментах первобытных битв враждующих племен. Явные и понятны с точки зрения примитивных материальных отношений и господствующего отношения к ценности жизни в деревне и всего примитивного быта встречающиеся только там убийства на почве раздела имущества. И, наконец, не являют ли собою убийства в деревенских самосудах образчик осуществления первобытного права? Словом, в деревне действуют нижние этажи личности в своей первобытной данности.

Что это так, за это говорят не только указанные уже преобладающие в деревне убийства в драках или убийства в самосудах, но, может быть, с особенной убедительностью сугубо деревенские убийства (90%)—детоубийства, носящие печать биологически первобытного акта самозащиты. Детоубийцы—в подавляющем большинстве случаев (66,9%—крестьянки, а в городе 65,5—домашние прислуги, также из крестьянок,—см. Маньковский)—деревенские девушки, соблазненные и впервые беременеющие, сплошь и рядом наемные работницы. Первые роды, совершающиеся не только без медицинской помощи, но и вообще

без какой-либо помощи, втайне, без человеческого участия, потрясают их, как новое для них биологическое переживание, оказывают родовыми болями и кровотечением чисто физическое истощающее действие на нервную систему и, наконец, ставят их появлением на свет близкого живого существа перед лицом тяжелой и экономически, и психологически жизненной ситуации, разрешение которой им вообще не по силам. Все это сплетение биологических и социальных воздействий на первородящую деревенскую девушку, по справедливому впервые высказанному Ашаффенбургом¹ и вполне подтверждающемуся в работе Внукова положению, ввергает ее в состояние психической растерянности, истощающее объясняющее поведение ее при совершении убийства новорожденного ребенка. А в состояниях растерянности, как мы знаем из ежедневного опыта, действуют не рассудочно, а по велению слепых инстинктов. Так, по меткому примеру Ашаффенбурга, растерявшийся во время пожара человек бросается обратно в огонь, вместо того, чтобы бежать из него, хватает, спасая, первые попавшиеся под руки часто совершенно ненужные вещи и т. п. И не свидетельствует ли эта форма убийства, убийства своего ребенка, плоти от плоти, о первобытной форме самозащиты, об аутономии, отсечении больной или равно здоровой части тела в целях спасения самого себя, о той форме защиты, о которой говорит проф. Ленц², что она практикуется не только людьми, но и животными, когда животное оставляет отсеченную им самим часть тела наступающему врагу, или когда человек, спасаясь от ужасов на фронте, калечит себя? И не является ли такое самозащитное уничтожение части своей физической личности, по утверждению проф. Ленца, одной из ступеней к самоубийству, уничтожению всей физической личности, обращение наступательно-защитной реакции при безвыходном положении на самого себя? Не является ли детоубийство уничтожением части своей «выношенной под сердцем» плоти этих девушек, частичным незаконченным самоубийством людей, попавших в тяжелое физическое и тяжелое же социально обусловленное, психологическое положение? Если это так, то тогда справедливо название Внуковым этой формы убийства ложным убийством или псевдоубийством и справедливо отношение к этим деревенским девушкам убийцам нашего суда, чутко улавливающего, может быть, все сказанное и выносящего по этим делам мягкие приговора.

Город дает меньшее количество убийств, но более непонятных, более жутких, более отталкивающих и иных по своим мо-

¹ Aschaffenburg. Mord und Totschlag in der Gesetzgebung—Monatschrift f. Kriminalpsychologie, 11/12 Н. 1913.

² Ленц А. К. Биологический анализ самоизувечений и самоубийств. Доклад на I Всесоюзн. съезде невропатологов и психиатров 23/XII—1927 г.

тивам. Да это и понятно. Город—сложная человеческая среда. В нем происходит сложный процесс окультуривания, или, как мы, психиатры, выражаемся, процесс доместикации человека. И рядом с полезным социализирующим действием эта доместикация в городе, особенно в капиталистическом городе, влечет за собой ломку личности, наносит ей психические раны, травмирует слабейших и, наконец, всеми больными сторонами городской жизни, всем комплексом социальных болезней, сифилисом, алкоголизмом, туберкулезом, рядом профессиональных вредностей, подчас уродует личность, накладывая свою тяжкую руку на целые поколения. Отсюда в городе большее количество психопатий, и чисто городской болезнью являются неврозы. Лучшим образчиком этого патогенного (болезнетворного) действия городской доместикации является половая проблема, все еще неразрешенная и порождающая бесконечные конфликты, приводящие то к психопатии, то к неврозу, а то и к тяжелым реакциям, к самоубийству и убийству. А между тем, именно половая проблема среди биосоциальных проблем занимает в городе одно из центральных мест. Вот почему в городе преобладают убийства на почве половых отношений, в которых участвуют не только мужчины, но в сравнительно значительном числе представлены и женщины. Если в деревне половые отношения решаются примитивно просто, если там биологическая основа половой жизни, половой инстинкт, сохраняется в довольно чистом, неизменном виде, то город, как я уже высказывался в другом месте по этому вопросу¹, всем своим социальным строем на протяжении веков вел единый половой инстинкт к расколу, на раздельно действующие влечения, влечение к размножению, к продолжению своего рода и влечение к удовлетворению своего полового желания, к получению сексуального наслаждения. А раскол этот обозначает: единобрачная семья для продолжения рода и упрочнения хозяйства, а половое наслаждение удовлетворяется более старыми, предшествовавшими единобрачию, многобрачными путями, или: семья—это индивидуальное хозяйство и дети, а любовные радости—в кратковременных непрочных связях. Такой раскол полового инстинкта порождает не только конфликты в самой личности, приводя ее в конечном счете в силу именно социально-экономических причин к уродливым формам удовлетворения полового влечения и к различным неврозам, но и конфликты этой личности с окружающими, выливающиеся иногда в тяжкую реакцию в форме убийства лица, вовлеченного в этот конфликт. Отколотые от общего полового инстинкта и получившие известную самостоятельность действия—влечение к размножению и

¹ См. сборник нашего Кабинета: „Правонарушения в области сексуальных отношений“.

влечение к сексуальному наслаждению образуют сплавы с другими тенденциями личности, обычно также находящимися в нижних этажах ее, и овладевают поведением личности. Так, влечение к половому наслаждению на психопатически уродливой основе личности и в силу соответствующих жизненных переживаний крепко спаивается с агрессивными тенденциями личности, и тогда половое удовлетворение наступает только при причинении боли партнеру, при садистических актах, а при возрастании силы агрессивных тенденций, проистекающих из защитного инстинкта, конечным устремлением которого в его наступательной форме является полное уничтожение объекта этого наступления, перерождается в склонность к садистическому или сладострастному убийству. Европейская психопатологическая литература дает много образцов таких сладострастных убийц. В 1924 году нашумел по всей Европе процесс о таком сладострастном убийце Фрице Хаармане. Он был не только садистом, но и гомосексуалом и получал половое удовлетворение, перегрызая горло (а, может быть, и помогая удушению руками) молодым людям, которых заманивал к себе на квартиру. Повидимому, садистическое наслаждение он получал и после убийства жертв, выкалывая им глаза и скальпируя черепа. Количество жертв его точно не установлено, но на процессе шла речь о 27 доказанных убийствах, произведенных им за сравнительно короткий срок. По его собственным словам, он совершал эти убийства в состоянии какого-то «сладострастного опьянения», иными словами действовал под давлением охватывающих его слепых влечений, обычно затуманивающих сознание.

Хаарман—конечно глубоко психопатическая личность. Понятно, что такие случаи редкость, и не из них строятся ряды городских убийц на почве половых отношений; чаще всего это—жертвы самых обыденных ежедневных страстей, имеющих место почти постоянно при всяких сексуальных отношениях двух полов. Но и к действиям этих обыденных людей, действиям, разыгрывающимся на почве повседневных людских отношений, может быть, нередко примешивается садистический оттенок. Сплав влечения к удовлетворению полового желания с агрессивными, наступательными тенденциями личности не случаен, ибо во всем животном царстве овладение самкой, а у человека овладение женщиной, связано с известной конкуренцией, с борьбой за нее. А с другой стороны, и влечение к продолжению рода в силу первобытных экономических отношений также сплавляется с наступательно-защитными тенденциями личности: семья это—первобытная хозяйственная ячейка, которая обеспечивает экономическое благополучие мужа, как главы ее, и всех членов ее, и потому целостность ее всячески охраняется от разрушительных покушений других. И женщина рассматривается в семье двойко:

как производительница и как хозяйственная рабочая единица. О такой двойной оценке женщины говорит у некоторых племен удвоение цены ее по сравнению с мужчиной в период укрепления хозяйственно-родового строя, когда нанесение ущерба в хозяйстве оплачивается материальной компенсацией, а не убийством нанесшего ущерб. Так например, «у негров багирама, говорит Косвен: за убийство мужчины уплачивается одна женщина, а за убийство женщины—две женщины; у негров нгумба рабыня стоит вдвое дороже раба».

Что эти сплавы отдельных влечений полового инстинкта с наступательно-защитными влечениями человека, имеющие уже многовековую историю своего образования, действуют и сейчас во всякого рода так называемых любовных и семейных конфликтах людей, я думаю, нет надобности доказывать. Не отсюда ли, не из этих ли сплавов, возникает ревность, охраняющая семейно-хозяйственную ячейку и там, где в сущности то, что называют любовью, отсутствует? И не отсюда ли и другой вид ревности, как выражения конкуренции из-за объекта полового наслаждения, или любовного влечения? И не понятно ли в свете такого толкования половой проблемы в городе, что ревностные убийства особенно часты именно в городе? Эти сплавы влечений и тенденций действуют в личности, как слепые первобытные силы. У одних они, в случае какого бы то ни было сексуального конфликта, ворвавшись из нижних, биологического и архаического социального, этажей личности в верхний современный этаж социальной морали, захватывают его, и по физиологическому закону доминанты, открытому Ухтомским,¹ и действующему во всех отделах нервной системы, образуют «главенствующие фокусы» нервной деятельности, или, по терминологии немецкого психиатра Верника,² для высшей нервно-психической деятельности сверхценные образования, стягивающие к себе нервную энергию всей личности, всю аффективную силу ее. Эти доминантные или сверхценные образования на длительное время становятся центрами всей сознательной жизни личности, всех его мыслей и чувств, они превращаются в то, что мы на обыденном языке называем страстью. В конечном счете эти сверхценные образования приводят ослепленную ими, находящуюся в безраздельной власти их личность к аффективно-агрессивному разряду, к убийству лиц, являющихся причиной конфликта. Именно такими путями нередко зарождается и действует, как страсть, ревность на почве реальных действительных измен, такими путями изживается оскорбление семейной или сексуальной чести, такими

¹ Ухтомский. Принцип доминанты. Новое в рефлексологии и физиологии нервной системы. 1925 г.

² Wernicke. Grúndriss der Psychiatric.

путями мощных страстей охраняется право на завоеванный объект любви, такими путями охраняется неприкосновенность семейного очага. Так действуют и мужчина, и женщина.

В 1925 году в Криминологической Клинике под наблюдением находился 38-летний мужчина, очень тяжеловесного аффективного склада, привязанный к вещам, по собственной характеристике «хороший семьянин», страдавший только одним пороком — страстью к картежной игре. По служебному положению к моменту преступления он был начальником волостной милиции в Крыму. Он в течении двух лет горел ненавистью, ревностью и жадой отмщения к человеку, который в 1923 году отнял у него не столько любимую жену, сколько женщину, с которой были связаны и получили свое осуществление его семейно-хозяйственные тенденции. Через год после семейной катастрофы он писал своему сопернику, «что один из них должен сойти с дороги». Он был настолько охвачен страстью, сверхценным желанием мести, что боялся оставаться в одном городе (в Москве) с своим врагом, он избегал его видеть и ни разу не видел, боясь, что не удержится от агрессивных действий, и в буквальном слова бежал из Москвы, спасаясь от самого себя. «Зная, что я активист и вооружен, я бежал от самого себя в Крым, от неизбежной тюрьмы» — вот его собственная формулировка состояния, в котором он находился эти два года. Но сверхценная жажда мести победила его, и он, получив командировку из Крыма в Москву, убил соперника на пороге своей бывшей, а теперь принадлежавшей последнему, квартиры и на глазах жены.

Замечательно, что эти сверхценные образования или доминанты мозговой деятельности, зажженные обычно каким-нибудь неожиданным новым, аффективно поражающим, приятным или неприятным, переживанием, могут нести вместе с тем службу в осуществлении самых высших устремлений человека. Ими бывает часто охвачен ученый, озаренный новой идеей и идущий, настойчиво преодолевая все препятствия, к открытию, ими охвачен и страстный политический деятель, борющийся неутомимо за осуществление своих идеалов. Тут они являются продуктом высших социальных влечений человека, так как хорошо развитой, достаточно мощный верхний этаж психики, несущий в себе современные ему лучшие социальные устремления, запрещает врываться к себе низшим первобытным влечениям нижних этажей. Он стыдится их. Ему стыдно ревности, стыдно пошлой конкуренции в любовных отношениях, ему вообще не до любви, ибо жизнь, социальная жизнь, требует от него другого. И тогда эти переживания, порожденные первобытными влечениями, опускаются и откладываются вглубь личности. Но, скопясь там и оставаясь неизжитыми в глубине личности, они таят в себе новую опасность для нее. Стоит ослабеть этому высшему этажу личности, этажу

социальной морали, вследствие внешнего стечения обстоятельств или вследствие мозгового заболевания, или просто утомления, или выпитого вина, а то и вследствие всех этих вместе действующих внутренних и внешних факторов психической слабости, как эти вытесненные из сознания комплексы низших переживаний взорвут личность и, прорвавшись наружу и действуя, как самостоятельные, независимые от сознательной личности образования, приведут неожиданно и внезапно, при незначительных поводах, к тяжкому мимовольному действию, к убийству. Образованию таких особенно активных и потому опасных для внезапного крушения личности аффективных комплексов содействует чувство собственной недостаточности, порожденное каким-либо действительно существующим дефектом личности или условиям и воспитания, и всего социального окружения ее. Это чувство, роль которого по большей части очень смутно воспринимается самой личностью, и которое во всяком случае, как больной комплекс, вытесняется из сознания, препятствует достижению сексуальной или общих жизненных целей. Отсюда—травмирование этих людей жизнью и, как компенсация его, психологическое развитие по путям, согласно терминологии Бьерре¹⁾, мнимой жизни (Scheinleben), заменяющей реальный мир. В этом мнимом мире личность занимает большее место, чем в реальном, и соответственно с этим поведение такого человека старается как бы доказать другим свою мнимо прочную и высокую позицию в жизни. Это—Адлеровские механизмы сверхкомпенсации, называемые так по автору их, венскому психиатру Адлеру. Неясность, неосознанность комплекса недостаточности для самой личности, как двигателя поведения, излишне демонстрирующего господство, мнимую победу такой личности над окружающим, придает причудливый характер многим поступкам такой личности, и особенно ее правонарушениям. Вот образчик такого на первый взгляд непонятного для не специалиста случая убийства.

В 1924 году летом имело место такое странное, необъяснимое простыми, понятными мотивами, убийство. Молодой, очень красивой наружности 19 летний студент Б., не будучи пьяным, хотя и выпил вина и даже понюхал эфир, и не теряя ни на минуту сознания, на вечеринке молодежи, учеников и учении кинематографической студии, на вечеринке, где проводили время весело и легко, где не только пили, декламировали стихи, танцевали фокстрот, но и, повидимому, вели себя довольно свободно в сексуальном отношении, совершенно внезапно убил из револьвера такого же молодого, такого же красивого, имевшего в этот вечер особый успех, своего школьного товарища, с которым он в прошлом был связан, правда, и дружбой, и конкуренцией.

¹⁾ Andreas Bjierre, Zur Psychologie des Mordes, 1925.

Убийство тем более поражало, что никакой ссоры на вечере между молодыми людьми не было и все произошло исключительно внезапно и для самого убийцы. У рояля его товарищ бросил ему несколько небрежным тоном замечание, чтоб он курил в другом месте. На это Б. вспыхнул и через некоторое время предложил «показать фокус», потушивши электричество. Когда все согласились, и электричество было потушено, Б., прижав к голове своего товарища дуло револьвера, убил его наповал, в темноте поспешно вышел из квартиры и тут же ночью, заехав домой и попрощавшись с отцом, сам явился к властям для ареста.

Что же за человек Б.? С 9 летнего возраста ему тяжело живется, хотя материально он всегда был обеспечен своим отцом, врачом по профессии. Но отец разошелся с женой, с матерью Б., и уехал в 1914 г. на войну, а сына устроил у тетки. В семье тетки самолюбию мальчика наносятся постоянно раны: его явно не любят, за всякую шалость, совершенную даже не им, а его двоюродными братьями, наказывают его, он — настоящий «козел отпущения», ему запрещается называть тетку этим родственным обращением и, наконец, его выселяют из детской в комнату к няньке. Словом, он — в этой семье угнетаемый. С окончанием империалистической войны, отец возвращается в Москву и берет сына к себе. Но и тут оказывается не легче. Отец женится вторично, и мачеха, оказавшаяся человеком спесивого и тяжелого нрава, плохо относится к Б., постоянно подчеркивает ему, что он чуть ли не из милости живет в доме. Таким образом, закладывается в психику Б. переживание униженности положения, чувство ущемленности, и это в детские годы его, когда каждый ребенок еще слабый и физически и психически для самостоятельной жизни естественно нуждается в опоре, поддержке старших. Все это вместе взятое организует в Б. чувство неуверенности в себе, недоверия к своим силам, смутное чувство собственной недостаточности, окончательно упрочивающееся в нем с моментом полового созревания, ибо последнее наносит ему последнюю рану: он оказывается холодным в отношении нормальных половых сношений, он не такой, как другие, он и тут недостаточен, он делается гомосексуалом. Таким образом он обижен и людьми и природой. Но это изгоняется из ясного сознания, как тяжелое переживание, препятствующее стремлению личности быть хозяином жизни, а сознание охватывается стремлением вознаградить себя за все обиды, стремлением к компенсации, которая в большинстве таких случаев не знает меры и приводит к сверхкомпенсации. Отсюда начинается его хулиганское поведение, внешне утверждающее его мнимую власть, мнимую победу над окружающим миром. Он организует хулиганское «братство Кегукан», так названное

по имени кота убитого им впоследствии товарища. В школе под его водительством совершаются разрушительные набеги на физический кабинет, ломают дисциплину в классе дерзкими выходками, а дальше разрушают ради разрушения под Москвой пустующие дачи. ночью бросают на огонек в окно камешки, завернутые в бумагу с насмешливой надписью «спи мирно гражданин», бросают под ноги женщинам шутихи и т. п. Лозунг братства: «все испытать» и «все позволено». А жизнь, настоящая жизнь, остается незавоеванной. В отношении высшей школы—невыдержанная линия, переход от одной специальности к другой, недостаточные успехи, общественная жизнь тоже не увлекает, мало затрагивает Б.; нет, наконец, и успеха в той среде эстетствующей молодежи, к которой больше всего влечет его, нет успеха, несмотря на физическую красоту и некоторую поэтическую одаренность. Таким образом, это поведение, преследующее цели компенсации, только крепче затягивает вокруг личности Б. петлю чувства собственной недостаточности в жизни и делает его все более ранимым и чувствительным в отношении самых обычных раздражителей окружающей среды. И вот ничтожное замечание товарища о папиросе, но брошенное пренебрежительным тоном, замечание товарища, конкурирующего с ним и внешнестью и успехом в окружающем их обществе, достаточно, чтобы взорвать равновесие Б., нестойкое в направлении больного комплекса собственной недостаточности, комплекса обиды на жизнь и людей, и привести к внезапному агрессивному действию, венчающему всю цепь хулиганских поступков предшествующей жизни таким же хулиганским убийством. Что двигателем этого неожиданного убийства явилось у Б. его чувство недостаточности в жизни, связанные с ним стремление сверхкомпенсации себя и чрезвычайная чувствительность Б. и вырастающая на этом конкуренция с успевающим в жизни товарищем, об этом говорят его стихи, посвященные совершенному убийству и толкование их им самим. Обращаясь к убитому он говорит:

«Тысячеруким титаном
Ты вышел в путь,
Сверкая талантом
Мировым прогремел бы именем»...

А про себя в толковании к стихам он пишет:

«Кривыми переулочками город изуродовал мою душу;
Она вся в изгибах темных»...

Словом, тот—баловень в жизни, а он, Б.,—пасынок ее.

Как сам комплекс недостаточности Б. представляет сложное смутно сознаваемое образование, нажитое всем психическим и физическим развитием его, обусловленным социальными усло-

виями его жизни, так и мотивы убийства сложны: тут и конкуренция за победу над жизнью, тут и сексуальная зависть полового уroda успевающему и в этой области товарищу. Но и то и другое не в ясном сознании, а в «темных изгибах», в нижних слоях действующей личности.

Этот внезапный взрыв из глубины личности вытесненного из сознания аффективного переживания, или как мы, психиатры, говорим, комплекса, является вторым путем действия человеческой природы, часто встречающимся при решении конфликтов, возникающих на почве половых отношений. Это путь так называемого короткого замыкания. Но гармонически построенная личность умеет во время открывать предохранительные клапаны, разряжающие и эти накопившиеся в глубоких нижних слоях личности аффективные комплексы, и изживать их внутри себя, не направляя их опасные разряды прямо во вне, а используя присвоенную ими аффективную энергию для высших социальных и духовных целей.

Третий путь реакции, один из редких при конфликтах на почве половых отношений и более частый в деревенских драках, это—рефлекторный ответ агрессивным действием на поразившее переживание, например на измену, о которой никогда в мыслях ничего не было и на которую неожиданно наталкиваются, это—простая реакция по линии аффекта гнева, внезапно развившегося. Она возникает непосредственно из инстинкта защиты в его наступательской форме и проходит мимо всех этажей личности, разрешаясь сразу в действие. Прimitивный характер ее более свойственен примитивной личности, и потому чаще всего она наблюдается, как я уже сказал, в деревенских драках, а также и при деревенских любовных конфликтах. Такому аффективному разряду способствует опьянение, как момент, ослабляющий высшие задержки. В городе такие взрывы аффекта встречаются большей частью у неполноценных лиц, у вспыльчивых психопатов, или составляют заключительный аккорд, разрешающий длительное напряжение сверенными образованиями, или страстями охваченной ими личности.

Во всех этих трех путях защитный инстинкт обнаруживает двойственную полярную природу направления агрессивного действия. Он обращает свое действие то на лицо, послужившее причиной конфликта, то на само действующее и переживающее лицо. Может быть ни при одном жизненном конфликте, как при конфликтах на почве любовных отношений, не встречается так часто не только убийство, но и самоубийство, а иногда и то и другое вместе. Да это и понятно. Американский психолог Джемс¹ говорит, что «трудно провести черту между тем,

¹ Джемс, В. Психология. 1922 г.

что человек называет самым собой и своим» и дальше, что «в самом широком смысле личность человека составляет общая сумма всего того, что он может назвать «своим» не только физические и душевные качества, но также его платье, его дом, его жена, дети...». Все последнее Джемс относит к физической личности человека. Физическая личность это — нижний этаж с прилегающим к нему архаическим слоем второго этажа, т. к. ее базой являются влечения, инстинкты, половой, материнский, отцовский и т. д. и их сплавы с стародавними хозяйственными, семейными устремлениями личности. Границы этой физической личности очень колеблются у людей различных профессий, классов, у людей различного развития и разных возрастов. Вспомним всем известный факт, что ребенок до года все еще относится к частям своего тела, как к посторонним, не принадлежащим ему предметам, он и обращается с ними, как с посторонними ему предметами, с явным интересом рассматривая и изучая, напр., свои ноги и хватая их в рот, как он это делает со всеми интересующими его вещами, т. к. в грудном возрасте у ребенка только рот обладает осязанием, в других же частях тела оно еще недостаточно развито. Признание своего тела принадлежностью, частью своей личности развивается постепенно. И в дальнейшем развитии это признание частью своего «я», своей личности, распространяется далеко за пределы тела, но, как я уже сказал, граница этой физической личности различна. Многие люди привязаны к «своим» вещам, другие равнодушны. Одни — «обрастают» предметами их квартиры, их комнаты, связываются по рукам и ногам всем мещанским укладом их жизни, другие — остаются свободными. Половая близость, как ни одно другое влечение, обычно распространяет на объект этой близости ощущение «своего», принадлежности его к «я», включает этот объект в физическую личность. Совершенно естественными путями включаются в личность и дети, эта «плоть от плоти, кровь от крови» личности. Отсюда понятно, что убийству лиц, включенных в личность, жены, мужа, возлюбленного, возлюбленной и своих детей, нередко сопутствует самоубийство и понятно, что описавшие семейные убийства немецкие авторы (Штрассманн¹, Вебер²) называли их расширенной формой самоубийства. Тяжкая жизненная ситуация (очень часто тяжелая материальная нужда, грозящая голодным, нищенским существованием всей семьи и т. д.), порождает аффект отчаяния и извращает защитное поведение личности, обращая агрессивные действия на саму личность со всеми включенными в ее «я» близ-

¹ Strassmann. Viertel j.—Schr. f. ger. Med., 3. Folge, Bd 51, Jahrg. 1916.

² Weber. Der Familienmord. Arch. f. Kriminologie. Bd. 67, 4. H. 1916 (ausgegeben 9. Januar 1917).

кими людьми. Это — защита себя и близких, составляющих часть физической личности, от надвигающейся и представляющей неизбежной и более страшной, чем сама смерть, гибели. В свете только что изложенной концепции о физической личности я, полагаю, ясно, что убийство близких лиц так же, как и детоубийство первородящими деревенскими девушками, является актом аутотомии, отсечением части самого себя в жертву настигшей опасности, разновидностью защитного поведения, распространенного вообще в животном царстве. И не подчеркивает ли родство механизмов их то, что как в случаях детоубийства, так и этого расширенного самоубийства действует чаще всего женщина, загнанная, по выражению Внукова, социальными условиями своего существования в биологию и в силу этого более крепко прикованная к своей семье, к своему очагу? Так во всех десяти случаях Штрассманна семейными убийцами были женщины, а из пяти случаев Вебера — 4 женщины.

Наконец, четвертый путь убийства на почве сексуальных отношений — это путь действия по расчету без страстной охваченности личности сверхценными образованиями и без действующего из глубины личности аффективного комплекса. Тут верхний этаж личности современной для нее социальности настолько слаб, что он целиком на службе нижних биологического и социально-архаического слоев личности. Из этих слоев действует первобытная тенденция к получению материальной выгоды в жизни, тенденция, естественно связанная с инстинктом самосохранения, самозащиты в целях обеспечения примитивного экономического благополучия личности. Из убийств на почве сексуальных отношений этот механизм действия встречается чаще в так наз. алиментных убийствах, явно преследующих убийством ребенка устранение материального ущерба, связанного с появлением на свет последнего. С этой точки зрения алиментные убийства, хотя и совершаются на почве половых отношений, принадлежат уже к корыстным убийствам.

Корыстные же убийства — вторые после сексуальных по частоте в городе, как говорит об этом статистика Губсуда (см. Меньшагина). Если в убийствах на почве сексуальных отношений встречаются все четыре пути реакции личности, хотя некоторые из них и значительно реже других, то другие виды убийств оказывают явное предпочтение отдельным типам этих реакций. Так, в драках действует чаще простой аффективный взрыв, в убийствах из мести — сверхценные образования, в корыстных же убийствах — редко простой аффективный взрыв, чаще сверхценные образования, почти никогда — аффективные комплексы и чаще всего и потому типичнее всего для них — расчетные действия. Этим повышается опасность корыстных убийств. Ибо все остальные убийства только за редкими исклю-

чениями дают рецидивы, т. к. тяжкая, особая ситуация, вызвавшая реакцию убийства, почти неповторима, но мало того, овладевший личностью ураган страсти или комплексная аффективная буря разыгрывается на личности, одаренной, обычно, в достаточной мере социальным высшим этажем психики, и в силу этого само совершенное личностью убийство, а затем и последующее наказание являются тяжким жизненным уроком, образующим крепкие гарантии в самой личности против повторения такого действия. При корыстных же убийствах, совершенных по расчету, высший социальный слой личности, как я уже говорил, оказывается на постоянной службе у низших корыстных влечений, личность проделывает еще до совершения первого убийства под влиянием соответствующей социально-экономической обстановки такое психологическое развитие, которое оправдывает всякое корыстное действие, психологическое развитие, которое приводит ее не только к антисоциальному мирозерцанию, к враждебной установке в отношении легального общества, к морали хищника, но и к приспособлению всей личности, в целом, в направлении подчиняющих ее себе низших влечений и этой враждебной остальному обществу идеологии и, наконец, ситуация материальной нужды — ситуация, часто встречающаяся, повторяемая и очень относительная, ибо для нужды у каждого человека своя мера, определяемая его жизненными аппетитами. Диоген — довольствуется бочкой, Шейлоков не удовлетворяют дворцы и горы золота. Отсюда понятно участие в корыстных убийствах лиц с достаточным блатным стажем или лиц торговой профессии (см. Меньшагин). У первых вся их блатная преступная жизнь устанавливает их на удовлетворение примитивных влечений, на враждебность в отношении легального общества, на непризнание его законов, на организацию своего общества с своими законами внутри этого легального общества. У вторых, торговцев, их профессия культивирует в них установку на наживу. Но не каждый вор превращается в корыстного убийцу, или, по выражению Ферри, в «вора-убийцу». Не каждый и торговец способен на убийство ради наживы. Тут, помимо этого общего фона личности, порожденного направлением психологического развития всей предшествовавшей жизни, нужны какие-то добавочные факторы, переводящие этих людей на пути тяжелых агрессивных реакций в корыстных целях. Этих факторов, конечно, целая цепь: это и разорение торговца, вызванное революцией, и связанная с этим деклассация его, и алкоголизм, снижающий вообще личность, и невозможность посредством постоянной профессии насытить все возрастающий аппетит в жизни и т. д. Наконец, мне думается, самым важным, почти решающим направлением психологического развития фактором для многих явилась война, дававшая простор стремлениям личности к гра-

бительскому способу наживы, к мародерству, понизившая ценность жизни и вообще повлекшая за собой одичание отдельных людей. Ярko иллюстрирует это нагремевший в 1923 году легково-й извозчик Комаров-Петров, 55 лет от роду, систематически и по определенному шаблону, ради ограбления, убивший, по возвращении с войны в Москву в 1921 году, около 29 человек. До войны у него в прошлом, кроме беспробудного пьянства, бродяжничества, нестойкого и разгульного образа жизни,— не крупные имущественные преступления без пролития крови. Кражами он занимался в первое время по возвращении с войны в Москву. Но на войне он научился низко ценить жизнь человека, убивать, и видимо, заниматься мародерством. Отсюда его формула оправдания себя в его убийствах перед судом: «на войне убивали честных людей, а я убивал спекулянтов»¹.

Итак, механизмы личности, действующие в убийстве, могут быть сведены к четырем основным: это — во-первых, ураган сверхценных образований — страсть, во-вторых, простой аффективный разряд, в-третьих, комплексная аффективная буря и в-четвертых, расчет. Все это приводится в движение наступательно-защитным влечением, сплавившимся с другими влечениями, как самого нижнего биологического этажа личности, так и второго социально-архаического. Все эти механизмы ничего специфически преступного в себе не несут. Эти же механизмы действуют и в социальном поведении личности и даже в высших его формах. Но в убийствах они на временной или постоянной службе у низших влечений личности, или вследствие того, что во всем складе, быте группы общества, отражением которой является действующая в преступлении личность, достаточно сильны черты первобытности, как это имеет место в крестьянской среде или вследствие индивидуальной слабости высшего социального слоя личности. А эта слабость может развиться на время под влиянием тяжелой ситуации, стечения жизненных обстоятельств, и только на время нарушить нормальное соотношение слоев личности, вообще гармонирующее с окружающим социальным пространством, или эта слабость — длительна в силу всего предшествовавшего психологического развития личности, понизившего порог криминальной реакции последней для раздражителей окружающей среды.

Но и временную, и длительную слабость высшего социального слоя личности с понижением порога для криминального ответа на раздражители среды может вызвать и вызывает при убийствах, как и при других преступлениях, душевная болезнь, поражающая, в первую очередь, именно этот высший слой личности,

¹ E. Krassnuschkin und S. Uksche. Der Fall des Mörders Petrow-Komarow (29 Ermordete). Monatschr. f. Kriminalpsychologie. 1923.

как наиболее хрупкий, ибо он является у всякого человека свежее приобретенным, а в нашем Союзе и еще революционно-перестраивающимся, и в силу этого у большинства людей непрочным. Однако, не только в этом поражении определенного слоя личности совпадает действие «социального» и «биологического», что лишний раз подчеркивает единство и неразрывность этих определителей поведения человека, но и в тождественности мотивов и, что еще более замечательно, в тождественности действующих механизмов поведения душевно-больных убийц с таковыми у душевно-здоровых. И тут, при душевных болезнях, как это прекрасно демонстрирует на живых людях-убийцах работа Бунеева, те же четыре пути действия защитных реакций человека. Это — те же примитивные взрывы аффекта, достигающие тут степени патологического аффекта, затемняющего сознание, или те же сверхценные образования, превращающиеся в бредовые ложные идеи и выливающиеся в паранойяльное помешательство, те же аффективные комплексы, приобретающие автономию действия благодаря расколу, расщеплению цельности психических образований личности болезненным мозговым процессом — шизофренией и те же расчетные действия, но расчет совершается больной логикой, изуродованной болезнью или слабостью от рождения. Провоцирующее действие ситуации, породившей реакцию убийства, еще больше, чем у нормальной личности, и даже почти постоянно маскируется искажающей личностью болезнью, но и тут анализу нередко удастся вскрыть корни, исходящие из окружающей среды и глубоко засевшие в личность.

Но мало того. Общность поведения душевно-больной и здоровой личности распространяется не только на отдельные психические механизмы, на побудительные, лежащие за ними влечения, на преходящую или стойкую слабость высшего социального слоя и на соответствующую комбинацию раздражителей среды, но и на основные установки личности, вытекающие из нее, как из целостного биологического и социального образования, и формирующие основную линию поведения ее. Три группы основных наиболее часто встречающихся болезней определяют эти установки. Это — 1) установка шизофреника на обращение внутрь себя от внешнего мира, так называемый аутизм, жизнь в своем особом миру, и связанная с этим или чрезвычайная, как у мимозы чувствительность, ранимость в отношении раздражителей внешнего мира или полная безразличия холодность к нему; 2) установка циркулярного больного на слияние с внешней средой, полную созвучность переживаний с внешним миром и связанные с этим, откликающиеся на печали и радости людей собственные чувства радости и печали; и, наконец, в 3) установка эпилептика на подчинение себе окружающей среды, каковы бы раз-

меры этой среды ни были, от узкого круга семьи, превращенной в крепость, которая защищает личность от непокоренного еще мира и из которой она делает в последний вылазки, и до мечты о покорении всего мира; с этой установкой связана судорожно-вязкая тяжеловесная, как тяжелая артиллерия, аффективность эпилептика. С этими основными установками целостной личности обнаруживают сродство отдельные описанные выше механизмы поведения. Основные установки как бы выбирают из этих механизмов для себя те, которые наилучшим образом обслуживают их общего характера устремления в жизни. Так, чувствительным, ранимым жизнью и в силу этого аутистичным шизофреникам свойственны, главным образом, импульсивные действия, возникающие из скрытых комплексов их переживаний; холодным, бесчувственным шизофреникам—расчетные действия; эпилептикам и родственным им эпилептоидным параноикам—сверхценные образования и простые аффективные взрывы. Циркулярные убийцы отсутствуют в материале Бунеева. Им, повидимому, как этому учит некриминальная клиника этой болезни, свойственны простые аффективные ряды, по выражению Кречмера, освежающие, как благодатная гроза, их мягкую, с постоянно присущим им чувством расположения к окружающим, психику от случайно образовавшегося агрессивного настроения.

Те же общие установки целостной личности и то же сродство частных механизмов поведения с ними и то же отсутствие чистого случая убийцы с созвучной установкой на среду мы находим в материале Аккермана о психически нормальных или стоящих на границе нормы и болезни убийцах. В материале Аккермана единственный случай убийцы с созвучной или, как Блейер называет, синтонной установкой на среду относится к случаям нанесения тяжкого телесного повреждения. Не к этой ли группе действий психологически должны быть отнесены многие убийства в драках? И не действуют ли в них нередко именно эти синтонные личности? За это говорит изучение поножовщиков, некоторые яркие представители которых находились у нас в Клинике.

Указанная сейчас общность установок и отдельных механизмов у душевно-больных и у нормальных или у стоящих на границе с ними личностей вполне понятна. Душевные болезни—это реакции биологически и социально оформленной целостной личности на биологический яд; в них, следовательно, выявляются те же установочные жизненные линии и отдельные механизмы, которые действуют и в здоровой личности. И если в болезни и общие установки, и связанные с ними отдельные механизмы личности выявляет биологический яд, то в нормальной личности они воспитываются, образуются путем биосоциального развития в течение всей жизни и их выявляет комбинация раздражителей

среды, приводящая к убийству, с неменьшей яркостью, чем это делает душевная болезнь.

Эти общие установки целостной личности со свойственными им частными механизмами поведения оказываются особенно ранимыми в отношении некоторых жизненных положений, жизненных ситуаций. Так, личность, обращенная внутрь себя в силу своей мимозной чувствительности, живущая своим внутренним (аутистическим) миром, обычно совершает убийства лиц, включенных ею в этот мир. Тут особенную силу приобретают любовные конфликты. Личность холодная, безразличная к окружающему миру, безжалостна к нему и равнодушно расчетливо устраняет из жизни людей, нарушающих ее аффективный покой и препятствующих удовлетворению ее подчас самых простых потребностей в жизни. Такие личности нередко полиморфны в своих преступлениях, полиморфны и в убийствах, полиморфны и жизненные ситуации, порождающие убийства. Тут и любовный конфликт, тут и экономическая ситуация, нужда, корысть и т. д., тут вообще всякого рода психологический и материальный ущерб, понесенный личностью, влечет за собой кровавый расчет. Личности, установленные на покорение окружающей их среды или защиту от нее, сметают с своей дороги ураганом своих страстей или простым аффективным взрывом людей, препятствующих их покоряющему шествию в жизни, или нарушающих покой крепости их личной жизни. Это—ситуации, порождающие чаще всего месть, а затем и корысть. И ревность их носит больше характер мести, и поэтому, чистый любовный конфликт играет второстепенную роль, большую роль—всякие семейные конфликты, угрожающие их хозяйственному благополучию.

Но общая установка личности с присущими ей механизмами отражает только качественную сторону ситуации, качество раздражителей среды, тяжесть же их давления, количественное действие ситуации на личность, измеряется сопротивлением высшего социального этажа личности. Человек с хорошо развитой социальной моралью, вполне гармонирующей с социальным порядком, с социальными требованиями окружающего коллектива, выдерживает нередко самые тяжкие жизненные положения, не совершая преступления, не совершая убийства. Из всего сказанного, мне думается, ясно, что социальная опасность отдельной личности убийцы это—равнодействующая между целостной личностью и той ситуацией, тем стечением жизненных обстоятельств, которые привели эту личность к убийству и что только на основе учета качественного и количественного отношения между целостной личностью и ситуацией убийства можно делать социальный прогноз личности, можно выбирать и меру социальной защиты.

Итак социально-психологический анализ убийц позволяет в направлении количественного взаимоотношения между личностью и провоцирующей убийство ситуацией наметить две основных группы убийц:

1) примитивного деревенского убийцу, отражающего все еще неизжитый в деревне первобытный уклад жизни, первобытные нравы крестьянской среды и

2) городского убийцу, являющегося большей частью жертвой городской доместики. Высший этаж личности, ее социальной морали тут падает под тяжестью неблагоприятной ситуации или только на время, что и приводит личность к убийству, или он изуродован городом на длительное время и тогда личность при наличии склонности к агрессивным реакциям представляет постоянную опасность для общества.

По качественному же взаимоотношению между личностью и провоцирующей убийство ситуацией среди убийц как деревенских, так и городских, при этом не только среди душевно-нормальных из них или стоящих на границе душевного здоровья, но и среди душевно-больных, можно различать четыре группы:— это, во-первых, люди, созвучно настроенные к окружающей их человеческой среде, и только в силу случайно сложившейся опасной ситуации (напр., состояние опьянения и коллективная драка) наносящие тяжкие смертельные повреждения лицам, к которым они не питают какой либо постоянной ненависти или неприязни. Это—в самом чистом смысле слова случайные или даже невольные убийцы. Они искренне недоумевают перед случившимся и раскаиваются в совершенном. Опасными их считать, конечно, нельзя; судебная кара достигает тут наибольшего исправительного эффекта.

Во-вторых, люди, вследствие особой психической ранимости или чувствительности обращенные от окружающей человеческой среды внутрь себя, замкнутые, живущие своим внутренним миром и склонные к образованию аффективных комплексов. Эти комплексы, большей частью только смутно сознаваемые, являются наиболее ранимыми местами личности и при резко затрагивающей их индивидуальной ситуации приводят носителя их к внезапному аффективному взрыву, к так называемым действиям короткого замыкания. Тут чаще всего действуют любовные конфликты. Опасность в будущем этих людей не велика, ибо взорвавшийся комплекс этим самым изживает себя и оставляет глубокий след в их личности, как тяжкий жизненный урок.

В третьих—люди, установленные на завоевание окружающей их среды или на защиту от нее. Они мстят, охваченные сверхценными идеями, страстно и долго преследуют своих врагов, или же простой аффективной бурей сметают

сразу их с своей дороги. Они завоевывают и свое материальное благополучие сверхценным, страстным натиском на жизнь, убивая препятствующих этому людей. Опасность их, конечно, велика, но обычно они доступны устрашающему действию кары, доступны и воспитательному влиянию пенитенциарных учреждений. Но опасность их возрастает, если высший слой их личности, слой социальной морали, слабо развит и эта слабость его составляет постоянное качество личности. Такие люди редко винят себя в совершенном, а обычно обвиняют в этом других или обстоятельства. И жалеют они не потерпевших, а себя.

Во всех этих трех группах убийц агрессивно-защитная реакция при ситуации, которая ими воспринимается как безвыходная, может быть под влиянием аффекта отчаяния обращена не только на других людей, но и на самих себя, иными словами может привести не только к убийству, но и к самоубийству. Таковы, например, случаи двойного самоубийства влюбленных или семейные убийства, эти расширенные самоубийства или детоубийства первородящих, как акты аутономии.

И, наконец, в четвертых, люди бесчувственные, равнодушные к чужому горю, страданию, безразлично относящиеся к окружающему их человеческому обществу. Эти душевно-тупые люди действуют по холодному расчету. Они особенно опасны, если в силу всего неблагоприятного социального пути их жизни они проделали психологическое развитие, устанавливающее их по линии низших влечений на хищничество, на корысть. Они очень часто полиморфны в преступлениях. К этому типу людей большей частью принадлежат так называемые блатные убийцы (см. Шпирт). Их мало устрашает судебная кара, трудно поддаются они и какому либо воспитательному воздействию.

УБИЙСТВА

Кажется, нет такого преступления, которому бы так много было отведено места в криминологической литературе, о котором так много говорилось и так много писалось, как убийство. И в советской литературе мы имеем за последнее время не мало отдельных статей и очерков, как социологического, так и психиатрического и психологического характера, посвященных этому вопросу. И все же мы снова обращаемся к убийству, ибо поднявшаяся волна преступлений против личности и, в частности, убийств за последние три, четыре года заставляют еще раз обратить сугубое внимание на это наиболее тяжкое преступление против личности. Задачей социолога в данном случае, как, впрочем, и при изучении всякого преступления, должны быть не только анализ динамики убийств и выявление социально-бытовой физиономии убийц, но и, главным образом, обрисовка той социальной обстановки, в которой совершаются убийства, а также выяснение тех причин и условий, которые создают и способствуют появлению этого рода преступлений. Конечно, все эти вопросы могут и должны быть разрешены не на отдельных индивидуальных случаях убийства, порою вовсе не характерных для общей картины преступления, а на массовом материале, разработка которого дает право делать те или иные социологические выводы и обобщения. В соответствии с выдвинутыми нами задачами, мы статью делим на три части. В первой из них мы остановимся на динамике убийств и распределении этих преступлений между городом и деревней. Основным материалом, использованным нами для этой части, являются статистические данные Центрального Статистического Управления, Наркомвнудела, Московского Губернского Суда и Административного Отдела Моссовета. Во второй части мы попытаемся дать социально-бытовую физиономию современных убийц. Третья часть отведена рассмотрению отдельных видов убийства, а также выяснению причин и условий возникновения этих убийств. В основу как второй, так и третьей частей нами положены результаты подробного изучения более 300 убийств, совершенных в Москве и Московской губернии за последние три года (1924—1926 гг.) и около 400 осужденных по ним Моск. Губерн. Судом, а также

данные Кабинета по изучению личности преступника и преступности о 215 убийцах, прошедших через амбулаторный прием Кабинета за тот же трехлетний период времени.

Далее, необходимо заметить, что если в первой части (динамика убийств) мы касаемся всех видов убийства, как то: квалифицированные убийства, т.-е. убийства, совершенные из низменных побуждений, простые убийства и убийства, совершенные в состоянии аффекта, а также убийства при превышении необходимой обороны и неосторожные убийства, то в последующих двух частях, как это видно из использованного для них материала (дела и приговоры Моск. Губ. Суда), мы останавливаемся лишь на квалифицированных убийствах, при чем из них мы исключаем детоубийство, являющееся темой особой статьи данного сборника¹. Таким образом, основная часть нашей статьи посвящена наиболее тяжким видам убийства, т.-е. убийствам, совершенным из низменных побуждений (корысть, ревность, месть и др.). предусмотренным ст. 136 Уголовного Кодекса.

I.

Обращаясь к динамике убийств по всей РСФСР, мы должны заметить, что рассматриваемый нами период времени охватывает лишь последние три года¹. Но и этого однако вполне достаточно, чтобы, основываясь на статистических данных, показать определенные тенденции роста, которые проявляют убийства за последнее время. Без лишних слов обратим наше внимание на цифры возникновения дел об убийствах, зарегистрированных Уголовным розыском и Милицией по РСФСР за период 1924—1926 г.г.

Таблица № 1.
Количество возникших дел об убийствах
(Данные НКВД)

К в а р т а л ы	1924 г.	1925 г.	1926 г.
I (январь—март)	3.845	3.914	4.732
II (апрель—июнь)	3.343	4.568	5.331
III (июль—сентябрь)	3.582	4.977	5.457
IV (октябрь—декабрь)	3.561	4.859	5.294
В с е г о	14.331	18.318	20.814

¹ См. статью Маньковского Б. С., помещенную в этом же сборнике.

¹ О динамике убийств за более ранний период времени см. статью А. А. Герцензона и Н. С. Лапшиной.

Мы видим, что рост убийств идет постепенно, небольшими повышениями за каждую четверть года, но, неизменно, все время вверх. Еще более наглядным становится этот рост убийств, если мы примем количество возникших дел об убийствах в 1924 году за 100.

Тогда мы получим:

в 1924 году	100
в 1925 году	127
в 1926 году	145

Увеличение количества возникших дел об убийствах для 1926 года достигает почти 50% по сравнению с 1924, исходным годом. Конечно, нужно иметь в виду при этом увеличение населения по РСФСР за этот же трехлетний (1924—1926 г.г.) период времени, но и это не смягчает роста убийств, ибо совершенно ясно, что возрастание населения не имело места в столь огромных процентах, как это наблюдается в движении убийств.

Но убийство не является исключением среди прочих преступлений против личности. Последние, как все в целом, так и в отдельных своих видах, также растут и увеличиваются.

Таблица № 2.

Движение преступлений против личности по РСФСР
(Данные НКВД) (1924 г. = 100)

Преступления	1924 г.	1925 г.	1926 г.
Все преступления против личности . .	100	120	149
Убийства	100	127	145
Тяжкие телесные повреждения	100	70	80
Половые преступления	100	164	186
Прочие преступления против личности .	100	152	163

Правда, исключение составляют тяжкие телесные повреждения, но и здесь все-таки, несмотря на снижение их в 1925 году, мы в 1926 году имеем опять таки некоторое повышение и рост их.

Это сопоставление роста преступлений против личности дает нам право говорить о том, что убийство по своему росту занимает лишь второе место среди других тяжких преступлений против личности, ибо на первом месте идут половые преступления, дающие повышение со 100 в 1924 году до 186 в 1926 году. Повышение абсолютного количества совершаемых убийств, которое мы наблюдаем за последние три года по РСФСР, конечно, не оставляет без изменения и удельный вес убийств среди всех

других преступлений. При наличии тенденций к стабильности всей преступности, в целом, удельный вес убийств благодаря росту их также постепенно увеличивается. Если мы возьмем процентное соотношение возникших дел об убийствах к делам, возникшим по всем преступлениям за период 1924—1926 гг. (по РСФСР), то найдем наглядное подтверждение высказанному нами положению.

Таблица № 3.

Из 100 возникших дел по всем преступлениям убийство составляло:

	1924 г.				1925 г.				1926 г.			
	к в а р т а л ы											
	I	II	III	IV	I	II	III	IV	I	II	III	IV
По Милиции	0,8	0,8	0,9	0,8	0,8	1,1	1,6	1,5	1,3	1,5	1,4	св. н.
По Уголовному розыску	1,7	1,6	1,7	1,9	2,0	2,0	2,2	2,3	2,4	2,6	2,5	» »

Конечно, приводимые данные об удельном весе убийств среди всей преступности далеко не точны, ибо мы берем отдельно органы Милиции и органы Уголовного розыска, а в последних, мы знаем, дел об убийствах возникает больше, чем в Милиции (этим, между прочим, и объясняется разница данных Милиции и Уголовного розыска), но нам в настоящий момент не важно, точен ли этот удельный вес убийств среди всей преступности или не совсем точен, ибо как в первом случае (по Милиции), так и во втором—(по Уголовному розыску) этот удельный вес убийств неуклонно растет, что опять таки при общей стабильности всей преступности свидетельствует о повышении убийств. Если бы мы все-таки захотели определить более точно удельный вес убийств во всей преступности, то, сопоставляя данные об общем количестве осужденных за убийство в 1924 году (по РСФСР) с количеством осужденных по всем преступлениям в этом же году, мы нашли бы, что удельный вес убийств равен 1,0. Этот невысокий удельный вес ($\frac{1}{100}$ часть всех совершенных преступлений) объясняется тем, что мы исчисляем его ко всем совершенным преступлениям, среди которых подавляющее большинство занимают преступления куда менее значительные, чем убийство, напр., приготовление и сбыт спиртных напитков, уклонение от воинского учета, кража, нарушение правил охраны общественного порядка, самоуправство и т. п. Было бы, конечно, ошибкой думать о ничтожности убийства среди всей преступности, исходя из незначительности его удельного веса во всей преступности, ибо убийство по степени своей социальной опасности, по своему качеству, имеет большой удельный вес. В от-

ношении же всех преступлений против личности убийство составляет 11,0% всего их числа. Таковы данные об убийствах по всей республике.

Обращаясь к динамике убийств по Московской губернии, мы должны будем констатировать более отрадное явление, чем в отношении РСФСР. Здесь убийства, взятые вместе по городу Москве и по уездам Московской губернии, дают снижение за последние три года (1924—1926 гг.). Если в 1924 году число возникших дел по убийствам по Москве и Московской губернии равнялось 851 (данные МУР'а и Милиции), то уже в 1925 году это число снижается до 666 и в 1926 году—до 603. Это кажущееся противоречие в движении убийств по Московской губернии, где они падают, с динамикой убийств по РСФСР, где, как мы видели, они, наоборот, возрастают, находит себе объяснение, если мы рассмотрим отдельно движение убийств по городу Москве и по уездам Московской губернии (по деревне). Рассматривая динамику убийств по городу Москве, мы находим снижение числа возникших дел об убийствах.

Таблица № 4.

Движение числа возникших дел об убийствах по городу Москве
(Данные Милиции и МУР'а)

Кварталы	1924 г.	1925 г.	1926 г.
I	98	62	74
II	118	52	70
III	84	68	73
IV	57	70	69
Всего	357	252	286

Правда, в 1926 году мы имеем повышение числа возникших дел по убийствам, но если принять во внимание значительное увеличение населения столицы, то придется все же говорить о падении убийств. Не то мы наблюдаем по уездам Московской губернии (по деревне).

Здесь (табл. № 5) можно говорить об определенном росте убийств, даже учитывая увеличение населения уездов Московской губ., которое, конечно, идет более замедленным темпом, чем это имеет место в столице, в Москве. Таким образом, мы можем прийти к заключению, что убийства по Москве (по городу) падают, а по уездам Московской губ. (по деревне) увеличиваются. Рост убийств, таким образом, вообще, идет за счет увеличения деревенских убийств. А если это так, то кажущееся

Таблица № 5.

Движение числа возникших дел по убийствам по Московской губернии (по уездам)
(Данные Милиции)

Кварталы	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.
I	69	73	74	67
II	67	100	91	80
III	53	61	101	94
IV	72	57	66	76
Всего	261	291	332	317

противоречие между РСФСР, с одной стороны, и Московской губ. (в целом), с другой, становится понятным, если принять во внимание огромную разницу в соотношении городского и сельского населения, имеющем место в РСФСР и Московской губ. В РСФСР, где превалирует деревенское население, рост деревенских убийств скорее сказался на общей динамике убийств по РСФСР и, наоборот, в Московской губ., где городское и сельское население почти в одинаковом соотношении, рост деревенских убийств еще незначительно повлиял на движение убийств по всей Московской губернии. Здесь небезинтересно отметить, что и в дореволюционное время увеличение убийств происходило, главным образом, за счет роста убийств в деревне.

Остановившись на динамике убийств в Московской губернии, мы приведем также данные о распределении убийств по отдельным месяцам (по времени их совершения). Так если все совершенные квалифицированные убийства (ст. 136 У. К.) за период 1924—26 гг. по Московской губернии распределить по месяцам, в которые были совершены эти убийства, то мы получим такое соотношение.

Таблица № 6.

Сезонные колебания убийств

	М е с я ц ы											
	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сент.	Октябрь	Ноябрь	Декабрь
Количество совершенных убийств	13	22	16	14	16	22	20	31	26	11	18	23

Эта таблица лишней раз подтверждает общее положение о росте преступлений против личности в летние месяцы. Наибольшее количество совершенных убийств падает на июнь, июль, август и сентябрь месяцы. В среднем на каждый месяц из перечисленных приходится по 25 убийств, в то время как на месяцы февраль, март, апрель и май падает по 17 и на октябрь, ноябрь, декабрь и январь в среднем—по 16. Следует, однако, заметить, что два из зимних месяцев (декабрь и февраль) дают значительно большее количество убийств, чем прочие месяцы этого же времени года, и приближаются по своим размерам к летним месяцам. Объяснение этого, как нам кажется, следует искать в том, что как раз на эти месяцы приходятся рождественские праздники и масленица, а как известно на этих последних употребление алкоголя сильно возрастает, а вместе с этим увеличиваются и убийства.

Распределение убийств по месяцам, наблюдаемое нами по Москве и Московской губернии, вполне соответствует распределению убийств по времени года—по РСФСР.

Обратив внимание на количество возникших дел об убийствах по РСФСР за период 1924—26 гг. (таблица № 1, стр. 34), мы найдем, что в каждом году наибольшее количество возникших дел об убийствах падает на III четверть года, т.-е. на месяцы: июль, август и сентябрь.

В отношении распределения убийств по времени суток мы имеем:

Убийств, совершенных утром	13,1%
» » днем	20,0%
» » вечером	38,1%
» » ночью	28,8%

Как и следовало ожидать, две трети всех убийств совершаются вечером и ночью, на день же их падает 20,0% и на утро всего—13,1%.

На ряду с анализом движения убийств, выяснением их удельного веса как среди всей преступности, вообще, так и среди преступлений против личности, в частности, мы считаем не менее важным и разрешение вопроса о распределении убийств между городом и деревней. Конечно, этот вид преступления одинаково встречаются и в городе, и в деревне, но все же можно говорить о превалировании его в том или другом месте. Остановимся на статистических данных по РСФСР. Все совершенные в 1924 году убийства распределяются между городом и деревней следующим образом: на город приходится 13,0% всех убийств, на деревню—87,0%. Таким образом, подавляющее большинство убийств совершается в деревне. Но отсюда, конечно, нельзя делать вывод о преобладании удельного веса деревни в убийствах над удельным весом города, ибо мы знаем, какая огромная разница

существует между городским и сельским населением. Чтобы судить о том, кто в убийствах принимает большее участие, город или деревня, необходимо сопоставить количество совершенных убийств в городе и деревне с их населением. Так, взяв количество осужденных за убийство в городе на 100.000 человек населения города, мы будем иметь 7,7 осужденных за убийство (данные за 1924 г.). Для деревни же на 100.000 человек населения приходится уже 10,4 человек осужденных за убийство в деревне. Это сопоставление достаточно ясно говорит за то, что деревня дает большее количество убийств, чем город. К тем же выводам мы должны будем прийти, если сопоставим удельный вес убийств во всей преступности и в преступлениях против личности, совершенных в городе и деревне.

Таблица 7.

Удельный вес убийств в городе и в деревне

	В городе	В деревне
Процентное отношение убийств ко всем преступлениям	0,5	1,1
Процентное отношение убийств к преступлениям против личности	6,2	13,4

Мы видим, что убийство среди всей преступности деревни занимает большее место, чем в городе. Также и среди преступлений против личности деревенские убийства составляют 13,4% их, а городские—6,2%. Все вышеизложенное заставляет прийти к убеждению, что убийство—преступление, более часто встречающееся в деревне, чем в городе. Последнее вполне согласуется с тем известным явлением, что преступления против личности, вообще, более свойственны деревне, чем городу. Объяснение этому следует искать в наибольшей культурной отсталости деревни по сравнению с городом, которая является одним из важнейших факторов преступлений против личности. Этот фактор, как мы увидим ниже, имеет огромное значение и в этиологии изучаемого нами преступления—убийства. И в этом, нам кажется, следует искать причину превалирования деревни над городом в отношении совершаемых убийств.

Заканчивая первую часть нашей работы, мы считаем необходимым еще остановиться на выяснении удельного веса особо тяжких видов убийства, квалифицированных убийств, предусмотренных Уголовным Кодексом в статье 136. Вопрос этот имеет важное значение, так как в дальнейшем изложении, как было уже указано, речь будет идти лишь об этих видах убий-

ства. Если мы сопоставим количество дел об убийствах, поступивших за 1 половину 1926 года в Московский Губернский Суд (этому суду подсудны квалифицированные убийства, ст. 136 УК) с количеством дел об убийствах, поступивших в народные суды Москвы и Московской губернии (а этим судам подсудны все прочие виды убийства: простые убийства (ст. 137), убийства в состоянии аффекта (ст. 138) и неосторожные убийства (ст. 139) за этот же период времени, то мы можем установить приблизительное соотношение между квалифицированными убийствами, с одной стороны, и всеми прочими убийствами, с другой. Сделав это, мы получим, что количество квалифицированных убийств составляло для 1 половины 1926 года 51,0% (т.-е. более половины) всего количества убийств. Если же мы сравним число осужденных за убийство Московским Губернским Судом в 1926 году с количеством осужденных за убийство в этом же году во всех народных судах г. Москвы и Московской губернии, то получим, что на Губсуд падает 40,0% всего числа осужденных за убийство, а на народные суды 60,0% их. Конечно, приводимые цифры страдают неточностью, ибо в Московский Губернский Суд поступают иногда дела не только о квалифицированных убийствах, но и дела о прочих убийствах, неправильно отнесенных к ст. 136 У. К. следственными органами, которые все же разбираются в Московском Губернском Суде, но, так или иначе, мы все же можем сказать, что процент квалифицированных убийств, о которых мы будем говорить в дальнейшем, в общей массе убийств равен 40—50.

II.

Переходя теперь ко второй части нашей статьи, к выявлению социально-бытовой физиономии современного убийцы, мы для разрешения поставленной нами задачи должны будем остановиться на целом ряде отдельных моментов, которые, будучи взятыми во всей своей совокупности, могут дать представление об изучаемых нами правонарушителях, убийцах.

Эти отдельные моменты касаются вопроса участия различных полов в убийстве, возраста убийц, их социального и семейного положения, степени культурного уровня убийц и, наконец, прежней судимости их и связи с уголовным миром. Вряд ли нужно говорить о важности всех перечисленных вопросов и том значении, которое они имеют для разрабатываемой темы. Совершенно ясно, что лишь тогда можно пытаться изучать те социальные условия, которые способствуют появлению убийств, когда имеется представление о тех, кто совершает эти тяжкие преступления.

В отношении участия различных полов в современных убийствах, прежде всего, следует заметить, что в то время как процент женщин в других преступлениях против личности довольно высок, в убийствах, напротив, женщины играют довольно незначительную роль по своему количественному соотношению. Так из 370 человек, осужденных Московским Губернским Судом за последние три года, мы имеем 324 мужчин и 46 женщин, т.-е. 87,6% осужденных мужского пола и 12,4% женского. Эти данные по Москве и Московской губернии вполне соответствуют и данным об осужденных за убийство по РСФСР, где в 1924 году из общего числа осужденных в 10.089 человек было 8.714 (т.-е. 86,4%) мужчин и 1.375 (т.-е. 13,6%) женщин. Другие же преступления против личности дают иную картину распределения полов в среде правонарушителей.

Т а б л и ц а № 8.

Участие различных полов в преступлениях против личности
(По данным Мос. губ. Суд. и Нар. Суд. г. Москвы и губер.)

Преступления	Мужчины	Женщины	Итого
Убийство	89,5	10,5 ¹	100,0
Тяжкие телесные повреждения	87,4	12,6	100,0
Половые преступления	77,6	22,4	100,0
Побои	72,6	27,4	100,0
Оскорбление и клевета	54,4	45,6	100,0

Наибольшее количество женщин среди массы правонарушителей против личности мы находим в оскорблении и в клевете. Но сравнительно небольшой процент участия женщин в современных убийствах все же выше процента их участия в убийствах в дореволюционное время.

Действительно, если в 1910—1912 гг. женщин среди убийц было 8,2%, то уже в 1924 г.—13,5%, т.-е. значительно больше. Это увеличение женщин в убийствах может быть, как нам кажется, объяснено тем, что женщины в настоящее время более сильно вовлечены в круговорот жизни с ее борьбой за существование. И это проявление интенсивности женщин в борьбе за существование не могло, конечно, не повлечь за собой и повышения среди женщин преступлений, вообще, и,

¹ Некоторое расхождение в приводимых здесь данных о женщинах с вышеуказанными объясняется тем, что во втором случае мы берем один 1924 год, а в первом—данные за три года (1924—1926).

Таблица № 9.
Половой состав убийц в 1910—12 гг. и в 1924 г.
(На 100 чел. осужденных)

	В 1910—1912 гг. ¹	В 1924 г.
Мужчин	91,8	86,4
Женщин	8,2	13,6

убийств, в частности. Но участие женщин в убийствах далеко не одинаково в городе и в деревне. Если в деревне женщины составляют 12,2% всех убийц, то в городе на долю женщин уже приходится 20,5% всех убийц. Причина этого кроется в разнице городских и деревенских убийств. В деревне, где, как мы увидим ниже, наиболее характерными убийствами являются хулиганские убийства, поножовщина и убийства в пьяной драке и в сооре, женщины в убийствах принимают наименьшее участие, как и вообще в хулиганстве и поножовщине. В городе же, где доминирующими убийствами являются убийства из ревности, женщины, наоборот, принимают наиболее интенсивное участие в убийствах, так как вообще ревность (в 60% всех случаев убийств женщинами)—мотив убийства, особенно часто встречающийся среди женщин-убийц.

Следует, однако, заметить, что на ряду с ростом числа женщин-убийц, они все же в убийствах (в 33% всех случаев) играют роль второстепенную, являясь пособницами, подстрекательницами и т. п. Чаше всего это бывает в убийствах из корысти и из мести.

Говоря об участии представителей различных полов в убийствах, небезинтересно также остановиться и на тех мотивах убийства, которые наиболее часто встречаются у мужчин, с одной стороны, и у женщин, с другой. Так, если мужчин можно одинаково встретить и в убийствах из ревности, из мести, из корысти и в ссоре с небольшой лишь разницей в процентном отношении, а также и в убийствах по другим мотивам, то про женщин этого отнюдь сказать нельзя.

Подавляющее большинство женщин (60%) совершили убийство из ревности. Наоборот, мы почти совсем не встречаем женщин в убийствах на почве ссоры, что, как думается нам, объясняется тем, что эта категория убийств, как увидим ниже, главным образом, совершается в состоянии опьянения, а женщины, как известно, во много раз меньше подвержены употреблению алко-

¹ Данные взяты из Мельникова: «Колебания преступности в текущем столетии». Ж. М. Ю. 1917 г.

Таблица № 10.

Распределение мужчин и женщин в убийствах по различным мотивам

Мотивы убийства	Мужчины	Женщины
Ревность	31,3	60,0
Корысть	27,6	16,0
Ссора	17,0	2,1
Мсть	15,0	21,9
Хулиганство	3,2	—
С целью сокрытия преступления	1,6	—
Сведение счетов в уголовном мире	4,3	—
Всего	100,0%	100,0%

голя. Также невысокий процент составляют женщины—корыстные убийцы—всего 16,0%. При чем следует отметить, что здесь везде почти женщины являются пособницами убийства, а не исполнительницами. Мы можем отметить лишь один случай, когда женщина была исполнительницей корыстного убийства и совершила его единолично. В убийствах же из мести женщины принимают уже значительное участие. Мы не останавливаемся в настоящее время на своеобразии этих убийств, совершаемых женщинами, так как этого вопроса мы коснемся в третьей части нашей статьи, посвященной самим убийствам. Несмотря на значительное количество прошедших пред Московским Губернским Судом женщин-убийц, все же нельзя встретить ни одного случая убийства женщиной с целью сокрытия следов другого преступления. То же самое можно сказать и про убийства из-за хулиганства. Последнее может быть объяснено тем, что, вообще, женщины дают очень незначительный процент (около 6,2%) во всей массе хулиганов¹.

От выяснения вопроса участия женщин и мужчин в убийствах, мы переходим к рассмотрению возрастного состава наших правонарушителей. Убийцы в этом отношении не представляют ничего особенно характерного по сравнению со всей массой правонарушителей. Здесь, как и в прочих преступлениях против личности, наибольшее количество правонарушителей приходится на возраст от 18 до 25 лет. Нижеследующая таблица, составленная на основании данных о 323 убийцах, дает такую картину распределения убийц по возрастам.

¹ Нужно иметь в виду, что мы исключили из наших квалифицированных убийств детоубийство, которое является, главным образом, преступлением женщин.

Таблица № 11.

Распределение убийц по возрастам

Возраст	Абсолютные числа	‰
До 18 лет	15	4,8
От 18—25 лет	155	48,0
» 26—35 »	91	28,1
» 36—50 »	47	14,5
Свыше 50 »	15	4,6
Всего	323	100,0

Действительно, почти половина всего числа убийц (48,0‰) приходится на возраст от 18 до 25 лет. Что касается прочих возрастов, то следует заметить, что с повышением возрастов идет постепенное понижение числа убийц. Так, уже на группу убийц в возрасте свыше 50 лет приходится лишь 4,6‰. Этот процент немного ниже процента убийц до 18 лет, где их значится 4,8‰. Но не следует думать, что участие несовершеннолетних в убийствах столь невелико. Нужно иметь в виду, что в приводимые нами данные вошли лишь убийцы в возрасте, главным образом, от 16 до 18 лет и ничтожное количество от 14 до 16 лет. Прочие же малолетние правонарушители—все до 14 лет и большая часть от 14 до 16 лет, дела о которых были рассмотрены Комиссией о несовершеннолетних, не вошли в указанный нами процент убийц.

Если от статического анализа возрастов убийц перейти к динамическому, то можно будет установить некоторые тенденции повышения и понижения, которые проявляют различные возрастные группы убийц.

Таблица № 12.

Распределение убийц по возрастам в отдельные периоды времени

Возраст	I полов. 1925 г.	II полов. 1925 г.	I полов. 1926 г.	II полов. 1926 г.
До 18 лет	—	2,3	6,2	8,0
От 18—25 лет	46,8	40,6	54,6	42,1
» 26—35 »	34,3	32,6	22,4	27,4
» 36—50 »	11,0	19,8	13,7	16,1
Свыше 50 »	7,9	4,7	3,1	6,4
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

Здесь следует отметить рост числа убийц до 18 лет: так во II пол. 1925 года из числа всех осужденных за убийство мы имеем правонарушителей до 18 лет лишь 2,3⁰/₀, а во II пол. 1926 года уже 8,0⁰/₀ их. На ряду с этим наблюдается некоторое понижение возрастной группы убийц свыше 50 лет. Объяснение повышения процента убийц до 18 лет нужно, как нам кажется, искать в общих причинах увеличивающейся в последнее время преступности несовершеннолетних. Дело в том, что на арену жизни в последние годы выходят питомцы голода и гражданской войны. Неудивительно поэтому, что они, возросшие в весьма тяжелой обстановке холода и голода, часто оторванные не только от родителей, но и вообще от близких им людей, дают теперь из своей массы больший процент правонарушителей, вообще, и убийц, в частности. Правда, картина несколько смягчается, если принять во внимание, что часть осужденных за убийство малолетних правонарушителей привлекалась к ответственности не как непосредственные исполнители преступления, а как соучастники, часто вовлекаемые в убийство лицами более зрелых возрастов или лицами, под влиянием которых находились малолетние правонарушители. Но все же процент соучастия в убийствах малолетних невелик. Большая их часть осуждены за убийство, где они сами играли активную роль и являлись исполнителями преступления.

Таково распределение убийц по возрастам. Но следует, однако, заметить, что участие различных возрастных групп убийц в отдельных видах убийств, как то в убийствах из ревности, из мести, из корысти, в ссоре и др., далеко не одинаково. И если средние возрастные группы (от 18 до 25 лет и от 26 до 35 лет)

Таблица № 13.

Возраст убийц в связи с мотивами убийств

В о з р а с т	Ревность	Корысть	Ссора	Мсть	Хулиган-ство	С целью сокрытия преступл.	Сведение счетов в угол. мире	И т о г о
До 18 лет . . .	13,4	13,8	—	46,0	—	26,8	—	100,0
От 18—25 лет .	24,5	27,7	17,0	24,5	4,3	2,0	—	100,0
» 26—35 » .	25,2	27,0	15,1	25,2	—	5,3	2,2	100,0
» 36—50 » .	45,0	19,1	16,7	17,1	—	—	2,1	100,0
Свыше 50 » .	27,8	12,8	12,8	46,6	—	—	—	100,0

почти одинаково распределяются по отдельным мотивам убийств. то про малолетних, стариков и группу убийц от 36—50 лет

этого сказать нельзя. Лица до 18 лет участвуют, главным образом, в убийствах из мести, а также в убийствах с целью сокрытия следов другого преступления, в прочих же убийствах участие этих лиц довольно незначительно. Лица от 36 до 50 лет дают громадный процент убийц из ревности, в убийствах же из корысти, мести и в ссоре участие их почти одинаково. Наконец, старики (лица старше 50 лет) встречаются главным образом в убийствах из мести.

Теперь мы остановимся на возрасте городских и деревенских убийц.

Таблица № 14.

Возраст городских и деревенских убийц

В о з р а с т	Город	Деревня
До 18 лет	6,3%	3,8%
От 18—25 лет	39,7 »	53,4 »
» 26—35 »	27,7 »	27,7 »
» 36—50 »	20,6 »	11,1 »
Свыше 50 »	5,7 »	4,0 »
В с е г о	100,0%	100,0%

Здесь бросается в глаза резкая разница возрастов городских и деревенских убийц. В то время как в городе уменьшение количества убийц пожилых возрастов идет постепенно, в деревне мы находим другое. Здесь более половины всех убийц падает на возраст от 18 до 25 лет, т.-е. на молодежь, а на возрасты более зрелые, например, от 36 лет и старше в деревне приходится 15,1%, тогда как в городе их 26,3%. Разница возрастов деревенских и городских убийц объясняется тем, что в деревне преобладающим видом убийства являются убийства на почве ссоры, в которых принимают участие, главным образом, лица более молодых возрастов, для города же наиболее характерны убийства из ревности, в которых субъектами преступлений одинаково бывают лица всех возрастов.

Попутно с возрастом убийц мы коснемся и семейного положения, в котором находились во время совершения преступления изучаемые нами правонарушители. Вопрос этот имеет важное значение для рассмотрения некоторых групп убийств, в частности, убийств из-за ревности. Материал о семейном положении убийц, которым мы пользовались, представляет собою данные Московского Губернского Суда и Кабинета по изучении личности преступника и преступности. Сопоставляя полученные

данные из этих двух источников, мы находим почти одинаковую картину семейного положения убийц.

Таблица № 15.

Семейное положение убийц

Семейное положение	По данным Моск. Губ. Суда		По данным Кабинета по изучению преступности	
	абсолют.	%%	абсолют.	%%
Холостых (девиц)	85	39,7	65	41,9
Женатых (замужних)	107	50,0	74	47,9
Разведенных	14	6,5	10	6,4
Вдовых	8	3,8	6	3,8
Всего	214 ч.	100%	155 ч.	100,0%

Как видим, на долю семейных приходится половина всех убийц. Затем идут холостые, дающие около 40,0% и, наконец, разведенные и вдовы, дающие очень ничтожный процент. В отношении группы разведенных следует заметить, что данные о ней можно считать уменьшенными, так как часть разведенных не редко фигурируют в качестве холостых и девиц. Преобладание семейных в числе убийц объясняется тем, что почти одна треть всех убийств, как мы увидим ниже, совершается из-за ревности, а в этих последних участвуют, главным образом, семейные лица (80,0% всех убийц из ревности). Если мы коррелируем семейное положение убийц с мотивами убийств, то получим ряд небезинтересных данных.

Таблица № 16.

Семейное положение убийц в связи с мотивами убийств

Семейное положение	Ревность	Корысть	Ссора	Месть	Хулиганство	С целью скрыть преступление	Всего
Холостые (девицы) . .	20,0	32,5	18,7	18,7	8,7	1,4	100,0
Женатые (замужние) .	48,0	24,0	16,0	12,0	—	—	100,0

Так, если из всей массы холостых убийц лишь 20,0% участвуют в убийствах из ревности, то из семейных убийц в этих же убийствах принимают участие 48,0% их, т.-е. почти

половина всех семейных убийц. Конечно, это явление не случайного порядка. Как мы уже сказали выше, убийства из ревности возникают чаще всего на почве супружеских отношений, и отсюда субъекты убийств обыкновенно люди семейные. Далее, у женатых совершенно не встречается ни убийств на почве хулиганства, ни убийств с целью сокрытия следов преступления. Первое, нам кажется, объясняется тем, что вообще семейные люди принимают в хулиганстве в три раза меньшее участие, чем холостые. Так, по данным Эдельштейна¹ на 100 хулиганов приходилось 72,5% холостых и 27,5% семейных. Ясно, следовательно, что в наиболее тяжких видах хулиганства, каковыми являются убийства из-за хулиганства, участвуют одни лишь холостые и не встречаются женатые.

Переходя теперь к следующему вопросу, к социальному положению убийц, мы должны заметить, что в такой стране, какой является СССР, где преобладающую часть населения составляют земледельцы, почти во всех преступлениях участие этих последних значительно выше участия других социальных групп населения. Так по данным ЦСУ в числе осужденных по всем преступлениям в РСФСР в 1924 году 68,3% было земледельцев, т.-е. это значит, что более половины всех преступлений совершается крестьянами. Убийство в данном случае не представляет исключения из этого общего положения, ибо и здесь преобладающими в числе убийц являются земледельцы. Но преобладающее положение земледельцев в группе изучаемых нами правонарушителей имеет и другое объяснение. Выше мы установили, что удельный вес в убийстве деревни выше удельного веса города и так как субъектами преступлений в деревне являются чаще всего земледельцы, то отсюда становится понятным увеличение этой социальной группы в общем числе убийц за счет других групп. Используемые нами данные Кабинета по изучению личности преступники и преступности и Московского Губернского Суда дают одну и ту же картину о социальном положении убийц на протяжении последних четырех лет.

На первом месте, как мы уже сказали, стоят земледельцы, процент которых колеблется от 37,0 до 43,0%. За ними идут рабочие, имея также, почти везде, одинаковое количество (от 23,4 до 27,0%). Служащие занимают третье место и участие их уже значительно меньше как земледельцев, так и рабочих. Наконец, ремесленники, составляющие от 7,9 до 9,6% всех убийц, являются последней группой, более или менее значительной по

¹ А. О. Эдельштейн. Опыт изучения современного хулиганства. Сборник Кабинета по изучению личности преступника и преступности «Хулиганство и поножовщина». Изд. Мосздравотдела. 1926 г., стр. 51.

Таблица № 17.

Социальный состав убийц

Социальное положение	Данные Кабинета по изучению преступн.	Данные Московского Губернского Суда	
	1923—24 г.	1925 г.	1926 г.
Рабочие	27,0	23,4	24,3
Служащие	10,0	15,6	15,2
Безработные	1,0	3,1	2,1
Ремесленники	9,0	7,9	9,6
Земледельцы	43,0	40,6	37,8
Торговцы	4,0	4,7	2,0
Лица свободных профессий	—	—	—
Иждивенцы	—	—	—
Деклассированный элемент	6,0	4,7	9,0
Всего	100,0	100,0	100,0

своему составу. Прочие же социальные группы, как-то: безработные, торговцы и деклассированный элемент дают очень небольшое количество убийц. Лиц же свободных профессий, а также иждивенцев как по данным Московского Губернского Суда, так и по данным Кабинета по изучению личности преступника и преступности за указанный период времени, не встретилось среди убийц.

Мы привели сведения о социальном положении убийц, преступление которых было совершено в Москве и Московской губернии. Если же мы сравним приведенные нами данные с материалом по всей республике (по РСФСР), то найдем, что картина по некоторым социальным группам сильно изменяется. Из табл. № 18 видно, что земледельцы по данным РСФСР уже составляют 73,8%, т.-е. почти три четверти всех убийц. Увеличение крестьян по сравнению с Московской губ., почти в два раза, здесь явно происходит за счет рабочих и служащих, которые по РСФСР дают значительно меньший процент участия в убийствах. Такое резкое расхождение данных об участии в убийствах земледельцев, рабочих и служащих в Московской губернии и во всей РСФСР имеет, конечно, свое объяснение. Нужно иметь в виду при этом своеобразие Московской губ. в отношении распределения в ней указанных выше социальных групп населения. Являясь самым крупным промышленным центром со множеством фабрик и заводов, г. Москва и Московская губерния дают совер-

Таблица № 18.

Социальный состав убийц по Московской губ. и по РСФСР

Социальное положение	Московская губерния	РСФСР
Рабочие	23,4	8,0
Служащие	15,6	5,6
Безработные	3,1	1,6
Ремесленники	7,9	2,0
Земледельцы	40,6	73,8
Торговцы	4,7	1,2
Лица свободных профессий	—	0,4
Иждивенцы	—	1,7
Деклассированный элемент	4,7	0,6
Прочие	—	5,1
Всего	100,0	100,0

шенно иное соотношение между земледельцами и рабочими, чем то, которое имеется по всей РСФСР. Этой же особенностью Московской губернии следует объяснить повышенный по сравнению с РСФСР в ней процент участия в убийствах служащих, ремесленников, торговцев и, наконец, деклассированного элемента. В данных по РСФСР мы находим и некоторый процент участия в убийствах иждивенцев и лиц свободных профессий. Отсутствие названных групп в данных по Москве и Московской губернии, которое можно было бы считать случайным явлением, дополняется данными по РСФСР.

Имея эти сведения о социальном составе осужденных за убийство, мы все же не можем судить по ним об удельном весе в убийстве отдельных социальных групп, так как не располагаем данными о численности этих групп в общей массе населения. Но если мы обратимся к сравнению социального состава всех правонарушителей (по всем преступлениям) и социального состава убийц, то сможем сделать некоторые выводы и замечания. В результате такого сравнения (табл. № 19) мы видим, что наиболее характерной опять таки является группа земледельцев. Их участие в убийствах выше, чем во всей преступности (в убийствах 73,8%, а во всей преступности лишь 68,3%). Прочие же социальные группы почти одинаково участвуют как в убийствах, так и во всей преступности в целом. Таков социальный состав убийц.

Но ограничить рассмотрение этого вопроса лишь констатированием того или иного процентного отношения земледельцев, рабочих, служащих и др. в общей массе убийц нам кажется недостаточным. Имея перед собой в дальнейшем задачу выясне-

Таблица № 19.

Социальный состав всех правонарушителей и убийц отдельно

Социальное положение	По всей преступности	В убийствах
Рабочие	9,0	8,0
Служащие	4,5	5,6
Безработные	3,9	1,6
Ремесленники	1,6	2,0
Земледельцы	68,3	73,8
Торговцы	2,3	1,2
Без определенных занятий	0,6	0,4
Лица свободных профессий	0,2	1,7
Иждивенцы	2,7	0,6
Прочие	6,9	5,1
Всего	100,0	100,0

ния тех социальных условий, при которых совершаются убийства, мы считаем необходимым остановиться на преобладающих мотивах убийства у различных социальных групп населения. Можно уже а priori сказать, что мотивы, наиболее часто встречающиеся при убийствах, далеко неодинаковы у земледельцев, рабочих, торговцев, деклассированного элемента и других, ибо их социальное положение не может не влиять и на поводы совершения ими убийства. Нижеприводимая таблица, коррелирующая социальное положение убийц с мотивом убийства, является ярким подтверждением высказанного нами положения.

Таблица № 20.

Социальное положение убийц в связи с мотивом убийства

Социальное положение	Ревность	Корысть	Ссора	Месть	Хулиганство	Сокрывшие следов преступления	Всего
Рабочие	36,5	21,8	17,8	22,5	—	1,4	100,0
Служащие	54,5	18,1	4,7	18,2	—	4,5	100,0
Безработные	25,3	29,2	18,5	18,0	—	9,0	100,0
Ремесленники	26,0	30,0	20,0	20,0	—	4,0	100,0
Земледельцы	19,0	15,5	28,8	24,7	10,3	1,7	100,0
Торговцы	27,2	50,0	15,7	7,1	—	—	100,0
Иждивенцы	45,0	—	25,0	30,0	—	—	100,0
Деклассиров. элемент	9,0	40,0	9,5	25,4	—	16,1	100,0

Так, из всего числа осужденных за убийство рабочих 36,5% их, т.-е. более $\frac{1}{3}$, обвинялись за убийство из ревности. Оставшееся количество рабочих распределяется почти одинаково по убийствам из-за корысти, мести и в ссоре. Еще больший процент убийц из ревности дают служащие. Здесь более половины (54,5%) осужденных за убийство служащих совершили последнее под влиянием ревности. Но имея сходство с группой рабочих, группа служащих в то же время и отличается от нее. В самом деле, в то время как рабочие дают 17,8% убийц в ссоре, служащие из своей среды дают лишь 4,7% таких же убийц. Указанная разница, нам кажется, может быть объяснена повышенным культурным уровнем служащих, вследствие которого представители этой социальной группы во много раз реже доходят до такой ссоры, которая бы кончалась убийством одного из спорящих. Переходя далее к группе безработных, мы находим уже другую картину. Осужденные этой группы дают преобладающий процент из своей среды корыстных убийц. Безработица, соединенная, как мы увидим ниже, часто с крайней нуждой и отсутствием каких-либо средств к существованию, как бы предопределяет и характер совершаемых представителями этой группы убийств. У безработных также следует отметить больший процент (9,0) убийств с целью сокрытия следов другого преступления, чем это встречается у разобранных выше двух групп: рабочих и служащих. И опять таки, здесь, характерное для группы безработных, убийство с целью сокрытия имущественного преступления. Но наиболее характерной, в смысле выделения из своей среды убийц из корыстных мотивов, представляет собой группа торговцев. Здесь 50% осужденных совершили убийство из-за корысти. Стремление к бесконечному увеличению своего материального благосостояния, являющимся остью всей жизни представителей этой группы населения, нередко толкает их на убийство из корысти. Если мы обратимся к следующей социальной группе, к земледельцам, то и здесь найдем свои особенности. Среди осужденных этой группы за убийство преобладают убийцы, совершившие преступление свое в ссоре. Следует также отметить, что земледельцы дают убийц на почве хулиганства, которых мы не встречаем из среды других социальных группировок. Группа ремесленников сближается с группой торговцев, так как она также дает из своей среды наибольший процент корыстных убийц. Что касается группы иждивенцев, которая кстати сказать весьма малочисленна, то в ней мы находим лишь лиц, совершивших убийство или из-за ревности и мести, или в ссоре. Наконец, группа деклассированных элементов общества, где большинство, как мы увидим ниже, представители уголовного мира, выделяют из своей массы убийц из корысти, мести и с целью сокрытия следов другого преступления. На убийствах,

совершаемых лицами этой группы, мы подробно остановимся ниже, когда будем говорить о корыстных убийствах вообще. Здесь же лишь отметим, что эта группа убийц близко подходит к другой группе правонарушителей—бандитам.

В тесной связи с вопросом о социальном положении убийц находится и вопрос об их культурном уровне, грамотности, образовании. Нужно ли говорить о том, насколько важны все эти моменты в деле изучения правонарушителей, вообще, и, в особенности, убийц. Еще итальянский криминалист Колаяни показал, какая прямая зависимость существует между количеством безграмотных в стране и количеством убийц, приходящихся на 100.000 населения этой страны. В своей статье «Убийства в Италии» он приводит такие данные:

Таблица № 21.

На 100.000 жителей, эмигрировавших в Соединенные Штаты, приходилось

Место рождения	Количество убийц на 100.000 жителей	Процент безграмотных в стране
Швеция, Норвегия, Дания	5,8	0,42
Германия	9,7	0,57
Англия	10,4	2,50
Австрия	12,2	16,73
Ирландия	17,5	41,65
Франция	27,4	43,6
Италия	58,1	51,77

Наибольшее количество убийц на 100.000 населения приходится на эмигрантов из Италии, где процент безграмотных во много раз выше других стран, дающих и меньший процент убийц.

Обращаясь к нашему материалу, мы можем уже заранее сказать, что поскольку среди убийц преобладающее место занимают земледельцы, постольку неудивительно встретить среди них неграмотных и большое количество малограмотных. В самом деле, нижеприводимая таблица (стр. 55), составленная по данным Кабинета по изучению личности преступника и преступности и Московского Губернского Суда о 276 убийцах, дает следующую картину.

Неграмотных и малограмотных (умеющих только писать или читать) среди убийц находится 42,3%, т.-е. почти половина всего количества убийц. С другой стороны, лиц со средним образованием мы имеем лишь 8,5%. Этот процент падает, главным образом, на служащих. Наконец, с высшим образованием мы встретили лишь один случай. Небезинтересно отметить, что лица со средним образованием были осуждены, главным образом, за убийство на почве ревности и что корыстных

Таблица № 22.

Образование осужденных за убийство

	Абсолютное число	%%
Неграмотные	34	12,3
Малограмотные	80	30,0
Грамотные	135	48,9
Со средним образованием	26	8,5
С высшим образованием	1	0,3
Всего	276	100,0

убийц между ними было очень небольшое количество. В группе же неграмотных, а также малограмотных большинство убийц совершили преступление в ссоре или из мести.

Заканчивая обрисовку социально-бытовой физиономии современных убийц, мы остановимся еще на вопросе о прежних судимостях этих правонарушителей. Поставленный вопрос должен быть разрешен в двух направлениях. Первое: очень интересно знать, являлось ли убийство у лиц, совершивших его, первым правонарушением или же здесь, как и в других тяжких преступлениях, убийцы не впервые переступили грань уголовного закона. Второе: имеются ли среди убийц лица, которые вторично совершают убийство или покушение на него. Имея разработанный материал о 356 убийцах, осужденных по ст. 136 Уголовного Кодекса, мы можем разрешить поставленный вопрос в обоих направлениях.

Таблица № 23.

Прежняя судимость убийц

	Абсолютн. числа	%%
Совсем не судились	235	66,0
Были осуждены за убийство	5	1,2
» » за имуществен. преступл.	44	12,4
» » за преступления против личности	24	6,8
» » за должностн. преступл.	2	0,5
» » за прочие преступления	27	7,4
Неизвестно	19	5,7
Всего	356	100,0

Как видим из таблицы, процент лиц, ранее судившихся за какие-либо преступления, в числе убийц достигает 28,3%. Правда, в других преступлениях процент ранее судившихся еще больше, например в кражах, где он доходит до 50; но для убийств и приведенный нами процент (28,3) все же довольно высок. Каково же качество прежних судимостей убийц? Здесь преобладающими являются две группы: имущественные преступления и преступления против личности. Почти половина всех убийц, ранее судившихся (12,4%), привлекались к ответственности за имущественные преступления (кража, мошенничество и др.). Интересно отметить, что эти убийцы в большинстве своем совершили новое преступление—убийство из корыстных побуждений, а сами являются типичными представителями блатного мира. Почти вдвое меньше (6,8) среди убийц лиц ранее судившихся за преступления против личности. Но и здесь не менее характерное явление. Из всего числа ранее судившихся за преступления против личности более половины их осуждены за убийства на почве ревности. Число же повторных убийц, как видно из приведенной таблицы, очень невелико. Из 356 убийц мы имеем лишь 5 таких правонарушителей. Но благодаря тому, что рецидивисты-убийцы представляют собою редкое явление, мы позволим себе коротко остановиться на этих случаях. В одном из них, мы имеем убийцу, в первый раз совершившего убийство на почве ревности и второй раз—убийство в драке. В другом случае, обвиняемый судился за покушение на убийство из ревности и был осужден условно, но до окончания назначенного условно срока совершил вновь убийство и опять-таки из ревности. Но встречаются и другие мотивы повторных убийств. Так в 1926 году один убийца был осужден за корыстное убийство. За три года перед этим им было совершено аналогичное убийство. Наконец, перед Губсудом прошел случай, когда одним из работников государственного учреждения, имевшим право на ношение оружия, было совершено убийство, как в первый раз, так и во второй—в ссоре. При чем интересно, что сцена убийства почти буквально повторялась в обоих этих случаях: обвиняемый затевал ссору, будучи выпивши, выхватывал револьвер и тут же наповал убивал спорившего с ним соседа.

На основании данных о прежней судимости осужденных за убийство вряд ли можно говорить о профессиональных убийцах, ибо мы убедились что, во-первых, случаи повторных убийств весьма ничтожны и, во-вторых, среди этих повторных убийств мотивы преступления или же были различны в обоих случаях, или же убийства носили случайный характер и отнюдь не имели оттенка профессионального занятия, как напр., в краже у воров, или в обманном присвоении имущества у мошенников и т. п.

III.

Переходим к следующей части нашей работы, к самому изучаемому правонарушению—убийству. Следует сказать, что всю массу убийств, прошедших перед Московским Губернском Судом в течение последних трех лет, мы нашли возможным на основании подробного анализа дел и приговоров об этих убийствах разбить их на целый ряд основных групп, рассмотрением которых в отдельности мы и займемся ниже. Эти группы таковы:

1. Убийства из ревности.
2. Корыстные убийства и своеобразная разновидность их, убийства на почве имущественного раздела.
3. Убийства в ссоре и хулиганские убийства.
4. Убийства из мести.
5. Убийства в блатном (преступном) мире.
6. Убийства с целью сокрытия следов преступления.

Как видим, в основу деления убийств на группы нами положены мотивы убийства, как-то: ревность, корысть, месть, сокрытие следов другого преступления. И лишь часть убийств выделены нами в особую группу без соблюдения этого признака—убийства в ссоре.

Следует, однако, заметить, что при анализе отдельных групп убийств мы все же иногда отступали при отнесении тех или иных убийств по группам от мотивационного признака, так как однородность той социальной обстановки, в которой были совершены эти убийства, и тождественность причин, создавших их, с группой убийств по другому мотиву позволяли нам отнести эти убийства к последней.

Не менее важным мы считаем оговорить и следующее. В дальнейшем при разборе и описании отдельных групп убийств, мы, анализируя их в массовом разрезе, будем говорить о тех или иных социальных факторах и причинах, которые наиболее выпукло выступают в этих различных группах убийств, способствуя появлению этого рода преступлений. Так, например, в отношении убийств из ревности таким фактором, как мы увидим ниже, является еще неизжитая, старая, веками, воспитанная идеология собственности мужа на свою жену; в отношении убийств в ссоре, в драке таким фактором является алкоголизм, темнота и невежество и т. п. Выявление таких основных факторов для различных групп убийств ни в какой мере, конечно, не противоречит тому, что при разборе отдельных, конкретных случаев убийства (будь то убийства из ревности, из корысти или какое либо другое) мы встретимся не с одним лишь фактором убийства, характерным для той группы, к которой принадлежит изучаемый конкретный случай, а с целой гаммой самых разнообразных факторов и условий, быть может, менее важных, чем этот

основной фактор, но тем не менее также игравших значительную роль в этиологии данного убийства. Так, например, в каком либо отдельном случае убийства из ревности мы можем встретить на ряду с основным фактором—идеологией собственности мужа на жену—и многие другие, как-то: алкоголизм, семейные неурядицы, невежество и т. д. и, наконец, не только социальные факторы, но и биологические, т.-е. факторы, заложенные в личности правонарушителя: психопатичность, умственная неполноценность и пр. (Этих факторов мы в своей социологической работе по вполне понятным причинам совершенно не касаемся). И лишь все вместе взятые перечисленные факторы, переплетаясь друг с другом, и создают такое отдельное убийство из ревности¹. Но, имея постоянно это в виду, социолог все же, оперируя не с отдельными индивидуальными случаями убийства, а с массовым материалом убийств, может и должен попытаться найти и показать те общие социальные причины и факторы, которые являются наиболее характерными для различных групп убийств, взятых в массовом аспекте. Выявлением таких социальных факторов, а также и условий, на фоне которых разворачиваются различные группы убийств, мы и займемся в третьей части нашей работы.

Таблица № 24

Распределение отдельных видов убийства.

В и д ы у б и й с т в	‰‰‰ отношение к общему числу убийств	‰‰‰ отношение к убийствам, совершенным в городе	‰‰‰ отношение к убийствам, совершенным в деревне
Убийства из ревности.	37,5	54,3	19,3
Корыстные убийства . .	18,6	22,1	15,3
Убийства из-за имущественного раздела . .	6,0	—	11,2
Убийства в ссоре	17,9	12,2	27,2
Хулиганские убийства.	2,0	—	3,3
Убийства из мести . . .	13,5	8,1	18,0
Убийства с целью сокрытия следов преступления	1,5	0,9	2,4
Убийства в блатном мире	3,0	2,4	3,3
Всего	100,0	100,0	100,0

¹ См. работу В. И. Аккермана, где дан анализ отдельных конкретных случаев убийства.

Самой многочисленной группой тяжких видов убийства (ст. 136 У.К.) являются убийства, совершенные из ревности. Они составляют 37,5%, т.-е. более одной трети всех тяжких убийств, имевших место в Москве и Московской губернии за последние три года. Если бы мы захотели сравнить убийства из ревности с другими, выделенными в отдельные группы убийствами, то нам сразу бы бросилось в глаза большое различие этих групп и прежде всего различие в объекте этих убийств. В самом деле, в то время как в корыстных убийствах, в убийствах из мести, в ссоре и др. объектами преступлений бывали чаще всего посторонние, чужие правонарушителю люди, в ревностных убийствах, наоборот, убитыми оказывались в большинстве случаев близкие люди, родственники правонарушителя (обыкновенно, муж или жена). Для сравнения мы приводим небольшую таблицу распределения в % объектов преступления по различным группам убийств.

Таблица № 25.

Объекты убийств в связи с мотивами убийств

Виды убийств	Объекты убийств		Всего
	Посторон.	Родствен.	
Корыстные убийства	81,3	18,7	100,0
Убийства из мести	67,0	33,0	100,0
Убийства в ссоре	62,0	38,0	100,0
Убийства из ревности	38,4	61,6	100,0

И, как мы увидим ниже, действительно убийства из ревности наиболее характерны для семейной жизни и быта. Этому вполне соответствуют и данные, приводившиеся нами во II части статьи, о семейном положении убийц из ревности, где из всего числа их 80% оказалось семейными лицами и лишь 20% несемейных. Почвой для столь тяжкого преступления, каким является убийство, были самые разнообразные семейные условия жизни. Здесь и нежелание жены продолжать дальнейшее совместное сожительство с мужем и сильная ревность последнего, здесь и подозрение одного из супругов в сожительстве другого с кем-либо из посторонних лиц, здесь, наконец, и определенно уже установленный факт такого сожительства, при чем во всех этих случаях объектом убийства бывал один из супругов. И лишь небольшая часть ревностных убийств стоит вне семейной жизни, вне этого быта. Мы видим, таким образом, что убийства из ревности, несмотря на один и тот же, объединяющий их в одну группу убийств мотив, далеко не одинаковы. Чувство ревности, приводящее к совершению убийства, выра-

стает не в одних и тех же условиях, оно имеет ряд своеобразных оттенков, порожденных особыми в каждом случае социальными условиями и жизненной обстановкой. В виду этого, мы считаем наиболее целесообразным, разбив всю группу убийств из ревности на ряд подгрупп, остановиться отдельно на каждой из них. Прежде всего, мы рассмотрим убийства, возникающие в связи с нежеланием одного из супругов продолжать совместное сожитие с другим. Почти всегда совершению этих убийств предшествует развод супругов. Поводом к убийству здесь являлись, обыкновенно, ревность мужа в отношении уходящей от него жены, нежелание, чтобы его жена жила с кем-то другим и, наконец, нередко и месть за самый уход. Муж не может мириться с тем, что жена, иногда прожившая с ним довольно продолжительное время, вдруг уходит от него. Он обыкновенно пытается ее уговорить, грозит ей и нередко прибегает к средствам насильно удержать ее при себе, он слишком верит старой пословице: «стерпится, слюбится». Но когда муж, наконец, видит, что все попытки удержать при себе жену бесполезны, он, руководимый сознанием, «если не мне, так уж лучше и никому другому», идет и убивает ее. Мы здесь говорим, главным образом, о мужьях, ибо в такого рода убийствах 90% убийц были мужья, убившие своих жен (из 40 убийств мы имеем всего 2 случая, где, наоборот, жены, руководимые теми же мотивами, убили своих мужей).

Приведенные мотивы этой группы убийств показывают, насколько сильно еще коренятся в некоторой части нашего населения пережитки старой идеологии, которой был проникнут всецело взгляд на брак и семейную жизнь в дореволюционной России. Сущность этой идеологии—полное, почти неограниченное право мужа на свою жену. Женщина—это лишь принадлежность мужа, безличное, не имеющее права голоса, существо. Она должна всецело и беспрекословно повиноваться мужу. Так и было буквально сказано в X томе свода законов в ст. 107: «жена обязана повиноваться мужу своему как главе семейства; пребывать к нему в любви, почтении и неограниченном послушании, оказывать ему всякое угождение и привязанность, как хозяйка дома». И если бы в старое, дореволюционное время женщина самовольно захотела уйти от нелюбимого ею мужа, последний при желании мог бы силой, обратившись к полиции, заставить ее вернуться к себе. Вот это то неограниченное право собственности на жену еще далеко не изжито в части нашего населения. Октябрьская революция, поставившая женщину на равное место с мужчиной и этим раскрепостившая женщину и провозгласившая, что брак есть лишь свободный союз двух индивидов, как бы не коснулась еще рутинной идеологии отсталых слоев общества. Довольно часто встречающийся-

ся пожилой возраст этих убийц (лиц старше 35—40 лет здесь 60/0) лишь подтверждает, что лица, совершившие такого рода преступление, достаточно сильно испытали на себе эту дореволюционную идеологию в отношении брака и семейной жизни. Насколько сильна еще эта закорузлая, старая идеология, видно уже из того, что даже люди со средним образованием, являющиеся во много раз культурнее неграмотных и малограмотных, совершают убийства, руководимые изложенными выше мотивами. Как мы уже сказали выше, описываемой группе убийств почти всегда предшествовал развод супругов. Не имея, конечно, возможности останавливаться здесь на причинах развода, иногда кончавшегося столь роковым образом, мы все же отметим некоторые из них, наиболее часто встречающиеся при изучении нашего материала. Здесь, например, почвой для развода часто являлось несоответствие возрастов супругов: молодой сравнительно возраст жены и довольно пожилой—мужа. Или благоприятным обстоятельством для развода служило продолжительное отсутствие мужа вне семейной обстановки: в Красной армии, в городе на заработках и т. п. Наконец, здесь частой причиной развода было плохое обращение мужа со своей женой и др. причины.

Говоря о мотивах такого рода убийств из ревности, следует остановиться на некоторых обстоятельствах, которые являлись способствующими совершению преступления. Так, встречаются случаи, когда жена, не желающая продолжать совместное сожительство со своим мужем, уходя от последнего, оставляет ему ребенка, а то двух и больше. Конечно, в таких случаях желание мужа вернуть к себе жену становится наиболее сильным, требовательным. Очень часто также, благодаря жилищному кризису, разведенные супруги и после развода остаются долгое время жить в одной квартире или даже в одной комнате, вследствие чего мужу приходится нередко быть свидетелем сожительства его прежней жены с другим человеком, и, безусловно, такое обстоятельство лишь благоприятствует нарастанию преступления.

Если в первую группу убийств из ревности мы относим такие, которые выросли на почве нежелания одного из супругов продолжать совместное сожительство с другим, убийства, где красной нитью проходит через все преступление старое, еще не изжитое сознание права собственности мужа на свою жену, то во вторую группу убийств из ревности мы поместили такие убийства, которые явились в результате подозрений одного из супругов в сожительстве другого с кем-либо из посторонних лиц или же в результате уже установленного факта такого сожительства. Правда, и здесь тот же мотив ревности, но эта последняя как появляется, так и приводит к роковому концу благодаря другим условиям, при наличии другой со-

циальной обстановки. Прежде всего, в этой группе мы часто встречаем убийства на почве совершенно необоснованных подозрений мужа в отношении своей жены. Поводами для возникновения этих подозрений являются самые разнообразные социальные условия. Так, например, участие женщины в общественной работе (профсоюзные собрания, заседания ком'ячейки и др.), которое принимает за последнее время все большее распространение, рассматривается некоторыми, наиболее отсталыми мужьями, как повод к уходу из дома жены для «измены» своему мужу. Здесь, между прочим, также сказываются еще старые пережитки и предрассудки, видящие в женщине лишь домашнюю хозяйку, прислугу мужа, и не мирящиеся с ее равным положением с мужчиной в общественной жизни. Жилищная обстановка города, где в одной квартире часто живут две, три, а иногда и больше семей, также дает немало поводов к возникновению подозрений в «измене», «неверности» одного из супругов. Лишний разговор мужа или жены с кем-либо из посторонних, живущих в квартире, лишняя встреча иногда создают ложное впечатление относительно взаимоотношений между супругами. То же самое можно сказать и про совместную работу на каком-либо предприятии, фабрике или заводе мужа и жены. Почти во всех таких убийствах, где ревность, как это выяснялось на суде, возникала по самым незначительным и необоснованным поводам, преступление было совершено в состоянии опьянения. Повидимому, здесь сознание мужа под действием алкоголя превращало небольшой пустяк в чудовищную «измену».

Но на ряду с этим, мы встречаем в этой группе убийств из ревности и такие, где чувство ревности для своего появления и развития имело более серьезные основания и предпосылки. Сюда следует отнести случаи, когда муж убивает свою жену, уличая ее в сожительстве с другим мужчиной, которое жена тщательно скрывала по каким-либо соображениям от мужа. К чувству ревности здесь примешивается чувство оскорбленного самолюбия и мести за обман. В таких убийствах, на ряду с мужчинами убийцами нередко являются и женщины, совершающие преступление по тем же мотивам. Так перед Губсудом прошел целый ряд случаев, где жена убивает своего мужа, узнав о его сожительстве с другой женщиной. Нельзя не отметить, что появлению такого рода убийств способствуют случаи многожества и многоженства, которые иногда встречаются у нас среди населения. Так, например, муж, имея у себя дома жену, кроме того имеет еще и на стороне другую жену, с которой он также живет, при чем часто первая жена долгое время не знает о существовании этой второй жены ее мужа. Совершенно ясно, что как только одна из этих жен узнает про другую, наиболее благоприятная почва для чувства ревности

готова. А это последнее, как мы видели выше, и приводит к совершению преступления. Иногда здесь объектом убийства является не только муж, но и «соперница», его вторая жена, которую «убирает с дороги» не желающая терять мужа его первая жена. Но в такого рода убийствах часто мотивом преступления является не только ревность, но и желание одного из супругов избавиться, освободиться от другого. В таких убийствах, правда, чувство ревности иногда и не является мотивом убийства, но мы все же останавливаемся здесь на них, ибо, как мы уже говорили выше, однородность социальной обстановки некоторых из убийств по разным мотивам позволяет рассматривать их рядом друг с другом. А эта однородность безусловно существует между только что рассмотренной нами группой убийств из ревности и группой убийств, о которых мы сейчас будем говорить. Здесь муж убивает нелюбимую им жену, чтобы, избавившись от нее таким образом, жениться вновь на ранее уже им избранной женщине. Нередко этому предшествует отъезд мужа куда-либо из дома, его продолжительная жизнь на стороне, вдалеке от семьи. Здесь, среди новых знакомых, у мужа, нередко завязываются близкие отношения с другой женщиной, в результате которых появляются даже и дети. Это делается в то время, когда дома мужа ожидает его первая жена, а иногда и дети. Так бывало в связи с отъездом в Красную армию, где муж заводил себе новую жену, так бывало и в связи с отъездом мужа на сезонные работы из деревни в город. Муж, попавший в город или Красную армию, постепенно приобретает большие запросы и интересы, чем раньше. Он становится выше в интеллектуальном отношении своей жены, наиболее развитым по сравнению с ней, а потому скоро начинает тяготиться ею. Боязнь же, что новая жена рано или поздно узнает о существовании брака его с другой женщиной, а часто также и о детях, лишь способствует нарастанию желания как можно скорее избавиться от этой лишней ноши — первой жены. И муж решает посредством убийства выйти из создавшегося для него положения. Часто в этих убийствах мужчинами руководят и корыстные соображения — возможность избавиться в будущем от уплаты алиментов. Ведь там, где имеются или по крайней мере, предполагаются дети, мужу при разводе пришлось бы выплачивать жене определенную сумму денег. Муж же решает посредством убийства жены и даже иногда и детей, избавиться от этого бремени. Вот яркий случай такого убийства. 20-летний крестьянин С. должен был уплачивать К.—ой 5 р. 40 к. на содержание 8-месячного ребенка. Перед разбором алиментного иска К. в народном суде и после удовлетворения этого иска С. угрожал К. задушить ее, если она будет взыскивать с него присужденные ей алименты. К. приняла это эти угрозы всерьез и согласна была уже примириться с С., но он

в ночь на 24 августа прокрался в сарай, где ночевала К. с ребенком, и здесь задушил их обоих. Желая же скрыть следы преступления, С. заткнул рот ребенку тряпкой и положил его в люльку лицом, труп же К. вынес в рядом стоящий сарай и повесил его веревкой за шею на столб.

Но не только мужья так дико освобождаются от своих жен. Сами жены часто поступают таким же образом. Так жена убивает мужа, чтобы начать сожителство с его родным братом, или жена отравляет своего мужа, чтобы принять к себе в дом нового мужа, и масса других подобных этим случаев. Эти убийства показывают, насколько невежество, темнота и некультурность еще царят в кругу наиболее отсталых женщин. Сознание, что от нелюбимого мужа, как и прежде (до революции), нельзя освободиться, что никакой развод не избавит от его прав на нее, как это ни странно, через 10 лет после Октябрьской революции, все еще живо.

Наконец, перейдем к рассмотрению третьей группы убийств из ревности. В эту группу мы относим убийства, совершенные вне семейного быта и вне этой обстановки, и где объектами убийства были лишь знакомые правонарушителю лица. Следует сказать, что эта группа убийств менее многочисленна, чем разобранные нами выше первые две группы и в ней совершенно не встречаются женщины—убийцы. Здесь в большинстве случаев фигурируют холостые мужчины молодых возрастов (от 20 до 30 лет), убивающие своих знакомых девиц, с которыми они находились в более близких отношениях, чем с другими, и с которыми, выражаясь их языком, они «гуляли». Поводом к преступлению тут служит ревность, вызванная или тем, что знакомая девушка перестает встречаться с правонарушителем, или же, продолжая «гулять» с ним, в то же время начинает «гулять» с другими молодыми людьми. Но здесь также нередко встречаются и убийства соперников, «отбивших» девушку, с которой ранее гулял правонарушитель. Интересно отметить, что в деревне те же самые преступления совершаются «при людях», при «народе», как бы для того, чтобы при всех отомстить «изменнице» или своему «сопернику». Эти убийства опять таки свидетельствуют о том недостаточном уважении к женщине, которое унаследовано молодежью как города, так и деревни от старого, дореволюционного быта. Сознание, что женщина, так же как и мужчина вполне свободна в выборе своих влечений к тому или иному индивиду, еще далеко не достаточно привито отсталой и невежественной части населения. Здесь все еще властвует старая рутинная идеология, о которой мы говорили, разбирая первую группу убийств из ревности.

Закончив рассмотрение отдельных групп убийств из ревности, мы остановимся на вопросе распределения этих убийств между

городом и деревней. Основываясь на массовом материале (около 100 убийств из ревности), мы должны будем заметить, что более $\frac{2}{3}$ ревностных убийств приходится на город и менее $\frac{1}{3}$ на деревню. Еще более показательное соотношение убийств из ревности ко всем убийствам отдельно по городу и деревне. Так, среди городских убийств убийства из ревности составляют 54,3% (т.-е. более половины) их, а среди деревенских лишь—19,3%. Нам кажется, что превалирование убийств из ревности в городе объясняется тем, что предпосылок для такого рода убийств во много раз больше в городе, нежели в деревне. Так, например, разводы, которые, как мы отмечали выше, всегда почти предшествуют убийствам первой группы (убийства из ревности, вызванные нежеланием жены продолжать совместное сожительство с мужем) более часты в городе, чем в деревне. Деревенская семья более крепка в своих семейных устоях, чем городская. Далее, жизнь города с его совместной работой мужчин и женщин на заводах, фабриках и учреждениях и т. п., а также со скученностью населения (в квартире по две, по три посторонних семьи) дает лучшие, нежели в деревне, возможности создания той специфической социальной обстановки, на которой вырастает это низменное чувство ревности. И поскольку убийства из ревности более характерны для города, чем для деревни, постольку и субъектами в этих убийствах земледельцы выступают во много раз реже, чем рабочие, служащие и др. (см. часть II работы), которые, наоборот, из своей среды выделяют наибольшее число убийц из ревности.

Говоря об убийствах из ревности, мы не можем пройти мимо одной характерной черточки, отличающей их от других видов убийства. Мы имеем в виду вопрос о покушениях, которые в убийствах из ревности встречаются более часто, чем в прочих убийствах.

Таблица № 26.

Покушения и оконченные преступления в убийствах

Виды убийства	Оконченное преступлен.	Покушение	Всего
Корыстные	87,5	12,5	100,0
Из ревности	62,1	37,9	100,0
Из мести	79,8	20,2	100,0
В ссоре	93,6	6,4	100,0
С целью сокрытия преступл. .	87,5	12,5	100,0

Как видим из таблицы, почти 40% дел об убийствах из ревности составляли дела о покушениях. Но самое важное, конечно,

то, что среди этих покушений мы имеем громадный процент таких, где преступление не было доведено до конца по желанию самого правонарушителя. Это обстоятельство не должно упускать из виду при сравнении убийц из ревности с прочими.

Второе место после убийств из ревности занимают корыстные убийства, которые составляют 18,6% всех совершенных убийств за рассматриваемый нами период времени. Эти убийства распределяются почти одинаково между городом и деревней (город—54,1%, деревня—45,9%), хотя удельный вес корыстных убийств в городе выше удельного веса этих убийств для деревни. В первом случае он выражается цифрой 22,1, а во втором—15,3. Убийства этого типа, как и следовало ожидать, представляют собой значительное многообразие. Прежде всего, здесь следует провести деление корыстных убийств по субъектам преступления, т.-е. по лицам, совершившим убийство. Такое деление даст нам возможность установить две категории корыстных убийств. Первую из них составят корыстные убийства, совершенные преступниками-профессионалами и, главным образом, ворами. Во вторую войдут убийства с корыстными целями, совершенные лицами, ранее, вообще, не имевшими столкновения с уголовно-судебной властью. Правда, как в первой группе этих убийств, так и во второй преследуется одна и та же цель—корысть, но, несмотря на это, они сильно отличаются друг от друга, как по социальной обстановке и причинам преступления, так и по той социальной опасности, которую представляют эти различные корыстные убийства.

Обратимся к первой, кстати сказать, наименьшей, группе корыстных убийств. Совершаются эти убийства, как мы уже выше сказали, главным образом, преступниками-профессионалами из воров. Эта группа корыстных убийств интересна тем, что здесь убийство является как бы переходной гранью от воровства к бандитизму, а многие из них так прямо и следовало бы рассматривать как определенный бандитизм. Но, однако, не все эти убийства одинаковы. Некоторые из них носят 'как бы случайный характер. Вор-профессионал идет на очередную кражу; но вдруг неудача: просыпается хозяин. Вор, не думая ранее совершать убийства, теперь, чтобы не быть выданным властям и сохранить украденное, убивает владельца имущества. Нередко та же участь постигает ночных сторожей и других лиц, охраняющих магазины и склады, когда вору, застигнутые врасплох на месте преступления, желая скрыться от пытающегося задержать их сторожа, убивают последнего. Многие из этих преступников, идя на такую кражу, не имеют оружия и убивают первым попавшимся предметом. Имеются и другие убийства, где также это преступление является как бы случайным, не входившим в программу деятельности пре-

ступника-профессионала. Так, часто бывает, что двое, трое воров идут на кражу. Последняя удается, и воры захватывают с собой украденные ими вещи. Но вот тут-то и появляется часто желание у кого-либо из них завладеть всем украденным одному, без дележа, и для исполнения своей цели убивается «собрат» по работе. Или же случается, что при дележе воры поссорятся, и эта ссора кончается убийством одного из ссорившихся. Здесь как бы подтверждается старая пословица: одно преступление родит другое.

Но все же наибольшее количество убийств, совершаемое преступниками-профессионалами, падает на такие, где основной и главной целью является лишение жизни человека для овладения его имуществом. Уже здесь убийство не случайно; оно входит в план всего преступления, составляет его сущность. Преступник-профессионал идет на это дело уже с оружием (чаще всего с револьвером) и, совершая убийство, забирает имущество и деньги убитого. В эту же группу корыстных убийц нами отнесены несколько случаев, где убийцами были представители полупреступного¹ мира—старьевщики и бутылочники.

Нам кажется, что этиология таких корыстных убийств не представляет большого затруднения. Здесь убийство имеет ту своеобразную особенность, что оно является в этих случаях лишь новым для вора-профессионала способом завладения чужим имуществом. Если ранее такой вор-профессионал довольствовался немногим в своей работе и прибегал лишь к техническим средствам для достижения своих корыстных целей, то, или под влиянием тесного знакомства с бандитами, или же в силу благоприятной обстановки, сложившейся для совершения убийства (напр., как это было в одном из таких случаев, одинокая старуха с деньгами, живущая на отлете деревни, возможность скрыться из места совершения преступления и т. п.) такой вор-профессионал решается пойти к завладению чужим имуществом уже через убийство и совершает это новое для него преступление.

Совершенно другое представляет собой вторая группа корыстных убийств, где, как мы говорили уже выше, убийцами являются лица, не имевшие ничего общего с уголовным миром. Правда, и здесь в качестве мотива фигурируют корыстные цели, но последние в этих убийствах обуславливаются не профессиональным занятием воровством, а особыми в каждом отдельном случае сложившимися социально-бытовыми условиями. На почве их и вырастают у индивидов корыстные устремления, сила которых настолько велика, что для осуществления их

¹ См. о «полупреступном мире» нашу статью «Очаги преступности». Сбор. «Преступник и преступность», вып. II, изд. Моздравотдела, 1928 г.

правонарушитель уже не разбирается в средствах и идет на убийство. Таким благоприятным фактором корыстных убийств является тяжелое материальное положение, нужда, эти спутники преступления, характерные, главным образом, для большого города с его огромным переполнением рабочих рук, с одной стороны, и дороговизной жизни, с другой. Продолжительная безработица, бесполезные и кончающиеся неудачей поиски заработка, жизнь изо дня в день впроголодь, в буквальном смысле этого слова, невозможность получения откуда-нибудь материальной поддержки, ибо в таком положении оказываются чаще всего выходцы из деревни, все это, наконец, приводит нередко к убийству с целью завладения имуществом и деньгами своего соседа. Контраст же между тем тяжким материальным положением, в котором часто находятся правонарушители и теми большими соблазнами, которые таит в себе большой город, столица, лишь способствуют совершению корыстного убийства. Подтверждением сказанного являются статистические данные об участии особой социальной группы населения—безработных в корыстных убийствах. Процент безработных, совершивших убийство из корысти, во много раз выше земледельцев, рабочих и служащих в этих же убийствах. Сильнейшая нужда побуждает к убийству не только людей темных, невежественных, малограмотных, как это имеет место с выходцами из деревни, здесь мы также встречаем в числе убийц и людей со средним образованием, бывших служащих и учащихся. Как на пример, укажем случай убийства рабфаковцем одного торговца с целью завладеть деньгами последнего. Или другой случай: убийство родной сестры девушкой, бывшей служащей, долгое время находившейся без работы и сильно нуждавшейся и т. п. То положение что сильная нужда является одним из важнейших факторов роста корыстных убийств, особенно ярко подтверждается повышением этих убийств в голодное время.

Но если в рассмотренных нами корыстных убийствах причиной, вызывающей их, являлись нищета, полуголодное существование, то, на ряду с ними, мы имеем убийства, порожденные стремлением создать прежнее, утерянное, обыкновенно, вместе с революцией, некоторыми слоями общества независимое и особо привилегированное материальное положение. Суб'ектами такого рода убийств являются торговцы, современные нэпманы. При наличии удовлетворительного материального существования эти лица, привыкшие хорошо и широко жить, не довольствуются им и пытаются посредством хотя бы убийства с корыстной целью вернуть свою прежнюю жизнь. Здесь торговцы с Сухаревского рынка, убивающие своих соседей, чтобы, завладев их деньгами, покрыть причитающиеся с них налоги фининспектору. Здесь также нэпманы, убивающие своих клиентов, чтобы на

отнятые у них деньги расширить свое предприятие. Для субъектов этих корыстных убийств их преступления представляются также вынужденными плохим материальным положением, но мы знаем цену этой нужде при наличии во много раз большего, чем у любого рабочего, заработка. Нэп возродил в этих бывших людях с рынка надежду на создание прежнего благополучия. Но очень немногим из них удается привести в исполнение эти чаяния, а потому некоторые из них для достижения их переступают порог преступления—идут на убийство. Правда, удельный вес торговцев во всех убийствах невелик, но как мы уже указывали выше (II часть статьи), они в 50% всех совершаемых ими убийств совершают последние с корыстными целями.

К описанной группе корыстных убийств близко подходят также и убийства, где корыстные мотивы у убийцы вырастают на почве увлечения азартными играми. Страсть к денежной игре иногда настолько сильно захватывает людей, что единственным и постоянным желанием их явления стремление снова и снова ехать в казино, играть и вернуть проигранное. И если некоторые из них, имея по роду своей службы прикосновение к казенным деньгам, часто забирают эти последние и проигрывают их, а затем предстают перед судом как растратчики, то другие, не могущие реализовать для этой цели казенные деньги, идут на другое преступление—убийство с корыстной целью. Примером такого убийства может служить следующий случай, прошедший перед Московским Губернским Судом. Инженер-механик М., 33 лет, часто играл в казино. Ему сильно не везло, и он проиграл все имевшиеся у него деньги. Решил все же отыграться, для чего занял у своего брата большую сумму денег. Но опять неудача, снова все проиграно. Денег же взять на игру было больше уже не у кого. Тогда М. едет на черную биржу к знакомому маклеру, которого и просит приехать к нему в гости сейчас же после биржи. После этого М. отправляется к товарищу и берет у последнего револьвер. Как только маклер вошел в комнату, М. выстрелил в него, но думая, что потерпевший еще жив, взял молоток и добил его. У убитого М. взял 4.000 рублей, для того чтобы снова поехать в казино. Правда, таких убийств очень немного, но мы все же упоминаем о них, ибо эти убийства как бы дополняют картину корыстных убийств, совершаемых торговцами, и еще более увеличивают контраст между этими последними и убийствами, совершенными под влиянием нужды. В самом деле, если в одних случаях корыстные убийства вызываются острой нуждой, то в других, наоборот, они—результат стремления преувеличить свое и без того вполне удовлетворительное материальное благополучие.

Рассмотренные нами корыстные убийства (под влиянием нужды, торговцами и на почве азартных игр) являются наиболее

характерными для города, ибо в деревне мы их встречаем, как единичные случаи. Корыстные убийства, присущие деревне, обуславливаются другими причинами, а потому и имеют отличный от городских оттенков. Не останавливаясь пока на характере этих убийств, отметим любопытное явление для деревенских корыстных убийств, заключающееся в том, что они почти в 80% всех случаев совершаются не одиночно, а в соучастии двух, а то и трех и больше лиц. Правда, корыстные убийства, вообще, в этом отношении отличаются от других групп убийств, ибо, если мы сравним проценты одиночно совершенных преступлений с преступлениями, совершенными в соучастии в отдельных группах убийств, то получим такую картину:

Таблица № 27.

Соучастие в убийстве

Виды убийств	Убийство совершено одиночно	Убийство совершено в соучастии	%%
Убийства из ревности	93,0	7,0	100,0
Убийства в ссоре	87,0	13,0	100,0
Убийства из мести	80,0	20,0	100,0
Убийства из корысти	64,0	36,0	100,0

Как видим, корыстные убийства по количеству убийств, совершенных в соучастии, превосходят все другие крупные группы убийств. Но из 36,0% корыстных убийств, совершенных в соучастии почти 30,0% падают на деревенские корыстные убийства. Объяснение этого явления мы находим в характере деревенских убийств из корысти. Они представляют собою как бы особую форму разбоя, совершаемого двумя или тремя лицами. По той социальной опасности, которую представляют эти убийства, они приближаются к рассмотренной нами выше первой группе корыстных убийств (убийства ворами-профессионалами), но в то же время они и отличаются от последних тем, что в деревенских корыстных убийствах преступления совершаются лицами, ранее не судившимися и ничего не имеющими с уголовным миром. Убийцами здесь являются, обыкновенно, пришлые люди в деревню, временно живущие или останавливающиеся в деревне на одну лишь ночь. Это проходящие через деревни мелкие торгаши, различные мастера и др. Картина убийств здесь до банальности однородна. Проходящие через деревни такие лица останавливаются на ночлег у какого либо зажиточного крестьянина (заранее это выведывается от соседей), ночью убивают хозяина, приютившего их, и уходят, забирая награбленные

деньги и вещи. Или же встречаются такие убийства: временно живущие в деревне кустари или мастера убивают кого либо из зажиточных крестьян с целью завладеть его деньгами и скрыться к себе на родину. Возможность уехать совсем из деревни, с одной стороны, и явиться к себе домой после заработка с большой суммой денег, с другой, являются в таких случаях сильным побудительным мотивом к совершению убийства. Интересно, что в одном из таких случаев был убит нищий, про которого «ходила слава», будто он страшно богат, на самом же деле убийцам удалось у него взять лишь 150 рублей.

Близко к этим деревенским корыстным убийствам подходят и несколько случаев, имевших место в Московской губернии, убийств работниками (батраками) своих хозяев с целью завладения их деньгами. Но здесь к мотиву корысти во всех почти случаях примешивалось и чувство мести за эксплуатацию батрака его хозяином. Что эта эксплуатация существует еще в деревне, видно уже из того, что были такие случаи¹, когда, например, один батрак за 11 месяцев тяжелой работы получил одни новые лапти, или другой за 6 месяцев работы получил 2 рубашки и один рубль. Не удивительно, поэтому, что эти корыстные убийства окрашиваются и чувством мести работника к своему хозяину.

Среди корыстных убийств в деревне весьма значительное место занимают убийства на почве семейных разделов. Но мы здесь не останавливались на них, так как в виду их своеобразия они выделены нами в особую группу, о которой речь ниже. Теперь же мы отметим еще ряд убийств, отличающихся от рассмотренных нами выше корыстных убийств своей бесцельностью, бессмысленностью и вместе с тем жестокостью и дикостью. И здесь мотивом преступления являются корыстные побуждения, но последние малопонятны, необъяснимы. В самом деле, такие убийства, когда один убивает другого, чтобы получить с него долг в 15 рублей, или молодая девушка, убивающая свою соседку, чтобы завладеть ее пальто и, продав его, расплатиться с портным, которому она должна 10 рублей, или охотник, встретивший в лесу мальчика, отставшего на охоте от отца, пытается отнять у него ружье и при сопротивлении последнего убивает ребенка—поражают своей жестокостью и бессмысленностью. Такие случаи убийства неизбежно заставляют сомневаться в психической полноценности совершивших их лиц, хотя и признанных судом вменяемыми.

Очень близко к корыстным убийствам подходят убийства, возникающие на почве семейных, имущественных разделов. Они составляют 6,0% всех прошедших перед Московским Губерн-

¹ ЕСЮ, № 10, 1927 г.

ским Судом убийств за трехлетний период 1924-26 г.г. Эти убийства являются всецело продуктом деревни, в городе мы их совершенно не встречаем. И это вполне понятно, ибо лишь в деревенском быту играет большую роль порядок раздела имущества. Собственный дом, надворные пристройки, скот, инвентарь и многое другое, принадлежащие одной, часто многочисленной семье, и наживаемые ею при совместной работе, являются объектами семейных разделов или выделов при уходе кого-либо из членов семьи на сторону. В убийствах, порожденных разделом имущества, особенно ярко вырисовывается тип крестьянина-собственника. Искони присущее желание крестьянина обзавестись своим хозяйством, добром, да при этом лучшим, и уж во всяком случае не худшим, чем у его соседа, дабы не быть зависимым в работе от других, выступает рельефно в правонарушениях этой группы, и все преступление окрашивается этим стремлением. Сын убивает отца, чтобы завладеть домом и тем предупредить законный предполагавшийся раздел имущества, по которому сыну не пришлось бы стать хозяином дома. Муж, ранее принятый в дом своей жены, убивает последнюю, чтобы стать полным собственником ее имущества, не дожидаясь назначенного раздела имущества. И подобных приведенным примеров убийств очень много. Нужно иметь в виду, что сама социальная обстановка, в которой проявляются эти типичные черты собственника-крестьянина, лишь способствует нарастанию недоразумений и споров из-за раздела имущества. Так, например, уход на войну сына или мужа, долгое отсутствие их из деревни, а затем возвращение в хозяйство, часто создает конфликт между оставшимися в деревне членами семьи и пришельцами. Правда, споры редки, если вернувшийся остается жить вместе со всей семьей. Но лишь только он захочет выдела, как тут возникают недоразумения и споры. Оставшиеся считают себя вправе не включать в общую сумму дележа имущество, нажитое в отсутствии сына или мужа, бывших в Красной армии или на зарботке в городе, пришедший же думает по другому. Бывают случаи, когда для разрешения этого спора, какая либо из сторон вместо того, чтобы обратиться в земельную комиссию или на суд, идет на убийство, намереваясь тем самым разрешить вопрос в свою пользу. Частые разводы, наблюдающиеся и в крестьянском быту, также являются благоприятствующим моментом для возникновения недоразумений при семейных разделах. Муж, напр., при разводе, не желая дробить нажитое вместе с женой имущество и выделять из него долю жене, убивает последнюю и тщательно скрывает следы своего преступления. Среди других причин семейных разделов следует еще отметить: выбор нового домохозяина после смерти старого или при наличии болезни последнего, когда нередко члены двора не согласны друг с дру-

гом с новым кандидатом, и на этой почве происходят разделы имущества; или выплата алиментов целым двором за кого-либо из молодых членов семьи, когда двор, желая избавиться от алиментщика, заставляет его просить выдела из семьи¹, и масса других, самых разнообразных причин.

Мы сказали выше, что убийства на почве раздела близко подходят к корыстным убийствам. Действительно, и здесь мотивом убийств являются корыстные побуждения—чаще всего, желание получить большую часть имущества или даже, иногда, по устранении конкурента, и все имущество целиком в свои руки. Но если в вышеприведенных убийствах на почве семейного раздела мотивом убийства являлась лишь корысть, то этого нельзя сказать про другие убийства, также вырастающие в связи с семейным разделом. Мы встречаем и такие убийства, где непосредственно мотивом убийства фигурировали месть, злоба. Например, молодой крестьянин поджигает дом, где находится мать и брат, которые гибнут, мстя таким способом за неправильный, с его точки зрения, произведенный раздел имущества. Или родной брат убивает другого, также руководимый чувством мести за несправедливый раздел хозяйства и много других случаев. Но и здесь все же, сама месть вырастает из корыстных побуждений—из желания получить большую часть имущества, чем следует по закону. И здесь все тот же мелкобуржуазный инстинкт собственности, с веками впитавшийся в крестьянине. Семейные разделы, где всегда почти остаются недовольные и обиженные (с их точки зрения, конечно), являются благоприятной почвой к возникновению ссор между членами семьи, даже при незначительных поводах. Эти ссоры, подогреваемые часто выпитым вином, переходят, обычно, в таких случаях на большую для спорящих тему о разделе имущества. Корыстные мотивы раздела придают особую, угрожающую окраску спору, который и кончается иногда убийством. Напр. сын, возвратившийся из города в деревню, делится с отцом. Сын считает разделом себя обиженным. На этой почве между отцом и сыном возникают частые ссоры. В одну из таких ссор сын убивает отца. Все эти случаи убийства до банальности просты и сходны между собой. Здесь следует отметить, что благоприятным условием для создания преступления нередко является длительность рассмотрения земкомиссиями дел, связанных с разделом имущества, что заставляет людей, враждебно настроенных друг против друга, долгое время жить вместе, под одной крышей. Это обстоятельство, конечно, не может не влиять на обострение отношений между делящимися членами семьи и, в свою очередь, способствовать нарастанию преступления.

¹ «Пролетарский Суд» № 23—24, 1927, стр. 17.

Общеизвестно, что одим из важнейших факторов этиологии и роста преступлений против личности является употребление населением алкоголя. Совершенно ясно, что этот фактор имеет большое значение и для возникновения тягчайшего преступления против личности, убийства. Мы уже упоминали, анализируя ревностные убийства, о том, как иногда эти последние совершаются в состоянии опьянения и как алкоголь, кроме того, способствует наростанию чувства ревности. Но значение злоупотребления спиртными напитками далеко не одинаково для всех групп убийств. Можно уже *a priori* сказать, что, например, в корыстных убийствах, где требуется сохранение ясности разсудка у убийцы для дальнейших действий после убийства — кражи вещей и денег, мы, безусловно, очень редко встретим правонарушителей, действовавших в состоянии сильного опьянения. То же самое можно сказать и про убийства с целью сокрытия следов другого преступления. Наоборот, в убийствах, являющихся следствием сильной ссоры или мести за полученное оскорбление, где как сама ссора, так и нанесение оскорблений вырастают на почве совместного пьянства потерпевшего и обвиняемого, можно заранее предполагать, что правонарушитель действовал в состоянии опьянения, создавшего повышенную возбудимость. Высказанные нами соображения вполне подтверждаются полученными нами данными из рассмотрения нескольких сот убийств.

Таблица № 28.

Влияние опьянения на совершение различных видов убийств

Виды убийств	Совершены в трезвом состоянии	Совершены в пьяном состоянии
Убийства с целью сокрытия следов преступления	99,0	1,0
Корыстные убийства	91,5	8,5
Убийства из ревности	79,9	20,1
Убийства из мести	70,0	30,0
Убийства в ссоре	49,0	54,0

Мы видим, таким образом, что количество убийств, совершенных в пьяном состоянии, уже довольно значительно для убийств из ревности (20,1%). Далее, оно составляет почти 1/3 для убийств из мести, и, наконец, 54,0%, т.-е. более половины, для убийств в ссоре.

Приступая к рассмотрению следующей группы убийств, к убийствам в ссоре, мы должны, следовательно, констатировать, что здесь преступление как бы пропитано алкоголем, спиртными напитками. По своему размеру группа убийств в ссоре

занимает третье место среди всех рассматриваемых нами убийств и является группой во много раз меньшей группы убийств из ревности и группы корыстных убийств (взятых вместе с убийствами на почве имущественного раздела). Группа убийств в ссоре включает в себя 17,9% всех убийств, прошедших перед Московским Губернским Судом за последний трехлетний период. Совершаются эти убийства, главным образом, в деревне: из всех убийств в ссоре 77,0% их падает на деревню и лишь 23% — на город. В этой группе убийств следует прежде всего остановиться на преступлениях, возникающих на почве семейных взаимоотношений. Семейные нелады, неурядицы часто служат причиной убийства отца сыном и, наоборот, убийства тещи зятем, брата братом и т. п. В деревне, где до сего времени можно встретить многочисленные семьи (напр., родители со своими женатами сыновьями или замужними дочерьями, а эти последние со своими детьми и т. д.), живущие вместе и ведущие совместное хозяйство, безусловно, больше возможностей, чем в городе, для возникновения самых разнообразных ссор, неурядиц, порождающих неприязненное отношение между родственниками, и переходящих иногда в открытую ненависть друг против друга. Причинами же семейных неурядиц бывают самые разнообразные социальные условия. Тут и скупость отца старика, человека старых «твердых» устоев, отказывающего детям с возрастом, иногда заходящим за 30—35 лет, в мелких необходимых деньгах. Здесь и ссоры из-за детей женатых членов семьи. Например, очень часто ссоры между свекровью и снохами из-за детей последних. Свекровь оказывает большее внимание детям одного сына и, наоборот, меньшее детям другого. Мать обойденных детей считает себя в таких случаях сильно обиженной, и почва для ссоры со свекровью уже готова. Покупка обуви, одежды и др. предметов в столь многочисленной семье, каковой чаще всего бывает крестьянская семья, также является причиной раздоров в семье. Разница в цене или в качестве одежды, приобретенной отдельными членами семьи, создает недоразумения, неприязненные отношения одних членов семьи к другим. И эти недоразумения выливаются очень часто в перебранки, переходящие в семейные ссоры¹. Плохая работа или беспутное поведение кого-либо из живущих в семье также дают не малый материал и пищу для возникновения постоянных ссор и даже драк и убийств. Наконец, здесь часто причиной убийства является желание, возникающее с особой силой в пылу ссоры, жены избавиться от изверга мужа, от его частых, постоянных побоев и вечных скандалов. Интересно, что в совершении этих последних убийств принимает участие не только

¹ См. «Пролетарский Суд» № 23—24, 1927, стр. 16.

на. Ей помогают и другие члены семьи: братья, сестры и дети, также измученные безобразным отношением к ним отца. И неудивительно поэтому, что 25% всех убийств, совершаемых иждивенцами, падают как раз на рассматриваемую нами группу убийств—убийств в ссоре. Эти убийства, являющиеся чаще всего в результате крупной ссоры или драки, происшедшей между потерпевшим и обвиняемыми, порождаются всецело тем самодурством, грубостью и жестокостью, которые проявляют иногда мужья в отношении своих жен. Побои, истязания жены, а также и детей за лишнее, наперекор сказанное мужу, «главе семьи», слово, или не во время приготовленный обед встречаются еще довольно часто в семейном быту наших рабочих и крестьян. Мы не можем удержаться от того, чтобы привести здесь один особенно яркий случай такого обращения мужа со своей женой (Дело из Верховного Суда РСФСР). Крестьянин В., придя домой и убедившись, что его жена забыла высушить подстилки к сапогам, которые В. должен был одеть, начал сильно избивать свою жену. Тогда жена решила пожаловаться на В. милиционеру и направилась к последнему для составления протокола. Но по дороге ее перехватил В. и стал ей наносить удары кухонным ножом, после чего жена умерла. И это было сделано крестьянином, пользовавшимся большим уважением в околотке и занимавшего одно время место председателя сельского совета. Точно также причинами ссоры, а затем и преступления является нередко то паразитическое существование, которое ведет муж-пьяница или сын алкоголик, не только не работающие, благодаря своей приверженности к водке, для семьи, но и разоряющие все семейное хозяйство. Такие члены семьи, проживающие постепенно имущество как жены, так и ее детей, становятся в тягость всему семейству, и члены последнего, дабы избавиться от дармоеда, в пылу возникшей очередной ссоры совершают преступление. Наконец, здесь также встречаются нелады и крупные разногласия между представителями старого поколения и людьми нового поколения. Старый отец, приверженный религии и мало симпатизирующий новому советскому строю (если не сказать большего), с одной стороны, и сын-комсомолец, безбожник, с другой; эти представители разных миров нередко сталкиваются между собой, вследствие чего возникают ссоры, чаще всего на политические темы. Но не редки также ссоры из-за религиозных убеждений отцов и детей. Старые родители требуют совершения в семье всякого рода религиозных обрядов: венчания, крещения, отпевания и т. д., дети же, воспитанные в духе нового времени, протестуют против них. И опять споры, снова недоразумения. А такого рода споры переходят нередко в сильные ссоры со взаимными оскорблениями и угрозами. А эти последние иногда и реализуются в виде убийства. И масса

других самых разнообразных причин и условий, сеющих ссоры и неприязнь между совместно живущими членами семьи. Эти многочисленные ссоры, конечно, в большинстве случаев кончаются ничем иным, как пустой угрозой, бранными словами. Но распитая по какому либо поводу самогонка (а ее в деревне еще много) или водка придают, обыкновенно, особо опасную окраску возникающим вслед за этим ссорам у людей, находящихся в неприязненных отношениях между собой.

Но если в приведенных выше убийствах взаимная злоба, явившаяся в результате семейных неурядиц, как бы ищет лишь случая вылиться в преступление, то на ряду с этим мы имеем неменьшее количество таких убийств, где часто между убийцей и потерпевшим не было ранее никаких неприязненных отношений и где они никогда не ссорились. Лишь в результате выпитого в большом количестве вина, они доходят до взаимных тяжких оскорблений, а затем до драки и убийства. Алкоголь здесь играет почти решающую роль. А убившие после своего вытрезвления почти всегда не отдают себе отчета в том, что они сделали, и смутно или же совсем не помнят, как произошло преступление. В этих преступлениях с особенной выпуклостью сказываются темнота и невежество, которые присущи населению как города, так и, в особенности, деревни, где эти убийства особенно часты. И очень показательно, что в анализируемой нами группе убийств мы почти не встречаем (всего лишь 4,7 %) служащих.

В группу убийств в ссоре мы также относим и убийства, характерной особенностью которых является то, что они также, как и рассмотренные выше, совершаются в пьяном виде и, главное, что они совершаются не единолично, а в соучастии двух-трех, а иногда и большего количества людей. Обстановка этих убийств, получивших издавна название поножовщины, до крайности банальна. На вечеринке, или посиделках в деревне, на которых гуляет деревенская молодежь, выпивается изрядное количество водки. В результате последнего затеваются ссоры между присутствующими парнями, которые, под влиянием выпитой водки, скоро переходят в драку. Драка же в свою очередь нередко заканчивается и убийством кого-либо из поссорившихся. Эти убийства носят часто чисто хулиганский характер благодаря своей бесцельности, безмотивности. И здесь, как нам кажется, причины преступления все те же, что и в других убийствах в ссоре. Это, прежде всего, злоупотребление алкоголем, развитое в кругу деревенской молодежи и отсутствие культурных развлечений на деревне (спорт, здоровые игры, кино и пр.), куда бы молодежь могла потратить свою, иногда находящуюся в избытке, энергию. Мы не останавливаемся подробно на такого рода убийствах (поножовщине), т.-к. вопрос этот

нашел весьма полное освещение в статьях сборника Кабинета по изучению преступника и преступности: «Хулиганство и поножовщина»¹.

В заключение же об убийствах в ссоре следует сказать, что мы здесь не рассматриваем убийств, возникающих на почве ссоры из-за имущественного раздела и из ревности, т.-к. указанные убийства были отнесены нами к другим группам, описанным выше.

Теперь же переходим к последней из наиболее значительных групп убийств—убийствам из мести. Эти убийства составляют 13,5% в общей массе убийств, прошедших перед Губсудом за последние три года. И если корыстные убийства, а также убийства из ревности во много раз чаще встречаются в городе, то убийства из мести, также как и убийства в ссоре, присущи, главным образом, деревне. Месть, как основной мотив этих убийств, порождается самыми разнообразными условиями. Так, убийство является очень часто способом мщения за совершенное преступление: кражу, поджог и др. Этот вид убийства приобретает подчас характер самосуда над провинившимся, со всеми присущими ему специфическими особенностями расправы. Известно, какой ущерб наносит крестьянскому хозяйству кража лошади, практикующаяся очень часто в деревне цыганами-конокрадами. А если к тому же эта кража совершается в страдную пору, то крестьянин остается, буквально, без рук в своем хозяйстве. Советское уголовное законодательство, учитывая особенности таких краж, выделяет в особый деликт кражу рабочего скота у крестьянина, при чем санкция за этот вид преступления выше, чем за обыкновенную кражу. Но, конечно, это не может пока избавить деревню от этого зла. И на почве конокрадства возникают расправы над пойманным вором. Расправы иногда приобретают самый дикий, невероятный характер, граничащий с нравами самого глубокого средневековья. Как на яркий образчик такой расправы, укажем на нашумевший в свое время процесс о сожжении на костре двух конокрадов-цыган, участие в котором принимали около 200 человек крестьян. Этот случай настолько интересен, что нельзя не описать его несколько подробнее. В деревне близ с. Пушкино, Московской губ., у крестьян были уведены конокрадами лошади. Крестьяне этой деревни совместно с крестьянами двух соседних деревень решили устроить облаву на конокрадов, для чего оцепили вблизи деревни лежащий лес. Вскоре конокрады были пойманы; их было двое. Весть о том, что конокрады пойманы, быстро стала известна всем находившимся в лесу крестьянам. К месту нахождения цыган

¹ См. статьи Маньковского: «Деревенская поножовщина» и Аккерман «Убийства в драке».

(конокрадов) стали быстро собираться все участвовавшие в облаве. Цыганам были связаны руки, и они были выведены из чащи леса, где находились, на расчищенное место. По пути большинство из присутствующих наносили цыганам удары кулаками по разным частям тела. Когда цыгане были приведены на поляну, в толпе пронесся слух о том, что с двумя пойманными цыганами был какой то третий, якобы в красной рубахе. В виду того, что избитые цыгане не хотели назвать их третьего сообщника, в толпе возникла мысль пытать цыган на костре. Последний был вскоре разведен, и связанные цыгане были положены на огонь. (Интересно отметить, что в сожжении цыган принимали деятельное участие и женщины, помогавшие разводить костер). Уже лежавшим на костре цыганам крестьяне наносили удары, и это продолжалось до тех пор, пока цыгане не задохнулись от дыма. Затем была вырыта недалеко от костра яма, куда и были брошены и зарыты два изуродованных и обожженных трупа. Одежды цыган была отдана участниками самосуда сироте К. Но, конечно, этот случай исключительный, ибо, обыкновенно, бывает так, что крестьяне, поймавшие конокрада, тут же расправляются с ним на месте. Приведем также случай, когда крестьянин, у которого цыган пытался украсть лошадь, убил последнего из-за угла улицы, в тот момент, когда пойманного вора другие крестьяне собирались отправить в милицию. Этот случай ярко показывает, что крестьяне считают слишком незначительной ту меру социальной защиты, которую, согласно Уголовного Кодекса, назначает наш суд за конокрадство. И неудивительно, что на одной из сессий ВЦИК'а при обсуждении У. К. раздавались голоса крестьян о введении за конокрадство высшей меры социальной защиты. Оставляя в стороне вопрос, насколько неправы те, которые требуют повышения санкции за конокрадство, мы лишь отмечаем, что это недовольство мягкостью судебной репрессии в отношении конокрадов является одним из стимулов к возникновению такого рода убийств в деревне. Крестьянин, обходя законное правосудие, решает сам расправиться с правонарушителем.

Деревня также знает и случаи убийства, вызванные местью за поджог. «Подпустить красного петуха» — излюбленный способ мести в крестьянском быту за полученную какую-либо обиду. Этот варварски-преступный обычай лучше всего свидетельствует о той отсталости, невежестве и некультурности, которые еще царят и не в отдаленной от столицы деревне. Но такая месть в свою очередь создает причину возникновения мести со стороны потерпевшего, погорельца, и уж этот последний нередко пускает в ход кровавый способ мести — убийство. Наконец, убийство иногда является способом отомстить за убийство кого-либо из родственников. Первобытный, свойственный дикарям закон «око

за око» и «зуб за зуб», как это ни странно для нашей эпохи, встает со всей ему присущей жестокостью.

Следует также остановиться на убийствах, где мотивом преступления являлась месть за донос властям о совершенном правонарушении. Обыкновенно объектами таких преступлений бывают представители власти на деревне, на селе (предсельсовета, милиционер и т. д.). Этим лицам мстят в таких случаях за их борьбу с выгонкой самогонки, все еще имеющей место в нашей деревне, за донос о порубках леса и др. Вот яркий пример такого убийства из мести, вернее, покушения на него. Лесник Бронницкого лесничества К., проходя через деревню Григорово, увидел крестьянина этой же деревни Н-ва, везущего свежесрубленные в казенном лесу дрова. Лесник К. предложил Н-ву направиться вместе с ним в сельсовет, но Н-в не подчинился. Загорелся спор, во время которого сюда же прибежали едносельчане Б-вы, которые стали осыпать бранью лесника К-ва и наносить ему побои и раны. По своему характеру эти убийства близко подходят к «селькоровским»¹, так как и здесь поводом убийства является месть за разоблачение преступных деяний. Интересно, что для совершения преступления эти темные элементы деревни, с которыми беспощадно ведется представителями власти борьба, иногда объединяются и действуют сообща, при чем каждый из них мстит за свою обиду, за свое дело. Насаждение революционной законности на селе, как видим, имеет свои издержки в лице погибших от рук убийц советских работников.

Но объектами таких убийств бывают и не только должностные лица. Здесь также встречаются убийства родственников, дочерей, сыновей, молодых людей, не желающих мириться в семье с совершением преступления (выгонка самогонки и др.) отца или матери и доносящих на последних судебным властям. Но если в вышеприведенных убийствах субъектами преступления исключительно были мужчины, то на ряду с этим мы имеем убийства, совершенные из-за мести женщинами. Эти убийства, одинаково встречающиеся как в городе, так и в деревне, вызываются чувством мести за полученное оскорбление. Здесь, например, мы находим убийства за оскорбление неприличными словами в кругу знакомых, за оскорбление, вызванное подозрением в краже и т. п.

Наконец, мы остановимся еще на нескольких случаях убийств, возникших на почве извращенных половых отношений. Здесь убийство является способом мести за отказ к вступлению.

¹ На «селькоровских» убийствах мы не останавливаемся, ибо такого рода убийства в Москве и Московск. губ. носят совершенно незначительный характер.

в извращенные половые сношения или же мезгиею за неоднократно принуждения к вступлению в таковые. Так, например, старик-отец (55 лет) живя со своей родной дочерью (17 лет), заставляет ее под угрозой выгнать ее из дома, иметь с ним половые сношения. Дочь под влиянием угроз деспота отца соглашается и живет с отцом продолжительное время. Но вот дочь находит себе подходящего жениха и требует от отца выдать ее замуж. Отец соглашается, но с условием, чтобы после замужества дочь продолжала с ним половые сношения. Дочь же, выйдя замуж, отказывается от сожительства с отцом, и последний убивает ее. Но такие убийства, как мы уже сказали выше, являются также средством отомстить за неоднократно понуждения к половым сношениям путем всякого рода угроз, как психического, так и физического характеров. Как на пример укажем случай убийства двумя молодыми девушками (18 и 19 лет), служащими одного учреждения, старика сторожа (65 лет) того же учреждения, который в течение продолжительного времени принуждал этих двух девушек иметь с ним половые сношения, при чем требовал от них подчинения той форме полового удовлетворения, которую он выбирал. Наконец, девушки, сговорившись между собой, решили отомстить старику за надругательство над ними, для чего и убили его.

Разбираемые нами убийства порождаются половыми преступлениями (ст. 154 У. К.—понуждение женщины к вступлению в половую связь, в отношении коего женщина являлась материально или по службе зависима), часто раскрываемыми лишь после факта самого убийства, когда устанавливаются причина и мотив такого убийства.

На ряду с основными и значительными по своему размеру группами убийств, как то: убийства из ревности, корыстные убийства, убийства в ссоре и из мести, мы можем на основании имеющегося в нашем распоряжении материала (все убийства, прошедшие перед Губсудом за период 1924-1926 г.г.) выделить и другие группы убийств, составляющие незначительный процент среди общей массы убийств. Это убийства среди представителей уголовного мира (убийства в блатном мире) и убийства с целью сокрытия следов другого преступления.

Переходим к первой из них, убийства которой составляют 3,0% всех убийств. Убийцами здесь являются, как уже видно из самого названия группы, преступники-профессионалы: воры, мошенники, бандиты. Как у каждого класса общества существует своя мораль, свои этические нормы, запреты и повеления, так и в деклассированной профессиональной преступной среде имеется своя блатная мораль, свои правила. И нужно заметить, что у этой деклассированной части населения их собственная мораль стоит довольно высоко в смысле ее соблюдения и поддер-

жания. Жестоко подчас карается тот из преступников профессионалов, который нарушает эти необходимые моральные устои и правила существования блатного мира. И самой важной заповедью этой блатной морали является требование «не выдавать», т. е. не доносить ни в каких случаях о преступлении, совершенным своим же собратом по профессии.

Судьба того, кто «сжег», или переводя это блатное слово на обыденный язык, выдал, донес, можно сказать, уже решена, как только его предательстве узнают в среде преступников. Убийство здесь является излюбленным и наилучшим способом отомстить за вероломство своего собрата по работе, проучить провинившегося, с одной стороны, и дать острастку другим. Чаще всего так расправляются с доносчиком бандиты, грабители. Очень часто здесь убийство употребляется как предупредительная мера, дабы не дать возможность подозреваемому лицу, соучастнику преступлений, сделать «донос», выдать. Преступление совершается, обыкновенно, несколькими лицами по заранее, строго обдуманному плану, дабы уже не сорвалось «дело». Приведем один наиболее характерный случай из числа убийств в «блатном мире». Дело происходило в октябре 1926 г. На одной из подмосковных дач собрались бандиты (их было трое) для обсуждения плана очередного вооруженного ограбления. Один из бандитов. А. давно внушал подозрения своим братьям по работе в своей верности, и последние сильно боялись, что А. их рано или поздно выдаст. А. им внушал подозрения, и они решили от него так или иначе отделаться. С этой целью бандиты отправили А. за водкой, а в его отсутствии выработали план покончить с ним. Выпив принесенную А. водку, они все трое вышли из дома. А. шел впереди всех. Вскоре он услышал вопрос одного из бандитов, заданный другому: «шить»? и ответ: «конечно, шей»! Тут же последовал выстрел, но пуля пролетела мимо головы А. Понимая серьезность положения, А. решил притвориться тяжело раненым, для чего упал и слабо застонал. Но последовал второй выстрел, которым А. был действительно ранен в ногу. Зная определенно, что стрелять будут до тех пор, пока не убьют, А. перестал стонать и притворился мертвым. Но преступники пожелали убедиться в смерти А. (так как в противном случае их А. мог бы выдать) и с этой целью один из них подошел к А. и пощупал пульс. Оказалось, что пульс работает, и бандит снова уже было собрался выстрелить, но в это время подходил поезд (дело происходило вблизи железной дороги) и кто-то из двух бандитов подал мысль бросить А. под поезд, тем более, что это могло бы создать впечатление задавленного под поездом (несчастливого случая). Мысль была приведена в исполнение, и А. был положен на рельсы. Бандиты же стали наблюдать...

Этот случай показывает, как жестоко мстят бандиты тем, кто их выдали, как они расправляются с теми, кто им может помешать в их преступных делах. Часто убивается женщина-соучастница, на которую бандит всегда меньше надеется, чем на мужчину. Эти убийства по своему субъекту преступления имеют сходство с убийствами из корысти, совершаемыми, как мы видели, очень часто преступниками-профессионалами. Но это сходство лишь внешнее, ибо мотивы этих убийств совершенно различны, и эти последние можно скорее отнести к группе убийств из мести.

Другой, также незначительной по своему об'ему, группой убийств является категория убийств, совершаемых с целью сокрытия следов другого преступления. Эти убийства составляют лишь 1,5% всех убийств. Несмотря на это, мы все же не можем обойти ее молчанием, так как убийства, входящие в эту группу, имеют свои особенности и причины. Как мы уже сказали выше, мотивом убийства здесь является желание правонарушителя прикрыть другое, ранее им совершенное преступление.

Обыкновенно, в таких случаях прикрываемое преступление бывает также тяжким правонарушением, грозящим большим сроком лишения свободы совершившему его. Здесь, например, встречаются изнасилования и растления, когда преступник, совершив акт насилия или растления, тут же убивает свою жертву. Убийство в таких случаях является с точки зрения преступника единственным верным средством скрыть свое преступление. Но, кроме половых преступлений, которые преступники пытаются посредством убийства скрыть, встречаются и другие, хотя и реже, чем первые. Так, перед Губсудом прошел случай убийства с целью сокрытия совершенной растраты, когда был убит сообщник по растрате, дабы затем иметь возможность свалить всю вину по растрате на убитого. Но на ряду с сокрытием тяжелых преступлений встречаются убийства с целью сокрытия незначительных преступлений, вроде кражи или мошенничества. Во всех этих преступлениях, однако, мы находим одно и то же: меньшее преступление влечет за собой большее. Из боязни быть подвергнутым за совершенное преступление лишению свободы, преступник совершает новое преступление, более тяжкое, будучи уверен, что посредством этого второго преступления ему удастся скрыть следы первого преступления.

В заключение постараемся кратко резюмировать все вышеизложенное нами об убийствах за последние три года (1924-1926 г.г.).

А. Динамика убийств и распределение убийств между городом и деревней.

1. Рост убийств по РСФСР на ряду с более сильным ростом других преступлений против личности.

2. Значительное повышение удельного веса убийств среди всей преступности в РСФСР.

3. Понижение убийств по городу Москве и вместе с этим возрастание убийств по Московской губернии (по деревне).

4. Учитывая плотность населения города и деревни, следует констатировать значительное преобладание убийств в деревне по сравнению с городом.

5. Наличие устойчивости в сезонных колебаниях убийств, характеризующееся повышением убийств в летние месяцы и, наоборот, понижением в зимние месяцы.

Б. Половой состав убийц.

1. Незначительное участие женщин в убийствах по сравнению с мужчинами, участие, меньшее, чем в прочих преступлениях против личности.

2. Участие женщин в убийствах в городе много выше участия женщин в убийствах в деревне.

3. Процент участия женщин в современных убийствах почти в два раза выше процента участия их в дореволюционных убийствах.

4. В то время, как участие мужчины в различных группах убийств (убийство из ревности, из корысти, из мести и в ссоре) почти одинаково интенсивно, участие женщин в различных видах убийств, наоборот, характеризуется огромным преобладанием их в убийствах из ревности.

5. Превыщая по своему удельному весу мужчин в убийствах из ревности, а также в убийствах из мести, женщины дают меньшее участие в корыстных убийствах и в убийствах в ссоре и совсем не участвуют в хулиганских убийствах и в убийствах с целью сокрытия следов другого преступления.

В. Возрастной состав убийц.

1. Преобладание среди убийц лиц в возрасте от 18 до 25 лет. Это преобладание особенно характерно для деревенских убийц, ибо среди городских убийц довольно значителен процент лиц старших возрастов.

2. Определенная тенденция, намечающаяся в последние три года, к возрастанию числа убийц до 18 лет, с одной стороны, и к понижению числа убийц пожилого возраста (свыше 50 лет)—с другой.

3. В то время, как средние возрастные группы (от 18 до 25 лет и от 26 до 35 лет) почти одинаково распределяются по отдельным видам убийств, лица до 18 лет, а также старики (свыше 50 лет) дают значительное преобладание в убийствах из мести.

Г. Семейное положение убийц.

1. Превалирование среди убийц женатых и замужних.
2. Те и другие дают из своей среды наибольший процент убийц из ревности, холостые же—корыстных убийц. Характерные для холостых хулиганские убийства совершенно не встречаются среди женатых и семейных.

Д. Социальный состав убийц.

1. Преобладающая роль в убийствах принадлежит земледельцам, рабочим и служащим.
2. Участие земледельцев в убийствах выше участия их во всей преступности; рабочие же и служащие в убийствах участвуют меньше, чем во всей преступности.

3. Если рабочие и служащие дают весьма большое количество убийц из ревности, то земледельцы чаще всего участвуют в убийствах в ссоре и в убийствах из мести.

Безработные и кустары выделяют из своей среды большое количество корыстных убийц, а также не малое—убийц из ревности.

Еще больший процент (почти половину своего состава) корыстных убийц дают торговцы и деклассированный элемент.

Е. Прежняя судимость убийц.

1. Наличие среди убийц довольно значительного количества лиц, ранее судившихся, главным образом, за преступления против личности и имущественные преступления.

2. Лица, ранее судившиеся за имущественные преступления, преобладают в корыстных убийствах; лица же, ранее судившиеся за преступления против личности, преобладают в убийствах из ревности и в убийствах в ссоре.

3. Количество повторных убийц ничтожно: оно составляет 1,2% всей массы убийц.

Ж. Различные группы убийств.

1. Среди всей массы квалифицированных убийств преобладающее место принадлежит убийствам из ревности, за ними следуют корыстные убийства и убийства в ссоре, затем убийства из мести и, наконец, убийства в блатном мире и убийства с целью сокрытия следов преступления (последние две группы убийств по своему количеству очень незначительны).

2. Если в городе доминирующими видами убийства являются убийства из ревности и корыстные убийства, то в деревне таковыми являются убийства в ссоре и убийства из мести.

З. Факторы убийств.

Анализ различных групп убийств дает возможность наметить ряд социальных факторов убийств.

1. Наличие в части нашего населения старых, закорузлых взглядов на женщину, брак и семью (в частности, идеологии собственности мужа на свою жену), взглядов, являющихся наследием дореволюционного быта России с его приниженным положением женщины в обществе, и способствующих в настоящее время возникновению убийств из ревности. В связи с этими взглядами уродливое восприятие нового семейного быта, проявляющееся особенно ярко в алиментных убийствах.
 2. Приверженность населения к алкоголизму—это не менее тяжелое, чем первое, наследие дооктябрьской России, привитое всей многовековой жизнью населения как города, так и деревни. Алкоголизм, являющийся как бы компенсацией недостаточного развития в среде населения культурных запросов, играет огромную роль в убийствах в ссоре, а также в убийствах из ревности и других видах убийств.
 3. Темнота, невежество и неграмотность, более характерные для деревенской части нашего населения, проявляются с особой выпуклостью в убийствах из мести и в убийствах в ссоре. В частности, недостаточность культурной работы в деревне сказывается в росте хулиганских убийств.
 4. Безработица, еще присущая нашим большим городам (напр. Москва) и являющаяся одним из факторов корыстных убийств (убийство из-за нужды).
 5. Неблагоприятные жилищные условия города с их скученностью, переполнением квартир и теснотой, способствующие возникновению убийств в ссоре, из мести, а также и убийств из ревности.
 6. Наличие значительных кадров преступников-профессионалов, пополняющих ряды корыстных убийц, а также убийц с целью сокрытия следов преступления.
 7. Борьба старого быта с новым, советским строящимся бытом, проявляющаяся ярко в убийствах, совершаемых представителями отдельных социальных групп населения, обыкновенно идеологически чуждыми классу трудящихся. Это—убийства: торговцами с корыстной целью, убийства крестьянами-кулаками на почве имущественного раздела, наконец, убийства в ссоре, возникающие между представителями старого и нового поколения на почве политических и религиозных разногласий.
 8. Недостаточное внедрение в сознание населения, в особенности населения деревни, революционной законности, проявляющееся в убийстве из мести и в самосудах.
 9. Влияние войны (как империалистической, так и гражданской), которое сказалось в понижении в сознании населения ценности человеческой жизни и тем способствовало росту убийств.
-

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ УБИЙЦ.

(По материалам Криминологической Клиники)

І. Введение

«Современный исследователь в области криминальной психологии, говорят Груле и Вецель, поскольку он занимается не одним лишь преступлением и его статистикой, не одним лишь преступным деянием и его условиям, а в действительности изучает психологию преступника, хочет познать преступника как личность, вряд ли может выполнить это желание... не имея возможности собрать собственный материал».

Поскольку в задачи настоящей работы не входят ни выяснение социальной динамики и типологии убийц, ни вскрытие биологического существа убийства, как разновидности стенической—агрессивной или защитной—реакции, а лишь изучение конкретных убийц, с выделением «типического из индивидуального»—постольку и подразделение материала идет не по мотивам убийств, а по линии современного медико-психологического распределения характеров.

Большинство авторов при классификации убийц исходило из мотивов (Краус, Гольцендорф, Ферри, Бэр, Лобас, Геринг и др.). Такое подразделение вполне понятно с уголовно-правовой, общепреventивной точки зрения, так как оно хорошо согласуется с общественной и законодательной оценкой побуждений человеческих действий. Если, таким образом, мотивационное деление диктуется при рассмотрении преступления убийства под углом зрения общего предупреждения, то целесообразность такого деления представляется весьма сомнительной при углубленном изучении самого деятеля—убийцы. Иногда это является неизбежным для суда, который, вследствие невозможности ознакомления со сложным рисунком всей личности убийцы, вынужден пользоваться одним из его штрихов, каким, большей частью, является мотив убийства. В научном же исследовании деление по мотивам невольно заслоняет личность или предопределяет оценочное отношение к ней.

Отчасти такой оценочно-моральной предвзятости обязано традиционное выделение преднамеренного корыстного убийцы и противопоставление ему случайного убийцы по страсти (Ломброзо, Ферри, Проаль, Гольц, Лобас).

Не говоря уже о том, что это разделение совершенно не соответствует тому решающему, фундаментальному значению, которое приписывается современной медицинской психологией аффективности в каждой человеческой реакции, очевидно, что оно совершает недопустимое *petitio principii* и тем самым препятствует раскрытию всей личности деятеля, чуждому какого либо морального суждения.

Отвергая мотивационное подразделение для изучения личности убийц, мы имеем в виду мотив в его субъективном значении—в смысле определенного внутреннего побуждения к действию, совершенно не отрицая возможности использования мотива для научных целей, но в другом его значении—в смысле типичной для данного общества социально бытовой ситуации (конstellации). Так, например, Рубашева в своей работе: «Дети-убийцы» говорит о мотиве в социальном разрезе и справедливо замечает, что «убийства, совершаемые из одних и тех же психологических мотивов, могут оказаться совершенно различными, в зависимости от той социальной обстановки и социальной подкладки на фоне которых разыгрывается это убийство». Работа автора—чисто социологическая и потому естественным является признание, что изучение убийц для нее «не столь важно» как изучение убийства. Мы, с меньшим основанием, можем утверждать, что в одной и той же социальной обстановке, в связи с аналогичными внешними констелляциями, возникают совершенно различные убийства в зависимости от особенностей личности деятеля и—тем самым—от механизмов, осуществляемых в данной преступной реакции. Оба пути совершенно законны: один ведет к выявлению, на основе структуры и динамики данного общества, в данной стадии его развития—некоторых, неизбежно схематизированных, и обезличенных конфликтных ситуаций, вне какого либо учета, кроме разве статистического, вступающих в конфликт личностей. Другой путь ведет к наиболее полному раскрытию целостной, личности, вступающей в конфликт, к распознаванию механизмов свойственного ей поведения вообще, механизма данного убийства, в частности; но этот путь обязательно упирается в отдельную личность, сквозь призму которой соответственно индивидуально окрашивается социально-бытовая канва данного конфликта.

Поставленные в настоящей работе задачи и характер собранного нами материала, диктуют выбор второго пути. Все же необходимо отметить возможность третьего пути, намечающего синтез широко социологического и узко индивидуального изучения

убийств. На этом пути исходным пунктом является подбор убийств определенной категории, совершающихся при одной и той же типической бытовой констелляции, с параллельным тщательным индивидуальным изучением лиц, совершающих убийства именно в этой ситуации. Таким путем шло изучение, так называемых, семейных убийств или расширенных самоубийств (Мюраль, Вебер, Введенский), убийств на почве тоски по родине (Ясперс), убийств одного из супругов (Фосс), убийств возлюбленных (Груле и Вецель), массовых убийств, поскольку их основным ядром были те же семейные убийства (Вецель), убийств по страсти (Гольц, Проаль), корыстных убийств (Лобас), отцеубийц (Ковалевский, Асселен), детоубийств и т. д.

Так Фосс, изучая супругоубийства, проникая «за китайскую стену, окружающую каждый брак», подчеркивает потенциальную конфликтность брака вообще, ибо, по его мнению, чем теснее связаны два представителя различного пола, тем более угрожает опасность тяжелого конфликта, ибо «в каждом браке необходимо предположить, что он несчастлив, что между супругами существует более или менее выраженная напряженность отношений».

В типичных случаях так называемых семейных убийств обычно констатировался экономический—материальный и служебный—упадок главы семьи—убийцы, но одновременно ярко выявлялась вся относительность этого упадка, воспринимаемого убийцей как непоправимое крушение сквозь призму аффекта отчаяния или более или менее выраженных меланхолических состояний.

Классическая работа Ясперса касается убийств хозяйских детей, порученных уходу юных служанок, отданных на чужбину. И как раз эта работа особенно ярко выявляет то положение, что данная бытовая ситуация является лишь канвой, на которой одинаковые узоры создают лишь близкие друг другу по своему складу личности.

Из этого видно, что и третий путь еще далек от синтеза, и на нем авторы уклонялись в сторону, в зависимости от руководящих точек зрения. Тем не менее, этот путь дал возможность ближе всмотреться в некоторые ситуации, чреватые конфликтами, указал на типы личностей, склонные впадать в конфликты в этих ситуациях и, тем самым, устанавливал понятные—психологические или психопатологические—связи и для этого тяжкого преступления.

В настоящей работе мы по этому пути следовать не можем, во-первых потому, что наш материал собирался по одному лишь признаку убийства независимо от его вида, а во-вторых, и потому, что мы считали бы полезным предварительно сопоставить убийц,

принадлежащих к разным характерологическим группам, независимо от мотива убийства и выявить типичные для каждой группы механизмы, столь ярко вскрывающиеся в убийстве. К этому обязывает нас и общий взгляд на криминально-психологические изыскания, как на один из способов медико-психологического познания личности вообще.

Проводя характерологическое подразделение убийц, мы, следуя за Ашаффенбургом, сохраняем в процессе исследования за мотивом убийства значение «лишь одного из симптомов для диагноза личности». Приведем справедливое утверждение Кремера о том, что «большинство психических реакций возникает не из одного мотива, а из узла мотивов».

Наш материал составлен 37 лично изученными случаями убийц, из которых 32 были нами наблюдаемы в Криминологической Клинике, 5—в других местах лишения свободы. Диагностика клинических случаев подтверждена на конференциях Клиники. О 4 случаях дополнительные сведения нами получены в Институте Судебно-Психиатрической Экспертизы имени Сербского.

В настоящей работе мы, к сожалению, не имели возможности привести весь материал, почему и ограничивались характеристикой лишь 16 убийц, представляющихся нам наиболее яркими как в бытовом, так и в медико-психологических отношениях. Все же, для освещения всего материала, приведем некоторые относящиеся к нему данные.

Изучавшиеся убийцы направлялись в Клинику без какой-либо предвзятости в смысле особенностей личностей убийц или мотивов преступления, а лишь по признаку убийства; большинство случаев—19—получены нами из МУР'а, остальные—из других мест лишения свободы.

Обследованные убийцы являются в громадном большинстве случаев здоровыми личностями в смысле социально-судебном: лишь двое из них были признаны невменяемыми и у одного давнее душевное расстройство было обнаружено в Клинике. Судебно-психиатрическая экспертиза производилась в 13 случаях. В 4 случаях предоставлялось судебно-следственным органам особое медико-психологическое заключение на основании клинического изучения личности убийц.

Среди общего числа обследованных убийц было 11 тяжелых хронических алкоголиков; предававшихся же привычному или бытовому пьянству—19 человек. В 23 случаях преступление совершено в более или менее выраженном состоянии опьянения, в 11 случаях преступление было непосредственно связано с опьянением.

В 26 случаях с раннего детства отмечались выраженные характерологические особенности, почти неотличимые от психопатических. В общем числе убийц имеется 9 тяжелых психопатов и 9 лиц—с выраженными склеротическими и алкогольными изменениями личности.

По принадлежности к основным характерологическим группам наши убийцы распределяются следующим образом:

- 1) к циклоидной группе—1 случай;
- 2) к шизоидной группе—21 случай, из которых гиперестетических шизоидов 4, смешанных—4, анестетиков—8. 1 шизофреник и 4 случая с более или менее выраженной умственной неполноценностью на шизоидной основе.
- 3) к epileптоидной группе—15 случаев, из которых 2 epileптика, взрывчатых epileптоидов—4, вяжких epileптоидов—7. epileпто-шизоидов—2.

Особенно тяжелые семейно-бытовые условия отмечены в 18 случаях. Из всех убийц принимали участие в войне—12.

По мотивам убийства, (принимаемым в социологической работе настоящего сборника), случаи распределяются следующим образом: ревность—13 случаев (9 шизоидов и 4 epileптоида); корысть—6 случаев (4 анестетических шизоида и 2 вяжких epileптоида); месть—8 случаев (3 холодных шизоида, 1 epileптик, 2 epileптоида и 2 epileпто-шизоида); ссора и драка—10 случаев (1 циклоид, 4 шизоида и 5 epileптоидов—все с примесью хронического или бытового алкоголизма).

Подразделение представляемых случаев мы проводим по трем группам—циклоидной, шизоидной и epileптоидной,—в пределах которых в нашей клинической работе мы привыкли располагать всех правонарушителей, ибо такое подразделение людей вообще пока представляется нам наиболее медико-психологически обоснованным. Мы отдаем себе полный отчет в том, что подобное трехчленное деление является несколько схематичным, что каждая из этих групп порою представляется слишком узкой, невмещающей всего многообразия той или другой личности, и все же оно опирается на подлинные клинико-эмпирические наблюдения, а потому и наиболее приемлемо в настоящее время.

Все 3 характерологические группы наметились путем незаметных постепенных переходов от болезни к норме и каждая из них является своего рода проекцией хорошо изученных форм душевного расстройства (шизофрении, маниакально-депрессивного психоза и epileпсии) в область нормальных характеров. По мере клинического дифференцирования болезненных форм можно будет перейти и к менее схематическому построению основных характерологических групп.

Циклоидная и шизоидная группы являются в настоящее время почти общепризнанными и к описанию их Кречмером доба-

вить нечего. Выделение эпилептоидной группы в последнее время приобретает все больше и больше сторонников; в дальнейшем мы изложим некоторые наши соображения по поводу последней.

II. Циклоидная группа

Случай I 20 января 1927 года престарелая гражданка Р. была найдена в своей комнате мертвой; констатирован перелом 4-х ребер справа, 7 ребер слева. Подозрение пало на сына; последний через 13 дней явился сам в МУР, прочтя в газете о смерти, собственной матери и заявил, что, повидимому, он является виновным. Установлено, что 18 января сын и мать пьянствовали в квартире у последней, затем поссорились, причем он избил ее; на обычную среди них драку квартирная хозяйка внимания не обратила, в комнату не вошла и лишь воспользовалась выходом сына Р. в корридор, чтобы с помощью дворника отправить его в милицию для вытрезвления. На утро он вернулся, прибрал комнату и принес стонущей и занемогшей матери опохмелиться, причем больше выпил сам; снова стал ссориться и был выпровожден соседями из квартиры. На другой день была констатирована смерть матери Р. За нанесение тяжких телесных повреждений, повлекших за собою смерть, Р., по ст. 142 части 2 УК, приговорен к лишению свободы сроком на 4 года.

Р. пикно-атлетического телосложения. Живая выразительная мимика. Нерезкие признаки атеросклероза.

Р. 44 лет, по профессии повар, вдов. Отмечается тяжелая двусторонняя наследственная алкогольная отягощенность. Отец пил с молодости; редко был трезвым. В состоянии опьянения был невозможным—скандальным, придирчивым, драчливым. В трезвом состоянии был вспыльчив и нелюдим.

Мать в молодости—веселая, общительная, горячая. Со времени замужества—с 18 лет—стала пить; говорила, что выдали замуж ее против воли. Пьяная была невыносимой—гневной, раздражительной, скандальной. В последние годы ее пьянство сделалось систематическим и характер значительно испортился: в трезвом состоянии она была ворчливая и раздражительная. Внешностью сын похож на мать. По материнской линии сильно пила бабка.

До 12-летнего возраста Р. прожил на родине—в деревне Ярославской губернии; семейные условия были кошмарными, вследствие сплошного пьянства обоих родителей и систематического истязания ими друг друга и детей. Из-за пьянства матери, Р. школу не посещал: за зиму учения следовало платить 20 коп.—стоимость сотки, потому забрали из школы. С 12 лет Р. живет в Москве: сначала поваренком в ресторанах,

а затем самостоятельным мастером. Живет сытно, работает до 15 часов в сутки, быстро приспосабливается к окружающей среде: сначала пьет остатки сладких вин у судомойки, а затем начинает посещать кабаки. К 18-ти годам делается хорошим поваром и привычным алкоголиком. С того же возраста—регулярная половая жизнь—с «коллегами по службе» и в публичных домах. Во время службы в Эрмитаже сошелся с шансонетной танцовщицей и прожил с нею несколько лет, пока внезапно она его не бросила; отнесся к этому спокойно. Вся жизнь протекала в труде и разгуле. Его ценили, как хорошего специалиста; работал он и на окраинах России, служил на Мурманском железнодорожном строительстве. Вскоре после его приезда в Москву туда же переехала и мать, бросившая отца. Трезвыми встречались мирно, пьяными неизменно бранились и частенько дрались—из-за каждого пустяка. Мать все более и более опускалась вследствие пьянства; не довольствуясь многократными получками денег от сына, она однажды забрала его вещи без его ведома. В последнее время их конфликты участились из-за жены Р.—все той же танцовщицы, с которой Р. снова встретился случайно в пивной и зарегистрировался; потеряв в 1925 году комнату, в которой жил вместе с женой, Р. просил мать устроить у себя хотя бы жену; мать это ему обещала, получила даже авансом соответствующее «угощение», а потом отказалась, ссылаясь на запрет домоуправления. В связи с этим супруги Р. жили раздельно, и о смерти жены своей Р. узнал слишком поздно, так как она жила у подруги.

По характеру Р. в детстве—большой озорник, любил подшутить и напроказить. Всегда очень способный к ремеслу. Неизменно живой, веселый, общительный. Большой любитель всех удовольствий жизни. Отнюдь не мечтательный, всегда практичный. Постоянно окруженный своей кампанией. Никогда не унывающий. Пить начал лет с 14-ти, ибо «все пили». В течение многих лет пил до 2-х бутылок в день. Пробовал лечиться у баптистов, полтора месяца выдержал, а потом запил «до чертиков». В последние годы появились ночные кошмары, стал портиться характер—появилась большая раздражительность.

За свое почти полугодовое пребывание в Клинике, Р., благодаря своей живости, общительности и активности, был одним из руководителей культработы. В Клинике же выявилось его определяющее поэтическое дарование. Явления некоторой алкогольной оглушенности, с которыми он поступил к нам, почти рассеялись, но время от времени, как дань окончательным изменениям личности алкогольного порядка, Р. обнаруживал вспышки раздражительности и озлобления, что не надолго страивало его добрые отношения с окружающими. Для характеристики отношения Р. к жизни, к преступлению и к собствен-

ной личности приведем его два стихотворения, посвященные покойным матери и жене; этими стихотворениями, кстати сказать, он начал в Клинике свою обильную поэтическую деятельность.

Моей матери

Что же я наделал,
Что я натворил,
Мать свою родную
Пьяный я убил.
И теперь за это
В камере сижу
И, как зверь, в решетку
Из окна гляжу.
И теперь я места
Не найду нигде,
Тень убитой матери
Преследует везде.
Голова кружится,
Сердце давит грудь,
Не могу покойно
Даже я уснуть.
Что же будет дальше,
Сам я не пойму.
От тоски тяжелой
Я с ума сойду.
Я хочу забыться,
Хоть во время сна,—
И во сне мне снится
Бедная она.

Даже и не знаю,
Где похоронили,
И без гроба в землю,
Верно опустили.
Не найти дороги
До ее могилы
Ох, как сердцу больно,
Грудь тоска сдавила.
Кровь ее родную
С рук мне не стереть.
И, с пятном кровавым
Придется умереть.
Солнце закатилось,
Ласки не видать,
Не приду я больше
День к ней коротать.
Не услышу больше
Я ее привета
Ты небось голодный —
На-ко пообедай.
А потом немножко
Ляжешь отдохнешь,
И уже на Биржу
Ты тогда пойдешь.

Эх, твоих, мамаша,
Слов мне не забыть,
Но, что уж погибло,
Того не воротить.

Моей жене

Что я за несчастный
Не могу понять,
Сел я за решетку
Горе горевать.
Октября шестого
Умерла жена,
И тоже я не знаю,
Где лежит она.
Померла ударом,
Горлом кровь пошла,
У чужих в квартире
Смерть ее нашла.
Как она просила,
Что-бы я не пил
И ее больную,
Я не изводил.

Но все было тщетно,
Пить я продолжал
И в сырую землю
Я ее загнал.
Приходил я пьяный,
Заводил скандал,
Слов ее не слушал
Бил все и ломал.
Часто ее вещи
Из квартиры крал,
Несмотря на слезы
Я их пропивал.
Наконец квартиру
С пьянством потерял
И, свои вещички
Все я размотал.

Весь я оборвался,
Стал я босяком
И попал на устье
Я в ночлежный дом.
 А она не знаю,
 Где это нашла
 Угол у подруги
 Там и умерла.

Увезли бедняжку
В морг на ломовом.
Я теперь остался
Сиротой кругом.
 Где она зарыта
Я теперь не знаю,
Только ломового
Я припоминаю.

Спи же дорогая,
Спи себе покойно
В жизни пострадала,
Но теперь довольно.

Перед нами прежде всего личность выраженного циклотимного склада—общительный, незлобивый, веселый, беспечный, практичный, умело обретающий наиболее ценные для него блага существования, неизменно бодрый и компанейский—таков он с детства, несмотря на исключительно неблагоприятное бытовое окружение, таков в основе он сейчас, несмотря на все происшедшее, несмотря на некоторые наслоения алкогольного порядка. В конституционном складе личности самом по себе, казалось не было и намека на механизмы, которые могли бы быть проявлены в тягчайшей антисоциальной реакции убийства матери. Однако же она налицо. Исключительно тяжелые криминогенные моменты воздействовали с раннего детства на эту циклотимную личность: вместо семьи—пьяный вертеп, кулачное отреагирование родительских взаимных ущемлений—друг на друге и на детях; вместо школы, с детства—ресторанная кухня и пятнадцатичасовой труд и окружающее почти профессиональное пьянство—сплошное, беспробудное, беспросветное. Вместо каких-либо культурных воздействий города—кабак и публичный дом. И в этих условиях личность, быть может, как раз благодаря своему циклотимному складу, наиболее гармонирующему любой среде, дает максимум приспособления: Р. становится мастером своего дела—доказательство своего искусства он дал дважды в Клинике изготовлением художественных букетов из овощей и кондитерских тортов,—и до последнего времени несмотря на систематическое пьянство его ценили, как работника. Но не менее полно шло его приспособление к оборотной стороне его социального бытия—главным образом, к алкоголю. И пить Р. начинает по циклотимному—сначала глядя на других мальчиков—поварят, затем в погоне за сладкими винами—вне императивных влечений, без предшествующих сдвигов настроения, а затем уже по законам алкогольного привыкания. Последующие этапы высокого криминогенного значения обусловлены хронической алкоголизацией: потеря квартиры и, поэтому—семьи, сплошная безработица, жизнь на пособии, а перед преступлением почти босяцкое существование. Эти систематически

действующие социальные раздражители, естественно, создали некоторое криминальное предрасположение на основе алкогольных изменений личности; быть может, опять-таки в виду мягкого основного склада личности это предрасположение не было высоким: только с матерью у Р. возникли конфликты в состоянии опьянения. История его отношений с ней делает понятным понижение порога агрессивной раздражительности именно по ее адресу; систематические ущемления с ее стороны — от грубой расправы в детстве до краж у взрослого, до отказов в пристанище больной жене Р. — постепенно все больше и больше отрицательно аффективно окрашивали все связанное с матерью; эти ущемления не вытесняются и не задерживаются, но в трезвом состоянии мягкость и контактность личности мешает их выявлению; зато в состоянии опьянения ничто их более не тормозит, общение с матерью неизменно принимает форму ссоры и драк. Однако же даже в глубоких состояниях опьянения, являющихся наилучшей почвой для взращивания наиболее агрессивных реакций, отреагирование исчерпывается бранью и дракой. Здесь сказывается оформляющее, криминопластическое действие личности: циклотимному складу не свойственны ни тяжелые аффекты, направленные наружу, ни стойкие страстные, сверхценные образования, ни внезапное всплывание из глубин личности вытесненных ущемлений, взыскующих возмездия; освобождение от гнета неприятного идет наиболее свойственными личности путями — простейшими, прямолинейными, наиболее свойственными его среде. И в этом отношении очень характерно, что Р. не убил, а избил свою мать. Факт убийства вытекает не из внутренней стороны действовавшего механизма — гневного, непосредственного отреагирования систематических обид, — а из нерасчитанной, пьяной двигательной некоординированности. Этот момент учел и суд, квалифицировавший преступление Р. по статье 142 УК. Характерен и последний кримино-провоцирующий момент данного преступления — отказ матери вернуть сдачу с пяти рублей, столь необходимую для похмелья. Склад личности оформляет ее поведение и на другой день после преступления, когда Р., не ведая, что натворил, возвращается к матери и ухаживает за ней; тогда же сказывается и неизбывное предрасположение к конфликтам с ней, ибо после выпивки на похмелье они снова ссорятся. Лишь через несколько дней узнает Р. из газет о смерти матери; ужасается, но положения своего не драматизирует и, посоветовавшись с товарищами, идет в МУР с повинной; грустит, но запасается несколькими рублями на пропитание в тюрьме — ибо даже в горе и несчастье Р. не любит голодать. Циклотимная реакция на совершенное ярко выявлена в Клинике его незатейливыми стихами: в них и искренняя грусть, и сожаление, и приукрашивание собственных

страданий; заключительный аккорд все же звучит примирительно—циклотимным приятием жизни, близкой, понятной и дорогой ему даже при всей ее беспросветности.

Нам представляется, что произведенный анализ личности, как она была представлена к моменту совершения преступления, в самом преступлении и в реакции на него может дать некоторые основания для установления прогноза социального поведения личности. Социальное приспособление здесь вполне возможно: основной склад личности облегчил бы воздействие здоровой, в данном случае, преимущественно трезвой среды. Отрицательная аффективная установка на мать была наиболее слабым пунктом для воздействия криминогенных раздражителей. Этим понижается общая социальная опасность со стороны Р. Предотвращение его дальнейшего социального упадка могло бы быть достигнуто излечением хронического алкоголизма. Этим даются основные показания для установления системы индивидуального воздействия в период применения к Р. мер социальной защиты. Длительность содержания Р. под углом зрения личного предупреждения должна была бы соответствовать сроку, установленному для лечения хронических алкоголиков, при условии дальнейшего систематического наблюдения за ним и возможности применения принудительного лечения в момент соответствующих показаний.

Несмотря на количественную ограниченность нашего материала, нам не представляется случайным, что описанный нами Р. является единственным выраженным представителем убийц циклоидной группы. Уже Кречмер при основном своем описании циклоидных темпераментов указал на редкость тяжелых анти-социальных реакций в этой группе. О том же говорит и Роден.

Все это дает нам основание предполагать, что циклоидным личностям более или менее не свойственны реакции в форме убийства, если они не являются «расширенным самоубийством»—у лиц, страдающих выраженным маниакально-депрессивным психозом—в депрессивной фазе.

III. Шизоидная группа

Случай II Зл., 40 лет, крестьянин-середняк, Вятской губернии, вдовый. Приговорен к лишению свободы на 3 года, по ст. 136 УК за покушение на убийство его разведенной жены «с целью избавиться от платежа присужденных с него денег и коровы, а также из ревности». Между супругами Зл., прожившими совместно около 12 лет, стали происходить ссоры на почве ревности, вследствие чего они весной 1926 года ра-

зошлись окончательно, при чем дети остались жить при отце. В августе месяце разведенной жене было присужденно 144 рубля деньгами и корова из хозяйства мужа. 13 октября председатель Сельсовета совместно с женой Зл. пришли к нему за получением присужденного. Зл. не возражал против увода коровы, но в выдаче денег отказал. Выпив вместе с ним чаю, все вышли из избы и в тот момент, когда бывшая жена проводила корову, Зл. притаившись в сенях, выстрелил в нее из ружья, но промахнулся; затем бросился в догонку бежавшей жены, и догнав ее, нанес удар прикладом ружья по голове; после того, как подбежавшие дети отобрали у него ружье, он схватил ее за волосы, начал наносить ей удары, пока ее не выручил подоспевший старший сын.

Сам Зл. вырос и воспитывался в семье, где царили строгости и религиозность. Особой нужды не испытывали. В школе учился с 7 до 12 лет; учение давалось легко, арифметика несколько труднее. К периоду окончания школы потянуло к верстаку; поэтому не стал сдавать экзамены и не получил похвального листа. Начал понемногу столярничать и крестьянствовать. 19 лет женился по сватовству на первой жене и прожил с ней около 12 лет—до ее смерти, прижив 3 детей. С женой жили мирно; она привлекла его интерес к пчеловодству, которым он занимался наряду с крестьянством и со столярным ремеслом; перед войной он имел до 50 ульев—«колодочных и рамочных». В 1913 году жена умерла от туберкулеза легких, и он месяца через полтора женился вторично, на 27 летней вдове. Сошлись с ней чуть ли не в первый день знакомства—она ему «полюбилась». От действительной военной службы был освобожден по льготе, а в 1915 году был призван, как ополченец. Вначале на службе над ним смеялись за незнания строя, но очень скоро его выделили за сметливость и исполнительность и перевели для связи в штаб полка. В 1916 году был легко ранен шрапнельным осколком, лечился амбулаторно. Получил георгиевскую медаль «за своевременную доставку пакета во время боя». На фронте жил хорошо, в виду симпатии к нему офицерства—питался остатками офицерской кухни. Вернулся после демобилизации домой в 1917 году. Не придавал особого значения тому, что жена в его отсутствии «продала дом, рыбацкую сеть и алмаз для резки стекла». Не обратил внимания и на слухи о том, что жена вела себя не безукоризненно, извинял ее—полагал, что «ее молодость мучила». Стал налаживать хозяйство; пил умеренно, жену не обижал. От нее имел 2 детей.

О собственном характере рассказывает следующее: с детства был какой-ти «дикий»: что задумает, уже обязательно выполнит. Среди сверстников пользовался авторитетом, выдумывал особые развлечения: ловил лягушек и заставлял ребят

резать их и рассматривать внутренности, сам же наблюдал— «теперь представляется, что был в роде следователя». Рано проявилась большая любознательность, изучал в соседней деревне уход за скотом, устройство риги. Уважал старших, особенно учителей, ибо считал, что они «здравомыслящие» и учат полезному. Отличался все же мстительностью: так, однажды вставил в бревно камень, чтобы испортить пилу соседки в отместку за ее побои. За эти проделки он «удостаивался выговора». Уже с юности стал как-то выделяться, его слушали и взрослые за то, что он говорил «более по существу». Уже тогда он считал себя выше и лучше окружающих, так как всегда стремился к улучшению и к усовершенствованию. Очень был изобретательным: в голодное время он научился лить свечи, долго над ним люди смеялись, но он добился своего и стал получать хлеб, в то время, как другие голодали. Лет до 22 был очень религиозен, «даже танцевать бросил»; но с 1905 года, после чтения книг, «стал все отлично понимать».

Половое влечение пробудилось лет с 12: «к сверстницам была возбудительность, но использовать не решался». Особенно стал мечтать лет с 16. Онанизм вначале нерешительно отрицает, затем, преодолевая задержки, признается, что «испробовал». Половые сношения с 18 лет—редкие. Потенция умеренная. «Мучила совесть, робел».

С первой женой все шло хорошо, был вполне удовлетворен, никогда не ревновал ее.

Вторую жену любил «страстно», она даже уверяла, что он удовлетворяет ее «лучше ее первого мужа». У первой жены «совесть не была потеряна, она сохранила невинность»; насчет второй жены, «иногда нападали неприятные мысли, что она—вдова».

Примерно с 1924 года стали люди замечать «неславности за его женой, осторожно намекали, что она «его опровергает». Потом и он стал замечать разные ее «женские уловки», своевольные отлучки и т. д. Фактов не знал, ибо в противном случае прикончил бы ее и соперника. Проверить точно так и не удалось. Стало ему «позорно от народа», над ним явно подсмеивались и подтрунивали. Стал он задумываться, работа валилась из рук, на душе было тяжело. Решил обратиться к врачу, ибо знахарям не верил. Положили его в уездную больницу; жена была при нем же—он, сам не знает «почему она там околачивалась». Пролежал 3 дня, лечился «железными каплями». Начал было успокаиваться, но тут произошла «неславность»: однажды вечером он заметил, что около жены, спавшей на полу, стал пристраиваться один больной, тогда он тут же схватил плеватьницу и нанес ей жене удар по голове. На другой день врач уговорил его поехать в Вятскую психиатрическую больницу, «во избежании неудобного для больницы суда».

В психиатрической больнице провел 4 месяца. Все время был в сознании и в памяти; пытался уйти в больничной одежде, но его вернули и поместили в беспокойное отделение. Из больницы был взят на поруки своим племянником.

Дома занялся хозяйством, но с женой пошли нелады. Через полгода решили с ней разойтись, и проделали это мирно—даже, по обычаю, посидели перед ее уходом. Уже через неделю он завербовал себе другую женщину и прожил с нею около месяца; но неожиданно вернулась жена и стала слезно умолять его о прощении. Он и простил ее по совету сожительницы и по просьбе детей. Первые дни жена вела себя хорошо, а потом перестала подчиняться и вскоре вовсе ушла, после того, как он побил ее «за непристойные разговоры» в гостях у брата (там он, выпивши, разбил стакан, а жена крикнула «бейте его»).

В марте 1926 года разводились уже по суду и жене присудили 144 р. деньгами и корову. Тяжба тянулась около года; у него на жену была большая обида, но никому об этом не говорил—боялся насмешек; ждал официального решения. Волновался из-за имущества и «за порванную любовь». Было такое «вознегодование», которого иногда не мог выносить. Бывали мысли убить и пропадали. Думал было убить ее на суде, при всем народе, но потерял свой браунинг, а «трепаться с ружьем до суда не приходилось».

После суда мысль об убийстве совсем отпала. Вот, как он описывает свое состояние после суда: «когда пришла она за деньгами и коровой, то был в расстройстве, когда чай пили—был в волнении. Понимал что это будет и неславность при детях, но уже блеснула такая злодейская мысль; когда прощались было и жалко и злобу питал; не мог вытерпеть».

«Примерно с 1918 года как-то особенно развился, приобрел такое понятие—остроумие: стало само собою передаваться мнение—сперва от близкого человека, а затем и от других людей. Вначале не было слов, а лишь такое чувство. Жена обзывала его дурным, а он возражал, что это наука. Чужие слухи были не так убедительны, но когда стал получать и собственные внушения—все совкупалось. До пребывания в больнице во всем этом как следует не мог разобраться, а потом он в точности знал все происходящее дома. Передавались не слова, а сама мысль—беззвучная, самостоятельная. С тех пор это свойство развивалось у него все больше и больше. (Стрелял же он просто из вспыльчивости). Свойство это развивается лишь у людей, много думающих, мнительных. Благодаря этому свойству он понял, что его хотят поставить очень высоко, это ему было особенно ясно во время побега из Лионозовской Колонии. И при возвращении в тюрьму, когда в него стрелял конвойный за то, что он пошел купаться, несмотря на запрещение,

он понял, что дуэль окончена: он не попал в жену, в него не попал конвойный».

Психическое состояние и поведение в Клинике:

С самого начала исследования Зл. произвел впечатление психопатической личности с чертами своеобразной умственной неполноценности, холодновато-прерывистой и привязчивой аффективности, нудной обстоятельности и общей двигательной угловатости. Но вскоре привлекли наше внимание его частый, несколько стереотипный и неадекватный смех, общая витиеватость его речи с тенденцией к словообразованиям и, наконец, ряд утверждений и намеков, свидетельствовавших о бредовом содержании сознания, после которых контакт с ним нарушался, и за внешним покровом чрезмерной и обстоятельной доступности оказывалось затаенная душевная болезнь, диссимуляция. Преодолевая последнюю, обходя остатки его критического отношения к собственной личности, мы констатировали вполне выявленную картину психоза. Ориентировка Зл. в ситуации нарушена, он и до сих пор хорошо не разобрался, в каком учреждении он находится, наблюдающую принял за заключенную, нас считал лицом, от которого зависит применение к нему амнистии. Аффективность Зл. лишь внешне представлялась живой и прилипчивой, в действительности же за проявлениями его неадекватной эмотивности выступили охлаждения и диссоциированность: Зл. можно было оборвать в момент, когда он давал наибольшее внешнее выражение чувств; в ответ раздавался стереотипный смешок, и Зл. умолкал; можно было выпроводить его из кабинета и вскоре встретиться с ним без следа ущемления. Бредовое содержание сознания Зл., довольно стойкое, не систематизировано и слабо аффективно окрашено. Бред, центрированный вначале вокруг супружеских отношений, начал выявлять некоторые величавые тенденции: сквозь общую несвязность писаний Зл., бесцельных и никому не адресованных, проскальзывает бредовая переоценка собственной личности с реформатскими устремлениями; этот бред поддерживается псевдо-галлюцинаторными расстройствами слуха в форме незвучных, внутренне-воспринимаемых чужих мыслей; отчасти этот бред питается элементами интуиции—таково его чувство уверенности в некоторых событиях, поступках и т. д., свидетелем которых он не был и которых, быть может, и не было в действительности. Толкование не играет существенной роли в бреде, вследствие общей неясности и расплывчатости мышления, вялости внимания и невысоты осмысляющих процессов. Крайне обстоятельное мышление носит неизменно резонерский характер. Память существенных расстройств не представляет, хотя не исключаются парамнезии. В двигательной сфере—елейная мимика, угловатость пантомимики, чрезмерная речистость, неологизмы, стереотипный смех.

Из вышеизложенного явствует, что в лице Зл. перед нами бредовая форма шизофрении. Процесс развивался у умственно неполноценной шизоидной личности—деревенского оригинала и чудака, с тенденцией к мудрствованию, к переоценке собственной личности, к постижению сути вещей, резонера, стремившегося к рационализации, и в выборе ежедневных своих занятий—пчеловода и доморощенного лектора по агрономии, «изобретателя» литья восковых свечей. Весьма вероятно, что в генезе его заболевания играли роль и психо-травмирующие моменты, на почве конфликтов между его шизоидными порывами и скудными ресурсами для их выполнения, и конфликты сексуальности, ранней и острой, но немощной. Возможно, что связали процесс влияния алкогольно-токсического порядка. Имеются все основания предполагать, что и в период совершения преступления Зл. был уже болен. В пользу этого говорят и психическое состояние, потребовавшее 4-х—месячного интернирования в психобольнице, и импульсивная агрессивность, послужившая поводом для него. Наконец, предшествовавшие этому начальные проявления ревности, на фоне резкого сдвига настроения и замыкания в себе, без каких либо объективных данных, позволяют рассматривать их, как болезненные. Таким образом, и само преступление должно расценивать, как патологическую реакцию у личности с шизофренической диссоциацией аффективности. Остатки этой охлаждавшейся на периферии аффективности все глубже и глубже оседали вокруг комплексов супружеской, отцовской и хозяйской ущемленности. В процессе судебной тяжбы конституционная дисгармония личности подвергалась дальнейшему усугублению. Эти процессы лишь смутно и неполно доходили до сознания Зл. Необходим был решающий, мощный раздражитель, и им, быть может, и явилась пресловутая деревенская корова—символ хозяйского благополучия и сытости детей. Вящая нормальность этого последнего мотива ни в коей мере не противоречит предположению душевного расстройства в момент совершения; наоборот этим лишним раз подчеркивается, что душевно-больные также впаяны в социальную жизнь; кроме того, этот раздражитель был лишь последним звеном в цепи других.

Преступная реакция, потребовавшая значительной затраты и без того скудной аффективности, еще более охладила личность: вместо сопротивления целины образовался зияющий пробел. Тупостью окрашена реакция на совершенное; гнезда остаточной аффективности еще питают несистематизированный бред, резонерские претензии и тягу домой.

Характеристику убийц шизоидной группы мы начали со случая параноидной шизофрении. Делаем мы это отнюдь не из

презюмции преобладания патологических моментов в убийствах шизоидов. Во-первых, мы получили на это чисто формальные основания, так как Зл. в течение суда и почти годовой своей тюремной карьеры расценивался, как полноценная личность. Но, главным образом, мы хотим этим подчеркнуть, что подобно тому, как из выраженных форм эндогенных психозов строятся типы нормальных характеров, точно так же в карикатурно изуродованных болезненным процессом механизмах поведения личности мы яснее видим и механизмы нормального поведения.

Для того, кто не знает о болезни Зл., все ясно в его преступлении: несколько чудоковатый, правда, но хозяйственный, степенный крестьянин ревнует жену; будучи ею брошен — негодует и, наконец, задетый за живое, в запальчивости стреляет в нее. Наоборот, для того, кто согласился с наличием душевного расстройства Зл. и до совершения им преступления, и в момент его совершения, вопрос может упроститься и в противоположном направлении: все неясно, поскольку душевное расстройство исключает нормальную мотивацию: между гипотетически здоровым Зл. и реальным Зл.—шизофреником—пропасть без каких либо мостов. Эта пропасть все еще существует в понимании среднего нормального человека, не искушенного обще-врачебным и особенно психиатрическим опытом; чисто интуитивно, на основе самонаблюдения, понимает он некоторые убийства с так называемой нормальной мотивацией, иногда рационализируя свое интуитивное вчувствование ходкими терминами—«состояние аффекта, предумышленность» и т. д. и одновременно он заранее исключает участие обычных побуждений человеческих действий у душевно-больного убийцы, предоставляя последнего психиатру. Однако, уже давно раздавались протесты против такого упрощенного отсечения больного от здорового в человеческой психики. Так юрист Гольц в своей работе о «Преступлениях по страсти» писал: «Мы уже более не располагаем простодушной беззаботностью наших предков и уголовного уложения, разделявших людей на здоровых и сумасшедших; одних, обладающих полнотой их умственных способностей, неизменно сильной волей и никогда не затемняющимся рассудком; других — безвольных, простых автоматов, принадлежащих всегда лишь врачу, отнюдь не судье». Развитие всей современной психиатрии идет под знаком заполнения этой пропасти и можно с уверенностью сказать, что ее уже почти не существует, по крайней мере, в научном сознании. В этом, быть может, глубочайший исторический смысл и общечеловеческое значение изучения душевно-больных: пусть с несовершенными методами, наблюдая лишь психическую поверхность биологических явлений, путем кропотливого собирания эмпирическо-клинического материала, научались психиатры понимать поведение своих душевно-больных; и если далеко не всегда

достигалось причинное постижение явлений, то все же устанавливались опытные взаимоотношения, прочно укреплявшие единственно научную концепцию полной закономерности человеческого поведения. Процесс этого изучения, равно как и наблюдения над криминальными и страстными реакциями у здоровых уже давно дал Крепелину полное право утверждать, что между выраженным душевным расстройством и полным здоровьем могут существовать всевозможные, постепенно друг в друга переходящие промежуточные стадии.

Обращаясь к покушавшемуся на убийство жены шизофренику Зл., мы, для понимания убийств нормальных представителей шизоидной группы, подчеркиваем бесспорное наличие у Зл. перед совершением преступления расщепленности его личности, выражавшейся в том, что часть его собственных мыслительных продукций воспринималась им, как ему чуждые, равно как и в том, что его некоторые двигательные проявления потеряли свое выразительное значение; что, наконец, в пропорции его темперамента произошли сдвиги в сторону большого охлаждения чувств, расширения анестетического компонента, с одновременной перегрузкой аффектами, сложных, действовавших в нем переживаний, комплексов. Эта расщепленность, сочетавшаяся с ясностью сознания, отнюдь не преградила путь к действию банальных раздражителей среды, а, наоборот, преуловила особенную восприимчивость к ним. В самом преступлении расщепление стало динамичным: бурно взорвалось чувствительное ядро, всплывшее из глубин личности, властно подчинив себе всю личность. После преступления еще более оскудевшая аффективность обусловила тупое отношение к совершенному.

Теперь перейдем к здоровым представителям убийц шизоидной группы.

Случай III З., 26 лет, подручный слесарь, безработный, беспартийный, приговорен по ст. 136 УК к лишению свободы, сроком на 1 г. 6 м. за покушение на убийство из ревности. «Придя в квартиру своей знакомой Ж. с целью лишить ее жизни за то, что она порвала с ним связь и сошлась с бывшим мужем, вызвал ее в корридор и нанес удар длинным и тонким ножом в правую сторону груди». На вопрос явившегося вскоре милиционера, сказал, отдав ему нож, что зарезал жену и предложил вести его в милицию. Нанесенное им. ранение отнесено к ряду легких, но расстроивших здоровье.

З. астено-диспластического телосложения. Общая пониженность питания; пастозность кожи лица и слабая волосистость. Угрюмо-страдальческое, измученное выражение лица. Со стороны внутренних органов—выдох у верхушек, несколько увеличенная щитовидная железа. Неврологически—отсутствие ее слизистых рефлексов, живость—сухожильных. Красный дермогра-

физм; симптом Хвостека. На теле обильная татуировка, главным образом сексуального содержания.

З. происходит из рабочей семьи гор. Владимира. Отец в течение 15 лет был железнодорожным стрелочником. Из семерых детей он по старшинству четвертый; трое умерли в раннем детстве; вместе с ним воспитывались старшие сестра и брат и младшая сестра. Материальные условия семьи были неудовлетворительными: отец получал до 20 руб. в месяц, мать прирабатывала стиркой. Отец изрядно пил, но семьи не разорял. Благодаря упорным заботам матери ухитрились даже содержать корову. Не голодали, но решительно ничего лишнего себе не позволяли. Отношения в семье были строгие. Нередко попадало ремнем за непослушание, отлынивание от церкви, за неуспехи в ученье. Все дети учились; старший брат хорошо успевал. З. с 7 лет определили в железнодорожное училище. В школе был одним из последних учеников: то ли не интересовала учеба, то ли понимания не было. Особенно туго давалась арифметика; несмотря на помощь старших, остался на второй год. Было обидно, но обиду хранил в себе; за неуспехи наказывали, и тогда становилось еще обиднее: чувствовал, что учение не идет, и быть может, потому и не интересовало. На девятом году жизни З. умер его отец, после двух ночных дежурств подряд. Материальное положение семьи сильно ухудшилось: их выселили из казенной квартиры, и мать наняла крохотную комнатку, сырую и темную. В семье бывало голодно, не говоря уже об одежде. Всех содержала мать, и все же она настаивала на продолжении учения. Последнее попрежнему шло плохо, хотя учителя его жалели и кое-как дотянули до 4-го класса. В связи с этим интерес к учебе падал, но крепло стремление обучаться ремеслу. По настойчивому своему желанию он был устроен в слесарную мастерскую; работа была тяжелая, получал 5 руб. в месяц, которые целиком отдавал матери; в работе проявил большую настойчивость. Вскоре его мать «расшиб паралич», а когда ему исполнилось 15 лет, она умерла. К тому времени старший брат переехал в Москву к двоюродной сестре; туда же были взяты З. с младшей сестрой. Вскоре старшего брата оттуда прогнали за то, что он упорно стремился к продолжению образования наперекор воле родственницы. Все это было крайне тягостно для З., вообще переносившего тяжело семейные невзгоды (здесь З. дал тяжелую аффективную реакцию отчаяния). Родственники жили безбедно, но приемных детей содержали плохо: З. спал на нарах с их рабочими, с ними же и питался. Через 2 месяца его определили снова на машиностроительный завод и устроили на квартире рабочего завода. Здесь проработал полтора года; многому не научился; так как был на «разметочной». Получал 40 руб.; стал себе кое-что позволять—курить, ходить в кино,

но не пил и с женщинами не знался. В революции участия не принимал, но возлагал на нее надежды лучшей жизни. 17 лет, в 1918 году, попал под сокращение и около года пробыл без работы; жил у брата, который тогда служил сторожем и сильно нуждался. В 1919 году пошел добровольцем в Красную армию — сочувствовал революционной власти и стремился к материальной самостоятельности. Прослужил до 1923 года, большей частью на Туркфронте; служил в кавалерии, в полку, который вел борьбу с бандитизмом. Иногда приходилось жутко, когда вдвоем, втроем раз'езжали по кишлакам: была настороженность и напряженность. Иногда охватывала сильная злоба, когда видел изрубленного бандитами красноармейца или слышал, что вблизи вырезали несколько человек. По службе был исполнительным, никаким взысканиям не подвергался. Незадолго перед демобилизацией проболел тифом и воспалением легких.

Вернулся в 1923 году к брату, который к тому времени добился своей цели и поступил в ВУЗ, жил на стипендию. Пробыв без работы 3 месяца, З. через Биржу Труда определился на Ленинские прииска, — так далеко толкнула не жажда приключений, а тяжкая нужда, невозможность оставаться «на шее у брата». Прodelал большое путешествие и устроился в глуши на лесозаготовках в 120 верстах от города. Жили в лесной избе, собственноручно выстроенной. Зарабатывали недурно. Все 3 года жили на одном участке, только летом переезжали в город. В лесу жили скучно, хотя в 4-х верстах был клуб, но ездить туда можно было лишь по воскресеньям. Привозили книги из района, но читали мало. Несемейных женщин не было. На этой почве случались скандалы, но только не у З.; повсюду, даже в городе, он был одинок. К женщинам никак не умел подойти, хотя стремился к этому. Все время мечтал о возвращении в Москву, чтобы добиться настоящей квалификации, для этого копил деньги — за 3 года собрал около 600 руб. Брату писал, что живет, как медведь в своей берлоге. Сестры много раз приглашали его в Москву, но, не желая быть им обузой, без средств возвратиться не мог.

В характере З., как он сам, так и его сестры, отметили следующее. С детства помнит себя З. очень тихим, замкнутым и неразговорчивым — «вроде чем-то испуганным»; очень настойчивым, обидчивым и вспыльчивым. Обычно господствовало сумрачное, недовольное настроение; оно определялось главным образом неудовлетворенностью учением. После смерти отца в связи с нуждой, появилась какая-то «боль под сердцем», которая с тех пор не покидала его. Глубокое горе доставила болезнь и смерть матери. Эта боль укреплялась и росла по особому: все невзгоды и лишения, которыми полна была жизнь, накоплял в себе, но наружу не проявлял. Желал высказаться, чтобы

облегчить себя, но сделать этого не мог. Самим собой никогда не был доволен: считал себя некрасивым, неумелым, неспособным слова сказать; в школе считал себя хуже всех; из-за этого еще тогда избегал сверстниц-девочек, хотя и тянуло к ним, но чувствовал себя скверно в их обществе. Очень рано, лет с 8 появилось половое возбуждение. В 9 лет недолго занимался онанизмом. После этого чувствовал себя разбитым, мучили угрызения совести. Всегда с большим упорством стремился к ремеслу; неудачи и в этом отношении растрavляли еще больше, но он продолжал борьбу. Попрежнему обо всем молчал: боялся возложить на близких мучительную тяжесть своих переживаний. С чужими людьми сходилcя очень трудно, был всегда одинок, никаких друзей не имел. Еще с детства был очень уязвим, после малейшей обиды переживал сильное внутреннее волнение, хотелось ударить, бросить, но большею частью сдерживался или ограничивался сердитым выкриком. В юности основные черты еще более обострились. Сильно беспокоило половое напряжение, лишь эротические сны были приятны. А в жизни упорно избегал женщин, к которым так сильно стремился. Мучило, что не мог с ними даже заговорить и тем менее привлечь. Вполне созрела мысль, что он хуже всех и лицом, и душой: мысль работала хорошо, а высказаться не смел. Про себя много думал, больше всего об устройстве тихой, полной семейной жизни. Сочувствовал партии и думал вступить в нее, хотел быть «справедливым членом партии, а не карьеристом».

В июне 1926 года решил вернуться к родным. Около 200 р. ушло на дорогу. Был встречен хорошо, но поселился у сестер, а не у брата: тут произошла заминка, брат дал понять, что так будет лучше. З. обидно стало, что сам приглашал, а устраивает у сестер, даже вспылil, но во время сдержался и ушел на кухню. Через четверть часа все прошло.

С 7 июля устроился у сестер; они занимали 2 сообщающиеся комнаты. Старшая сестра—вдова с 3-х летней дочкой, портниха; младшая—комсомолка, выдвиженка, служит делопроизводителем. Бедная трудовая обстановка (обследована лично).

6 месяцев пробыл без работы, за исключением временной. В пособии ему было отказано, так как он уезжал после добровольного оставления службы. Почти все оставшиеся сбережения одолжил брату, и последний выдавал ему по 50 коп.—1 руб. в день на жизнь. З. не знает и поныне, расплатился ли с ним брат; вообще с ним считаться не хотел.

В течение 2 месяцев жил только с сестрами очень скромно, изредка понемногу выпивал, большею частью один, дома. Женщин все еще не знал. Сестра комсомолка приглашала его в клуб, он все собирался, но решиться никак не мог. Бывали вспышки в отношении брата, но он их всегда во время сдерживал.

В конце августа к ним на квартиру переехала своеобразная супружеская чета, случайные знакомые старшей сестры, оставшиеся без крова: жена, Шура Ж. и «муж» Тамара У., «муж в юбке». До переселения они были раза два в гостях у сестры, познакомилась она с ними у подруги. Во время их посещений З. лишь познакомился с ними; в их присутствии держался в стороне. Сестра как-то ему вскользь сообщила, что Тамара—гермафродит, но он на это внимания не обратил. Однако, ему тогда же понравилась внешность Ж., и когда сестра спросила его мнения насчет их переселения, он сразу согласился, при условии, что это сожительство будет временным.

В течение месяца чета ночевала в комнате сестер. Уже тогда З. потерял душевное спокойствие: весь день они проводили дома, без конца обнимались и целовались; часов до 12-ти валялись в кровати и, когда З. приходилось бывать в их комнате, они многое себе позволяли. Был он постоянно беспокоен. В то же время Ж. начинала ему нравиться все больше и больше. В сентябре месяце, в связи с возвращением маленькой племянницы из деревни, гостей поселили в его комнате. Стало еще тяжелей: по ночам все трое почти не спали—«они забавлялись», а он мучился; однажды застал Тамару голой. Все это З. переживал внутренне, с ними разговаривал мало; ревности не сознавал, но делался все мрачнее. И Тамара враждебно на него посматривала. З. мало спал и аппетит потерял. Супруги жили неладно; Тамара играла роль настоящего главы семьи, кричала и пыталась бить Ж., последняя подчинялась, часто плакала. З. всей душой был на ее стороне, быть может уж тогда полюбил ее. Непосредственных объяснений с нею не имел, но она намекала сестре, что З. ей нравится и, что она не прочь бросить Тамару в виду ее угроз. Определенных планов у З. не было. Он вспоминает лишь один разговор с Ж., в присутствии сестры, когда он на соответствующий вопрос ответил согласием жениться на Шуре, если она бросит Тамару. Тем более, что Ж. рассказывала об окончательном разводе с своим первым мужем, в виду его побоев. Недели через две после этого разговора чета переселилась; несколько раз об этом настойчиво намекал З. без объяснения причин, заключавшихся в его стремлении к душевному покою. Перед отъездом обе за глаза резко его бранили. Когда он узнал об этом, то потребовал, чтобы они не смели ему на глаза показываться. Однако дня через три пришла Ж. и стала извиняться, сообщила, что собирается уезжать из Москвы с Тамарой. З. принял это спокойно и вообще начал успокаиваться, но недели через две Ж. пришла снова и сообщила, что бросила Тамару за грубое обращение с нею, за новую связь, расцарапав ей на прощание лицо. Сообщила также, что переселилась снова к матери. С конца ноября она начала приходить почти ежедневно. Ее разрыв с

Тамарой З. приветствовал, принимал ее хорошо, но никакой инициативы в сближении с ней не проявлял. Время проводили в игре на гитаре, и в этом она была его учительницей. Однажды, провожая ее домой, решился спросить, действительно ли она им интересуется и получил ответ, что ее «тянет к нему». Это его несказно обрадовало: «все нехорошее как-то оборвалось, все тяжелое стал забывать». На другой день началось сближение, и здесь она была более активной: «учила целоваться так, чтобы было больше ощущений. Вскоре произошло их единственное полное половое сближение, при чем она прямо сообщила ему о своем желании. После этого он «стал счастлив, как никогда», появилась особая энергия, обычная душевная тяжесть исчезла. Тут же нашел работу, но... на работу не пошел. На другой же день почувствовал, что это первая его женщина, с которой он надеялся построить всю свою жизнь, от него уклоняется: она начала его отталкивать и вдруг заявила, что думает вернуться к своему первому мужу, при чем объяснила это личной выгодой. Это было недели за две до преступления. Он сказал ей, что она причиняет ему боль, которую он выдержать не может. Она пробовала успокоить его тем, что, быть может, ее планы изменятся, но это его не удовлетворило, и он обещал причинить ей также боль. Она стала приходить реже и сделалась недоступной, и З. не делал никаких попыток к сближению. В последний раз она у них была дней за восемь до преступления.

Все это время настроение З. было исключительно тяжелым; последнюю неделю он почти не спал и не ел, ни с кем не разговаривал; сестры заметили, что с ним творится неладное, утешали, что он может найти другую женщину, но он лишь еще более замыкался. Была одна лишь мысль, что все потеряно; проснулась старая боль, но только стала она еще острее; видел один исход — причинить ей такую же боль и покончить с собой. Ее считал виновницей своих страданий, винил ее в коварном обмане. Мысль об отмищении то исчезала, то появлялась снова, были колебания, покончить ли с ней или с самим собой. Больше склонялся к тому, чтобы сделать и то, и другое.

В день преступления, 24 декабря с утра, как и все последние дни, ходил беспокойный—ее и ждал, и не ждал. Часа в три сестра позвала его в театр, так как имела свободный билет (в этом месте своего повествования З. обнаруживает подозрительную тревогу за сестру и просит ее в это дело не впутывать), а он отказался и попросил сестру пойти к Ж. и пригласить в театр ее. Сам же пошел во двор к дяде, у которого собрались родственники. И там был особенно спокоен. Все это замечали и всячески его успокаивали. Просидел там часа два, выпил около стакана. По возвращении домой застал там сестру, которая сообщила, что Ж. в театр идти отказалась и

что она сидит с мужем и играет на гитаре. Здесь сразу его схватило, «пошла такая мысль, чтобы пойти ей и себе причинить». Незаметно от сестер взял привезенный из Сибири длинный якутский нож для снятия шкурок, положил его в правый карман пальто. Стал прощаться с сестрами. На их тревожные вопросы сказал, что идет к дяде. Действительно зашел туда, также со всеми попрощался — вплоть до маленьких детей. Его пытались задержать, но он почти побегал. Парадное квартиры Ж. было открыто, он подошел к ее комнате и постучал в дверь два раза; когда она вышла, он спросил ее: «когда придешь» и, получив ответ — «завтра, после-завтра», тут же ударил ее один раз в правый бок. Она закричала: «Митя» и упала. Он не успел нанести удар самому себе, поддержал ее при падении. Оставался на месте, пока пришел милиционер. Облегчения не почувствовал, был еще злее, как-то шатался. Везли в приемный покой АОМС'а, где было установлено легкое опьянение и дано указание о необходимости направления к районному психиатру.

После совершения преступления все время был в крайне мучительном состоянии, не покидала мысль о самоубийстве. Сначала узнал, будто нанесенная им рана смертельна. Мысль шла как-то по разному, то хотелось, чтобы она была жива, то, чтобы умерла. Когда узнал, что она выписалась из больницы, то как-то на это внимания не обратил, ибо в то же время сестра писала, что «дома холодно, дрова не колоты, все озябли». Думает, что большого срока не заслужил и его не выдержит. «Получается так, что приходится отвечать за свою боль, которая с малолетства». Жизнь в будущем не сулит ничего хорошего, но и такая история более повториться не может. При желании Ж. снова сошелся бы с ней без колебаний.

В этом периоде он писал Ж. с просьбой не губить его на суде. Вот выдержки из этого письма:

«Шура, я не мог пережить эту боль, которая была во мне до сих пор. Шура, я недоволен был своей судьбой, моя жизнь протекала в одиночестве, вся жизнь, вся надежда зависла во мне сойтись с другом жизни и жить тихой и спокойной жизнью. Но она оказалась разбитой для меня. Шура, вспомни первые слова мои, которые я тебе говорил. Я поверил им, я был рад, что для меня настала такая жизнь, о которой я мечтал все время, и через это мне приходится погибать в тюрьме, которая отнимает последнее здоровье и жизнь человека. Шура, прости. Я сижу и думаю о тебе: нельзя же бороться против небесных сил и противиться улыбке ангелов; человек отдает себя во власть того, где прелесть, красота и обаятельно».

В наследственности З. отмечается: отец умер 26 лет. Болел туберкулезом. По характеру добрый, но вспыльчивый. Сильно поддавался вину, в опьянении был агрессивным.

Мать отличалась чрезвычайно замкнутым и скрытным характером — «все хранила в себе». Была всегда мрачной, не знала

ни шуток, ни веселья. Крайне упорная и настойчивая; очень религиозная и аккуратная.

З. лицом похож на отца, характером на мать.

Обследованные нами лично обе сестры и брат З. выраженные шизотимики. Старшая сестра сдержанная, робкая, несколько дисгармоничная, несуразная. Отчасти этим обусловилось ее непредусмотрительное гостеприимство, создавшее роковую для З. ситуацию. Сама она несчастлива в семейной жизни. Младшая сестра наиболее замкнутая из них, очень чувствительная, со значительными внутренними запросами. Успевает, как выдвигается. По характеру она ближе всех к З. и, кстати, понимает его лучше других.

Старший брат всю жизнь осуществляет детскую мечту об образовании и в настоящее время учится в техническом ВУЗ'е. В осуществлении своей цели часто игнорирует интересы своих близких.

З. выраженная шизоидная личность. Замкнутость, проходящая красной нитью через всю жизнь, полная невозможность высказаться, раскрыться, резкий акцент на внутренних переживаниях, постоянное застревание и внутреннее обростание комплексных образований; чрезмерная ранимость со склонностью к прерывистому, раздражительному реагированию, большей частью незавершаемому. За фоном внешней медлительности, молчаливости, почти вялости—значительное упорство, социально облекающееся преимущественно в форму прочных трудовых установок. Неизменное одиночество и глубокая жертвенная преданность семье; неумение хоть сколько-нибудь расширить круг людских, общественных связей. Наконец, тип сексуального влечения и его развитие, столь ярко окрасившего самое преступление, также характерен для шизоидного темперамента: это влечение раннее, обостренное, но с выраженными расстройствами его регулирования, в форме чрезмерных задержек, парализовавших половую активность, определявших внутреннее напряжение.

Таким образом, ядро личности З. лучше всего располагается на шизоидной скале темпераментов, ближе к гиперестетическому полюсу и именно к той гамме черт, которая складывается из застенчивости, чувствительности, нервозности и возбудимости. На ряду с безгласным комплексным ущемлением, наружной вялостью и незаконченными вспышками раздражительности, неизбывная боль постоянно гложет З. Остро сказавшаяся в период полового созревания, вращающаяся вокруг собственной недостаточности—преимущественно половой—эта боль беспросветно застилает весь его внутренний мир, жадно впитывая непрерывные жизненно-бытовые невзгоды.

Господствующая мрачность, эпизодическая взрывчатость и агрессивность преступления, быть может, требуют отграничения от эпилептоидии, но у З. мрачность эмоционального тона направлена не на внешний мир, что более свойственно эпилептоидам, а внутрь личности, при чем эта мрачность с особенной интенсивностью окрашивает комплекс собственной недостаточности З.; если эта мрачность изредка пробивается наружу, то лишь в направлении цели, воздвигнутой комплексом. Также комплексно избирательны и случайные вспышки и, особенно, само преступление.

В силу вышеописанных шизоидных черт, З. особенно предрасположен к комплексной переработке переживаний: как раз у него неприятные аффективные впечатления и события почти неизменно превращаются в комплексы, становясь, по образному выражению Кречмера, «чем-то вроде инородных тел» и «так сильно откалываясь от устремляющегося дальше потока психических явлений, настолько обособляясь, что даже при желании отделяться от них это не удается. Они не поглащаются, не могут быть просто забыты, но и не могут быть использованы для актуальных психических процессов. Они образуют самостоятельные энергетические побочные центры, которые тягостно воздействуют на общий психический процесс». В шизоидной, комплексной гиперестетичности З.—ключ к пониманию механизмов его поведения, вообще, механизма его преступления, в частности; можно даже сказать, что последнее, подобно вспышке молнии, ярко озарило все сокровенно таившееся в личности. Вот почему, беспрестанно черпая данные Кречмеровской медицинской психологии, мы все же затрудняемся целиком включить механизм преступления З. в группу примитивных реакций. Напомним, что примитивным Кречмер называет такие реакции, «где раздражение от переживания не проходит целиком через интерполяцию развитой целостной личности, но снова непосредственно реактивно обнаруживается в импульсивных, мгновенных действиях или в глубоких душевных механизмах». Эти реакции он считает до известной степени не специфичными, оговаривая предрасположенность к ним личностей примитивного типа. Возникновение этих реакций он допускает, «когда личность не закончена, не вполне развита или, когда они не встречаются со стороны последней полного согласия». Им Кречмер противопоставляет строго специфичные, требующие определенного характерологического предрасположения, вызываемые особенно к этому приспособленными «ключевыми переживаниями», «реакции личности». И лишь последние являются для автора «чистейшим и отчетливейшим выражением целостной индивидуальности». Стало-быть, и преступление З. следует отнести к реакциям личности, поскольку мы считаем его как раз типичным для шизоидной группы темпераментов

и обусловленным исключительным, ключевым переживанием. Поскольку же оно, по психическому механизму своего совершения, вполне совпадает с так называемыми внезапными, обходными действиями, реакциями «короткого замыкания», постольку его следует отнести и к примитивным реакциям. Возможность такого сочетания признает и Кречмер. В своем генезе эта реакция подготавливалась в недрах всей личности, с ее основной астенической жизненной установкой, в форме подавленности, аутической чувствительности и робости и с ее скрытым стеническим полюсом в форме социабельного упорства и обычно заглушаемых тенденций к активному реагированию. В своем совершении это преступление явилось типичной реакцией короткого замыкания.

Эти механизмы отмечены впервые Ясперсом в 1909 году, в его диссертационной работе, в типических реакциях тоски по родине у конституционно-инфантильных юных прислуг, с выраженным шизоидным складом темпераментов, с чертами робости, скрытности, обидчивости, настойчивости и т. д. Ограниченный резонанс свойственной им аффективности способствовал избирательному упрочению и без того наиболее крепких у детей связей с родным домом. Внезапный порыв этих связей и помещение в чужую обстановку на службу, резко шизоидируя личность, еще более обесценивал для нее контакт с новым и чужим окружением, вызывая в глубоком чувствительном ядре юной личности нестерпимо болезненную тягу домой. Потрясающие личность толчки этого мучительного, непреодолимого аффекта тоски по родине, то сплошные, то эпизодические, рано или поздно толкали личность к сокрушительным действиям, направленным против главного, в представлении инфантильной психики, препятствия возвращению домой,—против порученного ей ребенка, хозяйского дома и т. д. При всем внешнем многообразии совершавшихся при этом преступных действий, от внезапно—импульсивных до подготовленно—планомерных, механизм реакций в основном был одним и тем же: возникшее из глубины тоскливой гиперестезии побуждение, властно подчиняло себе всю личность и непреодолимо влекло ее к преступлению, иногда затемняя сознание, иногда оставляя его ясным, с изолированной единственной мыслью о совершаемом действии.

Эти временно диссоциирующие личность механизмы, со всеми их разновидностями, введены Кречмером под именем «коротких замыканий» в группы примитивных реакций, наряду с экзсплозивными, взрывчатыми. Напомним, что о коротком замыкании в области электричества говорят в тех случаях, когда ток проходит по кратчайшему, внезапно открывшемуся пути, с уменьшенным сопротивлением.

Возвращаясь к преступной реакции З. мы, кажется, с достаточным основанием можем расценивать ее механизм, как выше-

описанное внезапное действие, в той его разновидности, когда оно обдуманно, осмыслено, но, тем не менее, является продуктом лишь части личности, получившей решающее значение. Данные о преступлении говорят об известной подготовке к нему: взятие ножа, прощание с родными, вызов пострадавшей. Наличие полного воспоминания о происшедшем свидетельствует об отсутствии патологического изменения сознания, по крайней мере, в судебном его значении. С другой стороны, побуждение к действию тиранически охватило личность деятеля, было почти иррациональным или слабо рационализированным: «Я должен причинить ей боль за то, что она мне ее причинила». Психическая диссоциированность проявилась и во внешнем облике З., перед преступлением—дома, у дяди, и после него, в связи с чем он был направлен к районному психиатру. Отсутствие переработки всей целостной личностью совершенного, сказалось и в процессе исследования—в искренней трудности для самого З. полностью мотивировать содеянное. К р е ч м е р о м подчеркивается особое значение полового влечения в генезе внезапных действий, своеобразная закономерность в сочетании любви и смерти. Это, по его мнению «одно из исконных, филогенетических аффективных неразрывных соединений». Вспомним особенности сексуального влечения у шизоидного З., насквозь патологическую бытовую обстановку, в которой всколыхнулось это сильное, болезненно задерживавшееся в своем адекватном проявлении влечение, наконец, роковую роль первого полового сближения. Половое влечение, противоречивое по своей природе, особо противоречиво у З. После того, как, выражаясь словами его письма к пострадавшей, он был награжден «улыбкой ангелов» и благоволением «небесных сил», а затем был внезапно и бесцеременно отвергнут, во что иное, как не в колющую ненависть должна была превратиться его первая любовь?

Таким образом, преступление З. по своему механизму представляется нам типичной реакцией короткого замыкания. Основным побуждением для него, ключевым переживанием, послужило впервые осуществленное половое влечение, встретившее непреодолимое препятствие. Аффективной почвой, взрастившей агрессивный импульс явился мучительный безисходный аффект ущемленной любви, своего рода «тоска по любви» (Liebeweh).

Знание личности З. позволяет сделать благоприятное предсказание в отношении его будущего поведения. Ключевое переживание, вскрывшее самые ранимые углы личности, возникло в исключительной, неповторимой бытовой ситуации.

Приведенное здесь освещение личности З. и механизма его преступления было нами своевременно сообщено следователю и им учтено. З. приговорен к 1½ г. лишения свободы.

З. можно рассматривать как типичного представителя убийц по страсти. Для них, как для людей с безукоризненным прошлым, убивших «бескорыстно», действовавших по мотивам для всех понятным, некоторые авторы (Гольц) требовали особого наказания—если и устрашающего, то не унижающего и не претендующего на ненужное здесь исправление. Как мы увидим ниже, далеко не все убийцы по мотивам сексуальных ущемлений позволяют сделать хорошее предсказание их поведения; с другой стороны, быть может, большинство из однократных убийц, в том числе и корыстных, требует индивидуального режима и во всяком случае отделения их от остального уголовного мира.

В отношении З. показано, главным образом, психотерапевтическое воздействие, направленное на разгрузку его от комплекса недостаточности, на выпрямление его приниженной, но социально пригодной личности.

От астенического в своей основе, но наделенного потенциально значительным стеническим «жалом» З., мы, волей нашего материала, вынуждены временно отклониться несколько в сторону для характеристики другого, несравненно более астенического П. Мы говорим об отклонении, ибо в нашей галлерее шизоидных убийц имеются представители темпераментов, следующих в более непосредственной градации за З. Зато с З. его сближает чистота темперамента, неизуродованность алкоголем, свойственная им обоим гиперестетичность и, наконец, особенно выраженная у П., трагикомическая парадоксальность совершенного преступления и, тем самым, можно сказать, безоблачный прогноз его социального поведения.

Случай IV П. 26 лет, женат; прессовальщик, а затем сторож завода Мосэлемент, партийный.

Осужден по ст. 136 УК на 6 лет лишения свободы за убийство молодого татарина К.; по судебным данным убийство произошло на почве ревности, так как П. и К. ухаживали за Татьяной А., и последняя дала П. свое согласие на замужество, если он разведется с своей женой.

Убийство было совершено 21 июня 1928 г. в 11 часов ночи, во время нахождения П. на сторожевом посту, выстрелом из винтовки. Единственный очевидец убийства, другой сторож завода, подоспел как раз к тому времени, когда П. стоял вне сторожки с винтовкой в руках; затем П. окрикнул подошедшего татарина К. и, когда тот повернул к нему голову, выстрелил в него на расстоянии 5—6 шагов. В процессе следствия и суда П. указывал на систематические угрозы по его адресу со стороны убивавшего из-за Татьяны и показал, что убил он из страха перед К., так как сам ожидал нападения с его стороны.

П. выраженный астеник по телосложению. Мягкое, несколько неосмысленное выражение лица, обычно недоумевающая улыбка. Некоторая расхлябанность движений и общая неуклюжесть. Глуховато-робкая интонация голоса. Резкая бледность кожных покровов. Неврологически—в пределах нормы. Со стороны внутренних органов—хронический нефрит,

Наследственность: отец умер 55 лет. Был тяжким пьяницей. По характеру, в трезвом состоянии—тихий, робкий, честный, безобидный, бестолковый. В состоянии опьянения был посмешищем всей деревни: неизменно был избиваем всеми, даже матерью. Был очень верующим, но завещал хоронить себя без попов. По телосложению—высокий, худощавый.

Мать—забитая, раздражительная, неразговорчивая. Частенько била детей и мужа. По телосложению—маленькая, худая.

Среди 8 братьев и сестер преобладают робкие, послушные, безропотные характеры. Один брат женился по принуждению, другой был избиваем женой. Все крестьянствуют; один из братьев пчеловод. Лишь один, третий по старшинству, брат отличается большей независимостью и твердостью; он доброволец Красной армии, служил в войсках ГПУ.

П. прожил в деревне до 19 летнего возраста. Бедный семейный быт, главным образом в виду беспробудного пьянства отца. Последнее сделало их семью «притчей во языцех» всей деревни: стыдно было на улицу выйти. К 14 годам П. кончил сельскую школу с похвальным листом, брал исключительно прилежанием, ибо был особенно туп по арифметике.

В детстве и юности П. дразнили «маменькиным сынком»—за его робость и застенчивость. Много работал по хозяйству и читал по вопросам: «отчего дождь», «какая глубина морей». В характере отмечались: робость—грома боялся; безропотность—всегда был бит и терпел; крайняя религиозность—был очень «молебственным, дома его святым считали»; был почти всегда одинок, очень обидчив и чувствителен. Много мечтал: вот он проповедник, все его жалеют и уважают, стараются загладить прежние насмешки, опасаются божьего наказания за обиды его—праведника. Любил беседовать со странниками о чужих краях. Всегда стеснялся женщин, боялся, что и они будут над ним смеяться, не надеялся, что его кто-нибудь полюбит, «ибо девки смирных не любят». Половое влечение пробудилось в 16 лет, но до женитьбы—до 23 лет—женщин не знал. До самой женитьбы много и часто онанировал.

С 19 до 23 лет был на военной службе, большею частью в войсках ВЧК, куда был устроен братом. На службе был безупречен. Часто приходилось быть в засаде на бандитов; в этих положениях неизменно трепетал от страха. Однажды «револьвер застыл в руке». С 1921 года в партии. В партию вступил слу-

чайно, «коммунистам сочувствовал, но считал их отчаянными». Однажды, заполняя анкету, на вопрос о желании вступить в партию не решился ответить отрицательно. Аккуратно посещал собрания, много читал, но политически развивался очень слабо. С 1923 года он прессовальщик завода «Мосэлемент», а впоследствии по болезни был переведен на более легкую работу сторожа. На заводе был на лучшем счету.

Женился в своеобразных условиях, на вдове старше его на 10 лет, имевшей 12-летнюю дочь. Эту жену он получил почти в преемственной связи от товарища красноармейца, ее покинувшего. И жену, и себя самого считал обиженными жизнью, потому и женился. Половая жизнь с ней не налаживалась—жена смеялась над его неопытностью. «Онанизм удовлетворял больше». Жену очень уважал, вел примерный, семейный образ жизни.

С 17-летней Татьяной познакомился в декабре 1926 года; ее семья жила вблизи завода. Не любил, но жалел ее за бедность семьи, за дурное обращение отца, за то, что приходилось ей торговать на рынке. Никакой физической близости между ними не было; «раз прошелся с нею под руку, но рабочие высмеяли его» и больше он этого делать не решался. Иногда бывал у ее родных. Изредка водил ее в кино милиции. Подчеркивает, что вход для него был бесплатный. Единственный раз между ними произошло нечто в роде объяснения: он высказал опасение, что если жена узнает об их встрече, то выгонит его из дому. Получив в ответ: «Пускай выгонит, ты еще раз женишься»—возразил: «Да я и в первый раз женился с грехом пополам, кто же за меня пойдет?».—«Да любая пойдет, разве ты хуже других?». Мысленно он тогда же подумал, что охотно женился бы на Татьяне, если бы жена действительно прогнала его, ибо хорошо сознавал, что сам никогда не решится уйти от жены. Жена узнала про их закомство, сначала посмеивалась, а затем поставила вопрос остро, и их встречи стали очень редкими. Так бы все это и продолжалось, если бы не вмешательство молодого К.—убитого. И до сих пор П. не знает, каковы были его отношения с Татьяной. К. стал систематически его преследовать. Неоднократно при встречах грозил зарезать его. П. мирно доказывал, что «резать он не имеет права», а К. твердил, что сделать это ему «ничего не стоит». П. жаловался участковому надзирателю, попробовал пожаловаться и отцу Татьяны, в связи с чем последний чуть не зарезал К.; все это еще более разъярило К. Собирался П. жаловаться в суд, но все никак не мог решиться на это. Ночью боялся возвращаться домой с дежурства и из-за этого неоднократно оставался ночевать на заводе.

Накануне убийства К. устроил ему очередную сцену: требовал, чтобы на другой день он явился на рынок для окончательных объяснений; «еле убежал» от него П.; дома сказал, что ему

грозила смертельная опасность, на что жена ответила: «по заслугам».

В вечер убийства К. 2 раза подходил к сторожке со свирепыми угрозами. На замечание П., что здесь, у сторожки завода, он его не боится, К. ответил, «что разнесет его вместе со сторожкой». П. был в страхе, просил, чтобы его сменили с дежурства, но добиться этого не мог. Когда к 11 час. вечера К. появился снова перед сторожкой, П. вскричал, «стой на месте», и, когда тот отпрянул, как-то «машинально», ни о чем не думая, выстрелил.

До ареста, 22 июня, не сознавался, потом признался, боясь обвинения в бандитизме. До признания мучил страх, затем стало легче. И теперь ему часто снится К.—то будто он за ним гонится, то будто между ними наступило примирение.

Из материала обследования характерны сведения, полученные от кучера завода, у которого П. провел двое суток, боясь встречи с К. Кучер упрекал П. в трусости, называя бабой, но П. «с опаской вглядывался в тень переулка», упорно отказываясь идти домой, несмотря на предложения проводить его.

Семья Татьяны на границе социальной деградации; хранит полное молчание об отношениях с П.; сама Т. отправлена в деревню. Домашнее обследование П. вполне подтвердило полученные от него самого сведения. В уютной трудовой семейной среде, П.—выполнитель жениной воли, слабый муж, но хороший семьянин и добрый сосед. Действительный друг книги, у него большой и очень пестрый состав книг. Большую часть времени проводил в семье; по требованию жены прекратил посещения семьи Т. Безропотно переносил все вспышки жены и капризы ее дочери.

После убийства был очень бледен, расстроен и растерян; на другой день жаловался на тоску.

В заводской ячейке о П. дают лучшие отзывы, хотя там была замечена его некоторая умственная недостаточность. Всех на заводе поразило его преступление.

В первый же день его поступления в Клинику чуткая до человеческих слабостей уголовная братия подметила и атаковала глупое легкоеверие, внушаемость и трусость П. Он был помещен в камеру, где находились растратчики, и ученик оперной студии Ш. использовал свой зычный голос для изображения свирепого бандита, убившего 10 человек: несмотря на несдерживаемый смех окружающих и грубый шарж игры, все это показалось очень убедительным и не менее страшным П., и он всю ночь не сомкнул глаз, следя за малейшими движениями мирно ворочавшегося во сне Ш. И по сие время остался П. объектом невольного, но беззлобного подтрунивания окружающих. Невольного, ибо действительно смешон и порой жалок П., когда неодно-

кратно, перед первым встречным, он томительно, скучно, с исключительной обстоятельностью и с неизменным недоумением рассказывает о своем преступлении. В этих почти стереотипных поведеньях ярко сказывается его недостаточно критическое отношение, как к себе самому, так и к слушателям: совсем не учитывает П., каким неприглядным представляется он собеседникам, когда в сотый раз подчеркивает, что Татьяну водил он в кино бесплатно, что не посмел бы сам с женой развестись, ибо мог бы остаться не при чем. И совсем не учитывает П., что его уже не слушают, что над ним уже смеются. Да и как не смеяться жадному до всего героического уголовному миру, когда П. панически бежит с прогулки, заметив... паука. Но эти насмешки принимали все более и более мирный характер, ибо слишком бесхитростен и безропотен П. в своем самоуничтожении и трусости; слишком искренно недоумевают он по поводу всего происшедшего; слишком тих и незаметен П. во всем остальном — ни в мастерской, ни в камере не нарушает он чужого покоя, пока не просят его рассказать о своем деле. Не чужд П. умственных запросов, но значительная интеллектуальная сниженность мешает усвоению и использованию прочитанного. Ни в чем не проявилось почти 3-х летнее пребывание П. в партии. На общих собраниях Клиники, во время живых прений, по лицу его лишь вяло бродит тихая кривая улыбка. В устных продукциях выявляется неясное мышление, целевое представление теряется в детализирующих по вторичным признакам ассоциациях. Многому легко верит П., и ни в чем он по настоящему не уверен: перед убийством верил в то, что К. может его взорвать вместе со сторожкой; в Клинике перед каждым днем свиданий сомневается, придет ли жена, не обиделась ли, не рассердилась.

Первоначальные наблюдения ориентировали по линии эпилептоидии: в пользу этого говорили бросающийся в глаза эгоцентризм П., крайняя обстоятельность его мышления с прилипанием к собеседнику, аккуратность, некоторая склонность к морализированию и стойкая линия его социального поведения. Однако же дальнейшее наблюдение все более и более выявляло значительную умственную неполноценность П.; с последней в большей степени, чем со складом аффективности связывается и эгоцентризм, и обстоятельность его мышления: эгоцентризм П. не столько гипертрофированный, сколько не критически обнажаемый; обстоятельность его мышления преимущественно обусловлена невозможностью отличить главное от второстепенного. С этой же умственной неполноценностью тесно связаны его легковерие и внушаемость. Астенический стержень его личности в сочетании с внушаемостью облегчили социабельность его поведения, из них же возникли психологические механизмы преступления.

Если учесть и особенность сексуального влечения П., нерешительного, соматически слабого, задержанного в своем выявлении, имеющего большое значение в жизни; если учесть характер внешних связей П., ограниченных, с углублением в чтение, с убогим, но все же с внутренним миром для себя, то получится больше оснований отнести П. к шизоидам.

Неблагоприятные семейные условия—насмешки всей деревни над беспутным пьяницей-отцом и над самым чувствительным П.—толкали по пути аутической компенсации; при этом характерно, что и в своих мечтах он является мстителем всемогущим, но кротким. Ирония судьбы, пославшая П. в войска ГПУ, была тяжелым для него испытанием и, быть может, лишь несколько дисциплинировала его во внешнем проявлении постоянного страха, представляя для него материал.

Семейная жизнь со старшей на 10 лет женой, иногда и бывавшей его, окончательно символизировала его робкую подчиняемость среде.

Эти усугубленные жизнью астено-шизоидные черты личности П. делают мало вероятной сколько-нибудь инициативную и решительную планировку с его стороны в смысле изменения семейной жизни; точно так же, как со всем этим, так и с характером его сексуальности, несовместимо предположение об установившейся между ним и Татьяной связи. Весьма вероятно, что их отношения ограничивались с его стороны робкими платоническим тяготением, питаемым сексуальной неудовлетворенностью и задерживаемым его общей непреодолимой трусостью и сексуальной нерешительностью. Вмешательство убитого К. придало иное направление этой, не предвещавшей ничего драматического, ситуации. Систематические угрозы этого, вероятно, более счастливого и более определенного претендента, совершенно терроризовали П. Долго и добросовестно шествует он по путям наиболее свойственным его личности: убегает, дома не ночует, ищет примирения, жалуется, но недостаточно определенно. Однако, угрозы не прекращаются, наоборот, они усиливаются после характерной для П. жалобы отцу Татьяны на убитого. В последние дни П. был заполнен страхом. Перед убийством он нес сверхурочное дежурство, чувствовал себя утомленным, немного выпил за обедом. Угрозы К. в этот день переполнили чашу терпенья П.: терроризованный, трусливый, внушаемый П. готов был всему поверить, вплоть до возможности для К. разнести сторожку вместе с ним самим.

В ожидании прихода К., все в личности П. было мобилизовано и впитано инстинктом самосохранения: стреляя в К., П. не нападал, а защищался.

В ряду Кречмеровских шизоидов П. принадлежит к одному из наиболее важных препсихотических вариантов—

«лишенного аффекта», «расслабленного» — тихого, боязливого послушного, застенчивого, медлительного, неуклюжего. Выраженная дебильность П. приближает его к одному из полюсов этого варианта, — к боязливым шизоидным имбециллам, что, однако, отнюдь не исключает его любви к книге.

Преступление П. еще резче противоречит всей его личности, всему темпераменту, чем у З. Оно также осуществлено диссоциирующим механизмом, на мгновение перепластовавшим его психику. Но у З. действие было более планомерно, у П. оно ближе к комплексному взрыву. Кроме того, целостная критика З. в большей мере затмевалась напором стенического ядра личности; этого не требовалось дебильному и внушаемому П. Вся история развития П. свидетельствует о том, что главным образом страх мог в создавшейся ситуации на момент превратить его в убийцу. Однако, несмотря на бесспорную платоничность его романа, никак нельзя исключить в диссоциирующем аффективном побуждении и комплексных элементов постоянной сексуальной ущемленности. Такая более или менее подсознательная сверхдетерминированность нередко отмечается в реакциях аффекта ужаса. Как раз судом мотив ревности признан решающим. Но каким второстепенным представляется подобное выделение мотива там, где, как в случае П., возможно вскрыть всю личность и дать надежное предсказание его будущего поведения. Мы уже говорили о том, что оно представляется нам безупречным.

Следующий случай выявляет уже значительное участие анестетического, холодного компонента в шизоидном темпераменте.

Случай V А., 36 лет, столяр-плотник, происходит из крестьян. Осужден по ст. 136 УК на 8 лет лишения свободы за убийство из ревности своей жены, с которой был разведен.

А. астено-атлетического телосложения. Неизменно сумрачное выражение лица. Общая сдержанность и некоторая деревянность жестикуляции. Приподнятая неестественная интонация голоса. Нерезкое пучеглазие. Выраженный тремор рук, век и языка. Извитость и жесткость периферических артерий.

В наследственности: отец умер 46 лет от белой горячки. Мать — 33 лет от «головного удара». В роду матери сильно пил брат, несколько меньше — сестра.

Старший брат А. 50 лет, крестьянствует. По характеру злой и вспыльчивый; сильно пьет и буйствует. Младший брат умер 13 лет: спросонок выбросился из окна и погиб. Отличался капризностью, раздражительностью, плаксивостью и драчливостью.

Сам А. до 15 лет прожил в деревне; в семье были довольно мирные отношения. Воспитывался мачехой, относившейся к нему

как родная мать. На школьное обучение родители смотрели «сквозь пальцы», но А. интересовался учебой и при помощи брата с 10 лет учился «домашним способом». С 12 лет засадили «шпули мотать», а затем стал помогать отцу по столярной части. Был очень трудолюбив и в работе настойчив, даже в игре любил что-нибудь мастерить. С 15 лет на отхожих промыслах; с 19—стал столярничать самостоятельно. Жил в обстановке сплошного труда. Во всем себе отказывал, деньги «гнал домой». На работах повсюду им были вполне довольны. С 20 лет в Москве. За исключением перерывов в связи с военной службой—с 1914 по 1917 г. и с 1918 по 1921 г.—все время на работе по специальности, зарабатывая достаточно.

По характеру с детства отличался крайней необщительностью, молчаливостью и застенчивостью. Обычное настроение—равноспокойное: ни веселья, ни грусти, ни скуки, ни недовольства. Всегда медлителен, но очень настойчив. И в юности постоянно одинокий, но всеми уважаемый за добросовестность в работе и за готовность помочь. Ни одного друга не имел не было потребности говорить о себе.

В половом отношении холодный, невлюбчивый. До 19 лет женщин не знал и к ним не тянуло. В Москве около 2-х лет «гулял» с одной работницей, имел с ней связь, которая, однако, его не увлекла: оба относились к ней «халатно», она первая постепенно эту связь оборвала, и для него этот разрыв прошел незаметно.

В 1912 году женился на 19-летней девушке-портнихе, воспитывавшейся с детства в городе. Первые годы жили мирно и хорошо во всех отношениях. Лет с 20 начал понемногу пить—товарищи стыдили: «какой дескать ты артельный человек, коли не пьешь в компании»; все же до 1925 г. пил «пропорционально», не больше одной сотки и 2-х бутылок пива в день; вначале в опьянении веселел, никаких особых расстройств не обнаруживалось. С 1925 года произошел резкий перелом, начавшийся с пустячной ссоры с женой: последняя отказала ему в нескольких рублях из его жалованья и совершенно неосновательно заподозрила его в измене. С тех пор пошли почти непрерывные ссоры и отчаянное пьянство. Очень быстро дошел до нескольких бутылок водки в день. Стал прогуливать. Почувствовал какую то «тупость» в голове. С июня 1926 года первый приступ буйства—«какая то мания все бить и ломать»; таких приступов у него было 7. Все разрушал вплоть до вещей любимых им его детей. Для его вразумления жена формально развелась, продолжая все же с ним сожительствовать. Ничто не помогало. В июне 1926 года он был присужден к принудительным работам по жалобе жены за уничтоженное им в пьяном буйстве ее имущество. Характер резко испортился—стал гру-

бым, раздражительным. Иногда появлялись «голоса», устрашающие видения.

Еще в 1926 году у него возникли подозрения на счет измены ему жены с преддомкомом, бывшим уголовником Ч. Эти подозрения подтвердились, когда в июне 1927 г. жена со всем имуществом внезапно перешла в квартиру Ч. вместо переведенной оттуда разведенной жены Ч.

А. было обидно, и все же он продолжал сожительствовать с женой в ее новой квартире, при чем за перегородкой спал Ч.; «разделявшее их дверное отверстие жена завешивала одеялом». А. мучился, но «с женою разговор был короткий» — она отвечала лаконически или отмалчивалась. Все же он отдавал ей почти все деньги на детей; вместе с ней ездили проведать сына в пионерский лагерь. По утрам жена пролезала к нему в комнату, будила его и убирала за ним; один раз вымыла его в стиральном корыте.

Дня за четыре до убийства их отношения резко испортились: он без ее ведома взял как-то несколько рубашек из ее заказа, для себя и забыл ей об этом сказать; в тот же вечер его встретил Ч. и грозил спустить его с лестницы, если он еще раз явится к ним в квартиру. А. тогда отнесся к этому равнодушно, но к жене ходить перестал.

12 июля, после мирного чаепития с женой и племянником у соседки по двору, во время которого они друг над другом «подсмеивались», А. пригласил жену погулять. Против его ожидания, жена согласилась. Тогда он забежал в комнату за платком, попутно выпил там пол-стакана водки, закусил колбасой, сложил перочинный нож, которым резал эту колбасу и «совершенно машинально» положил нож в карман. Вышли со двора около 11 час. вечера. По дороге он пытался обнять жену, но она его резко оттолкнула. Вели разговор об их будущей жизни, о детях, об уголовнике Ч. Жена, как обычно, отвечала грубо. Он назвал Ч. жуликом и когда в ответ на это жена заявила, что у нее есть и другие «ухажеры», он впал в ярость, выхватил перочинный нож и стал наносить ей удары без счета. Помнит звук разрывавшейся материи при обратном движении ножа, ее крики «режут»; остальное помнит смутно. Опомнился шагах в 30 от места убийства. Нож забросил. Слышал крики людей, собравшихся вокруг тела жены, но чувствовал себя спокойно. Пошел на ближайший вокзал выпить. У вокзального буфета сделал заказ, и уплатив его, заметил окровавленные руки и рубашку; не сразу нашел место для мытья. В конце концов отмылся над унитазом вокзальной уборной. Тут же вспомнил, что деньги заплачены, а водка не выпита — вернулся в буфет и выпил. Факта убийства в сознании, как не бывало. В приподнятом настроении отправился домой с громким пением: «Эх ты,

Ваня, паренек», «Да здравствует АОМС», «Лимоны и апельсины». Подходя домой, увидел толпу и подумал: «Ну пусть себе и стоят». Помнит, что не позволял крутить себе руки и пошел в отделение свободно. Остального не помнит. Очнулся в милиции утром, без рубашки. Рассказывали, что он был без сознания.

Таково изложение А., почти без изменения повторявшееся им при неоднократных исследованиях. Лишь недавно А. добавил, что мысль об убийстве мелькнула у него еще за чаепитием, но перед прогулкой исчезла совершенно.

Обследование подтвердило основное из сообщенного А.; оно выявило крушение семьи алкоголика. Соседи рассказывали, что ревность А. доходила до подглядывания в комнату жены со специально приставленной лестницы. До 1926 года—мирная жизнь, затем сплошной кошмар. Убитую характеризуют, как деспотическую, очень скупую женщину, трудолюбивую работницу, но плохую жену и хозяйку дома. Ч. действительно связан с уголовным миром. Обычно свои пьяные разрушения А. быстро возмещал со словами: «Я старый мир разрушу, новый построю». Вне пьянства, А. хороший работник, неплохой товарищ, но человек раздражительный, замкнутый и скрытный: о своей семейной жизни никому ничего не говорил.

Основной склад личности А. представляется выраженно шизоидным, со значительным участием анестетического компонента: об этом свидетельствуют его холодная необщительность, обычная нелюдимость, утаивание им наиболее волнующих переживаний даже от ближайших товарищей; внешне туповатое отношение к личным невзгодам; позднее пробуждение сексуальности, слабой соматически. Весьма характерен резонерский пафос, с которым он однажды неожиданно выступил на клинических занятиях при объяснении своего преступления. Эта обращенность внутрь себя не исключала, в виду значительного стенического ядра в личности, большой настойчивости и упорства в профессиональной работе.

Прогрессирующая алкоголизация последних лет в значительной мере определялась бытовыми моментами, но сильным толчком для нее явилась комплексная переработка А. неудовлетворенности своей семейной обстановкой, имевшей достаточно оснований, в виду деспотически-стяжательского характера жены, игнорировавшей хозяйство в пользу больших заработков и, главное, в виду, вероятно, давних сомнений в супружеской верности жены. На этом фоне отмечалась, особенно вначале, нерезкая сниженность всей психики с упадком восприимчивости и эмоциональным притуплением; в самом начале была констатирована и некоторая оглушенность, впоследствии почти исчезнувшая.

Алкогольный упадок осложнился судорожными припадками и приступами разрушения, наступавшими в явной связи с состоя-

ниями опьянения, иногда в сочетании с отдельными сенсорными расстройствами. Их симптоматически можно рассматривать, как алкогольно- и аффект-эпилептические: обычное провоцирование психогенными моментами свидетельствует о роли истерических механизмов.

Само преступление преуготовлено, по бытовой линии, крушением семьи алкоголика, последним этапом которого был разрыв супружеских отношений за несколько дней до убийства.

Ревность, не лишенная объективных оснований, у шизоидного алкоголика А. могла лишь развиваться, принимая патологический характер; очень показательны в этом отношении его ночные подсматривания с приставной лестницей.

Шизоидный склад личности вначале так глубоко таил это чувство, что, быть может, и сам А. не осознавал всего его значения. Но комплексная переработка связанных с супружескими отношениями переживаний совершалась непрерывно в его психике. Образовался порочный круг: мучительные переживания толкали личность по проложенным путям алкогольной компенсации, на которых приступы разрушения являлись формой самоутверждения, в то же время эти пути все дальше и дальше уводили личность от безболезненного изживания конфликта.

Убийство произошло вне судебно-патологического изменения сознания; об этом говорит более или менее полная сохранность воспоминаний о самом преступлении. Внезапность самого убийства не исключает возможности более раннего появления в сознании мысли об отмщении и последующего ее исчезновения из ясного поля сознания.

Отталкивание А. женой во время прогулки и ее намеки на наличие других поклонников были комплексным раздражителем для преуготовленной к отреагированию его озлобленной ревности. Яростная окраска совершенного преступления объясняется анестетичностью личности А. и обычной агрессивностью его состояний опьянения.

Та же холодность темперамента в сочетании с алкогольной деградацией сказались и в реакции на совершенное в форме наружной тупости, грубых аффективных прорывов по адресу убитой и холодно-резонерского самооправдания.

В лице А. перед нами еще один убийца по страсти. Однако здесь как весь склад личности, так и наслонившаяся алкоголизация с агрессивными проявлениями ухудшают прогноз. Излечение алкоголизма, показанное в первую голову, пожалуй, не даст еще достаточной гарантии вполне упорядочного поведения в будущем. Социальное укрепление личности было бы более возможно установлением подхода к ее чувствительному ядру, с параллельным использованием прочных трудовых навыков, свойственных А.

Все остальные нижеследующие 4 случая примыкают к «северному», анестетическому полюсу шизоидного темперамента.

Случай VI М. 21 года, крестьянин Новгородской губернии; осужден по ст. 142 У. К. (Ред. 1922 г.) за убийство с целью ограбления на 8 лет лишения свободы; прибыл в Клинику на 3-м году своего тюремного заключения. Об'ективный материал по делу добыть не удалось. Обстоятельства преступления по словам М. сводятся к следующему.

Семья его родственников, у которых он проживал вместе со своей женой, находилась всецело под властью 75-летнего деда по отцу, несносного деспота, к тому же подпавшего в последнее время под влияние вдовы брата; последняя под его покровительством всем в доме распоряжалась беспрепятственно, даже в голодное время утаивала хлебные продукты семьи и продавала их. В связи со всем этим дома была тяжелая атмосфера, крайне озлоблявшая М.

6 февраля 1924 года, под влиянием очередного скандала в семье, М. решил добыть хлеба для семьи самостоятельным путем. Совершенно не имея денег, он отправился за 30 верст в соседнюю деревню, закупил у кулака живой скот—быка и телку, сам их и заколол; с торговцем договорились, что расплата будет произведена в доме М., куда оба они направились на другой день. Вначале М. якобы предполагал, что в деревне кто-нибудь за него заплатит, и он сможет на этом заработать, продав мясо по большей цене; но уже в пути его стала мучить мысль, что платить за мясо нечем и возникла другая мысль—убить торговца, забрать мясо даром и хорошо заработать на продаже. Мысль об убийстве сильно взволновала, руки в рукавицах сильно тряслись, все было неясно, как в тумане, в голове наиболее отчетливо мелькало: убить — продать — заработать. Ехали они в санях, впереди было сложено мясо и поверх его блестел брошенный туда топор. Седоки расположились на задке саней, рядом. В виду волнения М., разговор не клеился, перебрасывались толко отдельными словами. Он колебался, совесть мучила; думал было не убивать, но представил себе скандал и насмешки, когда выяснится, что ему расплатиться нечем, и решил убить. Перед убийством пошел сзади саней, затем сел рядом, схватил топор и ударил 2 раза по голове. Этот момент помнит смутно, очнулся от крика убиваемого, продолжавшегося несколько минут. Проехав с трупом несколько шагов, он свалил его под дерево, покрыл снегом и поехал дальше. Но душевное волнение возросло и, когда М. проехал с четверть версты, оно достигло такой степени, что М. выскочил из саней, повернул лошадь на обратный путь, а сам почти бегом пустился к себе, ничего с собой не взяв. Дома наскоро поел и сейчас же уснул; окружающие ничего не заподозрили. С утра М. места нигде себе не находил, все

казалось, что за ним идут. Боясь расстрела при обнаружении преступления, он через 3 дня занял у тестя 10 руб. и уехал в Сибирь, к дяде; скрывался там 3 месяца, затем вернулся и предался властям.

У М. вялая, маловыразительная мимика, обычно сумрачная. Эмотивные проявления очень скудны и ограничены.

М. высокого роста, мускульно-диспластического телосложения, питание понижено, кожные покровы землистого оттенка, кожа слегка пастозна.

В наследственности М.: отец 51 года, малограмотный; по характеру малообщительный, тихий и трезвый.

Дед 75 лет, обладает несносным характером—грубым, злопамятным, упрямым, деспотичным; большой эгоист, очень консервативен.

Дядя по отцу драчлив.

Мать 42 лет, очень болезненная, по характеру тихая и кроткая.

М. до 7 лет страдал недержанием мочи. В детстве был послушным, застенчивым и любознательным. Мечтал о карьере,—о том «чтобы стать каким-либо авторитетным лицом». Никаких привязанностей и чувства дружбы в детстве ни к кому не отмечает. Учиться начал с 9 лет. Способности и интересы к учению были неравномерны: великолепно решал задачи, легко давался русский язык, но не любил закона божьего и не было памяти на естествознание. На 4 зиму должен был оставить школу и перейти на крестьянскую работу; отношение со стороны матери было заботливое, со стороны отца более холодное. Но особенно мучил дед, который «язвил словом» и «двуличная» вдова брата. Из тяжелых переживаний юности отмечает мобилизацию отца, но он «жалел душой», молчал, ни с кем не делился.

Семья жила в постоянной нужде в виду своей многочисленности—14 человек—и в виду бездействия вдовы и деда. Пьянства в семье не было, но не переводились скандалы и семейные дразги из-за деда: несколько лет у М. «накоплялась злоба» против него.

Лет с 17 пьет при случае. Пьянеет быстро, становится необычно разговорчивым, но не буйствует и сознания не теряет. Половая жизнь только с женой, с 18 лет. Жену любит по настоящему, ей не изменяет, по ее требованию бросил в карты играть, что раньше любил. Имел ребенка, который умер 3 лет вследствие болезненности.

Последние годы М. постоянно мрачен, задумчив и замкнут. Часто случаются периоды тоски со злобой на людей. М. очень любит музыку и природу.

Клиническое наблюдение установило лишь глубокую отгороженность М. от внешнего мира, его почти полную безгласность,

скудость его эмотивных проявлений и громадную настойчивость и неумолимость в работе (резальщика бумажных кип). Наибольший интерес возбуждала у М. игра в домино, которой он отдавал большую часть свободного времени. Он ни с кем не сблизился во время своего пребывания в Клинике.

Исследование М. затруднялось значительным сопротивлением с его стороны установлению с ним контакта, при непривычке его к сколько-нибудь полному самоанализу. Невысокий уровень его развития и дисгармоничность интеллекта способствовали еще меньшей продуктивности. Тем не менее, основные сведения М. сообщил в неизменном виде двум исследователям в разное время. Отношение М. к своему положению холодно выдержанное, на свое будущее смотрит не безнадежно, раскаяния не высказывает; внутреннее отношение к себе скрывает: холодно соглашается с точкой зрения общества, что он—«заклейменный».

Здесь перед нами по обычному наглухо закрытая психика анестетического, холодного шизоида. В отношении к М. и ему подобным никогда нельзя быть уверенным, насколько глубоко пробита обледеневшая кора, отделяющая его от окружающих; и только клинический опыт помогает выделять некоторые штрихи, совпадающие со всем строем личности: таковы детские аутические мечты о карьере авторитетного лица, характерная дисгармоничность его интересов и способностей и, главное, недоступный холод вокруг него; холод значительно облегчивший совершение в общем планомерного убийства. Но все противоречиво в психике шизоида: планомерно и как будто рассудочно совершенное убийство, и все же оно глубоко потрясает личность, задевая в ее глубинах не совсем угасшую аффективность, и цепь преступных действий внезапно обрывается, а самое убийство делается совершенно бессмысленным. В данном случае хроническая нужда, обостренная семейным разладом, послужила естественной канвой, на которой холодной рукой М. был вышит узор его жестокого преступления. Совершенно искренно указывал М. на значение бытового раздора в его преступлении, ибо систематические ущемления в своем узком родственном кругу быть может особенно чувствительны и для холодных шизоидов; не даром некоторые авторы выделяют «семейную ненависть» в качестве существенного, иногда очень раннего, симптома шизофрении (Гюйер и Робэн).

Установление обоснованного прогноза в данном случае, как быть может, в отношении большинства холодных шизоидов, крайне трудно. Здесь особенно опасной является возможность включения паразитических навыков во внутренний мир шизоида. Главной задачей воспитательного воздействия должно было бы стать отыскание аффективных уголков личности и связывание всей личности с простыми социальными жизненными планами.

Благоприятное воздействие на М. индивидуального подхода сказалось и в Клинике, где он проявил исключительную работоспособность, упорядоченное поведение и склонность к установлению избирательного, но искреннего контакта.

Случай VII Г., 20 лет, холост, крестьянин Рязанской губ., осужден по ст. 142 У. К. (редакции 1922 г.) на 8 лет лишения свободы. 15 сентября 1925 года, приехав совместно с гр. В. в гор. Покров и остановившись у гр. Н., сдававшей койку на ночлег, используя беспомощное состояние последней, задушил ее в то время, как она спала, затем взломал сундук и, похитив 3 узла вещей, скрылся совместно с В. Заметив за собой слежку встречных граждан, он кинул узлы и скрылся в Орехово-Зуеве на квартире В., где и был задержан. В процессе следствия и суда Г. в совершенном преступлении сознался, но категорически отрицал какое-либо участие в нем В. Он показал, что, остановясь на ночлег в квартире Н. и увидя там много добра, задумал, в виду острой своей нужды, ограбить ее путем убийства; после долгих колебаний, преодолевая возражения В., он решился на преступление. Преступление он совершил незаметно для В., а затем путем угроз заставил ее взять узел и скрывать его у себя на квартире. В. была осуждена условно.

Г. высокий астено-атлет. Тонкие черты лица, скудная рыжая волосистость. Сумрачно-скрытное, холодное выражение лица. Эмотивная тахикардия, стойкий белый дермографизм.

В наследственности Г. необщительные, сумрачные, застенчивые характеры. Алкоголизм по отцовской линии. Г. в семье по старшинству 4-й. Все старшие на трудовом пути: оба брата служат продавцами в кооперативе. Самый старший отличается особенной замкнутостью, молчаливостью и нервностью.

До 14 лет Г. особых материальных лишений не испытывал. Моральная обстановка была неблагоприятная: отец нередко избивал мать. Но детей не трогал. Г. был особенно склонен к учению. К 11 годам кончил 4 класса, хорошо успевал и был очень огорчен, что не пришлось по материальным условиям продолжать образование. Никогда не расставался с мечтой поступить в школу II ступени. В течение одного года, в 13-летнем возрасте, Г. потерял обоих родителей, и материальное положение семьи резко ухудшилось. Приходилось нести непосильную работу. К 15 годам имел уже небольшой стаж чернорабочего на железнодорожной станции. В голодное время ему приходилось ездить в Самарскую и Саратовскую губернии за хлебом; постоянно заботился о семье, был хорошего поведения.

Помнит себя лет с 5-ти. В детстве был очень тихим, застенчивым, робким, вялым. К дракам совершенно не был склонен. Отличался крайней необщительностью, почти не вступал в игры с товарищами, шум и возня были неприятны, «как будто бы

боялся этого». Очень болезненно переживал обиды матери со стороны отца, мучила несправедливость, хотелось бы, чтобы жили, как все. Любил мечтать в одиночестве, во время чтения мысленно переносился в область прочитанного, как будто бы не замечая окружающего. Больше всего мечтал о том, чтобы стать каким-либо ученым, изобретателем; иногда угнетали мысли, что он менее красив, имеет другой вид, чем другие; своими мыслями ни с кем не делился и на прогулке в лесу отдалялся от остальных. Имел лишь одного друга, с которым научился быть откровенным, их сблизила любовь к книге. «Сильно углублялся в учение», по истории читал больше заданного. Мучило также зрелище хорошо одетых детей в школе—было обидно за свои отрепья, тогда плохо думалось об отце. До 17 лет никаких половых проявлений, к девушкам был равнодушен, стеснялся их. В то же время «молча» был влюблен в односельчанку. Ни разу с ней не гулял и лишь после ее замужества узнал, что пользовался ее взаимностью. В 18 лет имел единственную связь с замужней женщиной, в которой инициатива принадлежала не ему. Было стыдно, больше связей не имел—не влекло к ним. В последнее время стал еще более замкнутым и уединенным мечтателем, большей частью думал об учебных достижениях, но действительность разбивала мечту. Мучила нужда и неудачи. Многим людям сочувствовал, но этого совершенно не показывал и «узнать по нем ничего нельзя было». Сверстники его любили за то, что сам он никого не задевал, никому не пакостил. Обиду переживал долго, но злобы не было. Незадолго перед совершением преступленной нужда в семье обострилась, самый старший брат ушел в армию другой уехал в Ташкент, а к довершению всего овдовела старшая сестра и переселилась к ним. Настроение стало еще более портиться. Иногда мелькали мысли и о преступлении—слыхал, что в их краях были люди, осужденные за ограбление. Читал в книгах о подвигах атаманов, но эти мысли появлялись лишь на мгновение и сменялись другими.

19 лет поехал в Орехово-Зуево в поисках работы; остановился у 19-летней мелкой торговки, гр. В., адрес ее ему дал его старший брат, который «крутил с ней любовь». Она его принимала очень гостеприимно. Недели полторы Г. добивался черной работы, но ничего не успел. В. выражала полную готовность поддержать его, но и у нее самой материальные дела были неважны.

В этих условиях В. начала убеждать его в необходимости искать других путей и вскоре предложила ему отправиться с нею к ее знакомой—старой, богатой торговке. Утверждала, что сама видела у нее золота до 3.000 руб. В начале ее предложение он категорически отвергал, говорил, что дело это не-

хорошее, что народ узнает, совестно будет. Она возражала, что никто ничего не узнает. Наконец, на третий день он дал ей свое согласие. В течение этого времени колебался: «думал, что никогда вором не был и, что убить человека нельзя; человека убиваешь—значит зверем становишься». С другой стороны, думал, что как-нибудь поступить нужно, домой возвращаться было нельзя: ведь поехал на заработки. А затем мысль о золоте сначала всплывала лишь временами, а затем уж все время держалась в голове, думал, что устроит материальные дела и обязательно будет продолжать учение. Успокаивал себя также мыслью, что намеченная жертва стара и что ей умирать пора. В эти дни спал плохо, все время проводил дома; страха не было, но какое-то волнение, уже все ясно себе представлял, как будет, опасался, что «не хватит силы воли душить ее». С одной стороны все как будто было ясно, с другой, мысли как-то рассеивались и все было туманно. В. на него больше давления не оказывала, сама она не волновалась. Смотрела на преступление, как на средство выйти замуж за брата. Разработав в деталях план ограбления, 14 сентября 1925 года отправились в путь. По дороге он волновался, но мысли об отступлении не было. Вначале все случилось, как они предполагали: В. выдала его за мужа, старуха впустила их, и к 11 часам они улеглись. Тут все им показалось страшным, и он снова заколебался. Однако В. настаивала, говорила, что не следует терять такой случай. С 12 час. ночи он подходил к старухе раза три и лишь на четвертый раз сдавил ей горло. Тут же он впал в обморочное состояние, и В. в течение 5 минут приводила его в чувство. В дальнейшем ничего не мог делать. Она сама завязывала узел. Под влиянием его растерянности растерялась и сама. Из 4-х сундуков открыли лишь один, о золоте и мысли не было. Мучительно переживали погоню. На другое утро был арестован у нее на квартире. Считал своим долгом всю вину взять на себя, что и сделал.

Во избежании повторений, мы не будем перечислять характерологических черт Г., позволяющих без особенных сомнений отнести его к выраженным анестетическим шизоидам, а механизм совершенного им преступления—к типичному для них холодному планированному убийству.

Шизоидная личность Г. интересна в том отношении, что его наружная холодность столь причудливо сочетается со скрытым, но выраженным гиперестетическим ядром. Быть может, особенно ярко это сказалось в принятии всей вины за совершенное на самого себя, хотя и это было возможно для Г. в виду опять таки шизоидной прямолинейной принципиальности и некоторого равнодушия к собственной судьбе. В смысле механизма преступления и, главное, последующей реакции этот случай близок М. (случай б). И здесь, и там совершение преступления столь по-

трясает, казалось бы, эмоционально тупую личность, задетое гиперестетическое ядро вызывает такие сдвиги психэстетической пропорции, что успешное выполнение преступления становится невозможным. Можно сказать, что здесь динамические взаимоотношения прямо-обратные тем, которые наблюдаются у чувствительных шизоидов: в тех условиях, в которых гиперестетики совершают свои преступления, анестетики начинают «раскаиваться» или, вернее, испытывают такое потрясение, которое парализует завершение преступной реакции.

Сохранность этого гиперестетического ядра у Г. в сочетании с холодной недоступностью воздействиям чуждой среды улучшают прогноз социального поведения Г. в будущем. Заканчивать наше исследование Г. нам пришлось к моменту окончания срока его лишения свободы в виду амнистии. И мы можем с достаточной уверенностью предполагать, что Г. вступает в жизнь с социальными установками. Его скрытая чувствительность понесла столь значительные ущемления со стороны чуждого ему уголовного мира, что к последнему он питает глубокое отвращение. С другой стороны, в месте заключения, Г. в аутическом уединении успел продумать и прочувствовать все происшедшее.

Случай VIII В., 20 лет, крестьянин, приговорен к 5 годам лишения свободы за убийство, совершенное при нижеследующих условиях. В 1923 году В. сошелся с крестьянкой своей деревни С., с которой вскоре вступил в половую связь. Через год С. забеременела, и он стал требовать, чтобы она произвела аборт; согласясь на это, С. получила обещание от В. ссудить ее деньгами для производства операции. Однако впоследствии В. раздумал, отсоветовал ей производить аборт обещая жениться на ней, думая в то же время окончательно, отделаться от нее путем преступления. 29 июня 1924 года, около 10 час. утра. В. заманил С. в лес, находящийся на расстоянии одной версты от деревни и с помощью еще нескольких лиц, оставшихся суду неизвестными, зверски убил С., при чем у последней были отрезаны одна грудь, уши, нос и язык и, кроме того, была воткнута палка в задний проход.

В. происходит из крестьян Могилевской губернии. Несмотря на сравнительную зажиточность семьи, на долю В. выпала большая работа по хозяйству в виду военной службы старших братьев и длительной болезни отца (алкогольный катарр желудка). Семейный быт был залит тяжким, сплошным пьянством отца, а вслед за ним и старших братьев, и самого В.; отец с раннего детства буквально спаивал своих детей; воспоминания детства В. заполнены, главным образом, картинами пьяного буйства отца, избиения матери и беспомощности детей. В виду пьяной репутации семейства В. его приняли в школу лишь после на-

стойчивых уговоров матери. К этому периоду, т.-е. к 9 годам, В. уже начал преодолевать отвращение к водке и даже находил в ней удовольствие. Учением вначале увлекался и по любимым предметам, как арифметика и геометрия, был первым, другие предметы игнорировал. Проучился 4 зимы, часто бывал наказуем за брань и драки со сверстниками. В первое время пил меньше и большею частью украдкой, а затем по стопам отца и брата: стал в вине искать забвения от трудностей жизни. Последних же было не мало, так как с 10 лет ему как заменяющему старших, пришлось нести почти непосильную сельскую работу. Занятия пошли хуже, в 3 классе он остался на второй год и 13 лет оставил школу. Жизнь проходила в труде и в пьянстве. С 1922 года, с возвращением братьев, хозяйство было вполне восстановлено, но к этому времени у него уже явилось непреодолимое влечение к алкоголю, и он стал пить и буяннить так же, как и отец. Пьянел он не сразу, лишь после 2-х, 3-х бутылок. В состоянии опьянения пристаивал ко всем, лез драться. Однажды сильно избил сестру. Обо всем учиненном в опьянении впоследствии вспоминал смутно.

Отец В. 56 лет—нервно-больной, двукратно лежал в больнице; в болезненных состояниях он дрожит, очень агрессивен, после приступов гнева в течение нескольких часов мрачен и недоступен. И в трезвом состоянии отличается сумрачностью.

Мать умерла 52 лет от разрыва сердца. По характеру задумчивая, угнетенная, мягкая. В ее роду алкоголизм.

Оба старших брата В. сильно пьют, один из них вспыльчивый, злой, пьяный никому не дает пощады.

Сам В. выше среднего роста, мускульного телосложения. Тонкие черты лица; большие оттопыренные уши. Выражение лица сумрачное, недоверчивое, напряженное, иногда сменяющееся несколько вынужденной ясной улыбкой. Душевные волнения у В. проявляются обильными вегетативными реакциями, густым покраснением, потливостью, дрожью всего тела, с трудом сдерживаемой слезливостью. Неврологически: равномерно расширенные зрачки, живые сухожильные рефлексy. Резкий белый дермографизм.

О себе В. сообщает, что по характеру он весь в отца. С детства крайне упрямый, вспыльчивый, агрессивный. В 11 лет при падении с лошади потерял сознание; в том же возрасте получил удар камнем по голове. Лет с 15, после того, как втянулся в пьянство, стал очень нервный, вспыльчивый, обидчивый, чувствительный и злопамятный: если кто заденет, то он весь дрожит, совершенно с собой совладать не может, обуреваемый злобой к обидчику—«убить готов».

Половой жизнью начал жить с 17 лет очень интенсивно; обладал значительно повышенной половой потенцией. Имел

4 связи, длившиеся по 2—3 месяца. При сношениях доставляло удовольствие причинять боль, «придавить до боли».

Последние годы еще более обострились свойственные ему черты характера; преобладающее настроение—мрачное; очень часты внешне ничем не вызванные сдвиги настроения в сторону злобного недовольства всем окружающим. Такие настроения длятся по нескольку дней. Кроме того, он стал исключительно замкнутым и скрытным, крайне раздражительным и склонным к насильственным действиям. Однако же он никогда не думал о самоубийстве и не покушался на него. Жизненные интересы вращались вокруг пьянства и половых связей.

В мае 1923 года В. познакомился с С., а через месяц вступил с ней в половую связь. Под влиянием ее настояний, он в течение нескольких месяцев пил гораздо меньше, но после неожиданной смерти матери, к которой он был наиболее привязан, стал пить попрежнему.

Расспросы о преступлении для В. крайне тягостны, неизменно вызывают у него резкие эмотивные проявления или обрывают установленный с ним контакт. Сведения, данные им, как в письменной, так и в устной автобиографии, в основном крайне скудны и явно тенденциозны: преобладает ссылка на утрату воспоминаний, в частности в виду давности происшествия. (В. поступил в Клинику из другого места заключения, через два года после совершения преступления). В. утверждает, что между ним и убитой сожительницей существовали лучшие отношения, что он в действительности предполагал жениться на ней и ожидал лишь выселения семейного брата из их дома; якобы об ее беременности узнал лишь на суде. В день преступления он дома напился самогона, а затем направился к товарищу и с ним напился еще. Выйдя из его квартиры вместе с ним, они встретили С., и В., оставив товарища, пошел с нею. Во время беседы у них возникла ссора, он не помнит из-за чего и В. набросился на нее с перочинным ножом, нанеся ей несколько ран; не помнит, что делал дальше с убитой.

Вернулся домой поздно вечером, так как после происшествия он неподалеку от места убийства лег и уснул. По возвращении домой, якобы совершенно не помнил о случившемся и лишь на другой день обнаружил у себя окровавленный нож, стал рыться в своей памяти. Все же нож спрятал. На 4 день после убийства, во время работы в поле, к нему подошел брат убитой, сказал, что труп его сестры найден и стал грозить ему смертью. В этот же день В. бежал из дому, за 60 верст от деревни, без всякого плана; переправлялся через реку Сож. Во время переправы мелькала мысль о самоубийстве. Около 2 недель скитался по деревням, приходилось голодать. Все время не покидал безотчетный страх, но сознание вины отсутствовало: «как-то са-

мому не верилось, чтобы мог все это совершить». Решил возвратиться домой и 19 июня явился в милицию и дал показания. На суде почти молчал, вину свою отрицал. Находясь в Лефортовском изоляторе, серьезно думал о самоубийстве. Свою автобиографию В. заканчивает следующим образом: «Преступление совершено мною без всякой цели, а в виду пьянства, но я надеюсь и даю слово, что мое преступление первое и последнее, потому что пить больше не буду».

За почти полугодовое пребывание В. в Клинике, так и не удалось проникнуть в его внутренний мир; его он оберегал инстинктивно и сознательно. За все время он в основном не изменил своего отношения к окружающему: начальная замкнутость и недоступность медленно сменились лишь некоторыми деловыми соседскими отношениями. Но и этот ограниченный контакт устанавливался лишь с немногими, и в нем В. никогда достаточно не раскрывался. В редкие моменты явного и сильного тяготения поделиться своими внутренними переживаниями, непреодолимые задержки останавливали В. на первых шагах в этом направлении. Его отгороженность от внешнего мира облегчались большой выдержкой и самообладанием. Усиления обычной сумрачности сказывались еще в большем замыкании в себя, с почти неготивистическими проявлениями—полное молчание, отказ от прогулок, погруженность в книгу и т. д. В выборе чтения, в усиленных занятиях географией, в замечаниях В. о прочитанном выявлялось наличие самостоятельных духовных запросов и достаточной одаренности; последняя сказалась и в шахматных турнирах, где В. легко и молчаливо добивался первенства. Вне сдвигов к его тяжеловесному угнетению, В. был очень добросовестным работником мастерской, аккуратным соседом по камере, не угодливым, но услужливым и корректным в отношении к персоналу. Постоянно сохраняя значительное расстояние между собой и окружающими, В. снискал почти всеобщее доброжелательное отношение и даже сочувствие, когда молчаливо, явно подавляя уныние, принял известие о переводе из Клиники.

В. является одним из 2 наших убийц, уклонившихся от дачи хоть сколько-нибудь искренних и полных объяснений по поводу совершенного преступления (и второй случай относится к шизоидам). Анестетическая личность шизоидного В. и объективные данные дела заставляют предполагать расчетливое, спланированное убийство. Состояние опьянения в момент совершения способствовало вскрытию садистических склонностей его личности и придало всему убийству характер «сладострастного» (*Lustmord'a*). В. интересен, как совершенно умственно полноценный анестетик. Тяжкая алкогольная отягощенность и собственный уже привычный алкоголизм содействовали понижению и без

того невысокого у подобных личностей порога криминального раздражения. Прогноз социального поведения В. представляется неблагоприятным и несколько его смягчает небедный внутренний мир В. и наличие у него духовных запросов; значительно его отягощает стойкое влечение к алкоголю, в ликвидации которого быть может, главная задача индивидуального воздействия на него, так же как и постепенное привлечение его к рациональной трудовой жизни.

Случай IX Ш., 17 лет, татарин, бывший наборщик. Обвиняется в соучастии в убийстве одного вора на почве уголовных счетов. Убийство было совершено в пещере, на окраине города ударами камня по голове и финским ножом. Объективная сторона убийства полностью еще не была установлена; показания обвиняемых и, в частности, Ш. были очень противоречивые и изменчивые. У трупа убитого была обнаружена записка: «так мстят ссученному».

Ш. астено-диспластического телосложения. Отмечаются цианотичность рук, резкий красный дермографизм и отсутствие рефлексов со слизистых. На груди и верхних конечностях обильная татуировка сексуального содержания. Выражение лица Ш. недоступное, настороженное, холодное. Кожные покровы лица очень бледны.

В наследственности Ш.: мать была строгой, скрытной, нервной; однажды после ссоры у нее был какой-то припадок.

Отец был мрачным, грубым, неразговорчивым, крайне богомольным, физически очень сильным, но трусливым.

- Старший брат—алкоголик, но очень вынослив к вину.

Сам Ш. в возрасте 8 лет упал с лошади, после этого с месяц болел. 10 лет перенес тиф. 15 лет появились изредка припадки: темнело в глазах, чувствовался жар в голове; почти всегда эти припадки возникали после неприятностей. В 1926 г. болел малярией.

До 9 лет Ш. прожил в татарской деревне Казанской губернии. Отношения в семье были строгие, но мирные; родители были очень религиозные. Вплоть до пожара, уничтожившего все их имущество, материальные условия были удовлетворительными. Вскоре после пожара умерла мать Ш., когда ему было 8 лет. А года через 2 умер и отец, после значительных материальных лишений. До 1923 года Ш. жил с старшим братом, который работал по деревням в артеле пильщиков. Жилось не плохо. С 1923 г. брат устроился в Москве ломовым на заводе. С ним в общежитии поселился и Ш. Здесь он очутился без всякого присмотра; связался с ребятами, производившими мелкие кражи. Пристрастился к кино и в 1924 году сам украл брюки в общежитии, чтобы добыть деньги на кино и сладости. Был осужден условно и сильно избит братом. Последний стал

строже следить за ним и определил его в типографию (с арабским шрифтом), где Ш. успешно проработал вплоть до 1926 г.; дошел до 82 руб. жалования. На его беду, он сдружился в общестии с одним бывшим студентом и очень привязался к нему, как к первому своему учителю по русскому языку. Он же сделался его руководителем в первой мошеннической махинации—в подделке больничного листка, полученного Ш. по поводу малярии: с одного дня переделали на десять; подделка понравилась Ш., и оба стали заниматься этим уже систематически. Над своими преступлениями Ш. нисколько не задумывался—как будто бы так и нужно было. Был арестован снова, потерял место и по выходе из тюрьмы в сентябре 1926 года вступил целиком на уголовный путь: занимался всеми видами краж—«по тихой», по палаткам, бывали и случаи ограблений.

С зимы 1926 года, месяца за 2—3 до совершения преступления, Ш., спасаясь от розыска, поселился в настоящем воровском притоне. Хозяином притона был потерпевший. Туда приносили краденое, приводили проституток, сильно там пьянствовали. Ш. принимал активное участие в уголовных делах и в пьянстве, но сторонился разврата.

В этом притоне вскоре возникла общая вражда к его хозяину: он был наиболее сильным и скандальным, отнимал себе львиную долю накраденного и часто всячески издевался над ними. Сначала у них возник план как следует его искалечить, а затем решили заманить его в пещеру около Канатчиковой дачи под видом подготовки к ограблению и убить. В планировке и выполнении убийства Ш. указывал на наличие лишь одного сообщника, по данным дела их было больше. Убийство было совершено согласно тщательно разработанного плана. Взяли с собой их обычное орудие—камень на веревке. Придя на место, один из них по условному знаку нанес удар камнем, затем сел верхом и начал наносить удары финским ножом. Ш., якобы, лишь держал жертву и следил за рощей.

Ш. проявил себя, как один из наиболее замкнутых обитателей Клиники. Вне работы, которую он выполнял очень добросовестно, он всегда уединялся и большую часть времени проводил за чтением. Несмотря на обнаружившееся у него желание учиться, сам он вначале об этом не заявлял и отнесся несколько недоверчиво к соответствующему предложению; но, убедившись, что с ним не шутят, охотно взялся за учебу, обнаружив некоторые способности. Также одинок Ш. и на концерте, в Клинике, на котором, между прочим, почувствовал себя дурно и ушел в свою камеру. Наблюдения отмечают его внешне бесстрастное отношение ко всему, даже касающемуся его непосредственно. Сначала совершенно молчал о своем прошлом, затем стал раскрываться, не обнаруживая особых эмотивных реакций.

Все же проявил некоторую ранимость в известных пунктах: так, возвратясь после занятий, обиженно говорил, что ему задавали вопросы, не относящиеся к делу, даже посмеялись над ним. И уже явно был удручен Ш., когда узнал, что при обследовании брат от него отрекся. Повидимому дорожит связью с единственным другом—рабочим: категорически возражал против обследования его товарища, не желая его компрометировать. При исследовании был правдив, рассказал многое о своей прошлой уголовной деятельности. Иногда добросовестно стремился к интроспекции, при чем получалось впечатление, что его преступления совершались им как-то бездумно, почти автоматически, хотя в сознании и были соответствующие отчетливые идеи. Адекватных выразительных эмоций давал мало, но более или менее длительно обнаруживал общее дрожание и побледнение лица. Реакция на совершенное чисто рассудочная, иногда паралогическая: то он соглашается, что убивать было не за что, то с большой твердостью заявляет, что поступил правильно, ибо «за убийство получит большой срок, в течение которого сможет доучиться типографскому делу». Несколько оживляется Ш. говоря о главной своей мечте последнего времени—«набрать» до 1000 рублей и устроиться в деревне. Некоторые продукты Ш. свидетельствуют о какой-то неизменно совершающейся в нем внутренней работе: так удалось прочесть написанную им по внезапному наитию полуфантазию о его деревне, о происшедших там изменениях, главным образом в положении женщины. Повидимому искренно говорит о своем целомудрии, объясняет его влиянием отцовских наставлений, его рассказами, что только половой чистотой он сохранил свою недюжинную физическую силу.

Ряд моментов внушали диагноз эпилептоидной психопатии—таковы эпилептиформные припадки и их эквиваленты, жестокость убийства с чувствами мести в основе; аккуратность, бережливость, хозяйственные планы на будущее. Однако же клинические наблюдения подчеркивают главным образом глубокую анестетическую шизоидность Ш.: резкая замкнутость и скрытность, внешняя бесстрастность, за которой кроются ранимые места—брат, единственный друг, родная деревня. Самая жестокость Ш.—своеобразно аффективно-холодная: не столько яркая злобность, сколько недостаточность эмоциональной окраски определяли, как самое преступление, так и реакцию на него, в сочетании с известной внушаемостью. В поведении, в некоторых высказываниях Ш. вскрывается стихийно охраняемый, относительно небогатый внутренний мир; быть может, его речевые продукты представляются более скудными в связи с недавним преодолением им трудностей русского языка. Инстинктивная сексуальная холодность прикрывается рационализацией: «мне еще рано»—упорно

избегает он женщин, несмотря на окружение проституток. В уголовном мире, среди которого он живет, он сходится с большим трудом с очень немногими; лучшего друга имеет в лице рабочего, перед ним раскрывается целиком. Мечты о мирной жизни в родной деревне вполне уживаются с любыми уголовными путями. Последние избираются сначала почти под внушающим влиянием первого русского учителя и друга, потом под влиянием друзей профессиональных. Намеченному анти-социальному пути следует почти автоматически, поскольку он ведет к удовлетворению влечений, у него достаточно аффективно поддержанных. Таким образом, замкнутость, аутичность, общая холодность при сильно выраженных влечениях, кроме сексуального, избирательность связей, оазисная чувствительность, резонирование, жестокость выявляют лежащий в основе личности анестетически-шизоидный темперамент. Глубина эндогенной изуродованности личности не представляется высокой: скорее на основе своеобразной конституционной внушаемости личность является социально изуродованной под влиянием ряда криминогенных моментов: сиротство, беспризорность жизни в общежитии, втягивание в пьянство старшим братом, уголовная среда последних лет. В механизме убийства больше сказалась та же конституционная холодность: в нем не было ни вязкой, ни огневой аффективности, а холодное решение, принятое после ряда ущемлений на почве уголовных взаимоотношений, и выполненное почти с автоматической точностью.

Преобладание анестезии в темпераменте, в сочетании с разнообразными уголовными навыками делают прогноз плохим. Однако, он не безнадежен, принимая во внимание некоторую сохранность социабельных устремлений и возможность перелома всей личности по установлению полной психической зрелости. Ш., быть может больше других нуждается в изоляции от уголовного мира и в глубоком перевоспитании.

Вышеизложенный случай может служить иллюстрацией того типа убийц, на который указывал еще Гольцендорф: для них убийство является одним из звеньев в общей цепи других правонарушений. Мы вполне согласны с Вульфеном, что эти случаи составляют меньшинство сравнительно с теми, где убийство является первой преступной реакцией в жизни личности.

На этом мы заканчиваем обзор убийц, принадлежащих к шизоидной группе. Кречмер писал, что «цветы шизофренической внутренней жизни нельзя изучать на крестьянах, здесь нужны короли и поэты», а перед нами продефилировали почти исключительно дети рабочих и крестьян, бывших подневольных королей, на жизненном пути которых было мало роз, а пожа-

луй, одни лишь колючие шипы: более или менее резко выраженный бытовой или наследственный алкоголизм отмечается почти у всех из них поголовно; у большинства—тяжелые семейные бытовые условия, связанные с алкоголизмом или с более или менее выраженным психопатическим складом одного из родителей или их обоих, отчасти, с семейной нуждой, ранним сиротством и безнадзорностью; низкий культурный уровень, иногда определенно обусловленный выраженной умственной недостаточностью или неполноценностью, помешавшей школьному обучению, иногда—невозможностью учиться вследствие необходимости преждевременно начинать самостоятельную трудовую жизнь. У некоторых—предварительное вступление на уголовный путь, наградивший их своей собственной антисоциальной моралью. У многих—более или менее далеко зашедшая социальная деградация, связанная с личным алкоголизмом. Немногие, наконец, научились убивать на войне, уйдя на фронт еще в детстве. В каждом отдельном случае, весь этот ряд, в котором так или иначе суммировались эти банальные сами по себе криминогенные воздействия среды, завершался более или менее типичной для нашего времени чреватой тяжелыми конфликтами ситуацией: внебрачно или брачно половой, внутрисемейной, служебной, жилищной, внутриуголовной и, если можно так выразиться, «ситуацией материального соблазна». Одна из этих бытовых конфликтных ситуаций приобретала более или менее специфическое значение, преломляясь сквозь призму своеобразных личностей шизоидных убийц.

Любопытно, что за исключением действительно мягкого, почти теплого и добродушного П., чье убийство и некоторые юристы склонны были рассматривать, как превышение необходимой обороны, хотя бы мнимой, уже на гиперестетическом, южном полюсе шизоидного круга веет чувствительный холодок; полнозвучному резонированию с внешним миром уже и там мешает ощутимая преграда, отделяющая личность от окружающих; истинно горячая чувствительность ими уделяется лишь немногим, но горе им, если они оборвут тянущиеся к ним из глубоких уязвимых углов личности нити,—этот порыв вызывает вначале бесшумные сдвиги психэстетической пропорции, подтягивает к ущемленному комплексу всегда более или менее сильное стеническое ядро личности и в сокрушающем взрыве—в совершенно внезапном или подготовленном—поражает недавний объект особой привязанности шизоида или его жизненной заинтересованности, на которую он только способен.

По мере отдаления от гиперестетического полюса, холод, обвевающий личность, становится все более и более чувствительным. Здесь средним является тип «гневно-тупого» или «тупо-жестокоего», сотканный из чувствительности и тупости; послед-

няя не целиком принадлежит темпераменту, но часто обусловлена алкогольными изменениями личности. Бытовая алкоголизация подкрадывается к ним исподволь, вначале, как способ заглушения мучительных комплексов, свойственных личности и взращиваемых средой, а затем, вскрывая мощное стеническое ядро, как способ компенсации, самоутверждения—в форме агрессивного скандала и буйства, аффект-эпилептических, психогенных припадков, всех этих «вентильных механизмов», с помощью которых отреагируется подчас чрезмерное внутриспсихическое давление.

Эти лица до конфликта ведут достаточно упорядоченный, социальный образ жизни, но при домашних обследованиях они характеризуются их семьями, как невыносимые люди, агрессивные по самому ничтожному поводу. Такую же печать избирательной, комплексной агрессивности носит их преступление. И здесь степень внезапности или подготовленности преступления различна, но, быть может, в этой подгруппе больше злобной направленности на уничтожение противника, хотя далеко не всегда эта направленность достаточно осознается самим деятелем. Однако же сколь бы внезапной не представлялась здесь преступная реакция, как ни значительно состояние опьянения, в котором обычно преступление совершалось, все же аффективное побуждение к нему возросло в глубинах личности, иногда из суммирования повседневных ущемлений. И здесь комплексное побуждение должно было преодолеть путями более или менее короткого замыкания еще значительное и у этих на половину анестетических личностей сопротивление; этому значительно способствовали острые и хронические алкогольные расстройства и изменения.

Минуя отдельных представителей, где на основной фон темперамента, иногда почти его затушевывая, наслаивались психопатические черты взрывчатости, импульсивности, дебильности и неустойчивости, мы переходим к самой тяжелой подгруппе шизоидов, к их северному, анестетическому полюсу. Наиболее выраженных из них отделяет от окружающих ледяной покров различной толщины, за которым они представляются почти герметически закрытыми: одна лишь аутопсихика с сохраненными жизнью не всегда адекватными, влечениями согрета выпавшей на их долю скудной аффективностью; из своей цитадели посылает она свои императивные побуждения к преступлению, выполняемые иногда методично, с полным сохранением внешнего спокойствия. «Холодность, говорит Кречмер, это чистая анестезия при ненарушенной способности действовать». И наши холодные анестетики совершают кровавые преступления почти с автоматической безошибочностью; осмысление совершается всегда более или менее своеобразно: то оно протекает резонерскими, логически кривыми путями, в связи с разболтанностью процес-

сов мышления, слабо или избирательно аффективно окрашенных; то осмысление отсутствует вовсе, когда анестетическая бесчувственность, сочетается с тяжелыми формами умственной неполноценности, внушающей подозрение на болезненный процесс в прошлом. И в анестетической подгруппе, конечно, отмечается своя градация: у одних все еще удается нащупать чувствительные места, установить некоторый контакт, другие же до конца остаются непроницаемыми, тупо, злобно или негативистически — недоступными. Механизмы убийств у первых родственны таковым у гиперестетиков: аффективное побуждение, более непосредственно связанное с влечениями, иногда садистически извращенными, встречает, правда, меньшее сопротивление целостной личности, но все же и здесь требуется преодоление остатков гиперестезии, в процессе которого личность испытывает если не резкие сдвиги, то общее потрясение. У наиболее холодных осуществление убийства не встречает сколько-нибудь заметного сопротивления, и механизмы его приближаются к обычным действиям, нейтральным в смысле морали и закона: все средства для осуществления влечений приемлются личностью, лишенной аффективности и, тем самым, социальной связи с внешним миром.

IV. Эпилептоидная группа

Эпилептоидная группа темпераментов, можно сказать, завоевала свое право гражданства в психиатрии. Намеченные некоторыми авторами формы эпилептического предрасположения (Ремер), эпилептоидные психопатии (Крепелин, Груле, Вильманс, Ганнушкин, Гуревич, Юдин) — завершились выделением третьей нормальной функции человеческой психики; таковы эпилептоидия Ф. Минковской и эпилептотимия Краснушкина: описанные независимо одна от другой, они совпадают в основном, как в понимании формы эпилептоидной аффективности, так и в построении этой функции или меры в плоскости, параллельной двум почти единодушно принятым психиатрией функциям — шизоидии и синтонии Блейлера и Кречмера. Хорошо представленная гамма эпилептоидных симптомов, объединенная Рапопортом и его «импульсивно-защитном синдроме» в основном совпадает с концепциями эпилептоидии — эпилептотимии.

Прежде, чем перейти к представителям убийц, принадлежащих к этому кругу, нам хотелось бы поделиться некоторыми соображениями. При отграничении характерологических групп, решающим критерием является тип аффективности: так построены Кречмеровские круги с их специфическими аффективными пропорциями. Каждая из этих пропорций выражает

особую установку или меру аффективности. Нам представляется, что диатетическая — циклоидная пропорция есть ничто иное, как качественная мера аффективности, а пропорция шизоидная — психэстетическая — мера количественная. Ибо полярность веселье — печаль является лишь усложнением элементарной противоположности между удовольствием и неудовольствием, между положительным и отрицательным; а полярность — гиперестезия — анестезия, формально есть лишь противоположение интенсивности, количества. Если это так, то в чем же искать пропорции эпилептоидного темперамента? Аффективность эпилептоида представляется нам всегда клинически с признаками большей или меньшей напряженности. От высокого напряжения до освобождающего от него разряда. Как всегда в контрастных свойствах аффективности, одно живет в другом: любая степень напряжения чревата потенциальным разрядом. Если эту третью меру аффективности — меру ее напряженности — рассматривать, как специфическую для эпилептоидной группы, то будет понятно, что вязкая аффективность и эксплозивно-взрывчатый синдром, клинически обычно сочетающиеся у одного и того же эпилептоида, являются лишь полюсами одной и той же установки — полюс напряжения и полюс разряда.

Возможность подобного понимания полярности эпилептоидной аффективности подтверждается недавно нами полученной последней работой Ф. Минковской. В ней автор заменяет термин эпилептоидии гликроидией (*glychroïdie*) от греческого — вязкий, для обозначения основного для автора признака этого типа аффективности. «Эта аффективность, делающаяся все более и более вязкой, сопровождающаяся растущей психической замедленностью, лишенная достаточного разряда, создает атмосферу застоя. Этот застой, напряжение (курсив наш) обуславливает взрывчатые разряды... мы здесь также имеем два противоположные полюса... с одной стороны, полюс замедленности и вязкости и, с другой стороны, полюс взрывчатых реакций». Между полюсами гликроидии, по автору, существуют причинные взаимоотношения, определяющиеся формулой: вязкость — застой — взрыв. Эту пропорцию автор предлагает назвать аффективно-аккумулятивной.

Мы видим, что пропорция автора эпилептоидии — гликроидии близка нашему пониманию.

Наибольшие трудности представляет разграничение эпилептоидной и шизоидной групп. Вдумываясь во все многообразие хорошо описанных эпилептоидных симптомов, повсюду наталкиваешься на пропитанность их аффективностью. Последняя воспринимается исследователем то чрезвычайно густой, то рав-

номерно преодолевающей какие-то препятствия, то бурным натиском, прорывающим преграду. Это выражается объективно в общей замедленности психического темпа с параллельными, адекватными, но мало пластичными соматическими проявлениями эмоций, то в форме напряженных и выразительных остановок или, наконец, во взрыве. Эпилептоид липнет к исследователю или обжигает его, он не дает лишенных аффекта продукций. Шизоид, напротив, человеческий тип, наиболее свободный от непосредственного ярма аффективности. Если аффективность эпилептоида до разряда движется лишь сплошными медленными потоками по извилистым руслам, если легко и живо, множественными ручьями несется она у циклоида, то ограниченные ее запасы у шизоида гнездятся в глубинах, прерывисто пронизывая тонким струйками холодную целину остальной личности, иногда внезапно и целиком перебрасываясь на один из участков ее поверхности. Шизоид не подавляет и не жжет, а отдаляет и расхолаживает. Его психический темп более живой, его задержки менее выразительны, его интеллектуальные продукции более свободны, гибки, но аффективно бескровны; его эмотивные проявления гораздо более скудны, несравненно менее адекватны, но более подвижны и пластичны.

У эпилептоида нет коротких замыканий, собирающих в за-таенных углах личности весь потенциал аффективности и выводящих ее наружу кружными для личности путями. В медленном, равномерно преодолевающим препятствия, своем движении аффективность эпилептоида сплошь запруждает близлежащие пути и, насытив некоторые из них, накапливается в широких очагах или тунелях центра личности, внезапно прорывая слабые места своих путей или низвергаясь мощной лавиной по своему главному направлению, ярким светом озаряя проходимый путь: на нем лишь указующие дорогу, зажженные ею маяки — сверхценные идеи.

Выделение эпилептоидной группы личности из описанных Кречмером шизоидов представляется нам не легким, ибо его клинические построения исходили большей частью из выраженных шизофренических препсихотиков. Для сопоставления характерологических черт эпилептоидной группы, быть может, будет не лишним предварительное сравнение эпилептоида с типами личностей, построенных по совершенно иным принципам типологии и характерологии. Делая это, мы должны оговориться, что такое сравнение является лишь очень приблизительным, ибо критерии подразделения ниже цитируемых авторов лежат в совершенно иных плоскостях в сравнении с Кречмеровскими.

Так, из трех типов Дильтея, построенных по характеру их миропонимания — чувственного, героического и созерцательного — ближе к эпилептоиду тип чувственный с его натура-

листическим и сенсуалистическим мировоззрением, отчасти и героически-волевой; напротив далек от него тип созерцательного идеалиста.

Из типов Шпангера, выделенных по характеру основных жизненных интересов, очень близок к эпилептоиду «экономический человек», строящий все свои взаимоотношения на основе жизненной полезности и властный человек, у которого все направлено на укрепление собственного могущества; в отличие от экономического, главная цель властного—в господстве не только над материальными благами жизни, но и над людьми. Дальше от эпилептоида остальные типы Шпангера—эстетический, социальный и религиозный.

В типах «эмоциональной жизни» Мюллер-Фрейенфельса эпилептоид может быть сравним с личностью с «пониженным самочувствием» (депрессивный тип) с его чувством связанности и преобладанием аффекта страха, отчасти и с эйфоричным—самоуверенным, преисполненным гордости и чувства превосходства, со стремлением к господству.

Из его же типов «духовной жизни», эпилептоид—типичный субъективист, человек конкретного образа мыслей, с обслуживающей его малые дела религиозностью.

Очень трудно сопоставить эпилептоида с Юнговскими типами, ибо он может быть и экстра—и интра-вертированным. Но нам кажется, что и в том, и в другом случае установка эпилептоида на объект будет активной. По характеру же восприятия, мышления и чувствования эпилептоид все же ближе к экстравертированному типу.

Из построенной во многих измерениях характерологии Клагеса укажем лишь на то, что по характеру своих влечений, эпилептоид—в соответствующей системе влечений Клагеса—несравненно в большей степени наделен инстинктом самосохранения, нежели инстинктом самопожертвования.

У Апфельбаха эпилептоид ближе всего к его стеникам-садистам, гиперэмоциональным и агрессивным.

Наконец, из 16 характерологических комбинаций Эвальда, построенных на основе Кречмеровских 4-х функций, к эпилептоиду особенно приближается третья и четвертая: третья образована из сильных—впечатлительности и проводимости, из хорошей запечатлеваемости и плохой внутриспсихической переработки. Интересно, что Эвальд подчеркивает предрасположение к образованию сверхценных идей у лиц, наделенных этой комбинацией черт. Четвертая комбинация отличается от предыдущей тем, что хорошая запечатлеваемость заменена плохой; эта комбинация, по Эвальду, особенно предрасполагает к взрывам и аффективным разрядам.

Краснушкин уже указывал на весьма близкого эпилептоиду «ищущего постоянства» характерологической классификации Геберлина.

Возвращаясь к дифференциации эпилептоидов от шизоидов, мы считаем необходимым в каждом отдельном случае улавливать аффективное окружение отдельных симптомов. Так, в отношении основного симптома—вида контакта с окружающим—нужно отметить, что в то время, как у шизоида этот контакт ограничен в форме аутического замыкания в себе, комплексной избирательности или буднично необходимого, холодно-поверхностного общения, у эпилептоида он устанавливается преимущественно в отношении объекта наиболее близкого или представляющего реальный интерес; это контакт ближайший или целесообразный: близость объекта диктуется медленно ползущей аффективностью, целесообразность — более непосредственным обслуживанием аффективностью эпилептоида его влечений (интересов). Более или менее стихийную, внешне безмотивную шизотимную замкнутость следует отличать от более или менее сознательной эпилептотимной скрытности: если первая опирается на негативистическую тенденцию, то вторая использует целеустремленную настойчивость. Достижимый не без труда глубокий контакт с шизотимиком может быть приятным, интересным и вполне искренним; гораздо легче осуществимый контакт с эпилептоидом утомителен, иногда скучен и более или менее неполон—кое что утаивается или намерено приукрашивается. В различных формах социального поведения шизотимика и эпилептотимика их сближает упорство в достижении поставленных целей, но в то время, как это упорство у шизоида не сплошное, с внезапными порывами и обслуживает иногда необычные цели, черпаемые не из ближайшей среды,—настойчивость эпилептоида медленно, систематически, тяжеловесно направлена на разрешение задач, поставленных перед личностью непосредственными жизненными условиями. Путь своей, часто изломанной, но особой линии в жизни шизоида освещается идеей, часто не банальной, но аффективно бледной; напротив, малые и большие идеалы эпилептоида густо аффективно окрашены, для него сверхценны.

При высоком культурном уровне шизоид склонен к холодному рационализму, эпилептоид—к сентиментальному морализованию или проповеди. Религиозность шизоида более или менее апрагматична, у эпилептоида она глубоко утилитарна. Влечение к самосохранению у шизоида отступает на второй план, центральное—половое—парадоксально, часто соматически немошно, конфликтно, с тенденцией к недостаточному сублимированию; влечения эпилептоида центрируются вокруг самосохранения, они интенсивны, адекватны, с трудом тормозимы. Эмотивные, вазо-

моторные реакции шизоида выражены слабо, у эпилептоида они обильные, яркие, обычно предшествуют сдерживаемым моторным разрядам или их замещают.

Клинические наблюдения показали, что иногда вводят в заблуждение отдельные симптомы, считающиеся специфическими для эпилептоидов, если воспринимать их изолированно; так педантичная аккуратность, любовь к порядку, обусловленная липкой связью эпилептоида с ближайшим окружением, может наблюдаться у шизоида, как следствие рационализированной системы всего уклада жизни. И безаффективное, почти стереотипное приставание шизоида может иногда импонировать, как эпилептоидная прилипчивость. Наконец, замедленность речевых продукций, столь свойственная эпилептоиду, иногда может быть обусловлена тщательной рассудочной интроспекцией шизоида, к которой он склонен при установлении с ним хорошего контакта.

Случай X¹ И., 44 лет, рабочий по садоводству, женат, имеет 3 детей. Приговорен по ст. 142, части I УК к 8 годам лишения свободы за зверскую расправу над инженером К.—заведующим П/Отделом Садового Хозяйства МКХ; из мести за увольнение его из Горсовхоза И., обдуманно и планомерно, добыв азотной кислоты, проник в кабинет пострадавшего и плеснул кислотой ему в лицо, нанеся тяжкие телесные повреждения, повлекшие за собой почти полную потерю зрения. Данными дела установлено, что пострадавший к увольнению и приему И. никакого отношения не имел. Начиная с 1924 года И. увольнялся из ряда мест за дезорганизацию среди рабочих, за нарушение внутреннего распорядка, за невыход на работу и в связи с его грубым и неуживчивым характером. Его последнее увольнение с постоянной должности было подтверждено решением Трудовой Сессии; с последней службы И. был уволен, как временно принятый, за окончанием работы. Безработным И. фактически оставался не более 9 дней; кроме того, зарабатывала его жена, как швея. Перед своей расправой И. несколько раз заглядывал в кабинет; стакан с кислотой был им предусмотрительно обернут бумагой во избежании ожога себя самого. Выбор способа расправы был им тщательно обдуман в течение нескольких дней.

Отец И. был тяжким пьяницей—пил, если только мать не успевала спрятать деньги. Жестоко избивал семейных и трез-

¹ Случай И. собственно не относится к убийствам, а лишь—к «нанесению тяжких телесных повреждений». Однако же мы приводим его, с одной стороны, как яркий образец механизмов поведения эпилептика, с другой, в виду особой опасности самой реакции и характерного для нее бытового окружения. Кроме того, нам представляется несомненной родственность антисоциальных реакций, выражающихся в агрессивной форме убийства и нанесения тяжких телесных повреждений.

вым был сердитый, горячий, невеселый. Любил поговорить— о делах, о господах и крестьянах. По профессии хороший «старинный» садовник: «с господами умел обращаться». Мать умерла 49 лет. Горячая, вспыльчивая, била детей меньше отца; обидчивая, молчаливая, недовольная, изрядно пила. Старший брат умер 50 лет. Тихий, безобидный, работающий; «очень божественный», настоящий монах—ни одной обедни не пропускал. Младший брат 45 лет, пекарь, также религиозный. Очень злой и мстительный. Пил умеренно.

Младший брат, 42 лет, имел свою чайную. Строгий, хозяйственный, скупой и религиозный.

Младшая сестра, 32 лет. Злая, злопамятная, склонная к брани, религиозная.

Сам И. родился в Москве, по старшинству был вторым. Семья жила бедно в виду пьянства отца; детей держали в большой строгости. С 9 до 13 лет учился—очень плохо, легче всего давался закон божий. В школе был плохого поведения его часто ставили на колени. С 14 лет работает по садоводству. С 18 лет был уже на жаловании. Очень часто приходилось менять места: то его увольняли, то он сам уходил, иногда в поисках лучшего, а большею частью из-за столкновений. От военной службы был освобожден по болезни. Как раз к этому времени—к 1914 году—относит начало судорожных припадков: «почему-то с этого времени ни на одном месте больше года не удерживался, всегда выходили ссоры и скандалы».

Революцию встретил со страхом, сидел большею частью дома, думал, что и без него «дело» сделают, только боялся как бы не убили. Думал еще о том, что быть может жизнь лучше будет: «народу перебыют, рабочих станет меньше, хозяева больше будут дорожить и жалования прибавят».

В голодное время вместе с семьей уезжал на Украину, где пробыл года два, работая по деревням. В Харьковской губернии попал в обоз к Махно, семью услал в Москву. Проездил с Махно месяца два, увидел, что там опасно и сбежал. Вернулся в Москву в конце 1921 года.

С детства был смиренным и очень богомольным, особенно с 14 лет. Старших уважал, даже пьяницу отца, хотя и очень обижался за его побои. Сам в драку лезть боялся, но в надежной кампании, по подговору не прочь был принять участие. Любил почище одеться. К учению была охота и прилежание, но оно не давалось, все забывал. Лет до 14 изредка мочился под себя, но припадков не помнит (жена же сообщила, что в 2-летнем возрасте он упал со 2-го этажа и разбил себе голову, и что припадки у него появились с 12 лет).

С 13 лет, когда появились поллюции, стал особенно религиозным; нравилось церковное пение. Начал ходить по мона-

стырям. «Любовался, где какие чудеса и исцеления»; повсюду ходил пешком: старики говорили, что при таком богомолии грехи простятся. Вот он себя и «жалел». Очень был аккуратным: придет с гуляния, ярко начистит ботиночки и костюм сложит, и так до следующего праздника. И в деньгах очень экономный, даже скуповатый, ничего на себя не тратил. Когда стали говорить, что пора ему жениться, то он решил сперва ремеслу выучиться и взять себе жену не деревенскую, а городскую—самостоятельную: чтобы шикарно можно было жить, чтобы с ней в гости пойти, поговорить, а потом в деревню с ней с'ездить «московский шик показать»—обо всем этом действительно мечтал. Так и вышло. 20 лет женился на самостоятельной портнихе. Жену крепко любил и любит, ни разу ей не изменял и понять не может, как это люди изменяют. И к детям, всех их было семеро, очень привязан, хотя воли им не дает. Сильно бьет их ремнем; обычно сначала побьет, иногда и до рубцов на теле, а потом уговаривает. «Жалости в этом не находил, потому что бил за правду». Всегда был очень чувствительным к несправедливости. Сам обманывать избегал, полагая, что если раз его обман обнаружат, то больше веры не будет. Всегда чувствовал себя правым. До революции хозяев всегда уважал, напротив итти не решался, потому что власть была хозяйская. После революции стал присматриваться, газеты читать и с 1924 года «начал бороться с несправедливостями», выступал на собраниях—«почему, дескать, нет трамвайных и театральных билетов, прозодежды и т. д.».

Почти с детства страдал головокружениями и головными болями. С 1914 года начались судорожные припадки с полной потерей сознания и с прикусами языка. С 1923 года болезнь стала изменяться: раньше просто падал, а потом «стал как-то набрасываться». В 1925 году три месяца пролежал на Канатчиковой даче. Стала слабеть память. В последнее время очень озабочен своим состоянием. Хотел бы, чтобы ему произвели какую угодно операцию: «над бровями и на затылке, там, где начинается шум перед припадком».

В Клинике И. вначале был тихим, угодливым, аккуратным, льстивым и сентиментальным. Исключительно был занят своим делом и положением. С полной тупостью описывал свое преступление, не обнаруживая ни намека на раскаяние, а, наоборот, неизменно выявляя несокрушимое чувство своей правоты и почти бредовой круг идей, связанных с пострадавшим. Рассказывал, как несколько дней он обдумывал способ своего отмщения: к огнестрельному оружию решил не прибегать, дабы не тратиться на револьвер, к холодному—потому, что боялся расстроиться при виде крови. Идя на преступление, предполагал не только мстить, но добиться пересмотра вопроса об его

увольнении. В пострадавшем, без всяких на то оснований, видел главную причину своих неудач по службе, хотя тут же вспоминал, как его увольняли из другого ведомства из-за постоянных конфликтов.

В дальнейшем начал обнаруживать все большую и большую настойчивость, жаловался, что и здесь ему не дают высказаться. Во время исследования однажды был констатирован припадок малой эпилепсии: на полужае речь оборвалась, и он стал клониться в сторону. Судорог не было, реакция зрачков отсутствовала; в течение нескольких минут—бессвязные речевые продукты. Прояснение сознания вначале сопровождалось ассимболией и олигофазией. Ориентировка восстанавливалась медленно: будучи приведен в свою камеру, вначале не узнал ее и успокоился, лишь обнаружив под подушкой свое пальто.

Соматически И. мускульного телосложения, пониженного питания. В теменной области, в области саггитального шва отмечаются 3 бугристости, возможно травматического происхождения.

Сфера личности И. отчетлива и ясна при всей значительности ее упадка и несмотря на бредовую организованность определенного круга идей. Она ясна в своем дементно обнажаемом эгоцентризме: И., его жена и дети являются незыблемым и ничем не усложненным центром мироздания. С этим центром плотно спаяна аффективность И.—равномерно скудная на высших этажах личности, она все еще густо окрашивает ее фундамент—физическое и материальное благополучие. Но и в этом кругу своей лишь семейно-расширенной личности, аффективность имеет два лица: одно, обращенное к собственной физической личности, лицо всепрощающей, сентиментальной любви, другое, обращенное к детям—лицо любви жалостливо-жестокой. А внешнему миру противопоставлена враждебная аффективная гамма—недоверия, подозрительности, злобы, зависти и мстительности. Враждебность этой позиции стихийно прикрыта расположенностью, доступностью, почти подобострастностью. Но это прикрытие хрупкое, мгновенно низвергаемое потоком аффективности, пробившим себе прочное русло в одном из пунктов соприкосновения с внешним миром: это пункт служебных взаимоотношений. Если русло потока медленно в течение последних лет пробивалось вязкой аффективностью, то общее направление определялась всей психикой. Здесь прежде всего выступает крайняя ригидность, исключительная негибкость интеллекта с извилистыми путями мышления. Обусловленная этим постоянная узость сознания и прилипчивость внимания к данной конкретной ситуации, к данному кругу идей вызвали глубокое снижение критики—ко всей сумме опыта личности, выходящего

за пределы данной ситуации. Все это черты банального эпилептического характера и слабоумия. Но эпилептический процесс И. зашел дальше и привел к более значительным расстройствам. Этому способствовала вероятная давность процесса, многообразие его сомато-психических проявлений и обильное накопление конфликтов, связанных с болезнью. Упадок памяти, расстройство мышления в форме обрывов и персевераций, атрофия сложной аффективности за счет обрастания аффективности импульсов все более и более суживали круг сознания и снижали критику. На этом фоне были восприняты мнимые ущемления мнимого виновника служебной негодности И., обусловленной болезненным процессом. Все ресурсы личности, терпящей био-социальное крушение, были мобилизованы. Обычные для личности защитные механизмы злобной мстительности и сокрушительной ярости превратили давно пробивавшееся русло в своего рода бетонированный туннель, на дне которого накоплялась перезаряженная аффективность, а сверху надстраивались рабски-покорные интеллектуальные образования; в последних, самих по себе, не было ничего бредового и нелепого, но их организованность и сужение сознания до пределов участка, видимого из туннеля, односторонность материала, представляемого пораженной критикой, превратили содержание туннеля в прочное, активное, перед преступлением в единственно активное, параноическое образование эпилептика. В преступлении реагировала вся личность И., его суженное болезнью сознание было освещено ярко и целиком.

Итак, группу эпилептоидных убийц мы начинаем с несомненного эпилептика. И здесь мы исходим отнюдь не из формальных оснований—не из факта признания И. вменяемым, а из поразительной демонстративности механизма его преступления, рассматриваемого нами в качестве специфического для всей группы. У И. этот механизм возникновения императивных сверхценных идей с мощным аффективно-двигательным потенциалом, овладевающих всей личностью без остатка и не встречающих никакого сопротивления представлен как-бы в застывшем виде, благодаря раскрытости его упадочной психики. И для нас несомненно; что этот механизм останется у И. ненарушимым вплоть до окончательного крушения его психической личности.

Как мы увидим ниже, эти механизмы не одинаково четко вскрываются у представителей эпилептоидной группы. Если у пограничника—эпилептоидного психопата—они возникают эпизодически в естественной психопатологической связи со всем его бытием, пропитанным страстной аффективностью; если с особенной избирательностью они фиксируются в ригидной не гибкой психике эпимитотимных пресенильных склеротиков (случай П.

опубликованный Краснушкиным, случай К.—Введенского), то у чистых эпилептотимиков эти механизмы выявляются совершенно внезапно и не могут быть распознаны без сопоставления с их патологической карикатурой, без понимания эпилептической психики.

Представленный в преступлении И. механизм, разумеется, не единственно специфический для всей группы. Также характерны для всегда напряженной эпилептоидной аффективности механизмы сокрушительных разрядов. Быть может, последние чаще встречаются у более молодых представителей эпилептоидной группы, что мы наблюдали и у некоторых обследованных нами злостных хулиганов. И в нашем материале убийц имеется случай 18-летнего комсомольца Кир., выраженного взрывчатого эпилептика: он зарезал незнакомого ему рабочего. Механизм убийства был выражено эксплозивным, так как он являлся элементарным сокрушительным разрядом, непосредственно последовавшим за аффективным раздражением: вбежавший в комнату товарищ крикнул, что его избили хулиганы, преследующие его до самого дома. Кир. схватил нож, выскочил из комнаты и, столкнувшись у входа с преследователями, нанес одному из них удар ножом.

Эти два основных механизма—освещенный сверхценной идеей натиск и почти слепой взрыв, вероятно, соответствуют предельным колебаниям эпилептоидной аффективности—от напряженности к разряду. На одном полюсе разгорается все освещающий пожар, на другом—каскадные, фейерверкоподобные взрывы во тьме. На одном—образование настоящих страстей, на другом—разряд более или менее изолированных простых аффектов.

В нижеследующем случае мы убедимся в принадлежности этих полюсных проявлений аффективности одному и тому же типу темперамента.

Случай XI Обстоятельства настоящего преступления, согласно данным дела, в основном, сводятся к следующему: 30 декабря 1925 года, т.-е. за 7 месяцев до совершения преступления, в грузинской чайной вспыхнула драка, в которой, ныне убитый, грузин Д. нанес 5 ножевых ран гр. К. Нападавший Д. скрылся, а пострадавший К. был отправлен в Институт имени Склифассовского. По заявлению жены К. против Д. было возбуждено дело, но в день слушания оно было прекращено по ходатайству самого К., указавшего, что между ними произошло примирение. В действительности же К. затаил в себе злобу и решил отомстить, следуя обычаю «кровь за кровь». 4 октября 1927 года К., встретившись с Д. на Смоленском бульваре, привел свой замысел в исполнение; вначале нанес ему удар кинжалом, а, когда тот побежал, бросил в его голову камень; попытки

задержать К. на месте преступления оказались безуспешными: с кинжалом в руке он оттеснил публику и ушел. Д. на другой день скончался. Арестован К., был 8-го октября; совершенное объяснил мстью; свидетельскими показаниями установлена давнишняя вражда между К., с одной стороны, убитым и его товарищем, с другой. При аресте у К. были отобраны 2 кинжала и револьвер.

К. приговорен по ст. 142 2-я часть УК к 4 годам лишения свободы.

К. 28 лет, грузин, женат. Он мускульного телосложения. Выраженный национальный тип. Мужественный, независимый облик. На теле несколько неглубоких рубцов ножевых ранений.

К. родился и прожил до 16-ти лет в деревне Рачинского уезда, в зажиточной крестьянской семье. У отца, кроме хорошего сельского хозяйства, была собственная пекарня; всего было вдоволь. Отношения со стороны родных были хорошие, но надзор за детьми почти отсутствовал. К. с раннего детства отличался чрезмерной драчливостью—так однажды он «немножко порезал живот девочке сверстнице за то, что она его ложно обвинила в том, что будто бы он загнал быка в чужой огород». В другой раз «для шутки бросил младшего брата в мелкую речку», следствием чего было повреждение позвоночника. Также рано появилась склонность к истязанию животных. 8-ми лет его отдали в сельскую русско-грузинскую школу; на четвертом году он учение бросил, настояния родных ни к чему не привели; от учебы его окончательно оттолкнул закон божий, ненавидимый К. «за мелкие буквы» учебника и за побои законоучителя, доводившегося ему, к несчастью, родственником. Стал работать у отца в пекарне, жил в достатке, но потянуло к более вольной и интересной жизни. 16-ти лет украл у отца небольшую сумму денег, отправился в Трапезунд на постройку моста, к подрядчику, своему родственнику, наперекор его желанию. Но вскоре вынужден был вернуться вместе с ним, чтобы предать родной земле прах другого родственника, погибшего на чужбине. Дома встречен был неблагоприятно, а через некоторое время вынужден был стремительно бежать с родины вследствие вопиющего нарушения им местных правил: он назначил ночное свидание своей юной замужней родственнице. Полюбил ее еще до отъезда в Трапезунд, но она была крестницей его дяди и закон не допускал такого брака (клятва на кресте—«мирония» считалась священной); за время его отсутствия ее выдали замуж насильно—«в церковь тащили за волосы». При новой встрече сразу выяснили, что, несмотря ни на что, они любят друг друга. Тут же К. решил убить ее мужа, но «не успел» в виду стремительного развития событий: на месте свидания был застигнут ее отцом и легко ранен из ружья дробью; убегая от него, еле

спасся от родного отца, бросившего в него топор; лишь успел вырвать из рук матери деньги и удрал. Жившей по соседству сестрой, знавшей его любовные дела, был снабжен деньгами и 18 лет прибыл в Москву. Здесь через родственников получил долю в грузинской столовой, но вскоре торговать надоело, и он поступил добровольцем в Красную армию, где прослужил около 3-х лет до 1921 года. С детства любил оружие; начальником их летучего отряда был храбрец-грузин, весь состав был хорошо вооружен. В 1919 году К. был дважды ранен и контужен. В том же году, во время танца лезгинки, нечаянно ранил друга. В бою чувствовал себя свободно, страха не знал, была одна лишь мысль—в плен не попадаться. После смерти любимого начальника военную службу бросил и открыл столовую на Сухаревке. Одновременно спекулировал вином, ездил за ним на родину. В 1922 году сошелся с русской; жениться на ней не думал; узнал о ее беременности на 6-м месяце и потребовал производства аборта. Желającego сделать операцию не нашлось, родился сын, из-за него и остался с женой. Не любил ее, изменял на каждом шагу, бил—в 1923 году «перебил ей барабанную перепонку и сам себя зарезал». В 1924 году был уличен в продаже спирта и осужден на год; в колонии ударил заведующего работами «за обиду» по голове кирпичем, к счастью сырым; ушел из колонии до срока.

С этого периода разворачивается эпопея мщения. Еще на родине К. слышал, что их двоюродный брат предан неким Ц.: будто бы оба занимались кражами и, когда их родственник попался в тюрьму, то Ц. вместо помощи ему забрал совместно добытое и скрылся; брат же с тех пор пропал. По обычаям страны, факт такого предательства налагал обязанность кровного мщения на всю родню со стороны всех К. в отношении всех Ц. Вскоре же по приезде в Москву К. встретился с Ц., но не сразу, а лишь после одной бурной ссоры; узнал, что он и является объектом необходимого мщения. После этого Ц. скрылся и через месяц был убит неизвестно кем. Этим дело не ограничилось. В 1925 году появляется брат Ц. и делается в свою очередь объектом мести со стороны К., которому отчасти помогает другой родственник. Мстить в Москве решаются не сразу:—«порядки здесь другие и судят очень строго». При одном столкновении Ц. на коленях просил прощения; «униженного бить не принято», почему его и оставили в покое. Враждующие стороны встречались неоднократно, при чем обычно доставалось Ц., как более слабому. 30 декабря 1925 года ничего не подозревавшего К. пригласили в чайную и там товарищ Ц.—Д. (убитый) нанес ему 5 ножевых ран. Впоследствии К. узнал, что Д. был подкуплен Ц. за 30 червонцев. Около месяца К. лечился дома. Без его ведома жена подала в суд, но К. ходатайствовал

о прекращении дела из личных соображений: решил отомстить сам. Ц. подсылал к нему посредников для примирения, предлагал деньги за понесенные потери, но К. все это с презрением отверг. Его решение было непреклонно, «днями и ночами плакал об этом; ни жены, ни ребенка не щадил»; ждал только, как наберется сил и представится подходящий случай; до собственно-ручного отмщения «человеком себя не считал». Первой попытке мщения помешали: он собирался нанести Ц. перочинным ножом такой же удар в шею, какой получил сам. Неудача очень расстроила—«великим позором» считал, что не может отмстить обидчику. Дома был невозможным, его обычное буйство еще более усилилось, братьям из-за того приходилось его связывать. Так например, 2-го октября у него дома произошла крупная ссора с братьями за то, что они не выпускали его на улицу пьяным: К. схватил кухонный нож и замахнулся им, тогда один из братьев ударил его кочергой по руке, а другой укусил; только таким образом удалось его обезоружить. 4-го октября, в день совершения преступления, они помирились и пошли в пивную «запить примирение». Не успели выпить и по стакану, как вбежала соседка и сообщила, что пьяные Ц. и Д. собираются идти к нему на квартиру. К. помчался домой, но их там не застал. Тогда он захватил кинжал, смазал его керосином—«чтобы лучше шел»—вышел и стал их поджидать на улице. Через несколько минут они появились; если бы он не закричал, то был бы ими не замечен и мог бы «спокойно убить их обоих». Но он предпочитал бой открытый, хотя и не равный, закричал, им: «ну, теперь с вами сосчитаемся» и выхватил кинжал; Ц. сейчас же побежал, а К. и Д. бросились друг на друга, при чем Д. получил удар кинжалом в шею; от столкновения оба упали и кинжал выпал из рук К. Он быстро поднялся, нашел кинжал и погнался за Ц.; убедившись, что догнать его не может, направился к Д., чтобы нанести ему еще 4 раны (в свое время он получил 5 ран). Встречный трамвай отбросил Д. на середину пути, К. также получил толчек подножкой трамвая; вагоновожатый остановил трамвай со словами «что за хулиганство»; не успел К. опомниться от ушиба, как стала собираться толпа и требовать от него сдачи оружия; однако подойти к нему боялись, он же кричал «чтобы трамвай шел дальше»; тут в него стали бросать камнями, он в свою очередь нацелился в Д.; попал в него и вырвался из окружения толпы, размахивая кинжалом. Придя домой выпил и закусил. «На душе было спокойно и хорошо; чувствовал себя как бы вновь рожденным». О смерти Д. узнал лишь на другой день, сказал: «царство ему небесное» и выпил «за его здоровье».

Физически К. здоров. В его наследственности отмечается: средняя сестра очень похожа на него по характеру—такая же

упрямая, самолюбивая, гордая, вспыльчивая, бесстрашная. В детстве колотила подруг; лишь она давала отпор К.

Дядя по отцу—профессиональный боец, на теле не имеет «ни одного неизраненного места»; по характеру очень жестокий.

Тетка по отцу с 18-ти лет страдала судорожными припадками; однажды, упав в припадке, получила сильный ожог.

Сам К. в раннем детстве страдал какими-то припадками; они, якобы, прекратились после того, как по местному обычаю «сожгли его рубашку, [надрезали мизинец и дали ему выпить собственную кровь». До 19-ти лет ничем не болел. Затем перенес брюшной и сыпной тифы. На фронте получил легкие ранения в обе ступни ног и в правое бедро и одну контузию.

С раннего детства чрезвычайно раздражительный, вспыльчивый и агрессивный; в последние годы страдал приступами настоящего буйства по самому ничтожному поводу. Жена сообщала о систематических истязаниях окружающих, особенно участившихся в последнее время. К. привычный алкоголик. В половой жизни отмечены садистические наклонности.

За время своего пребывания в Клинике К. себя выявил не вполне. Дорожа Клиникой, он во многом себя сдерживал: так например, когда туда поступил другой грузин, то он, во избежании столкновений с ним, предусмотрительно попросил о переводе его в другой этаж. Вначале он был несколько угрюм и недоверчив, затем стал гораздо более общительным, а при исследовании—вполне откровенным. Неизменно корректен, вежлив и гостеприимен, чистоплотен и аккуратен. Несмотря на это, даже наиболее независимые заключенные его побаивались и признавали его авторитет. В оценке совершенного преступления К. обнаруживает лишь полное удовлетворение и твердое решение в будущем также расправиться с главным врагом. Лишь в последнее время это решение как-будто пошатнулось.

Кровавое мщение как мотивация преднамеренного убийства со стороны личности с ярко выраженными чертами некультурного блюстителя народной традиции в начале отодвигало на задний план индивидуальные особенности самого К. и подчеркивало в этиологии его преступления роль неизжитых национально-бытовых установок: своеобразное, мощное, аффективно поддерживаемое понимание долга и чести; око за око, зуб за зуб, как категорический императив во взаимоотношениях с носителями другой фамилии; кровопускание, обычное даже в пустяшной ссоре, а подчас—в игре и танцах,—неизбежное при сведении более или менее серьезных личных счетов; власть традиции и т. д. Все эти бытовые моменты налицо в условиях развития К.

Однако же дальнейшее ознакомление с его личностью позволяет говорить о психопатичности, о том, что в данном случае количество перешло в качество. Слишком сильно, рано и не-

обоснованно проявились у К. многообразные агрессивные реакции: еще в одиннадцатилетнем возрасте он «немножко режет свою сверстницу»; без конца дерется, избивает сестру, калечит брата. Терзает животных. С юности насильничает беспрестанно и не безкровно. Лишь с оружием, в боях чувствует себя превосходно. Ни страдания систематически истязаемой жены, ни трепет, внушаемый им его любимому ребенку, его не останавливает. Его насилия по отношению к жене носят характер приступов ярости, возникающих иногда по самому незначительному поводу, а иногда, повидимому, и без него, лишь в связи с эндогенными сдвигами настроения. Психо-травматические наслоения, быть может, лишь усугубили, но не обусловили сами по себе этого систематического убийства.

Неизбывная жажда мщения коренится в нем глубже, чем верность бытовым традициям: последние он без колебания нарушает, как только к этому его побуждают мощные влечения—такова история его «противозаконного» романа в юности, таков побег из дому с кражей денег у отца.

Идеи мщения горят в его сознании; месть он смакует, ею живет, она почти подавляет инстинкт самосохранения; она питается стойкой злопамятностью и огненной жестокостью. Осуществление мщения вызывает глубокое облегчение: известие о смерти намеченной жертвы встречается ироническим пожеланием «царства небесного»; после убийства одного, главная забота о том, что мщение не полно, что остался жить другой—главный враг.

Для полноты картины эпилептоидной психопатии не хватает коварства. К. предпочитает открытый, хоть и не равный бой; нельзя отрицать у него и наличие некоторой прямооты и искренности. Но зато психопатическими является его систематическое мучительство животных в детстве, садистические компоненты полового влечения у взрослого; об этом же говорят эпилептиформные припадки в детстве; эпилепсия в роду отца. Психопатичность личности подтверждается и образом жизни К.—большой частью на рубеже закона и социальности. Таким образом, криминогенными в настоящем убийстве нам представляются неизжитые национально-бытовые моменты и деклассированность К.; криминопластическими—эпилептоидные черты его личности.

Из вышеприведенного явствует, что прогноз социального поведения К. представляется малоблагоприятным. Он омрачается его систематической агрессивностью последних лет и жаждой мщения, сорганизовавшейся на основе эпилептоидной аффективности, в настоящую страсть. Интересно отметить, что когда К. была прочитана газетная статья, рисующая в ярких красках удачно проводимую в Чечне кампанию по примирению кровни-

ков, то вначале он был поражен, а впоследствии заявил «этого не может быть». Тем не менее, в условиях индивидуального подхода к К., при использовании его аффективной преданности, прямоты и гордости и, разумеется, при соблюдении полной трезвости, К. может быть и вполне социабельным. В последние дни своего пребывания в Клинике он даже поколебался в своих планах дальнейшего мщения. По имеющимся сведениям, хорошо вел себя в колонии, куда был переведен.

Механизм совершенного им преступления представляется нам очевидным: длительно и ярко горевшая в сознании К. идея мщения является образцом сверхценных образований.

Описанием сверхценных идей, принадлежащих по Кречмеру «к числу важнейших побуждений человеческих действий», медицинская психология обязана психиатру Верникэ. По автору, сверхценные идеи отнюдь не рассматриваются личностью, как чуждые вторжения в ее сознание, а наоборот—как выражение ее собственного существа.

Крепелин рассматривает их, с одной стороны, как «общие жизненные взгляды, укрепившиеся в нас благодаря воспитанию и привычке и перешедшие в плоть и кровь нашу», с другой—как «группу представлений, которые возникают вследствие какого-либо волнующего душу переживания и благодаря своему чувственному тону приобретают длительное решающее влияние на мышление и поступки».

Совершенно отчетливо дифференцирует их Кречмер от других аффективных побуждений—комплексов, продемонстрированных нами в шизоидной группе убийц. Сверхценные идеи «не являются побочным энергетическим центром, но скорее единственным главным центром; не откалываются, а сливаются с целостной личностью. Вся личность согласуется со сверхценной идеей, отдавая ей добровольно всю имеющуюся в ее распоряжении психическую энергию... Сверхценная идея собирает в наименьшей точке величайшую силу... Действует, как полюс магнита на железные опилки».

Нам кажется, что в обоих из вышеизложенных случаев, как в патологическом, так и в пограничном, механизм образования сверхценных идей очевиден. Страстное образование, каким по существу всегда является сверхценная идея, неизменно черпает свое содержание в социальной среде. В первом случае содержание определилось служебным конфликтом, во втором—анахронически зафиксированной национальной традицией. Подобная фиксация возникла в данном случае на основе целостной эпилептоидной психики, со свойственной ей аффективностью. И как раз данный случай ярко выявляет полярность эпилептоидной аффективности, с организацией напряженных страстных образований на одном полюсе, с бурными разрядами на другом.

Если отреагирование комплекса часто идет у шизоида путем короткого замыкания, то эпилептоидное реагирование путем сверхценного образования можно сравнить с разрядом конденсатора; здесь вся личность с ее аффективной перенапряженностью уподобляется пластинке конденсатора; взрыв происходит, когда напряжение достигает критической высоты.

Случай XII Д. 21 года, крестьянин Калужской губернии приговорен по ст. 142 УК (ред. 1922 года) к 8 годам лишения свободы за убийство с целью ограбления. Д., все время проживавший в деревне на родине, в начале апреля 1926 года приехал в Москву в поисках заработка. Перед отъездом взял адрес своего дальнего родственника Т., к которому он и направился. Д. прожил в Москве со 2-го по 9-е апреля, поиски работы, в которых ему усиленно помогал и Т., были неудачны, и Д. решил ехать обратно на родину. Вечером перед отъездом он зашел к Т., вернувшемуся с работы; из разговора с ним понял, что он должен был иметь при себе получку в 50 руб. Попили вместе чай, и Т. лег отдохнуть и заснул. Удостоверившись, что Т. спит, Д. тремя ударами лезвием топора, лежавшего тут же, убил Т. Вытащил из его кармана кошелек, забрал кожанную куртку и сапоги, запер комнату и отправился на вокзал. Лишь у билетной кассы он обнаружил во взятом кошельке 7 руб. денег. Доехав до г. Тулы, Д. продал на рынке взятые вещи за 25 руб. и, купив себе брюки, рубашку, брезентовый плащ и кальсоны, направился домой. Тотчас же по приезде в деревню он был задержан следовавшим за ним агентами МУР'а; у себя дома убийство отрицал, а на вокзале во всем сознался. В процессе следствия сам Д. указывал, что убитый Т. охотно снабдил бы его деньгами, если бы он его об этом попросил.

Д., атлето-диспластического телосложения, с тенденцией к чрезмерному жиротложению. Во внешнем облике Д. выделяются грузность всей фигуры, цветущий вид с румянцем во всю щеку, малоосмысленное, туповатое выражение лица, общая неуклюжесть. Соматически Д. совершенно здоров.

Отец Д. 59 лет, крестьянствует, отличается суровым и злым характером, крайне религиозен; сильно пьет, в опьянении буйствует. В роду отца преобладают такие же характеры—злые и гневливые. Один из братьев отца сильно пил; другой, неоднократно выгонял семью из дому.

Мать Д. 57 лет—очень нервная и раздражительная; много пила.

Старший брат Д., слесарь в Москве, жестокий, гневный, злобный: черты своего характера он ярко проявил в Клинике, когда пришел по просьбе Д. к нему на свидание; это свидание прошло в бестактных и злорадных издевательствах над братом—

преступником с требованием ничего не писать о себе и ни о чем не просить; все это явно было пропитано страхом быть опозоренным и стремлением подчеркнуть пропасть между братом и собой.

Д. происходит из бедной крестьянской семьи; у отца плохое хозяйство; в 1923 году пала лошадь. Учение у Д. не пошло, просидел 2 зимы в первом классе; особенно трудно давались письмо и арифметика. Школу должен был оставить из-за нужды семьи в работниках. Отношение отца к детям было суровое и несправедливое: он бил их, изливая на них недовольство своим материальным положением; мать больше жалела.

Вплоть до приезда в Москву Д. прожил на родине. Большею частью работал в своем хозяйстве; иногда подрабатывал на погрузке вагонов при ближайшей станции желдороги; никакому ремеслу не обучался. В 1926 году около 2-х месяцев прослужил чернорабочим на чугунно-литейном заводе, но службу эту бросил, как невыгодную, так как за оплатой квартиры ему оставалось «не более 10 рублей». В течение всей жизни тяготила материальная нужда и—особенно для него чувствительная—невозможность «прилично одеться». Это и побудило ехать в Москву, чтобы искать лучшей службы.

Из особенностей своей личности Д. отмечает выдающуюся физическую силу: еще с детства любил «повозиться с ребятами», что иногда кончалось дракой, любил борьбу и спортивные игры. Старших слушался, хотя и был склонен к озорству. Животных ничуть не жалел; однажды, по просьбе односельчан, убил из ружья собаку: «было не жалко, даже интересно—как упадет»; в последние 2 года резал скот на деревне, делал это с удовольствием: «когда режешь свиней—в азарт входишь, они кричат сильно». У Д., по его словам, большей частью ровное, веселое настроение; он легко поддается постороннему влиянию; мало разговорчив, вспыльчив, на обиду склонен отвечать насильственными действиями. Очень бережлив, даже скуп; аккуратен и весьма практичен. Больше всего любит «поприличнее» одеться. Склонен к любому виду физического труда, «лишь бы работа была выгодная». Самыми тяжелыми считает переживания, связанные с материальными лишениями; тогда его не покидает чувство досады, злобы и зависти. Пьет лет с 17, понемногу; пьянеет быстро, в состоянии опьянения веселеет, не буйствует.

Половую жизнь начал с 18 лет; потенция повышенная. Очень влюбчив, но постоянен в своих связях; в 1925 году имел крупную ссору с отцом из-за своей подруги. Долго потом таил злобу против отца, хотел даже уходить из дому.

Из перенесенных заболеваний отмечает недержание мочи до 6 лет, тиф в 1921 году.

Длившееся около 6 месяцев наблюдение достаточно определенно выявило особенности его личности. Во всех его проя-

влениях сказывалась общая тяжеловесность его психики при выраженной умственной недостаточности. Не без труда ориентировался и осваился Д. в новой ситуации, медленно осмысляя окружающее. Маловыразительная глуповатая улыбка не сходила с его лица и в затруднительных положениях. Речевые высказывания неизменно выявляли преобладающую конкретность, общую скудость его мышления и крайне ограниченный умственный кругозор при общей замедленности психического темпа. Интересы личности преимущественно вращались вокруг стремления к материальному благополучию и любования своей физической силой. Ничего бескорыстно не делал Д.; с помощью большой настойчивости добился он большего, чем другие заработка; в короткий срок сумел приодеться и этим удовлетворил одной из основных своих потребностей—щегольнуть платьем. Правда, в работе Д. был очень старателен и продуктивен. Угодливостью и предупредительностью старался упрочить свое положение в Клинике, пребыванием в которой очень дорожил. За его исполнительность и аккуратность был выделен заключенными в качестве уборщика, что приносило ему дополнительный заработок. На ряду с этим он наивно демонстрировал свою недюженную физическую силу—на согнутых руках кружил вокруг себя 2 заключенных. Постоянно возился в борьбе, что не исключало его трусости перед более слабым, но решительным товарищем; так например, после одного конфликта с хилым, но взрывчатым Ж. (осужденным за хулиганство), вызванного глупой шуткой Д., он поспешил перебраться в другой этаж Клиники. Материальные достижения Д. особенно способствовали сохранению им неизменного детски—веселого настроения. Общая эмоциональная туповатая ограниченность сказалась и в отсутствии сколько-нибудь длительной реакции на совершенное и на приговор; большее задела оскорбление брата на свидании, вести о болезни матери. Вначале несколько растерянно сетовал Д. на то, что все от него отказались, что уж не сможет он вернуться на родину, но вскоре это сменилось общим благодушием. По поводу мотивов убийства, он сначала пытался неискусно лгать, будто убил в ссоре, но затем во всем признался, искренно и глупо недоумевая, каким образом он убил Т., который «принимал его лучше брата родного» и никогда не отказал бы ему в просьбе дать денег на дорогу.

Отличаясь малой продуктивностью, Д. в обществе большей частью помалкивал, но явно к нему стремился. С окружающими в общем ладил, пока не задевались его материальные интересы. И планы на будущее строились им в расчете на хорошие доходы: он сам попросился в Лефортовский изолятор, стремясь к изучению ремесла. Отношения с окружающими облегчались внушаемостью Д., его трусливой сдержанностью и сниженной критикой.

В данном случае оценка личности, как дебильного эпилептотимика, как будто, не встречает возражений: его дебильность для клинициста запечатлена на его лице, его эпилептотимность явствует из вполне согласованной гаммы признаков: из сдержанно-аффективной, трусливой установки в отношении окружающих, иногда переходящей в агрессивную, из узкого, эгоцентрического круга интересов—любования всем ему принадлежащим, от упругих мышц до блестящих сапог. Вполне гармонирует с этим резко выраженное мускульно-диспластическое телосложение.

Оценивая самое преступление, необходимо указать прежде всего на криминогенные моменты—нужду в деревне, пославшую его сначала на соседний завод, а затем в Москву, при чем по дороге он был вынужден продать свой френч; и наконец,—невозможность устроиться в Москве. Сообщение убитым о получении жалования явилось криминопровоцирующим моментом. Очевидно этого не достаточно для понимания убийства Д.; поведение его в прошлом, при всем его относительном убожестве, не позволяло предвидеть чего-либо подобного. Только знание его личности объясняет чреватость сложившейся перед убийством ситуации роковым исходом. Замечательно характерно, что выручив от убийства 7 руб. деньгами, сапоги и куртку, проданные им по дороге за 25 руб., Д. тогда же «одевается с иголочки», купив себе брюки, рубашку, брезентовый плащ и кальсоны. Обладание этими предметами было центром устремлений Д., и в тюрьме устойчивость его настроения определялась материальным благосостоянием. Некультурность Д. и его дебильность закрывали для него мир более сложных интересов, его тяжеловесная аффективность спаивала его с предметами его желаний, большею частью неосуществимых, в виду постоянной нужды. Недельное пребывание в столице, закончившееся неудачей, всколыхнуло его личность; сильная тяга к вещам получила, вероятно, не мало толчков. Перспектива возвращения в деревню с пустыми руками была крайне тягостна. На таком фоне его неповоротливой психикой воспринимается весть о наличии денег у его гостеприимного хозяина. Тут, рассказывал Д., «мелькнула мысль убить—ограбить» и овладела им совершенно: «был сам не свой... весь трясся, ни о чем другом не мог думать». Тут же схватил топор, лежавший у печки и нанес лезвием 3 удара по голове спящего.

Нам представляется, что это преступление шло путями сверхценного образования. Можно сказать, что стремление к нужным вещам было у Д. и до преступления превалирующим; неудача, постигшая его в столице, повысила напряженность его аффективной, узко-эгоистической установки, ситуация дала последний толчок и конкретное содержание для перехода к нападению,

в борьбе за страстно желанные, непосредственно близкие и без уничтожения их обладателя недоступные блага. Дебильный интеллект и внушаемость облегчили переоценку ценностей. И все же противоречивость вскрывшегося в данной ситуации корыстного убийства обычному состоянию Д. видна, как в его последующем глупом, но искреннем недоумении, так и в его общей жизненной установке, скорее трусливо-защитной, чем гневно-нападательной.

Тем не менее, опасность таких, банальных самих по себе, ситуаций, для молодого, дебильного, туповатого эпилептомика Д. не исключена в будущем. Прочное запечатление в его сознании общественной реакции на его преступление, быть может, не бесполезно его внушаемой, но далеко не хрупкой психике; при условии же, что в период воспитательного на него воздействия уголовная среда не привьет ему новых антисоциальных навыков при условии, что он получит квалифицированное ремесло, к которому он искренно стремится и которое наиболее способно упрочить его социальную, трудовую позицию в будущем, можно говорить о благоприятном прогнозе.

Случай XIII Кл. 23 лет, холост, белорусс. Осужден по ст. 142 У. К. (редакции 1922 года) на 8 лет лишения свободы. Обстоятельствами дела установлено следующее:

Осенью 1923 года Кл. познакомился с проституткой С. с целью, как он объяснил, спасти ее от гибели и жениться на ней; половая связь между ними существовала до августа 1925 года, несмотря на то, что по словам Кл., он заразился от С. сифилисом и долго лечился. Их брак не был зарегистрирован, так как не был расторгнут прежний брак С. Последняя, живя на отдельной квартире, продолжала заниматься проституцией, и Кл. располагал всеми данными, ее в этом изоблевающими. В августе 1925 года Кл. окончательно лично в этом убедился; С. ему сама об этом сказала, заявив, что с ним она порывает. Ее разрыв с ним вызвал в нем сильную злобу; гонимый этим, чувством, он в течение целого месяца преследовал С., требуя каких-то объяснений, бил ее. С. убегала от него и рассказывала знакомым, что он грозил застрелить ее. 20 августа Кл. убил ее тремя выстрелами из револьвера. Судебно-психиатрической экспертизой Кл. был признан вменяемым.

Кл. резко выраженного мускульного телосложения, хорошего питания. Соматически здоров. Напряженная малоподвижная, мимика; обычно сумрачно озлобленное или тяжеловесно-сентиментальное выражение лица. Неизменно обстоятельная, страстная речь. Бурные и густые вазомоторные реакции; облегченное появление слез озлобления и жалости к себе.

Кл. до 14 лет прожил в деревне в тяжелых семейных условиях, создаваемых злобным и агрессивным отцом—деспотом—

тяжелым алкоголиком. Очень хозяйственный, обожавший порядок,—«так, чтобы кругом все блестело, даже свиньи», отец немилосердно и тиранически преследовал членов семьи; однажды чуть не убил мать «сбанком» (горшком для питья) и сына бил чем попало за малейшую неосмотрительность. До сих пор не может забыть Кл. злобы, накопленной против отца с ранних лет и свои давнишние мечты когда-нибудь наказать его. Мать была добрая, общительная и жалостливая, но и она сама трепетала перед мужем. Кл. по рассказам матери развивался нормально, но был беспокойным ребенком. В детстве отличался крайней вспыльчивостью, обидчивостью, злопамятностью и мстительностью. Был очень аккуратным. Питал настоящую страсть к учению, но проучился одну лишь зиму, так как начал бредить уроками: по ночам выходил раздетый на улицу и изображал процедуру учения. Наибольшую злобу затаил против отца за то, что тот помешал ему посещать школу. 14 лет его постигло несчастье: вместе со всем молодым населением деревни немцы увели его в плен—в Пинский уезд, где пробыл до 1919 года, перенес много тяжелого, был на окопных работах. В 1919 году бежал из плена и вскоре поступил в Красную Армию. В 1920 году был контужен, и года через 2 появились истерические припадки—при звуках военной музыки, на митингах и после неприятностей. Вследствие своего нервного состояния демобилизовался в 1923 году. Около года пробыл в милиции, перед преступлением служил в охране Наркомфина.

Пьет с 14 лет, в последние годы—хронически. В состояниях опьянения появляется «объемистое настроение», избыток сил, пьяным способен на любое преступление, настроение «бешенное». Часто бывали скандалы.

Половая жизнь с 19 лет, потенция резко повышена; во время сношений «впадает в бешенство», склонен к причинению боли; всегда стремиться «к полному удовлетворению женщины».

За последнее время характер еще более испортился, настроение всегда тяжелое, мрачное. Он стал еще более злопамятным, склонным к насилиям. И до сих пор очень любознателен, в тюрьме изучает языки. Очень аккуратен.

И после совершенного им убийства горит злобой по отношению к бывшей сожительнице за то, что заразила его сифилисом и за наглые издевательства над ним, несмотря на его прощение и несмотря на все мытарства, которые он перенес в связи с длительным лечением. Ей, убитой, простить не может того, что и теперь она у него «во сне забирает последние соки во время поллюций». Злоба настолько неугасима, произведенным мщением настолько неудовлетворен, что опасается как бы и после освобождения не убил бы какую-нибудь «тварь-проститутку».

В лице Кл. мы встречаем яркого эпилептоида. Его эпилептоидизация особенно обострилась сначала в семье, под тяжелой рукой деспота отца, затем—в немецком плену и в гражданской войне. Все эти вредные моменты обнажили свойственные ему механизмы—тяжеловесного, неизбывного, злобного мщения, и до сих пор носящего черты сверхценности. Обнаженность его эпилептоидной психопатичности в связи с алкоголизацией и травмированностью делает прогноз неблагоприятным. Только полная трезвость и постоянное авторитетное воздействие смогло бы дать хоть некоторые надежды на социабельное поведение.

В процессе исследования Кл., произведенного нами в течение ряда бесед с ним в Таганке, его густая волнующая аффективность почти подавляла своей напряженностью; терзающая его самого, все еще не могущая быть изжитой мучительная злоба, пропитанные аффективностью его обстоятельные повествования, и его неотвязная прилипчивость делали контакт с ним крайне тягостным. Окончание исследования вызывало невольное облегчение—словно разряжалась привносимая им напряженная аффективная среда. В этом мы усматриваем наиболее осязаемые признаки личности эпилептоидного психопата.

Случай XIV Гр. Ин. 42 лет, кустарь-тряпичник, приговорен по ст. 136 У. К. к 4 годам лишения свободы за покушение на убийство китайца с целью ограбления. Зная последнего, как перекупщика шерсти, он предложил ему придти к нему в мастерскую, якобы за покупкой пряжи, захватив с собой денег. Когда 16-го октября китаец пришел к нему, то Ин. показал, что пряжа находится в углу под тряпьем и предложил китайцу помочь ему извлечь пряжу из под тряпья; в момент, когда китаец нагнулся, Ин. нанес ему обухом топора удар по голове и по плечу, нанеся тяжкие повреждения, повлекшие обезображение лица; китаец все же успел вырваться из под ударов и был доставлен в больницу; при нем было обнаружено денег 2.161 руб.

Ин. пикно-мускульного телосложения. Угрюмая недоступная мимика. Резко выраженные признаки склероза сосудов.

Ин. до 13 лет прожил в деревне в очень тяжелых семейных условиях: с 5-ти лет подвергался истязаниям мачехи; в возрасте 12 лет, будучи выведен ею из терпения, замахнулся на нее топором. В виду бедности школы не кончил. В 13 лет бежал в гор. Рязань, где работал отец, и грозил «удавиться», если его вернут домой; был принят на земляные работы, на которых проявил исключительное усердие. С 15 лет, после смерти отца, работает в Москве. Благодаря исключительной настойчивости, работоспособности и примерному поведению, повсюду был на лучшем счету: на лесном складе, на фабрике. Но больше всего влекло к торговле. С 1905 года, 20 лет, с помощью родствен-

ников жены стал заниматься закупкой лоскутьев и неизменно преуспевал в этом деле. В 1908 году сделался главным агентом Четверикова по сбыту бракованного сукна. В период империалистической войны обзавелся собственной мастерской; доходы прогрессивно росли. Стал жить очень богато, ни в чем ни себе, ни жене не отказывал, но все же соблюдал известную умеренность в образе жизни, отчасти побуждаемый к этому своей крайней религиозностью. В 1917 г., после 13-летней совместной жизни, ушел от жены к их бывшей служанке, 16-летней девице, и с ней снова обзавелся новой «шикарной» квартирой и обстановкой. Со времени революции терпит крах за крахом: конфискуют имущество. Но он умело приспосабливается, получает советский заказ, руководит 3-мя мастерскими. Все же в 1921 г. отбывает 16-месячное тюремное заключение за спекуляцию. На этот раз лишается квартиры, мытарствуется, снова богатеет и снова терпит крах: «губят тресты», обкрадывают компаньоны. Постепенно силы истощаются, озлобление растет, вера падает. И дома у него создается кошмарная обстановка: молодая жена за время его тюремного заключения пристрастилась к кокаину, сама была привлечена по уголовному делу. Но неутомимый Ин. продолжает бороться—открывает мастерскую по промывке тряпья. Напрягает все усилия для коммерческой операции, продает каракулевый сак первой жены, взятый им для отдачи в ломбард. По его версии преступления, все свои средства он тратит на закупку партии шерсти, хранит ее в мастерской под грудой тряпья; только старый покупатель китаец знает о местонахождении шерсти. И вот, в момент передачи шерсти китайцу, ее на положенном месте не оказывается; у Ин. мелькает подозрение на китайца и, в приступе гнева, он бьет его валяющимся тут же топором по голове, китаец убегает, а сам Ин. хорошо не помнит, как добрался домой.

В наследственности Ин.: отец умер 55 лет «от простуды». Был старшим рабочим на железнодорожном строительстве. По характеру тихий, молчаливый, очень набожный, крайне честный: ночей не спал, если во время долг отдать не мог. Вспыльчивый и жестокий; когда порол детей, то входил в азарт и бил их почти до беспамятства, потом сам пугался и начинал приводить в чувство. Пил часто, но аккуратно. Вел строгий скромный образ жизни. Не пропускал ни одного праздника без посещения церкви.

Дед по отцу умер 50 лет, был дворником в Москве—всю жизнь у одного хозяина. Совсем был молчаливым, говорили, что у него «слово нужно покупать».

Второй дядя—пьяница, с детства заика и «как-то странно мигал глазами»; трусливый, хвастливый и лживый.

Мать не помнит.

Старшая сестра 50 лет, очень злая и злопамятная—подолгу не разговаривает; дралась с детьми и с мужем.

Средняя сестра 48 лет—не злая, но очень вспыльчивая.

Младшая сестра 45 лет—безответная, робкая, тихая, молчаливая.

Ин. в детстве перенес корь, 10-ти лет—оспу. Всегда чувствовал себя каким-то нервным, в 1923 году часто посещал врачей в связи с этим.

По характеру он в детстве мягкий, обидчивый, плаксивый, робкий, очень аккуратный, крайне вспыльчивый—долго молчал, потом начинал грозить и кричать. В 11 лет, если бы мачеха не отбежала, то зашиб бы ее топором.

Очень бережливый, застенчивый, тихий. С детства мечтал о том, как бы получше одеться, очень завидывал соседям, приезжавшим из города хорошо одетыми. Мечтал также о монастырской жизни, часто ходил с соседками по монастырям: с одной стороны, тяготила жизнь дома с зловредной мачехой, с другой—тянула религия: нравилось богослужение, создавалось умиленное настроение, все тяжелое отлетало. «Одежда и монастырская жизнь влекли в детстве», «роскошь победила». Отличался большой настойчивостью. Этим объясняет, как побег от матери, так и успехи на трудовом поприще. В юности значительно успокоился, настроение стало ровнее в связи с лучшими условиями жизни; несколько оживился, но друзей не приобрел, стал еще более настойчивым,—стремился главным образом к материальному благополучию жизни. Половое влечение сказалось поздно. Раньше оно было приглушено религиозностью: близость женщины считал грехом. У взрослого развилась большая энергия, глубокая вера в свои силы: любую из поставленных перед собою задач осуществлял. Но никак не мог справиться со своей горячностью: не говоря уже о постоянных конфликтах с первой ревнивой женой, часто горячился и в делах, особенно там, где усматривал несправедливость. Неоднократно доставалось от него девочкам-воспитанницам: в них летели тарелки, вилки, миски; однажды рассек жене голову хрустальной сахарницей.

Жизненные блага любил, «носил до 20 костюмов в год, крупные бриллианты, но мотом не был». Любил с деловыми людьми и с их семьями съездить в ресторан, послушать хор. Бывало, что его чуть не насильно тащили к проститутке, но он избегал этого: «дай ей, что полагается, только, пожалуйста, не подходи». Жене изменял редко, затем стыд мучил, приходилось грязь замаливать. Ушел от жены после 13-ти лет совместной жизни, так как она мучила его своей ревностью и, главное, он сильно полюбил вторую молодую жену. Ей за 8 лет ни разу не изменял; все ей прощал, несмотря на то, что она его и разоряла, и позорила.

После потери своего имущества стал особенно раздражительным, впал было даже в отчаяние, но успокоил сон, оказавшийся вещим: приснился ему его ангел хранитель, и вскоре он получил... советский заказ. В тюрьме вера в бога пошатнулась, особенно, когда после горячих молитв облегчения не последовало. А после второго разорения, когда дачу забрали, церковь почти забросил—отчасти этим объясняет, как все случившееся, так и пошатнувшуюся веру в собственные силы.

При домашнем обследовании обе жены Ин. подтвердили данные о его характере—сумрачном, аккуратном, бережливом, религиозном и раздражительном. У первой жены—тугость слуха после удара сахарницей в висок, у второй—перебита переносица. Обследование выявило следы бывшего благополучия у первой жены и асоциальное существование, стоящее на грани проституирования, второй жены—наркоманки.

В лице Ин. перед нами выраженная личность эпилептоида: с детства и по настоящее время внешняя оболочка «тихони»—молчаливого, почти застенчивого, покорного; с ранних лет внутренний мир ревниво хранит сокровенные желания, с монастырской кельей уживается шикарный городской костюм; и теперь он на половину занят обращением к богу, который должен вознаградить за советские ущемления, но также сильно терзает забота о благополучии молодой жены—наркоманки. Общительность Ин. всегда была ограниченной: только в своей среде деловых, положительных людей, он был склонен побеседовать «по душам»—о делах, о божественном и о справедливости; и при исследовании он не уклоняется от контакта, оставаясь более или менее на чеку и лишь вне расспросов о преступлении разряжается обстоятельными повествованиями о невзгодах последних лет. Неизменно скрытен Ин. во всем, что может скомпрометировать его собственную, бережно-охраняемую личность: не говоря уже о мотивах преступления, он скрыл историю его второго брака, деловым вымыслом пытался приблизить себя к современности (такова, оказавшаяся ложной, его версия об уходе с завода в 1905 году после стачки). Эта внешняя оболочка едва прикрывает горячий материал его аффективности, то внезапно ярко вспыхивающий, то медленно накаляющийся до сокрушительного разряда: метание топора в мачеху шло, повидимому, путями разряда аффекта, медленно нараставшего; систематические избиения домашних путями яростных вспышек на банальные раздражители. Половое влечение Ин., вначале сдерживаемое религиозностью, затем нелюбовью к жене, после близости с 16-летней служанкой, делается мощным, непреодолимым, перестраивающим, а затем и разбивающим жизнь; поддерживаемое свойственной Ин. вязкой аффективностью, оно превращается в страсть: «буду сам тебе кокаин покупать, только

живи со мной». Пышно расцветают и другие влечения в соответствии с окружающей средой: трен богатой жизни отодвигает на почетное, но второстепенное место героически-религиозные искания юности; впрочем, в последнее время, религия приобретает снова важное служебное значение—компенсации за понесенные в революции потери. Эти жизненные влечения, аффективно спаянные, дают второе страстное образование—жажду благосостояния, накопления. По долгу и нарушенному закону предан Ин. своей первой жене и родным, мучительно крепко любит вторую, помогает им, но деньгами не сорит и прочно держится за нажитое. В его стяжательстве он проявляет недоженную деловую настойчивость. Как обухом по голове ударила революция и отобрала самое драгоценное. Но все еще не сражен Ин., развивает он всю свою энергию, преуспевает и срысывается: старые торговые навыки слишком спаяны со всею его личностью. Страстная жажда обогащения неизгладимо ущерблена. Возмещение, в виде аффективных разрядов дома, все менее и менее полно; жизненные удары последнего времени разжигают все сильнее и сильнее. Наслаивающиеся склеротические изменения ослабляют остаточные тормоза. Соответствующая констеляция обстоятельств обуславливает кровавую развязку.

Обращаясь к самому преступлению, напомним, что и после суда мы находимся перед лицом двух его версий: версии Ин.—нанесение китайцу двух ударов попавшимся под руку топором, непосредственно вслед за обнаружением отсутствия пряжи, в связи с павшим на китайца подозрением, и версии обвинительного заключения—покушение на планированное убийство с целью ограбления. Все объективные данные делают почти несомненной вторую версию. Тем не менее, можно думать, что и версия Ин. весьма характерна для его личности: эпилептоидный Ин., с выраженным артериосклерозом, глубоко травмированный; лоскутник и торговец бракованного сукна, из низов пробившийся в именитые люди и революцией обращенный в бывшего человека—легко мог убить подозреваемого им похитителя его имущества, закупленного на последнее, вплоть до каракулевого сака первой жены. В действительности же Ин. покушался на убийство с целью ограбления. Нам представляется, что вымысел и действительность отличаются лишь констелляцией обстоятельств. И в том, и в другом случае в основе действовавшего механизма лежала бы страсть к обогащению, зажигающая соответствующие сверхценные идеи—страсть, разряжающаяся наиболее свойственными личности способами, по наиболее проторенным путям.

Прогноз в данном случае омрачается деклассированностью Ин. и его артериосклерозом, значительно способствовавшим вскрытию эпилептоидных механизмов. Здесь показаны как чисто

медицинское воздействие, так и использование в период отбывания мер социальной защиты еще не изжитой, недюжинной энергии и предприимчивости Ин.

Случай XV 16 августа 1927 года, около 10 час. утра, жильцы дома услышали из запертой квартиры Ив. стоны. Заглянув через щель в квартиру, заметили на полу лужу крови. При вскрытии квартиры было обнаружено следующее: на полу, на разостланной постели, лежала воспитанница Ив. с окровавленным лицом и в бессознательном состоянии. В другой комнате также на полу, в постели лежали жена Ив., младшая его дочь в одном нижнем белье; у обоих в области головы имелись большие раны. Около кровати в спальне лежал колун. При опросе на месте происшествия жильцы дома высказали предположение, что эти ранения нанесены самим Ив. В тот же день к вечеру он был задержан в районе Бутырской заставы. Произведенным расследованием установлено, что Ив. с семьей проживал в этой квартире с 1920 года. В последнее время он работал на участке Мосстроя. Семья его состояла из жены и двоих дочерей 10 и 14 лет. В 1925 году он взял к себе на воспитание 12-летнюю девочку, дочь соседа, выселенного за пьянство. Семью свою он очень любил и к детям относился хорошо. Жена же его вела легкомысленный образ жизни и в отсутствии мужа приводила к себе на квартиру посторонних мужчин. Напивалась пьяной и при детях ругалась с мужем. Напиваясь вдвоем, они доходили и до драк при детях. Ссоры происходили на почве ревности. Ив. знал о том, что жена изменяет ему с милиционером. В драке при детях часто грозил, что убьет ее. За последний год это сказалось и на его работе, он был переброшен несколько раз с одной службы на другую. И в день убийства состоялся даже приказ об его увольнении со службы, но не был ему еще объявлен. За 2 дня до происшествия жена сообщила ему, что уходит жить к милиционеру и показала бумагу о разводе из ЗАГС'а. Накануне убийства он с женой и с гостем мирно пили вино у себя на квартире и никаких ссор между ними в этот вечер не было. 16-го августа, в 6 час. утра, Ив. разбудил двоюродного брата жены, жившего с ними, и последний ушел на работу. Сам же он в 7 час. утра вышел из квартиры, заперев ее на замок. Одна жилищка, встретившая его в этот момент, была поражена его страшным лицом. Он отвернулся от нее и прошел за ворота. Сам Ив. показал, что он с 14 лет работал на разных фабриках и заводах. В 1907 году вступил в партию меньшевиков. С 1907 по 1911 г. и в 1912 находился в административной ссылке в Тобольской и Вологодской губерниях. В 1908 году он женился на работнице прядильнице. В 1919 г. вступил в ВКП(б) и поселился в Москве, работая сначала на фабрике в качестве

трубопрокатчика, а затем все время на различных хозяйственных должностях. Всю свою семью, в том числе и воспитанницу, крепко любил. За 3 дня до убийства, разочаровавшись в жизни, решил покончить с собой и с семейством. Утром, дождавшись, пока родственник и соседка уйдут на работу, вышел во двор и взял из сарая колун. Ударил им два раза спящую жену по голове и тотчас же перенес удары на голову младшей дочери, лежавшей рядом; выйдя в другую комнату, сделал то же самое с приемной дочерью. Совершив все это, он решил повеситься в квартире, но не нашел веревки и, испугавшись стонов умирающих, решил уйти, оставив колун около кровати. Целый день провел в Петровском Парке, а затем решил напиться пьяным и броситься под поезд. По выходе из пивной был задержан. В дальнейшем он указал, что мотивом убийства были его подозрения в супружеской неверности, подтвердившиеся сообщением жены о разводе. Решил также убить дочь и воспитанницу, так как знал, что если они останутся живы, то о них некому будет заботиться. Судебно-психиатрическая экспертиза, произведенная в институте им. Сербского, установила, что инкриминируемое Ив. преступление совершено им вне какой-либо душевной болезни, а в похмельном состоянии, после обычного злоупотребления алкоголем, и признала его вменяемым.

По ст. 136 Ив. приговорен к 10 годам лишения свободы.

Ив. мускульно-пикнического телосложения. Общий благообразный, несколько подобострастный облик; вкрадчивая речь, в процессе беседы обычно принимающая страстную интонацию. Выраженный склероз периферических сосудов. Раннее значительное поседение. Резкий тремор рук, расширение периферических сосудов лица. Выраженный стойкий красный дермографизм. Ив., как питомец воспитательного дома, своих родителей совершенно не знает. Еще в младенческом возрасте был отдан на воспитание в крестьянскую семью Смоленской губернии, где прожил до совершеннолетия. Его приемные родители, бездетные супруги, относились к нему, как к родному. Семья была бедная, во всем испытывали нужду. С 8 до 11 лет учился в сельской школе с неодинаковыми успехами: арифметика не давалась, но отличался хорошим почерком и особенно успевал по закону божьему—«поп знал, что Ив. уже не подкачает». И поведения в школе был неважного, случались и прогулы. Мать «ужасно его любила, но и порола, как следует». Только страх перед нею несколько его сдерживал. Лет с 9 пришлось помогать по хозяйству. 14 лет его отправили к родственникам в Петербург и определили в книжный магазин Карбасникова, где он прослужил около 4-х лет. Условия жизни были удовлетворительные; на службе был исполнительным, ни одного замечания не получил. Вел скромный образ жизни, много читал. В этот период, под

влиянием чтения начали меняться его взгляды и пробудился интерес к общественной работе. 18 лет, желая получить квалификацию, поступил на металлургический завод в Колпино в трубопрокатный цех, где прослужил вплоть до мобилизации. Профессиональная работа шла успешно, в политической жизни он особенного участия не принимал, Вел скромный образ жизни, разврата не знал, выпивал понемногу. За год до мобилизации в возрасте до 20 лет, во время побывки в деревне, перенес кратковременное душевное расстройство. Рассказывали ему, что он бросался в ручей, ходил нагим по полю, представлялись ему сцены крещения Христа. В течение 11 дней был прикован на цепи. Через 18 дней совершенно поправился и вспоминал лишь отдельные отрывки из пережитого. И по сие время остались некоторые религиозные переживания и сомнения. На военной службе пробыл 4 года, из них полтора провел на русско-японском фронте. На службе был на очень хорошем счету. Быстро и без прохождения учебной команды стал унтер-офицером и кончил войну полковым каптенармусом. Всегда был при деньгах, имел много доходов. Получил два георгиевских креста. Демобилизовался в 1907 году. Незадолго перед этим вступил в с.-д. партию под влиянием матросов, присланных в полк с расформированных кораблей, и стал вести агитационную работу среди военных. По дороге в Москву просидел 3 месяца под арестом за то, что называл коменданта станции палачем Николая II. Был освобожден по ходатайству полка. С 1907 года стал торговать в Москве книгами, в розницу, одновременно вел профессиональную работу в союзе деревообделочников. В том же году, во время побывки в деревне, женился на бедной работнице—молодой и красивой. Их разделяла почти десятилетняя разница в возрасте: ей было 17, ему 27 лет. До брака женщин не знал. Сразу по-настоящему полюбил ее, она отвечала ему взаимностью. Оба поступили в Москве на прядильно-шерстяную фабрику. Но их совместная жизнь длилась не больше полугода, так как он затем был выслан в Тобольскую губернию за агитационную партийную работу. В ссылке пришлось перенести не мало лишений, но бежать не пытался, в протестах участия не принимал, особенно тяжело перенес разлуку с женой. Через год после отбытия ссылки был выслан снова и лишь в 1913 году вернулся окончательно легальным, так как с тремя другими товарищами подал ходатайство о помиловании на высочайшее имя. С тех пор с женой не расставались. Вплоть до 1917 года в их семейной жизни все было благополучно; в 1914 году родилась первая дочь, в 1916—вторая. Материальные условия были не плохими. Он был артельщиком Московской Вознесенской мануфактуры, хорошо зарабатывал, построил дом на родине жены, завелись сбережения. Эти годы в партии не работал, но связи, якобы, с ней не терял;

объясняет это тем, что, как меньшевик, имел право быть членом партии, не работая активно. В революции принял живое участие, был членом районной городской думы; в 1918 году разошелся с меньшевиками по вопросу о кандидатах в Учредительное собрание и с 1919 года вступил в ВКП(б). В партийной жизни большой работы не вел, все время был на хозяйственных должностях.

О собственном характере Ив. сообщает следующее: по рассказам его приемной матери, еще в раннем детстве заметили его слабость и дразнили его фразой «пойду зарежу твою мать». После этого он сейчас же падал на землю с криками, начинал биться, пока его не относили домой. Помнит себя очень озорным—«творил много чудес», однажды например растоптал заготовленную коноплю—сделал это на зло и убежал. «Лестно ему было, когда ему удавалось лечь поперек дороги так, чтобы слепнувший отец перекувырнулся через него». Страстно любил игру в бабки, для этого приходилось таскать мелочь у родных. Был очень вспыльчивым, если задевали, лез даже на старших. Большой любитель подраться, особенно если проигрывал. Среди ребят любил показать себя первым—однажды пошел на едва замерзший пруд и провалился. Родных не столько слушался, сколько боялся; любил быть «чистенько» одетым. До переезда в город был религиозным, старался выучивать наизусть псалмы; в деревне ему даже платили за чтение псалмов. Способствовала этому среда старообрядцев, в которой он воспитывался. Под влиянием чтения получился раскол, и он стал мучительно разбираться в религиозных вопросах: с одной стороны, «Собор Парижской Богоматери», с другой—«Камо Грядеши». Постепенно находил все большие и большие противоречия в священных книгах. Эти вопросы занимали его исключительно сильно и перед психическим расстройством. В молодости появились стойкие стремления добиться хорошего служебного материального положения, вследствие этого особенно внимательно относился ко всем требованиям военной службы. Пока осваивался с делом, присматривался и угождал, а добившись известного положения, почти игнорировал свое ближайшее начальство. Изредка обычное его подчинение нарушалось бурными вспышками: так, однажды, он швырнул лопату в каптенармуса. Одевался лучше своего начальника; сильно пьянствовал и пьяным любил «шикарно покутить». Все ему сходило с рук, так как ко всем он имел хороший подход. Так, например, он «наэкономил» около 700 пуд. крупы в свою пользу—«так уж выдавал». После женитьбы появилось новое сильное чувство—семейной привязанности; быть может, большую роль сыграли в этом молодость и красота жены. Годы разлуки были мучительны не столько половым воздержанием, сколько опасениями за супружескую верность жены.

С 1917 года стали портиться отношения с женой. Ему передавали, будто один сослуживец за ней ухаживает; он имел с ней бурное объяснение, сильно побил ее. В 1918 году он испугался, что она окончательно развратиться и снял ее вовсе со службы. Не желая отходить от нее, он постепенно и ее втянул в пьянство. Иногда между ними возникали ссоры по вопросу о разнице лет, жена говорила, что он стар для нее, он же возражал, что если бы не ее молодость, то он и не взял бы ее в жены и пришлось бы ей выходить замуж за грубого, бедного мужика. По его мнению, и к детям жена была недостаточно внимательна, он же стремился дать всем им образование. С июня 1926 года, в поведении жены произошел резкий перелом. Под видом приискания работы, она по целым дням где-то пропадала, возвращалась к ночи в нетрезвом состоянии. Иногда ее спрашивали какие-то мужчины, приносили записки. Под влиянием всего этого он однажды пытался повеситься, но жена спасла его и на утро обещала со всем покончить. Однако недели через две возобновилась та же история. В 1927 году он проследил ее до квартиры подруги и там застал их обеих с каким-то милиционером. Жена оправдалась тем, что их было трое и что милиционер старый. В мае—июне младшая (убитая) дочь в течение 6 недель пролежала в больнице по поводу скарлатины. В это время жена пила меньше, но дома бывала мало.

Эти невыносимые отношения с женой сильно его расстраивали, он особенно много пил, отчасти это отражалось и на службе. На последней службе пробыл всего 14 дней и имел там крупные неприятности. Он считал, что к нему были предъявлены непосильные требования.

Вообще, начиная с 1925 года в его до того времени ровной служебной карьере произошли значительные колебания в худшую сторону—он переменил 3 должности, его сокращали, доходил он чуть ли не до должности сторожа завода. В последнее время положение стало как будто улучшаться, но с переводом на новый участок почувствовал, что и здесь не удержится, предполагал, что там была уже подготовленная почва, чтобы свалить на него ответственность за некоторые дефекты. Все это тесно переплеталось с создавшимся в семье положением.

Очень не легко было добиться от Ив. более или менее полной мотивации совершенного им преступления; долго всем нашим усилиям в этом направлении он противопоставлял защитную целевую установку в форме ссылок на отсутствие воспоминаний, вследствие болезненного своего состояния—на непонятную загадочность преступления для него самого, его бесцельность и т. д., но постепенно удалось дать почувствовать Ив. чисто научное значение нашего исследования и, путем подхода вплотную ко всей его личности, удалось всколыхнуть

доселе им скрываемые напряженные сверхценные образования, созданные перед убийством. В заключительных наших беседах Ив. почти сбросил защитное свое прикрытие и в пропитанных страстной болью утверждениях раскрыл внутренние пружины своего преступления. Здесь на первом плане—несокрушимая собственническая ревность к жене: жизнь без нее для Ив. немыслима; пусть бы она была хотя бы сумасшедшей, и тогда он лишь смотрел бы на нее, поил и кормил бы до самой смерти. Любил ее больше всего на свете, ничего для нее не жалел. Ухода жены к другому перенести никак не мог, считал это преддверием к ее полному падению—гибели где нибудь «под забором»—поэтому с совершенной отчетливостью предпочитал смерть жены от собственной его руки; такую смерть той, которая принадлежит ему неотъемлемо, перенести гораздо легче, чем потерю жены при жизни. Создаваемые им перед убийством перспективы неминуемой для жены жизни падшей женщины, естественно, включали и картины гибели детей, покинутых матерью и безнадзорных. Особенно угрожающим представлялось подобное будущее для болезненной младшей дочери; мысли о детях были все же на втором плане, с ними как-то переплеталась мысль о недостаточном внимательном отношении к ним жены. Несомненное, хотя и не главное участие в формировании его преступного решения, принимали и его служебные конфликты. Страшно уязвляло самолюбие мысль о том, что недоброе поведение жены получило огласку. Временами казалось что лучше бы он собственными глазами убедился в ее измене, лишь бы люди не знали. Ее смерть предпочитал такому позору.

В общем, он искренно приходит к заключению, что рано или поздно происшедшее должно было случиться, как только жена в действительности пыталась бы порвать с ним: «не мне, так никому». И дети, в конце концов, должны были бы последовать за женой. «Если бы там была и старшая дочь, то она тоже должна была быть убитой, чтобы все было уничтожено, как ураганом». В порыве полного самораскрытия Ив. признался, что если бы теперь жена осталась жива, в то время, как он вынужден сидеть в тюрьме, то ему это было бы гораздо тяжелее переносить, чем настоящее положение; то же, хотя и в меньшей степени, относится и к дочери. «По крайней мере, теперь он знает, что ничего плохого не может случиться».

Гораздо менее искренен и более противоречив Ив. в отношении своих планов на будущее: с одной стороны, он постоянно возвращается к необходимости умереть; в том, что он уцелел, видит главный признак своей подлости и низости, поэтому он должен разыскать могилу жены и умереть рядом с ней, предварительно написав презиравшему его обществу «трагическое» письмо. С другой стороны, он как будто считает инужным

довести оставшуюся в живых дочь «хотя бы до окончания второй ступени»; одновременно беспокоится и о том, что придется ему пойти с сумой или по старому заняться розничной продажей книг. За этими противоречивыми планами наиболее существенным все же представляется забота о будущем существовании. В его довольно искреннем угнетении не столько сожаления о совершенном и не беспокойство о судьбе оставшихся в живых дочери и воспитанницы, сколько придавленность перспективой тюремного заключения и огорчение по поводу того, что имущество опечатали.

Диагностика эпилептотимного конституционного склада личности представляет в данном случае наименьшие затруднения. За долго до того времени, когда стержневые черты личности столь ярко вскрылись в его кровавом преступлении, они достаточно отчетливо наметились на разных этапах его жизни. Все пережитое последней густо аффективно окрашено—от горячей драки после проигрыша в бабки в детстве до страстных религиозных исканий юношества, службизма и стяжательства до революции и степенной хозяйственности после нее. Эта постоянная аффективная окраска была не только густой, но негибкой и малоподвижной: в детстве она простиралась на ближайшие круги—воспитателей и озорников-сверстников; затем охватила данную средой религиозную установку; эта спайка, поддержанная семьей, школой и деревней—поп хвалил, за чтение псалмов платили—оказалось столь прочной, что переход к полученным в городе новым более хрупким связям переживался личностью, как настоящее крушение—вплоть до кратковременного душевного расстройства со сноподобными переживаниями религиозного содержания. В генезе этого заболевания существенную роль играл период полового развития, в котором болезненно сублимировалось эпилептоидно-мощное, но подавляемое половое влечение. В этом же периоде аффективность взрастила другое влечение—к алкоголю.

Не аутическими порывами, а ближайшей средой—книжным магазином—была навязана книга, из которой черпались конкретные сокрушающие выводы для прежнего мировоззрения. При всем этом аффективность никогда не отрывалась от обслуживания ближайших несложных интересов личности: в детстве это определило отношение к воспитавшей его семье, протекавшее то в форме «любви за страх», то в форме издевательства над слепнувшим отцом; в зрелости такая эгоцентрическая установка аффективности оформила взаимоотношения с хозяевами и начальством—от угодливой приспособляющейся приниженности до наглого игнорирования; она же облегчала подачу ходатайства о помиловании на высочайшее имя.

Эпилептоидная аффективность в течение жизни Ив. выявила всю характерную для него гамму черт—напомним склонность

к разрядам, обычную вспыльчивость Ив.; тенденцию к превращению некоторых кругов идей в сверхценные: вначале религия, в дальнейшем—несравненно слабее—идеи борьбы рабочего класса. С другой стороны, можно утверждать, что идея честности у Ив. не приняла характера сверхценной; несравненно ближе его эгоцентрическому складу идея стяжательства любыми средствами—этим была пропитана его деятельность каптенармуса «с экономией нескольких сот пудов муки в свою пользу». К этому же ряду относится его растрата на предыдущей службе, о которой Ив. упоминает глухо. Но здесь уже сказались наслонившиеся моменты раннего склеротического упадка личности, алкогольных ее изменений и тяжелой семейной коллизии; первые сказываются в раннем поседении и в выраженном склерозе, вторые—в намечающемся слабодушии.

Весьма характерен брак Ив. и мотивировка им его полной естественности. Потенциальная конфликтность этого брака сказалась лишь в последние годы в связи с длительной раздельной жизнью супругов. Для насквозь аффективного Ив. коллизия брачной жизни не могла пройти безболезненно—недаром он сначала посылает к врачу жену, а затем отправляется и сам вместе с ней для консультации по вопросу о ее половой неудовлетворенности. Но допустить мысль о несоответствии между ними, ни тем менее сделать из этого соответствующие выводы Ив. по самому складу своему не в состоянии. Как это почти всегда бывает у подобных личностей, жена и семья навсегда включаются ими в круг неотъемлемых собственных ценностей. Выражаясь фигурально, жена и дети эпилептоида превращаются в части его физической личности, и если убитая жена Ив. воспринималась им, как одна из его конечностей, то дети были лишь пальцами на ней; не надеясь спасти охваченную—в его сознании—гниением собственную руку, он отсекает ее. Эту кровавую операцию Ив. произвел, охваченный страстным стремлением к спасению всей остальной своей личности. Тяжкая антисоциальная реакция была продиктована инстинктом самосохранения, центрирующим жизнь эпилептоида и зажегшим в данном случае идеи ревности и возмездия. Вот почему, представляется нам, Ив. собственноручно не сделал ни одной сколько—нибудь серьезной попытки на самоубийство, якобы задуманной им вместе с решением убить; вот почему и в дальнейшем мы не склонны опасаться самоубийства с его стороны.

В данном случае особенно отчетливо выявлена третья—эпилептотимная—мера человеческой психики: эгоцентрическая индивидуалистическая установка осталась ненарушимой в течение всей жизни; почти ничего не было впитано Ив. даже в процессе быть может искреннего участия в политической жизни; наоборот, с исключительной избирательностью формировалась

идеология собственника—в общем быту, на службе и в семье. Банальная сама по себе семейная коллизия у эпилептоидного Ив. с начальным склерозом и алкоголизмом выросла в роковую ситуацию; кровавый выход из нее определился его эпилептоидной аффективностью, на почве которой с'организовались сокрушающие идеи ревности и мщения. Элементы последнего сказались, быть может, и в убийстве детей—«на зло» смертельно оскорбившей его жене; особенно ясны они в словах письма, написанного Ив. после совершения преступления, в котором он глухо возлагает ответственность за все происшедшее на своего начальника, повинного лишь в том, что он указал на служебные дефекты Ив. Эти элементы демонстративного возмездия, вероятно, типичны для убийств эпилептоидов—ими пропитана преступная расправа И. (случай X), также ярко выявлены эти элементы в другом случае семейного убийства—эпилептоида К. (Введенский), во многом близком нашему.

Таким образом, на ряду с типом семейного убийцы, принадлежащим циклоидной—депрессивной группе, чье преступление является, по выражению Штрассмана, «расширенным самоубийством», совершаемым с целью избавить от невыносимых страданий себя самого и своих близких,—на ряду с ним, в лице К. и Ив. мы встречаем представителей семейных убийц эпилептоидного круга. Здесь мысли или покушение на самоубийство, самое большее—лишь более или менее искренний самообман, служащий к некоторому самооправданию деятеля, а иногда и явный обман, прикрывающий несокрушимое сознание его права на уничтожение того, что он признает своим кровным достоянием и что перестало служить своему «прямому назначению». Несмотря на резкое различие этих двух типов семейных убийц все же, быть может, для всех их характерна некоторая общая канва, создаваемая общественным и семейным бытом и внешне выявляющаяся как мотивы убийства; в этом отношении интересно, что и в нашем случае момент социального упадка—угроза потери службы—имел место. Однако, это тяжкое преступление перестает быть загадочным лишь при учете всей психики эпилептоида, обнаженной наслоившимися изменениями личности и пустившей в ход свойственные ей механизмы, под влиянием тяжелой семейно-бытовой ситуации.

Весьма вероятно, что в будущем со стороны Ив. не придется ожидать чего-либо подобного, ибо произведенный им «кровавый ураган» в достаточной степени опустошил его личность. Но последняя является еще достаточно сохраненной для того, чтобы можно было игнорировать стойкость ее эгоцентрической установки. Для гарантии социабельного поведения Ив. в будущем лечебные мероприятия, направленные на остановку его склероза и на ликвидацию алкоголизма, должны сочетаться с действи-

тельными для эпилептоида мерами социальной защиты. Условия применения последних должны быть согласованы с навыками и способностями Ив. в хозяйственной и организационной работе и с наличием у него некоторых общественно-культурных запросов.

Случай XVI М. 18 лет, уроженец Москвы. Осужден по 142 У. К. (редакции 1922 г.) на 10 лет лишения свободы с понижением срока, по малолетству, до 6 л. 8 мес. После ряда побегов из дому, совершаемых с детства и сопровождавшихся кражами вещей из дому; после ряда конфликтов с отцом на этой почве и неуспешной попытки отца устроить его на трудовом пути, стал питать глухое недовольство против отца, перешедшее во враждебную озлобленность; последняя достигла такой степени, что М. решил от отца отделаться. 7 января 1926 г., когда отец пришел домой и приказал сыну растопить печь, произошла ссора. Сын стал топить печь, но, когда отец уснул, М. «из низменного озлобления»... пользуясь беспомощным состоянием отца... колуном нанес ему удары по голове и убил его, после чего обыскал, желая взять деньги, но не нашел их. Преступление было совершено «сознательно и обдуманно». Судебно-психиатрическая экспертиза признала М. вменяемым.

М. резко диспластического телосложения—лицо ассиметрично, грудь астеническая, плечевой пояс мускульный. Общее питание понижено, руки цианотичны. Из физических аномалий—косоглазие левого глаза, большие оттопыренные уши. М. производит тяжелое впечатление своим диспластичным, отталкивающим обликом и холодно тупой, несколько гримасничающей мимикой.

В наследственности М. отмечается:

Бабка по матери жива, 64 лет. Отличается крутым, настойчивым, злым характером: «с удовольствием убивала кошек». Перенесла 3 мозговых удара, первый—в возрасте 58 лет. В настоящее время она находится в бывш. Матросской богадельне в связи с правосторонним полупараличом и потерей речи; персонал жалуется на трудности ухода за ней, вследствие ее несносного характера.

Дед М. умер 56 лет от порока сердца; отличался веселым, общительным, уступчивым характером. Пил хронически, в состояниях опьянения не буйствовал.

Прабабушка М. была жестокой, грубой, своенравной; умерла парализованной.

Семья матери М. состояла из 3 братьев и 4 сестер.

Средний брат страдает припадками выраженно-эпилептического характера («падает—синий бьется, сильно зашибается, кусает язык»), в настоящее время ему 28 лет, припадки продолжаются, иногда он «заговаривается».

Старший брат матери выделяется своей злобностью и жестокостью, занимается какими—то аферами, живет богато, но без

определенных занятий. Он сыграл провокационную роль в семейной жизни матери М., открыл ей глаза на связь мужа, при чем сделал это с исключительной целью восстановить их друг против друга.

Старшая сестра (обследована лично) отличается общей психической тяжеловестностью, внешне сдержана, очень обстоятельна, аккуратна.

Отец М. (убитый) обычно был тихим и неразговорчивым. В обществе несколько оживлялся, смешил окружающих, изображая пьяного, заику и т. д. Увлекался женщинами, с 25 летнего возраста 3 раза уходил из семьи, при чем забирал с собой вещи из дому, а один раз и чужие деньги; однажды был задержан по доносу жены. Уже будучи женатым, участвовал в совершении кражи со взломом, за что просидел около 2 лет в тюрьме.

Мать М. отмечает поразительное сходство характеров мужа и сына, за исключением некоторой умственной одаренности сына в отличие от полной бездарности мужа. У последнего особенно выделялись черты лживости, жестокости, сокрушающие вспышки гнева, непоседливость и гибкая мораль, легко совмещавшаяся с нарушением долга по отношению к обществу и семье и постоянно выгораживавшая собственную персону.

Он переменил около 5 мест, потому что все быстро надоедало; после совершения преступления, отчасти связанного с нуждой, около 2 лет скрывался и открылся лишь по настоянию жены. В бытность его управляющим имением так избивал крестьян, что жена умоляла увести или удержать его, ибо всегда опасалась трагического конца. В возрасте от 22 до 25 лет он страдал припадками неопределенного типа: падал, иногда разбивался, бывали судороги. Около 3 лет прослужил на фронте, после чего болел туберкулезом легких.

Сам М. родился нормально и развивался своевременно— к 9 месяцам начал ходить, к полутора годам—говорил.

В связи с материальной нуждой, вследствие побега отца после совершенного им преступления, мальчик воспитывался у бабки в С. Воспитывался он в большой строгости, но был общим любимцем и к бабке был привязан, называл ее матерью, хотя та его и бивала частенько. Около 6 лет он уже писал матери письма. 7 лет М. был взят родными в Москву. Странности его характера вначале приписывались детской шаловливости, но вскоре они стали более выраженными. Наиболее ранним проявлением его характера была исключительная жестокость к животным, главным образом, к кошкам: он им выкалывал глаза, душил, садился на них и давил и т. д. 8 лет М. был определен в школу первой ступени. В первом классе он был оставлен на второй год по возрасту, хотя учителя и считали его очень способным. Одновременно обнаружилось его крайняя

неусидчивость, стремительные перемены в поведении, постоянное озорство, жестокость и драчливость. До второй ступени он учился хорошо—хотя уроков почти не учил, едва прочитывал по разу задания, на что не всегда хватало терпения. С детства очень любил книгу, читал запоем; вне чтения всегда куда—нибудь устремлялся. В семье как—то быстро очутился вне сферы родительского влияния, что об'яснялось и попустительством отца и неумением матери подойти к нему, а главным образом, его ранней независимостью. Отец любил его, поскольку это допускала его натура, такая же холодная, «бессердечная», как и у сына. Побои были не часты и особенной реакции в первое время не вызывали.

Перед первым побегом из дома М. провел лето в детской колонии, где оставил о себе лучшие впечатления у воспитателей—был очень активен, исполнял ответственные хозяйственные поручения.

Этот первый побег, совершенный им в возрасте 12 лет, был для родных совершенной неожиданностью—лишь после побега они узнали, что он уже около 2 месяцев не посещал школу, представляя учителю сфабрикованные им самим же записки о болезни за подписью отца или отделиваясь ложью. Уходя из дому, в первый раз М. ничего с собой не взял. Сначала направился по знакомым путям, к родственникам отца, упорно избегая встречи с ним, когда узнал, что отец его разыскивает. У знакомых и родственников отделивался обильными измышлениями. Отсутствовал он больше 2 месяцев и до сих пор в семье не установлено его тогдашнее местопребывание: рассказывал он о Донбасе, о работе на шахтах и т. д. Возвратился он тяжело больным—дизентерией и брюшным тифом, причем сам в дом не вошел, а упорно ждал, пока его не заметили и не привели домой.

После выздоровления его определили на бухгалтерские курсы. В начале он увлекся занятиями и успевал, но скоро остыл. Еще резче выявились уродливые черты его личности: отныне он стал лгать артистически, сделался чрезвычайно скрытным, холодным и замкнутым. Эту перемену отметили и дальние родственники—всех поражала его дерзость и исключительно грубое или безразличное отношение к семье. Воздействию родных он совершенно не поддавался; большую часть времени был вне дома; главными его страстями были кино, чтение и сладости. В том же 1922 году он совершает второй побег, для родных такой же неожиданный, ибо его внутренний мир и его планы были для них совершенно непостижимыми. Однако же на этот раз все было им подготовлено к побегу. Уехал он в Ташкент хорошо обмундированным и захватил из дому много ценных вещей. Отсутствовал он более 1½ лет. Уже через год начал писать

домой, больше с просьбой о помощи. Вначале родные оставляли его письма без ответа, но после его настойчивых просьб о разрешении вернуться и после того, как был прислан о нем хороший отзыв из детского приюта, ему было разрешено вернуться домой.

И первое и второе возвращение М. не вызвало никаких репрессий, ни упреков. Особенно спокойно к этому отнесся отец. Отношения между ними не обострялись сколько нибудь заметно для матери. Побоев совсем уже не было, да это было бы и невозможно: М. стал еще более независимым, таким же опасным и жестоким в гневном состоянии, как и отец. После возвращения из Ташкента—летом 1925 г., в возрасте 16 лет протекает самая упорядоченная, социабильная полоса в жизни М., длившаяся более года. Отец определил его в контрагентство печати, он хорошо работал, им были довольны по службе. Половину жалованья он приносил матери, в оплату своего содержания, остальные деньги тратил на книги, которыми зачитывался, и на сладости, к которым по прежнему был равнодушен. В этот период М. вступает в комсомол и активно работает в драм-кружке, ибо с детства недурно играет. Но характер его в основе остается тот же—скрытный, жестокий, упрямый, порывистый и лживый. Стал он лгать особенно часто, иногда и совершенно бескорыстно—как будто увлекался своими измышлениями. В пределах свойственной ему холодности с родными у него устанавливается относительно терпимые отношения. В связи с его неожиданно упорядоченным поведением отец начинает им даже гордиться.

Резкий перелом в поведении и во взаимоотношениях его с семьей мать и родные относят к осени 1925 г. К этому времени обнаружилась связь отца с молодой девицей А., проживавшей в начале в семье, в качестве неимущей землячки, а впоследствии жившей по соседству. Когда мать спросила об этом сына, то он грубо расхохотался и выразил удивление, что матери об этом еще ничего не известно. Вначале у матери получилось впечатление, что эта связь сыну безразлична. Затем она переменила свое мнение по этому поводу, так как уж несколько месяцев замечала своеобразные отношения между этой девицей и сыном; последний по своему проявлял к ней свое внимание и расположение: часто душил ее до крика и слез, щипал и т. д. Впоследствии соседи, жившие за тонкой перегородкой, высказывали уверенность в том, что между ними были интимные отношения. Наконец, было установлено и наличие переписки между ними. Отношения в семье резко испортились, атмосфера стала крайне тяжелой.

В этот период М. совершает третий побег с кражей пальто у отца, вскоре возвращается и совершает четвертый побег,—в город М., после кражи золотых вещей у матери; с ними он

был задержан в клубе, признался сам в краже, но мать выручила и взяла из милиции. Тогда, не возвращаясь домой, он явился в МУР с ложными и нелепыми самообвинениями, в совершении убийств и ограблений. Нелепость его самообвинений была установлена, и он возвратился домой. Недели через две между ним и отцом происходит крупная ссора, причем отец гонит сына из дому, якобы за кражу пальто, а сын кричит, что отец мстит ему за другое... (в действительности незадолго перед этим М. написал бранное письмо девице А.). Отец грозил сыну лишением службы, «ты или я» кричал он. Отношения обострились и стали невыносимыми. 20 октября отец уходит на жительство к девице А., и сын как будто этому искренно радуется. Но через две недели отец стал снова появляться в семье. У матери было впечатление, что он был не прочь порвать эту связь, но не хватало для этого силы воли. Сын грозил матери, что выгонит отца, взаимная озлобленность росла. Отец катился по наклонной плоскости— не мог порвать ни с сожительницей, ни с женой. В связи с его беспорядочным образом жизни у него образовалась растрата по службе в несколько сот рублей, и мать утверждает, что еще за несколько месяцев до кровавой развязки, когда при сдаче мужем денег была обнаружена недостача 350 руб., муж, якобы, сослался на то, что деньги эти вырезал из портфеля сын—что было совершенной ложью. Неизвестно, узнал ли сын об этом обвинении отца. Но, так или иначе, он мстит отцу тем, что раскрывает на службе его криминальное прошлое и сам держится там так нагло, что 1 декабря его увольняют (уже после увольнения он крадет золотые вещи, уезжает в М. и отправляется с ложным самообвинением в МУР).

Злобно враждебная невыносимая атмосфера не мешала тому, чтобы хорошо, по выражению матери, провести Рождество в семейном кругу.

Накануне совершения преступления мать и сын ждали прихода отца, но он не пришел. Утром в день убийства мать заметила топор около кровати сына, очень этому удивилась, ибо топора они никогда не брали. На ее вопрос, почему для колки дров он не воспользовался косарем, М. ответил, что не нашел его. После этого мать отнесла топор.

Сам М. говорит о себе следующее: насколько помнит себя, не улавливает в себе никаких сыновних чувств к родным. По отношению к матери, говорит он, «не было повода к любви»— было равнодушие. Хотя она и проявляла заботы о нем, хотя и терпела много горя из-за отца, который то сидел в тюрьме, то уходил на фронт, то бросал семью из-за какой либо женщины— все же М. не помнит момента, когда он бы пожалел ее; никогда между ними не устанавливалось взаимного понимания, ни в чем он не находил повода, ни возможности быть с

матерью откровенным—«в голове не укладывалось, как подойти». Еще более холодные отношения установились у него с детства с отцом—его он никогда не любил, изредко делая лишь вид, что привязан к нему, желая что—нибудь получить от него, или по просьбе матери. За то и в искренность отцовских забот о нем он совершенно не верил, убежден, что и последний также никогда не любил его, вмешиваясь в его воспитание «лишь для фасона». В семье своей был чужим; какое-либо влияние родных на себя отрицает. В школе лет до 12 успевал, предметы давались легко, особенно любил географию, труднее давалась математика, по русскому языку не признавал знаков препинания, писал стремительно. Затем ученье стало надоедать, куда то тянуло неудержимо. Школьное время начал тратить на исследование новых мест в городе и его окрестностях; старое быстро надоедало, тянуло к новому и неизведанному. И в школьный период никаких привязанностей к людям М. не отмечает; рос он одиноко-замкнутым, холодным, жестоким и мечтательным. Увлекался особенно приключенческой литературой, придавался фантазированию, при чем всегда в мечтах являлся главным героем жестоких приключений. Был злобен, дрался жестоко—трусости не знал, избитого не жалел. Истязание животных было главным удовольствием: «тискаешь—она (кошка) пищит, постепенно сдавливаешь—легче как-то делается». Дома всегда что-то особенно не нравилось, что именно—не помнит. Смутно выявлялось одно желание, стойко потянуло уйти. И внезапно созрело решение бежать из дома: в 6 часов утра оно осознается, а в 11 осуществляется. Для первого побега М. берет лишь географическую карту, бумагу, карандаш и краюху хлеба. Он не строит никаких планов, ни о ком не жалеет, не знает, куда пойдет. Сначала следует по знакомым местам, всюду лжет, избегает поимки догоняющего его отца, а затем отправляется туда, где тепло... Дальше нить воспоминаний почти обрывается, и пробелы заполняются более или менее явными измышлениями: как будто был в Батуме, работал на шахтах, на Кавказе и т. д. Сильно болел; все надоело, энергия спала, захотелось покоя и страшно потянуло домой. Еле добрался до Москвы. Сам пойти домой не хотел, долго прождал мать у магазина, где она служила, и, не дождавшись, также упорно ждал около дома ее возвращения.

Прекращение занятий на бухгалтерских курсах объясняет неприятной семейной обстановкой—постоянными придирками отца, якобы сопровождавшимися побоями в отсутствии матери. Этим же объясняет и второй побег, хотя и не отрицает значения вновь пробудившегося влечения к путешествию. Совершенную дома кражу перед побегом таковой не считал, ибо вещи принадлежали матери.

О своем полугодовом отсутствии из дому рассказывает много, по разному, вплетая в некоторую канву фактов цветистые измышления. Он якобы уединялся в горы, где «питался сырым мясом», жил исключительно охотой... Был в Красноводске, в Баку, переменил много детских домов, в некоторых из них был на хорошем счету. Летом 1924 года снова настроение изменилось к худшему и также неудержимо потянуло домой. Вернулся и был встречен возгласом: «а, вернулся, беглец». Упреков не было.

Перелом в своем хорошем поведении после поступления на службу приписывает исключительно атмосфере, созданной отцом в семье. Отец, якобы, окончательно возненавидел его после того, как он открыл матери глаза на его связь с А. при чем М. настаивает, что сделал это исключительно с целью досадить отцу. Этими же семейными условиями, атмосферой постоянного скандала, М. объясняет свои дальнейшие побеги из дому с предварительными кражами. В этот период он, якобы, два раза покушался на самоубийство.

Предумышленность преступления М. категорически отрицает, не скрывая своего особенно злобного и враждебного отношения к отцу в последнее время. Для мотивации убийства М. измышляет давний роман, существовавший якобы между ним и девушкой Галей (после тщательной проверки установлено, что Галя—фикция его измышлений). Убийство объясняет оскорблением, брошенным отцом по адресу героини его романа, после того, как он заявил отцу о намерении жениться на ней. После этого отец, якобы, ударил М., так что он зашатался, а затем лег и заснул. М. же взял топор, чтобы растопить печь, но после того, как он отколол первую лучину, в уме промелькнула мысль убить, он подошел к отцу и заметив, что тот пошевелинулся, нанес ему обухом по голове один за одним три удара. «Первый удар нанес сознательно, остальные—механически». Сейчас-же мелькнула мысль о побеге, но вспомнил, что у него нет денег, начал рыться в карманах брюк отца и в портфеле, но ничего не нашел. Говорит, что дальнейшее помнит смутно. При вопросах внезапно дает еле сдерживаемую аффективную реакцию: сильно краснеет, показываются скудные слезы.

Помылся и пошел бесцельно..., был в кино—смотрел картину «Ловкачи». Зашел в пивную. Там написал письмо товарищу обо всем происшедшем, так как думал покончить самоубийством; для этого направился на вокзал и за два рубля получил от беспризорного какой-то порошок, который и выпил, зайдя снова в пивную. Сразу почувствовал себя плохо, снова вышел на вокзал, а затем смутно помнит лишь одно, как сходит по ступенькам лестницы у вокзала..., очнулся уже в отделении милиции, когда ему пред'явили найденное при нем письмо.

Приведем это письмо текстуально:

«Убил я его ровно в 5¹/₂ час. вечера, трудно мне жилось, мне сейчас сильно отвращение как я к отцу подкрадывался не подымалась рука я стоял над ним и думал убить или нет он как раз вздумал перевернуться у меня быстрее молнии мелькнула мысль увидит я тогда погиб я его стукнул топором... (неразборчиво) и сейчас слышу этот звук хрру и он захрипел я его еще раз и еще потом думаю что у него наверное есть деньги и я достал портфель но денег нет я оделся и убежал я его убил не из-за денег я вспомнил старые обиды матери нет она ушла на работу и я его убил, я поехал с тем... или лечь под поезд или замерзнуть не знаю что совершит со мной потому что я стал сходить с ума смешно все-таки эта вся история кровь брызнула на печку как капли попали мне в лицо, нет в мою отвратительную харю я написал впереди что трудно мне жилось да только последнее время вначале я работал не захотел я и сам не знал что стану убийцей я не знаю может быть меня арестуют так я судий снисхождений не прошу и прошу чтобы расстреляли потому что такие как я не живут на свете Судьи! Если только меня арестуют я вначале говорю что я виновен и прошу чтобы меня расстреляли иначе объявляю голодовку вы может быть думаете что я сумасшедший нисколько расстреляйте иначе я объявляю голодовку. Если меня поймают то не думаете что деньги которые у меня я взял у убитого отца нет эти деньги я сейчас расскажу я украл у матери золото я своей несчастной матери уже не первый раз ворую и потом обворовал товарища и эти деньги как раз не много остались они и есть но наверно я с собой покончу сам».

Этот случай не может быть отнесен полностью к эпилептоидному темпераменту, так как он представляется неоднородным и подтверждает мозаичность глубокой психопатии, или, по терминологии Краснушкина, дисплазии личности. Сближение с эпилептоидным кругом диктуется соответствующей наследственной отягощенностью, эпилептотимным складом ближайших родственников, преобладающей у самого М. сокрушительной силой аффектов, почти автоматическими фугами, эпизодическими расстройствами сознания, сочетающимися с беспричинными расстройствами, эндогенными сдвигами настроения. Хотя совершенно бесспорным является у него наличие значительного анестетически шизоидного компонента в форме негативистической недоступности, холодной жестокости, аутических тенденций, и своеобразной сексуальности. В данном случае глубина психопатической изуродованности личности—в чертах ранней и стойкой садистической жестокости, слепого упорства, безмерного тщеславия, лживости и импульсивности—до крайнего предела понижают порог криминальной раздражимости. В начале влечение к странствованию удовлетворяется краюхой хлеба на дороге, в дальнейшем оно требует обязательного обкрадывания домашних; в начале тщеславие обслуживается неопасной ложью, в заключение оно облекается в форму самообвинения в МУР'е

в совершении ряда убийств. Почти садистическая жестокость в детстве довольствуется прокалыванием глаз кошкам, в юности на этой основе совершается преступление; потенциальные возможности хорошо культивируются семейными условиями—таким же складом характера отца, яростные выпады которого еще более озлобляют М. и безвольной приниженностью матери, забитой систематическими издевательствами мужа и бессильно недоумевающей перед лицом ранней асоциальности сына, естественно не находящей подступа к его холодной недоступности. Непреодолимая тяга вдаль стимулируется также и неизбывными дразнами в семье. Мытарства дальних странствий оформляют антисоциальную установку, оттачивают главные средства борьбы за жизнь—ложь и жестокость. Самоутверждение личности идет по пути пышных измышлений с содержанием в виде жестоких подвигов—«питался сырым мясом убитых зверей». В процессе полового созревания недостаточно адекватная сексуальность компенсируется аутическим созданием мифического романа, а параллельно с этим первое действительное сексуальное раздражение получается от девицы А., к которой уходит отец, снова порывая с семьей. В этих условиях и до того крайне не устойчивое равновесие этой уродливой личности совершенно теряется; ряд побегов с кражами предшествуют преступлению; к этому же периоду относится и явка в МУР с ложными самообвинениями; в содержании этих измышлений даны насильственные механизмы, свойственные личности, аффективный их фон характеризуется тяжелым злобно-депрессивным настроением этого периода.

Символические чертежи дневника, в которых начертан ряд треугольников—от вполне чистого до зачерненного и украшенного черепом—скрывают аутическую работу обдумывания убийства. По действовавшим механизмам последнее представляется реакцией всей психопатической личности М.—в форме обдуманного, но тем не менее страстного, злобного мщения, в котором личность воздает отцу за все действительные и мнимые ущемления, полученные в семейной жизни. За убийством должен был последовать очередной побег или самоубийство—так противоречиво шла личность к своему патологическому самоутверждению.

Мы видим, таким образом, что, как конституционный склад личности является сложным—шизо-эпилептоидным, так и действовавшие в преступлении механизмы не просты.

Совершенно очевидно, что прогноз этой тяжело-психопатической, больной личности является почти безнадежным. Как раз в отношении подобных убийц крайне уместно давнишнее требование криминологов—неопределенные приговора. Разумеется, что осуществление последних должно было бы прово-

даться в специальных пенитенциарных отделениях для глубоких психопатов. И личность М. в условиях вдумчивого индивидуализированного подхода к ней может быть использована в социабильном направлении: в Клинике, после нескольких аффективных взрывов и одной импульсивной кражи М., как то выравнился, стал участвовать в культработе Клиники, отчасти удовлетворяя этим свое патологическое тщеславие, и даже настолько свыкся к Клиникой, что навещал ее в дни своих отпусков из другого места лишения свободы.

Данный случай вполне согласуется с наблюдениями прежних авторов относительно обычного психопатического склада отцеубийц (Асселен, Ковалевский); он подтверждает также и мнение Вульфена о том, что естественной бытовой канвой для этого вида убийств являются тяжелые внутри-семейные отношения.

Самый характер нашей работы над личностями убийц, требующей строгой индивидуализации каждого случая, естественно крайне ограничивает возможные общие выводы. Все же нам представляется, что изложенный материал позволяет придти к следующему:

1) Только клинико-психиатрическое исследование личности убийцы, профессионально свободное от моральной оценки, учитывающее как конституционный склад личности, так и весь сложный процесс ее социального оформления, вскрывающее психологические механизмы самого преступления — представляет некоторые данные для предсказания поведения личности и, тем самым, для выбора наиболее рациональных мероприятий личного предупреждения. Это имеет особое значение в виду обычных больших сроков лишения свободы, на которые осуждаются убийцы, преимущественно в обще-превентивных целях.

2) Психиатрическое изучение необходимо не только потому, что оно одновременно является и медико-психологическим и индивидуально-бытовым, но также и потому, что в наиболее тяжелой анти-социальной реакции здоровых, с точки зрения общества убийц, психопатологические моменты зачастую принимают участие в той или в другой степени и форме, как-то: эндогенной психопатичности и реактивно-социальной изуродованности личности, умственной неполноценности, артериосклеротических и алкогольных изменений личности, более или менее тяжелых состояний опьянения, комплексно обусловленной временной диссоциированностью личности, сверхценных непреодолимых образований и т. д.

3) Изучение убийства, как реакции, наиболее ярко вскрывающей склад аффективности личности, подтверждает клиническую реальность выделенного, особенно на материале и в рабо-

тах Московского Кабинета по изучению личности преступника и преступности, третьей группы темпераментов—эпилептоидной. Эпилептоидная аффективность представляется нам преимущественно характеризующейся большей или меньшей своей напряженностью, с двумя полюсами—полюсом высокого напряжения и—освобождающего от него разряда. Таким образом, связываются синдромы аффективной вязкости и огненной взрывчатости.

4) При всем многообразии психологической и психопатологической динамики каждого убийства, некоторые механизмы представляются типичными для определенных складов темперамента. Так, для чувствительных шизоидов характерны убийства, как отреагирование комплексов в форме внезапных, обходных для целостной личности реакций (короткое замыкание) или в форме элементарного взрыва в ответ на комплексный раздражитель. Иногда и примитивные реакции короткого замыкания подготовляются всей личностью по типу сензитивных развитий, при этом возможно участие Адлеровских механизмов.

Для анестетических шизоидов типичны планомерные убийства с отчетливым сознанием совершаемого—в направлении более или менее непосредственного удовлетворения влечений; часто и у тех из них, у которых сохранена скрытая гиперостезия, совершение преступления вызывает обратные сдвиги темперамента, парализующие завершение преступления. У более чистых анестетиков убийства совершаются без особого сопротивления личности при более или менее полном игнорировании окружающего.

У эксплозивно-взрывчатых, включая сюда часть эпилептоидов, состояния опьянения и умственную недостаточность, убийства совершаются по путям примитивных реакций на банальные раздражители.

Наконец, для аффективно-вязких эпилептоидов наиболее типичным представляется временное или стойкое образование сверхценных идей, с напряженной аффективной нагрузкой, заполняющих сознание и непреодолимо влекущих действий.

5) Циклоидная группа, по крайней мере в стадии непсихотической, представляется лишенной самостоятельных механизмов реагирования в форме убийства.

В заключение считаем своим приятным долгом поблагодарить проф. Е. К. Краснушкина за общее руководство работой.

Литература: 1. Аккерман. О злостных хулиганах, сборник „Хулиганство и поножовщина“, Мосздр., 1927. 2. Aschaffenburg, Mord u. Totschlag, Monatschr. f. Krim., 9. 3. Baer, Ueber jugendl. Mörder u. Totschläger, Arch. f. Krimin., Bd. 11. 4. Bougey, Passion, crime et responsabilité, Arch. d'anthr. crim., t. XXIX. 5. Введенский, К казуистике старческих преступл. ж. им. Корсакова. 6. Weber, Der Familienmord, Arch. f. Krim., Bd. 17. 7. Wernicke, Grundriss der Psychiatrie

8. Wetzels, Ueber Massenmörder, 1920. 9. Wulffen, Kriminalpsychologie, 1926. 10. Ганнушкин, Об эпилепсии и эпилептоидах, Труды псих. клиники 1 МГУ, 1925. 11. Haschke, Ein Vatermörder, Mon. f. Krim., 2. 12. Геринг, Криминальная психология, пер. Рапопорта. 13. Heuyer et Robin, Les Haines familiales, Ann. Med.-Psych., 1926. 14. Holtzendorff, Das Verbrechen des Mordes, 1875. 15. Holtz, Le crime passionnel, 1904. 16. Hoffmann, Das Problem der Charakteraufbaus, 1926. 17. Gruhle u. Wetzels, Verbrechertypen, 1. H. Geliebtenmörder V. Wetzels u. Wilmans, 1913. 18. Гуревич, К постановке вопроса о клас. психопатий, 19. Ylberg, Ueber Lustmord, Mon. f. Krim., 2. 20. Краепелин, Der unterterr. in den forens. Psych. Mon. f. Krim., 1. 21. Краепелин, Psychiatrie, т.т. I, III. 22. Краснушкин, Опыт псих. построения характеров у правонаруш. Сб. „Преступник и преступность“, 1928. 23. Кречмер, Строение человеческого тела и характер, 1927. 24. Кречмер, Медицинская психология, 1927. 25. Kowalewsky, Zur Psych. des Vatermords, Mon. f. Krim., 1. 26. Ланге, Психология, „Итоги науки“. 27. Лобас, Убийца, 1913. 28. Minkowska F.: Recherches généalogiques et problèmes touchants aux caracteres (en particulier a celui de l'épileptoidie). Ann. Méd.-Ps., 2/VII 1923. 29. Minkowska F., La problème de la constitution. L'évul psych., 2. 30. Muralts, Ueber Familienmord, Mon. f. Krim., 2. 31. Proal, Le crime et le suicide passionnels, 1900. 32. Рапопорт, Эпилептоиды и их соц. реакции. Сб. „Преступник и преступность“. 1928, Мосздр. 33. Рубашева, Дети—убийцы, Из-во НКЮ УССР, 1926. 34. Senf, Zur Ps. des Lustmörders, Mon. f. Krim., 8. 35. Stegmann, Ein Fall von Familienmord, Mon. f. Krim., 1. Укше, Убийцы, „Преступ. мир Москвы“, 1923. 37. Foss, B. zur Psych. des Braútmordes, Mon. f. Krim., 8. 38. Foss, B. zur Ps. des Gattenmordes. Arch. f. Krim., Bd. 41. 39. Чубинский, Мотив прест. деятельности, 1900. 40. Юдин, Психопатические конституции, 1926. 41. Jaspers, Heimweh und Verbrechen. Arch. für Krimin, Bd. 35.
-

ЖЕНЩИНЫ-УБИЙЦЫ ¹

I.

За последнее время в науке о личности (психиатрии и смежных с нею областях) обозначилась тенденция изучать эту личность по ее реакциям. Процессы развития личности, ее передвижение в пределах усваиваемого ею социального опыта, процесс приспособления личности к условиям, лежащим вне ее, наконец, давление внешних обстоятельств на самую личность—все это истоки для той или другой реакции личности. И в них-то личность то защищается, то нападает, чтобы тем устранить лежащие на ее пути препятствия. И почти для каждой реакции личности будет характерной эта смесь черт обороны и нападения. Сама же реакция свой смысл, характер получает от преобладающих в реакции черт. Таким образом, понятия стени и астении—крепости, активности, бурного развития во вне и слабости, пассивности, мягкости,—мы можем приложить к самим реакциям личности. Естественно, наибольший интерес представляют реакции личности, развивающиеся активно, бурно, наступательно, те реакции, которые и называются стеническими. И в их ряду, несомненно, первое место занимает убийство.

Убийство привлекает внимание исследователя не только яркостью своего проявления во вне, не только самим фактом грубейшего нарушения жизненных прав «не—я», но и, главным образом, тем, какими механизмами приводится личность в то состояние, которое и является основой predisposition (предрасположения) к возникновению и течению самой стенической реакции.

В значительном большинстве случаев, личность захвачена такой тяжелой реакцией, как убийство. Между носителем такой реакции и окружающим создаются новые отношения; новые

¹ Как предварительное сообщение было прочитано в заседании О-ва невропатологов и психиатров 8 апреля 1927 г. Считаю своим приятным долгом принести искреннюю благодарность проф. Е. К. Краснушкину за его ценные указания в настоящей работе, а также врачам И. С. П. Э. во главе с Е. Н. Довбней и 2-й Лефорт. женской б-цы во главе с Д. Я. Гальпериным за предоставление материала в мое распоряжение.

пропорции между «я» и «не я», создающиеся на основе этой стенической реакции, только сильнее и выразительнее подчеркивают, как сказал Кречмер (E. Kretschmer), «ключевой» характер переживаний личности в момент действия самой реакции. В силу указанного, анализ такой реакции, как убийство, анализ, проведенный по различным плоскостям личности (ее биологического «я», социологического и т. п.) может дать формулу всей личности, так сказать, шифр ее построения и, наконец, может установить пределы пластичности, изменемости этой же личности.

Совсем недаром одна из любопытнейших работ, посвященная вопросу о психологии убийц Andreas Bjerre—«К психологии убийства») в своем основном выводе говорит, что убийство нельзя рассматривать, как один только акт антисоциального поведения; оно сложнее,—в него (в этот акт) вплетаются такие глубокие биологические корни, как влечения; этот акт, наконец, зачастую совершается в состоянии, могущем быть об'ясненным только исходя из биологических особенностей личности и включает в себя элементы «слабости» (Schwäche).

Сказанного достаточно, чтобы убедиться, насколько значительно исследование такой стенической реакции, как убийство. Мы лишь еще раз подчеркнем возможность раскрытия личности во всей ее многосложности, идя от верного анализа ключевого переживания для личности в указанной выше стенической реакции.

Уже общим местом стало утверждение, что действия душевнобольных в их «непонятном» для нас выражении при клиническом анализе становятся куда более простыми, нежели любой акт личности, находящейся в пределах, так наз., нормы. Немецкое направление в лице отца современной психиатрии Крепелина (E. Kraepelin), Ашаффенбурга (Aschaffenburg), Гаупа (Gaupp), Кречмера (E. Kretschmer), Бирнбаума (Birnbbaum) и др., англо-американское в лице Уайта (White), Нолэна (Nolin), Харта (Hart), Сэндса (Sands) и др. уже давно стали на путь исследования, я сказал бы, этих «простейших» реакций личности, связывая их со всей многосложностью человеческой особи. Этот путь представляется чрезвычайно благодарным: идя по нему, мы можем ожидать раскрытия смысла любопытных состояний и приводящих их механизмов. И, как следовало ожидать, здесь мы не находим безбрежного моря множественности реакций, а ряд точно клишированных действий, которые укладываются в определенные группы с достаточно твердо очерченными границами.

И нам представляется возможным таким путем идти и в криминологии. Подобно тому, как современная психиатрическая клиника вокруг, примерно, явлений, связанных с энцефалитом

(так назыв. сонная болезнь), строит цепь отношений, идущих далеко в сторону от энцефалита непосредственно и связывает добытые и наблюденные факты едиными анатомо-физиологическими принципами, подобно этому изучению стенических реакций личности в особенности в их анти-социальном выражении (убийство) должно идти по тому же пути разложения на «простейшее» и вторичного уже связывания в одно многосложное целое. Вот почему так ценны для социального психопатолога так наз. анти-социальные действия душевно-больных: механизмы этих действий могут быть приложены к распознаванию более сложных явлений. Учение об аффектах (паталогическом и физиологическом, при всей условности такого их разделения) росло вместе с накоплением фактов в клинике эпилепсии и множественности ее видов и подвидов. Аффект—эпилепсия в смысле Б р а т ц а (Bratz), состояние патологического опьянения во многом содействовали прояснению проблемы эпизодически возникающих расстройств сознания, приводящих к тяжкому нарушению социальных норм и установлений. Приведенные примеры можно еще множить, но сказанного, нам думается, достаточно для уяснения смысла и цели изучения «простейших» реакций.

В этот же ряд «простейших» реакций мы ставим и стенические реакции женщины в их анти-социальном выражении (убийство). Естественно, напрашивается вопрос: какие основания имеются у нас для того, чтобы убийства, осуществляемые женщинами, зачислять в ряд явлений, подобных действиям душевно-больных.

На этом вопросе мы позволим себе остановиться несколько подробнее, ибо нам он представляется одним из центральных в настоящей работе. Прежде всего, самый акт убийства (как уже видно, мы его рассматриваем, как анти-социальное выражение стенической реакции) нам представляется чрезвычайно сложным; основную и решающую роль в нем играют условия обстановки, ее слаженности, ее вредности и т. д.; на ряду с этими кондициональными факторами известную, хотя уже подчиненную роль, играют факторы, могущие быть названными для простоты конституциональными,—сюда будут относиться, примерно, такие явления, как особый склад личности (взрывчатая, проявляющая себя бурно и агрессивно во вне или замкнутая, парадоксальная личность, склонная к импульсивным и внешне необъяснимым поступкам и действиям и т. д.); взаимодействие этих двух факторов создает запутанный узор самой стенической реакции, которая усложняется еще одним чрезвычайной важности фактором, а именно известным «психологическим» развитием личности. Это развитие личности, или вернее, обусловленное им своеобразие течения реакции в процессе ее установления

и составляет всю глубину и остроту (смысл и напряжение) стенической реакции. В своей работе «о психогении» Е. Краснушкин различает психогенные реакции «глубинной личности», истерические и характерологические реакции—истинные реакции по Ясперсу (Jaspers). Мы впоследствии воспользуемся еще этой мыслью Краснушкина, а сейчас укажем, что то напряжение, какое составляет содержание стенической реакции, как раз идет по линии характерологических реакций. Вот почему этот третий фактор, самый факт становления убийства, еще более осложняет всю картину. Таким образом, выделение «простейших» видов такой стенической реакции, как убийство, уже по всему сказанному выше, представляется методологически существенно важным и необходимым.

Но дает ли эта методологическая необходимость право искать «простейшее» выражение в убийствах, осуществляемых женщинами. Ответ на это, конечно, отрицателен. Мы не видим никакой надобности в подчинении задачам исследования всего материала, а следственно. и в известном нарочитом подборе его. Однако, нам все же представляется возможным свести к «простейшим» выражениям стенических реакций убийства, осуществляемые женщинами. Отбрасывая методологические соображения, соображения удобства использования нашего материала, наконец, соображения, идущие в сторону оценки действий личности, мы вместе с тем ни в коем случае не можем отбросить саму личность. Оценка последней, как носительницы и выразительницы стенической реакции, полагается нами в основу всей работы. И потому-то мы ни в какой мере не должны забывать прежде всего о биологической оценке этой личности. И здесь-то мы вправе взвесить и сравнить человеческий материал по линии его специфической ранимости. В классической работе Бернарда Ашнера (Bernard Aschner) о конституции женщины мы читаем: «фазы полового развития женщины (Geschlechtsphasen) выявляют габитус в его крайнем полярном выражении, и, таким образом, затрагивают те корни, какие мы называем конституцией». И далее; «фазы полового развития своего рода оселок (Prüfstein), на котором оттачиваются сущность и стойкость конституции». Вслед за Ашнером, Матес (Mathes), Гальбан и Келер (Halban u. Köhler), Зимерлинг (Siemerling) и др. свидетельствуют о чрезвычайной подвижности конституциональных форм женщины. Наконец, периоды менструаций, беременности, послеродовые, лактации, климакса—все это открытые каналы, по которым могут свободно просачиваться вредоносные экзогенные влияния. Эта специфичная только для женщины биологическая лабильность может и должна отразиться на некотором своеобразии в переработке и усвоении ею внеш-

него опыта, на некотором своеобразии, отсюда, и реагировании ее на внешние раздражения. И недаром такой тонкий знаток и аналитик невротической «малоценности» (Minderwertigkeit), как Альфред Адлер (Alfred Adler) в одной из своих последних работ (Menschenkenntnis) целую главу посвящает различию в восприятии внешнего опыта у мужчины и женщины. Данные биологии, как бы критически к ним ни относиться, все же говорят об одном непреложном факте: в проявлении себя во вне женщина, под влиянием определенного социального пресса, так сказать, физиологичнее мужчины. Иными словами, в своих реакциях она ближе к их физиологическим корням, нежели к их психологической надстройке. И, несмотря на то, что в наших условиях направление действия социального пресса изменилось, остаточные влияния, так называемое последствие, еще настолько сильно, что об изменении реакций женщины, вернее о большой упругости их, пока говорить еще рановато.

Во всяком случае, материал, имеющийся в нашем распоряжении, как раз об этом и говорит.

Приведенные основания, мы полагаем, позволяют вне других соображений, о которых мы уже упоминали, свести стенические реакции женщины к «простейшему» выражению этого рода реакций, и на них изучать механизмы их. При всем этом, мы все же принуждены оговориться: для нас это сведение все же есть ничто иное, как подсобный и рабочий прием, ибо мы никак не можем стать на почву биологического фетишизма, ибо ориентация в «социальном пространстве» (термин психиатра Альбрехта), по нашему глубокому убеждению, включает в себя также и надстройки личности, ее, так сказать, верхние этажи, при наличии которых в известной мере стирается специфичная биологическая лабильность самой личности, и на передний план выступают элементы сознательного регулирования поведения, элементы равнодействия, в социальной пропорции «я» и «не я». Другое дело, когда начинают действовать механизмы стенической реакции, когда вся личность напрягается. Любопытно здесь же попутно отметить, какая бездна предрассудков вскрывается при оценке поведения женщины-убийцы. Так, еще Ломброзо (Lombroso) указывал, что по манере убивать можно отличить женщину от мужчины. Путанный, но обладающий большим фактическим материалом Вульфен (Wulffen), уверяет об особой жестокости женщин-убийц. Тарновская вторит в этом отношении Вульфену и т. д. Ветцель (Wetzel), как бы обходным путем подтверждает то же наблюдение: он говорит, что душевно-больные женщины выбирают мужской способ убийства. И совсем с другой стороны историки, вроде Виллари, рассказывая об эпохе Борджиа и столь популярных

в эту эпоху отравлениях, характеризуют тенденцию эпохи, как женскую, ибо классическим способом убийства для женщины, как полагают, является отравление.

Нам кажется, что о специфических методах убийства именно женщинами не следует говорить. По крайней мере, наш материал являет собой примеры разных способов и методов убийства.

По нашему, важно другое, а именно масштаб, диапазон самой стенической реакции в ее анти-социальном выражении. И здесь, действительно, кое-что специфичное обнаруживается. Еще менее доказательно утверждение об установке женщины-убийцы на жестокость. Судя по нашему материалу, эта жестокость представляется в ином виде и, как это на первый взгляд ни явится парадоксальным, представляет собой известную переработку, главным образом, дефензивного (защитного) компонента личности. Наконец, еще одно предварительного характера замечание: в нашем материале имеются случаи детоубийства; эти случаи валить в общую кучу стенических реакций не приходится вовсе. А это одно уже говорит за возможность выделения, хотя бы в видах чисто рабочей распланировки материала, женщин-убийц в отдельную группу, носящую все признаки «простейших» реакций. Сказанное отнюдь, однако, не означает, что эти «простейшие» реакции качественно равны таким же реакциям душевно-больных. Мы имеем в виду лишь известное приближение в смысле напряженности течения и разрядки самой реакции. Здесь сближения законны и фактически обоснованы.

II.

Переходя к разбору материала, имеющегося в нашем распоряжении, мы считаем необходимым оговориться в следующем: весь материал, обнимающий 67 случаев, разделен нами на 3 основных группы: при этом выделении мы повсюду будем иметь в виду диапазон самой стенической реакции. Мы, таким образом, включаем в состав реакции ее, так сказать, социальную протяженность. Указанные 3 основные группы располагаются в следующих рядах: 1) стенические реакции женщины-убийцы, захватывающие в круг своего воздействия объект, непосредственно не связанный с самим носителем реакции (сюда войдут убийства, совершенные из так называемых корыстных мотивов); 2) стенические реакции, захватывающие в круг своего воздействия объект, непосредственно и интимно (главным образом физиологически) связанный с носителем реакции (сюда войдут главным образом так называемые детоубийства); 3) стенические реакции с кругом воздействия на лиц аффективно и комплексно

связанных с носителем реакции (сюда войдут так называемые убийства из страсти, «низменных мотивов» и т. п.)¹.

Обратимся к 1 группе—самой немногочисленной в нашем материале (она обнимает всего 8 случаев). Уже эта немногочисленность всей указанной группы сама по себе многозначительна: она говорит о том, что диапазон стенической реакции женщины, социальная протяженность его, крайне сужены. Любопытно отметить, что наш материал в этом отношении сходственен с уже приводившимся в литературе (Тарновская, Вульфен, Укше и др.) Повидимому, мы имеем здесь какую-то правомерность. Но не удовлетворимся, однако, этим грубым, так сказать, макроскопического характера констатированием факта,—попытаемся пойти в глубь его. Если дальше применить наш метод расчленения и группировки материала по характеру и протяженности самой стенической реакции, то и здесь всю нашу группу можно будет разбить на 3 подгруппы, в зависимости от направления проявленной реакции.

1 подгруппа составляется у нас из 3 женщин-убийц. 2 из них участницы бандитской шайки, в 1926 г. оперировавшей в одной из пригородных дачных местностей Москвы. Эта шайка сделала своей профессией ограбление, изнасилование и убийство дачников. Наши 2 участницы являлись женами вожаков этой шайки и «работали» наравне с мужчинами. Одна из них, хитрая эретичная дебилка, атлетоидного телосложения, страшно ревновала своего мужа к его жертвам, которых он насиловал. Любопытно отметить, что в связи с этой ревностью она обнаружила довольно необычную сексуальную инверсию: жена обычно до убивала жертву своего мужа, а затем гвоздем либо выкалывала глаза из ревности к мертвой, уже изнасилованной жертве, либо раздирала ей же висок. На почве неугасимой своей ревности эта дебилка и развалила всю бандитскую организацию. Интересно отметить еще, что во время допросов она «беззлобно» рассказывала о всех похождениях шайки, как о похождениях примитивной орды.

У второй участницы этой же шайки мы можем отметить довольно резко выраженный астенический тип телосложения с некоторыми чертами инфантилизма; с психической стороны—склонность к истерическим реакциям, конфабуляциям (так называемым истерическим выдумкам и лжи). Будучи в заключении, эта вторая участница бандитской организации перенесла приступ депрессивного состояния, в связи с обвинением ее со стороны

¹ В последующем изложении весь материал будет иллюстрироваться наиболее яркими и выразительными в характерологическом отношении случаями.

своих сотоварищей в предательстве: она, дескать, «лягавая» — выдала всех и вся. В этом приступе депрессии, она, будучи беременной, все время говорила что она была изнасилована в МУР'е одним из его агентов. Основой ее депрессивного состояния, таким образом, явились, по ее словам, беременность и обвинение соратников в предательстве. Приступ депрессии спустя месяца 1½ сошел на-нет, и судебное дело смогло получить свое завершение.

Наконец, третья женщина нашей подгруппы действовала уже в несколько иной констелляции обстоятельств. Она — глава и вдохновитель криминального акта втроем. Будучи выходцем из мещанского сословия полугородской местности, проведя всю жизнь в одном из глухих медвежьих уголков Пермской губ., она после долгих житейских перепитий, уже будучи вдовой, устраивается в качестве сиделки в госпитале в Перми (дело происходило в период 1921-23 г.г.). По расформировании госпиталя, она в городе никакой работы не находит и уезжает в деревню, где и оседает на разоренном войной хозяйстве своего покойного мужа. У нее 2 детей, ей 49 лет, 3 года назад начался климактерический период. Она приземистая атлетическая женщина с изрядным запасом, так называемой «народной хитрости», себе на уме, с мужским упорством, злопамятна и озлоблена на свою бедность, вдовчество, соблазнена жизнью города с его военной шумихой и азартом, с сравнительно легко достающимся куском хлеба, — не то ведь изнуряющий крестьянский труд! А тут под боком живет портниха, обшивающая всю округу, не нуждающаяся, одинокая (дело относится к 1923 году). И созревает план ограбления, а если нужно, то и убийства этой портнихи, стоящей живым контрастом перед глазами нашей женщины. И эта последняя хозяйственная, озлобленная, завистливая женщина подбирает себе 2 соучастниц, идет к портнихе и накидывает на нее аркан во время разговора. Она этим арканом душит ее, пока остальные 2 держат портниху за ноги. Знаменательно для нашей женщины то, что при дележке награбленного ей достаются, в числе прочих вещей, серьги, которые во время самых тщательных обысков так и не были обнаружены. В заключении наша женщина держится заискивающе, несколько прилипчива, медоточива, лицемерна и лжива. Все время отрицает ту главенствующую роль, какую играла она при ограблении. И как бы в подтверждение правоты своих утверждений истово каждый раз крестится.

Характерным для всей этой подгруппы является то, что стеническая реакция здесь достигает сравнительно широкого социального охвата и в круг своего воздействия вводит жертвы, никакими нитями не связанные с носительницами самой реакции.

Убийство, как антисоциальное выражение стенической реакции, внешне в приведенных случаях характеризуется мотивами корысти— и только. Но это одно, однако, не исчерпывает специфичное в нашей подгруппе. Прежде всего, следует подчеркнуть, что во всех приведенных случаях криминальный акт осуществляется не как действие в одиночку. 2 первых убийц-женщин живут и действуют в некоем примитивном коллективе—бандитской шайке, они связаны не только общностью интересов с остальными участниками, но и интимно-семейными нитями с вожаками самой организации. Эта двойная связь играет несомненно авторитарную роль для наших убийц: жизнь в бандитском кругу, жизнь, устроенная на своеобразных условных связях, характеризующаяся необходимой в таком пресоциальном обществе жестокостью и непреложностью подчинения вожаку орды,—эта жизнь не может не содействовать росту внушаемости у наших женщин-убийц. Отсюда, при наличии особых, уже отмеченных выше биологических данных у наших убийц, не могут не возникнуть механизмы подражательности, перенесения на себя акций вожака, более сильного, мужчины, наконец. Так, и только так, можно представить себе механизм стенической реакции у первых 2 убийц нашей подгруппы. Что же касается 3 случая, то здесь следует также отметить наличие взаимного воздействия каждой из 3 участниц, с той лишь разницей, что основная волна антисоциального поведения, подхватываемая индуцированно 2 остальными участницами, направляется от главы-женщины. У главы этой тройки возраст обратного развития развязывает основные деструктивные тенденции склада ее психики. Она вся во власти переживаний своей бедности, завистливости в отношении к благополучию других, соседей, окружающих. На ее плечах разоренное хозяйство и двое детей, в ее прошлом сравнительно благополучная жизнь в госпитале, в городе. А тут под боком живет портниха, обшивающая всю деревню, живет одиноко и копит средства. Дорога вредоносной экзогении пробита изменениями в характере, привлеченными критическим возрастом; из-под спуда высвобождаются глубоко таившиеся силы злобности, завистливости, жадности. И в соответствующей констелляции обстоятельств они приводятся в движение в виде вышеописанного криминального акта.

2 подгруппа состоит также из 3 персонажей. Диапазон стенической реакции здесь значительно более сужен. Во всех трех случаях указанная реакция по своей социальной протяженности захватывает жертву, связанную бытовыми нитями с носителями криминального акта. В 2 случаях криминальный акт направлен на домохозяйку, в одном—на подругу. Во всех трех наших

случаях в криминальном акте участниками являются двое. По их взаимному соотношению они составляют: 1) двух подруг, акт направлен против приютившей их старухи; 2) двух влюбленных с индуцированным воздействием одного из них—жениха, на свою партнершу, акт направлен на подругу; 3) двух супругов, акт направлен на домохозяйку с сыном.

Эта подгруппа представляет значительный характерологический интерес и стоит того, чтобы на ней подробнее остановиться.

I случай Зинаида Н-а 21 года обвиняется в том, что совместно с подругой своей, ровесницей, удушила старуху, у которой обе они жили, спрятала совместно с подругой под пол труп, где он пролежал около $1\frac{1}{2}$ недель, а затем разрезали этот труп на части и снесли в мешках в пруд, куда и свалили части трупа.

Дело раскрылось спустя долгое время, в начале 1927 года, в то время, как совершено оно было в 1924 году. И открылось оно, по уверениям Зинаиды, случайно, по глупости подруги. Зинаида к этому времени успела перебраться в Калугу, где и была арестована. К моменту ареста—беременность на 4 месяце.

Данные истории личности рисуют следующую картину: со стороны отца имеется отягченность по линии алкоголя. Отец перенес ряд белогорячечных состояний. Был вспыльчив, бивал мать. По профессии живописец по фарфору. Со стороны матери—некоторая лабильность психики. Мать умерла от сыпного тифа. Зинаида до 12 лет жила с родителями в благополучных условиях. Училась. Хорошо рисует. С 12 лет переходит на положение семейной запущенности, никто о ней не заботится, хотя отношение к ней хорошее. В детстве груба, невосдержанна, шаловлива, капризна. Плакала, когда не выходило так, как это ей нужно. Плакала больше со злости и сознания своей беспомощности. Ученье давалось легко; ленива, скрытна, не было подруг. Любимое занятие рисование и игра в куклы до 12 лет. Когда потеряла родителей, не плакала вовсе—«ну померли и померли». До 17 лет живет с сестрой, учится чулочному мастерству. Были материальные невзгоды. $18\frac{1}{2}$ лет поступает в няньки. С 19 лет—занятие проституцией. Менструации—с 17 лет. Курит помногу с 17—18 лет. С 19 лет пьет. Становится веселой, разговорчивой от стакана вина. Любит хорошо покушать, выпить, хорошо одеться, сходить в кино. Не представляет, как это можно отдаваться без денег. Берет за ночь 5 руб. Половые сношения иногда доставляют большое удовольствие, но все же не настолько, чтобы голову терять. До сих пор скрытна, замкнута, злопамятна. Склонна к праздному образу жизни. В жизни ценит только деньги—на них все можно сделать. Ко всему окружающему безразлична. Татуировка на теле. Татуирована мужем сестры, у которого уголовное прош-

лое. До осени 1924 года без определенного местожительства. Встретилась осенью 1924 г. на базаре со старухой К-овой, которую знавала по совместным хождениям в 1922 г. в Собес за пособием. Та пригласила, в ответ на жалобы Зинаиды, жить к себе. Поселилась на Камер-Колежском валу у старухи, где уже жила ее будущая соучастница, Клавдия Б-ва. Старуха заставляла убирать квартиру взамен платежа за помещение. Уход был сопряжен с возней с кроликами, «трусами», которых старуха разводила. Убитая К-ва ворчала часто на 2 подруг за их позднее хождение. Подруги продолжали проституировать. Как-то раз старуха заперла дом и ушла. Подругам пришлось 4 часа простоять на улице в ожидании возвращения старухи. Такая жизнь показалась ей дальше невыносимой. Надоело приставание и ворчание старухи. Решили прикончить с ней. 3 дня обсуждали план убийства. Зинаида больше всего боялась, как бы она не дала промашку и не смогла бы справиться с ней. Дело было в сентябре, подруги выждали, когда старуха заснет, зашли к ней в комнату. Зинаида руками схватила за горло старуху и изо всей силы сжала. Подруга навалилась на нижнюю часть тела. В это время была трезва, хотела, чтобы «работа сошла чисто». Старуха скончалась тут же. Подруги бросились рыться в ящиках в поисках денег; их не нашли. После недолгого совещания решили спрятать старуху под пол, где она и лежала, пока не стала «вонять». После всей этой истории месяца 3 жила еще с подругой, продолжала заниматься проституцией. Арестована была в Калуге, 2 февраля.

По физическому своему складу Зинаида ниже среднего роста, правильного телосложения, по типу инфантильно-грацильного. Живая мимика лица. Внутренние органы в порядке.

В психическом ее состоянии следует отметить, что о своем правонарушении говорит с улыбкой на лице. Не думает вовсе об убитой старухе. Возмущается тем, что из-за «паршивой» старухи сидеть приходится, время только терять. Основные интересы не глубоки и дальше пищи не идут. Своим положением не тяготится. На будущее смотрит легко, но без заметного интереса. К своей беременности также безразлична: «чорт знает от кого он, вот еще буду заботиться», — так говорит она о своем будущем ребенке. С детства Зинаида проявляет черты «моральной тупости». Она скрытна, ничто ее не задевает глубоко, но внутри у себя также нет мира, в котором можно хотя бы фантазией жить. Она злопамятна к тому, кто на ногу наступит ей, спуску не даст. Установка в интимно-личной жизни идет все в той же плоскости «анэтического симптомокомплекса»: она не представляет, как это можно без денег отдаваться. В своих влечениях также не глубока — пища, наряды, кино исчерпывают круг ее желаний. И тогда, когда старуха «надоедает»

(может, лишний раз проворчала), когда блеснула мысль, «а, быть может, у нее деньги»—предмет вождения Зинаиды, тогда естественно родилась мысль об убийстве. И она не изгоняется из сознания, наоборот овладевает личностью все с большей силой. Мысль об убийстве не беспокоит, беспокоит возможность не управиться. И на дело Зинаида идет без малейшего аффекта, точно собирается конфетку проглотить.

Если применить к Зинаиде кальбаумовскую (Kahlbaum) терминологию, то личность ее целиком укладывается в группу психопатов—«гебоидофренов» или «гебоидов». Это особая форма «морального слабоумия», пожалуй, приближающаяся к известной Крепелиновской (Е. Kraepelin) группе «врагов общества», или Грулевской (Gruhle) «эретических личностей». Почвой такой формы моральной тупости, слабости социальных инстинктов, эгоцентрической направленности может в нашем случае служить та алкогольная отягченность, какая идет по линии отца. Сюда, конечно, вплетаются еще и вредоносные влияния среды, они дорисовывают, заканчивают и оттачивают черты тупости, социальной лабильности и т. д., но отнюдь не создают его.

У Зинаиды «моральная тупость» связывается еще с кое-какими чертами инфантильности. И, быть может, уместно будет вспомнить английского исследователя Блэндфорда (Blandford), который как раз настаивает на том, что сочетание дегенеративных (инфантильных) черт с «моральной тупостью» создает благоприятную почву в качестве криминодиспонирующего фактора.

II случай Евдокия Г-на, 17 лет (1927 г.) обвиняется в убийстве подруги. Со стороны наследственности следует отметить алкогольное отягчение по отцовской линии. Отец со склонностью к периодическим запоям. Периоды пьянства, видимо, связаны с комплексными переживаниями. По типу телосложения отец-астеник. По материнской линии преобладают пикники по телосложению, веселые, общительные по складу характеров. В семье Евдокии, кроме нее, 3-е детей; все моложе ее. Дети вспыльчивые, с приступами раздражительности, бурно протекающей капризности и т. п. Евдокия родилась в срок в одной из деревень Тверской губ. Там прожила до 8 лет. Девочка воспитывалась у деда и бабушки по материнской линии. Отношение к ней было хорошее, простое и заботливое. В возрасте от 3 до 7 лет была капризна, не выносила никаких противоречий, громко и долго плакала и кричала, падала на пол и билась ногами. С 8 лет живет в Москве вместе с родителями. Вся семья помещается в одной комнате. В голодные годы родители уезжали за продуктами в хлебные райны, а 11—12-летней Евдокии приходилось оставаться за хозяйку. Мать отмечает, что уже в это

время была жестока в обращении с детьми: «кашу любит больше, чем детей». Вслед за голодными годами наступило материальное благополучие. Евдокия все резче выявляет основные черты своего характера: лживость, бесчувственность, своенравность, грубость. 11 лет поступает в школу, где учится $4\frac{1}{2}$ года. В учении не отстает, особенно легко дается русский язык. В поведении то «бесится», то угрюма. В 1918 г. отец мобилизуется, и ей в силу семейных обстоятельств вскоре приходится бросать учение. Год прожив дома, Евдокия поступает в школу кройки и шитья, выбрав эту профессию случайно, а не по склонности своей. Менструации с 14 лет. 15 лет увлекается неким шофером и вступает с ним в связь. Убегает даже из дому и живет у своего возлюбленного, пока отец не убедил его угрозами вернуть дочь. В возрасте $15\frac{1}{2}$ вступает в новую связь с неким рассыльным, в которого влюбляется за «необыкновенность какую-то в характере». Связь переходит в привязанность. Родители под напором Евдокии даже соглашаются на брак. Отец, «чтобы не было в дальнейшем споров», составляет опись домашнего инвентаря и белья в качестве будущего приданного. Отношения между женихом и невестой, однако, оставляют желать лучшего: по пустякам вспыхивают ссоры, виной их является, с одной стороны, несдержанность Евдокии и с другой, эксцентричность жениха. Евдокия же уверяет, что они «друг друга ревнуют», а она «боится его потерять». Интересы Евдокии в этот период жизни обрисовываются матерью в следующем виде: она любит наряды, тянет ее к хорошей жизни, тщеславна до того, что «замысел в себе наполеоновский какой-то носит». Одна из стычек между женихом и невестой весьма характерна: эксцентричный жених разорвал как-то в раздражении денежную квитанцию, и Евдокия принуждена была достать заимообразно 20 рублей, чтобы покрыть эту выходку. Денег для отдачи долга не было, и негде было их достать. Тогда у Евдокии вырастает мысль убить кого-нибудь и ограбить. Спустя несколько дней отправляется к своей бывшей приятельнице С., с которой разошлась из-за плохого отзыва последней о женихе Евдокии. Позвала свою бывшую подругу к себе «на благословение ее с женихом». Когда С. пришла к Евдокии, та отослала братьев из дому (родители в это время были на рынке). Разговор между С. и Евдокией шел по пустякам. Воспользовавшись удобным моментом, когда С. зачем-то отвернулась, Евдокия ударяет ее тяжелым молотком по затылку. С. упала, но продолжала хрипеть. Евдокия наносит ей еще два удара молотком, и С. замолпеть. По данным акта вскрытия убитой С., уже первый удар кает. По данным акта вскрытия убитой С., уже первый удар явился смертоносным (резкое мозжечковое кровоизлияние). Евдокия разрубает топором труп на несколько частей, отделив туловище, голову, руки и ноги, и закапывает эти части во дворе,

в снегу. На другой день после убийства у Евдокии менструации. За несколько дней до убийства, по словам Евдокии, плохой сон, задумчивость, сомнения в том, решится ли она на такой акт. Будучи дня через 3 арестованной, держалась на допросе настолько спокойно, что за недостаточностью улик была отпущена. Показывала, что С., выйдя из квартиры, встретила своих подруг, с которыми ушла. Вторично арестована была через 1 нед., когда части трупа убитой С. были случайно обнаружены. Интересно отметить, что уже на втором допросе заявила, будто бросила вещи убитой в Москва-реку. На самом же деле, платье убитой отдала в переделку, а ботинки спрятала у себя под кроватью. Как рассказывает Евдокия, первые 2—3 дня после убийства ей все мерещилась С., было страшно, «ну, а потом все прошло». Свой акт объясняет настоятельной необходимостью добыть 20 руб.— у отца просить «самолюбие» не позволяло.

С физической стороны Евдокия среднего роста, телосложения правильного. Из признаков дегенерации узкое высокое небо, недоразвитость ушных мочек. Со стороны внутренних органов— норма. Со стороны нервной и вегетативной системы следует отметить резкий красный и стойкий дермографизм, наличие мышечного валика и истерические стигмы, в виде повышения конъюнктивального рефлекса и отсутствия глоточного.

В своем психическом состоянии на первый план являет черты тупости, бедности аффективной жизни, ничтожности интеллектуальных интересов. О себе рассказывает подробно и охотно. Много резонирует, при этом мышление наивное в своем содержании, несколько парадоксальное, алогичное. Много говорит о своей особой раздражительности, обидчивости и т. д.

Приведенный случай, как это нам представляется, в смысле дифференциального диагноза создает значительные затруднения. С чем мы здесь имеем дело, с психопатией, уродливостью характера, подобно тому, как это происходит в случае 1-м, или с наличием прогрессивного заболевания, хотя бы и медленно текущего? Для решения этого вопроса обратим прежде всего внимание на то, что в этом случае выпячивается на передний план, и это—период менструаций. Мы уже имели место указать, что и Ашнер, и Зимерлинг, и др., а в особенности Бонгеффер (Bonhoeffer) указывают на особенную склонность в период менструаций к своеобразным, почти психотическим, а по новейшей терминологии Курта Шнейдера (Kurt Schneider), во всяком случае к «аномальным» реакциям личности. Больше того, и Вильманс (Wilmanns) и Зоммер (Sommer) настаивают на том, что периоды менструаций у психопатического субъекта сочетаются со своеобразными психическими состояниями, какие могут быть названы только психотическими, т.-е. патологическими. Это последнее обстоятельство

дает нам в руки нить для того, чтобы в известной мере отщепить и исключить наличие прогрессивного заболевания у Евдокии. Далее, в настоящем случае мы не имеем этой своеобразной замкнутости, отчужденности, расщепления психики, т.-е. всего того, что в своей совокупности говорило бы за единственно допустимое здесь прогрессивное заболевание—шизофрению. Личность Евдокии на всем протяжении ее жизни представляется нам стоящей на одном уровне, без каких бы то ни было заметных снижений. Вся эта личность характеризуется лживостью, пустотой и поверхностью в восприятии внешнего опыта, тягой к легко достижимым наслаждениям, страстью к жизни в рамках неустойчивых влечений, среди которых преобладают сексуальные, внушаемостью и, наконец, эгоцентризмом. Все это сочетается еще и с ее сентиментальностью (Евдокия пишет банальные стишки, она любит кошечек), которая, однако до простой любви не дорастает (к близким Евдокия холодна, а порой и враждебна). Евдокия точно вписала себя в галерею Гарофало (Garofalo): она аморальна, неустойчива, лжива, цинична и вспыльчива. И вместе с тем дорога тщеславию, «наполеоновским замыслам» закрыта неудачным выбором жениха, мелкого человека, который служит предметом подтрунивания со стороны подруг и знакомых. Сама Евдокия становится предметом сожаления со стороны матери. А это в плане характера Евдокии невыносимо: гордость и самолюбие не терпит, не выносит сожаления; эгоцентричность, узость интересов, упрямство (как полярное выражение внушаемости) не выносит, не терпит со стороны других критической, а еще больше иронической оценки предмета ее выбора. Здесь узел конфликта, который разрешается парадоксально, импульсивным актом. Здесь, быть может, корень того, что Евдокия до конца не может дать себе ответа по поводу произведенного. Расстояние между нуждой в 20 руб. и убийством подруги С. весьма велико. Это расстояние с трудом заполняется «понятными психологическими связями» (Ясперс). Но ведь и в первом случае расстояние между жаждой избавиться от назойливой старухи с ее «трусами» и их кормежкой и до акта удушения ее не меньшее, и с точки зрения тех же «понятных связей» также трудно объяснимое. Нам представляется, что в приведенных двух случаях действуют нарушения в процессе осмысления социальной пропорции «я» и «не я». Отсюда уже возникают симптомы анэтического ряда, как-то «аморальность», социальная тупость и т. п. И как в первом случае речь шла только об уродстве характера в форме гебоидности, так и во втором случае речь может идти также о такой форме уродства психики, а не о паразитарно сосуществующем процессе, чуждом самой личности, вызывающем из подспуда скрытые тенденции, силы и желания. Небезынтересно

отметить, что в обоих случаях напряженность самой стенической реакции проходит под знаком неизменного сознания, без процессов амнезии отдельных моментов самого криминального акта. Больше того, напряженность самой реакции не разряжается истощением, упадком, она не остывает после так называемого «ключевого» переживания, а в виде последствия выражается еще в акте тщательного и методического уничтожения той и того, кто стал в данный момент поперек дороги к осуществлению желаний и влечений. Здесь мы видим, как труп разрезается на части, убирается под пол или зарывается в снег, как потом уже носитель самой реакции спокойно продолжает делать свое прежнее дело, также буднично жить, как и до наступления акта. Получается, таким образом, что сама стеническая реакция (убийство) идет вровень с личностью, не являясь чуждым и случайно ворвавшимся в нее. Эта слитность самой реакции с исходными корнями личности (носителя реакции) нам представляется примечательной, равно как специфичным нам представляется узость социального протяжения самой реакции. В этой слитности с одной стороны (характерологический момент) и узости с другой (момент участия низших этажей психики) мы видим чисто биологическое оправдание плохого прогноза, какой обычно ставят классики психиатрической мысли в отношении так называемых гебоидов.

3-й случай, относящийся к этой подгруппе, идет вровень с первыми двумя с той лишь разницей, что здесь мы имеем несколько иное размещение характерологических данных. Если в первых двух случаях речь шла об акте парадоксальном и импульсивном, то в третьем случае речь идет об акте сложно-аффективном, по преимуществу, а сама личность относится к типу возбудимых дебилов, с малой ориентировочной способностью в окружающем, с известной долей алкогольного отягощения.

III случай Клавдия С-ва, 30 лет, родилась в крестьянской семье. По линии наследственности туберкулезная отягченность со стороны отца. Со стороны матери—преобладание в характере черт возбудимости, скопидомства, расстройства в настроениях. Клавдия рано лишилась отца, росла болезненной, до школьного возраста страдала золотухой, лихорадила часто. Была застенчивой, тихой. 7 лет у Клавдии появляется отчим, сильно пьющий. 8 лет пошла в школу; ученье давалось плохо. Отличалась трудолюбием. По окончании школы остается жить в семье, присматривая за детьми. В 1908 году поступает в ученье к портнихе и учится у нее 1½ года. Становится портнихой и зарабатывает себе на жизнь. Менструации с 17 лет. 18 лет выходит замуж за слесаря по настояниям матери. Муж «хмурый», малоразговорчивый, вечно занятый общественными делами. У Клавдии 4 беременности до 20 лет, из

которых 2 были прерваны искусственно. Материальная сторона жизни неустроена. В 1920 году уход мужа из семьи. До 1921 года Клавдия на службе, а затем шьет у себя на дому, числится на бирже, как безработная. С 1922 г. начинает торговать на рынке платьями, которые сама переделывает. Моментами случайные половые связи. Судится за самогон. Отбывает наказание в тюрьме до января 1923 г., по возвращении домой берется вновь за варку самогона. К середине 1923 года сближается с вором-рецидивистом. Пьет понемногу вместе с ним. 5 апреля 1923 года вместе с мужем и другим сообщником производит ограбление и убийство домохозяйки и ее сына. Награбленное увозит в Нижний. В декабре 1923 года приговаривается к заключению сроком на 10 лет.

По физическому своему состоянию—атлетоид по телосложению, скрытый сифилис (заболела в 1923 г.), хроническая гоноррея. В остальном уклонений нет. В психическом своем состоянии выявляет черты раздражительности, настойчивости, колебания настроений. Смела, самолюбива. По временам тоска с окраской в злобу. Круг интересов ограничен. Живет в тюрьме работой, скаредна и скупа. Изредка столкновения с окружающими.

Психиатрическая диагностика здесь вряд ли представляет затруднения. Ее черты злобности, колебания настроений, скопидомчества, завистливости, самолюбия и переоценки себя целиком укладываются в картину психической уродливости с преобладанием эпилептоидных черт в личности. Ограниченность умственных интересов, узость кругозора указывают на отсталость, дебильность. Привесок венерических заболеваний плюс алкогольное отравление развязывают основные компоненты ее психики—эпилептоидного психопата, дисгармонической женщины, получившей уже тюремную выучку и стаж. Сама стеническая реакция идет здесь опять-таки вровень личности, не являясь чем-то чуждым и инородным ей.

Переходим к 3-й подгруппе, включающей 2-х женщин-убийц, из которых одна обвиняется в убийстве мужа, другая свекрови.

IV случай Анна С-ва, 46 лет, крестьянка Моск. губ. Со стороны наследственности можно отметить туберкулез по материнской линии и заболевания сердечно-сосудистой системы по отцовской линии. Анна родилась в крестьянской подмосковной семье, пятой по счету. Девочка росла веселой, живой, шаловливой. 9 лет лишилась отца, 11 лет—матери. Смерть родителей прошла мимо нее: «глупа должно быть была, даже не плакала». Перешла на воспитание к брату, который жил «аккуратно». Сама же Анна была послушна и терпелива. В школу девочку не отдавали, ценя, видимо, ее как даровую рабочую силу в семье. С 17 лет менструации, по временам неправильные. 20 лет выходит («отдана была») замуж за крестьянина соседнего села,

5 годами старше ее. Замуж идти не хотела, как узнала, что жених «нескладный», долго плакала, но перечить брату и снохе не посмела. Семейная жизнь сложилась неблагополучно. Ощущался крайний материальный недостаток, на плечах была близкая родня мужа—все алкоголики. Анна на них ничем угодить не могла, со всех сторон шли придирки. Сам муж также сильно пил и нерадиво относился к своим обязанностям хозяина. У Анны 11 беременностей, 2 выкидыша из-за побоев мужа. Дети рождались хилыми, 6 умерло из-за того, что Анне нечем было их кормить: «попищат, попищат, да и помрут». В живых осталось 3-е сыновей: старшему 17 лет (к моменту криминального акта), второму—13 лет и младшему—11 лет. Анна часто убегала к родным жаловаться на постылую жизнь. После мобилизации мужа жить стало легче. Анна работала, завела корову и даже мужу посылала посылки. Муж, по своем возвращении, продал корову и купил лошадь, которая пала. Семейная жизнь опять была испорчена. Муж в первую голову покупал сапоги, политуру и т. д., а затем уже пищу и одежду. Сюда еще прибавляется сексуальная невоздержанность мужа, требовавшего половых сношений даже в присутствии детей. Анна хотела вскоре уйти, но жалко было детей. Наконец, решила отделаться от мужа, да и дети говаривали: «без него нам хорошо будет жить». 12 февраля 1923 г., после очередного полового насилия, муж, по обыкновению, стал бить Анну. 17-летний сын, тут же находившийся, схватил топор и обухом ударил отца по виску, нанес еще несколько ударов, когда отец уже упал. Ночью Анна вместе с сыном свезли труп на Москва-реку. Соседям говорили, что муж уехал в Москву. Когда однако же были арестованы, то оба сознались в убийстве. Анна была привлечена к ответственности, как активно наводившая детей своих на мысль об убийстве отца. Анна была приговорена к 8 годам заключения, которые были уменьшены до 4 лет.

По физическому состоянию у Анны следует отметить преждевременное истощение старческого типа, жалобы на головные боли, так как муж неоднократно бивал по голове. В остальном отклонений от нормы нет. Телосложения атлетического.

В психическом состоянии преобладают мотивы тоски, жалости к себе, к своей погубленной из-за мужа жизни; все спрашивает, когда же будет выпущена. Свое правонарушение оценивает, как необходимый акт самозащиты. Дебильна. Хитра. Говорит осторожно, выбирая слова, часто плачет. Бережлива, скупа, замкнута, работающая, привязчива к вещам, порядку, известному ритму.

V случай Александра Г-ва, 29 лет, родилась в семье крестьянина. Со стороны наследственности алкогольные излишества и эпилептоидный фон по отцовской линии, и реактивная лабильность по материнской линии. Александра, 7-я

по счету, родилась в срок, вскормлена матерью. Детство и отрочество провела в деревне. Росла живой, подвижной. Проучилась в школе всего месяц—взята была оттуда по семейным обстоятельствам. 9 лет научилось читать, брат помог в этом. Семейная обстановка вне запоев отца была сравнительно благоприятной. В моменты ссоры между родителями, Александра плакала, кричала. Была раздражительна и вместе с тем обидчива. Очень любила работу, а в особенности пахоту. С 14 лет менструации, перед их наступлением сильные боли в области крестца. С 17 лет начала бывать на деревенских посиделках. 18 лет против своей воли была отдана замуж, за человека неприятного, но достатком которого прельстились ее родители. Муж большей частью жил в Москве, где работал маляром. Александра жила с родителями мужа. Много и охотно работала. Муж был мобилизован и в 1916 г. погиб на войне. Вскоре после мобилизации мужа свекор умер, изба сгорела. Пришлось отстраиваться. До 1922 г. продолжала жить со свекровью. В 1920 году свекровь «приняла в дом» работника. За него-то Александра и вышла замуж. Второй муж получил работу на заводе и дома бывал наездами. Александра его любила, с нетерпением ждала его приездов. С некоторого времени начались ссоры со свекровью, которая являлась помехой в хорошо сложившейся жизни Александры. Муж в этих стычках становился на сторону Александры. Наконец, супруги решили покончить со свекровью, при этом Александра торопила мужа с необходимостью разделаться со свекровью. Супруги уговорились услать свекровь в лес за дровами, где муж Александры прикончил ее топором. Чтобы отвлечь от себя подозрения, Александра два дня не видалась с мужем. При аресте, равно как и на суде, отрицала причастность свою к убийству—все сваливала на мужа. Приговорена на 8 лет заключения, с сокращением срока на половину.

По физическому своему состоянию, роста ниже среднего плотная, ширококостная, мужеподобная. Катаральное состояние верхушек легких. Повышение сухожильных рефлексов, реакция зрачков на свет живая, равномерная. Красный, резкий дермографизм. Перенесла тиф и воспаление легких в 1918 г.

Психическое состояние выявляет на первый план черты бережливости, скупости, жадности, вспыльчивости, раздражительности с приступами тоски и злобности. Вину свою попрежнему отрицает. В месте заключения работоспособна, стремится к накоплению.

В обоих случаях мы видим, как выше это уже отмечалось, действие не в одиночку, а вдвоем. Если выше мы говорим о наведении, внушаемости, то здесь приходится отметить уже простой сговор, соглашение двух субъектов для криминального действия. Как отличие от предыдущего, мы можем отметить еще большее сужение круга стенической реак-

ции, ее прямую направленность на лиц, непосредственно связанных с носителями реакции крепкими бытовыми нитями. В обоих приведенных случаях мы имеем дело с крестьянками. Обе они атлетоидны, несколько мужеподобны, со склонностью к хозяйствованию, сбережению добра, с чисто мужской способностью к труду, с выносливостью в изнурящих работах. В обоих случаях мотивом убийства явилась помеха со стороны свекрови и мужа-пьяницы в чувствовании себя «хозяином». Собственным горбом восстановленное хозяйство, а рядом свекровь (мать первого мужа, мешавшая устроить по-настоящему жизнь); такая же трата сил на изнурительную работу по содержанию своего хозяйства—во втором случае, а тут возврат мужа, который ленив, бесхозяйственен, пьет и т. д. Сознание в обоих случаях обиды, малоценности своей, при наличии достаточно резких эпилептотимных черт в характере, и анти-социальная стеническая реакция налицо. Власть вещей в деревенском быту велика, особенно велика она над той личностью, которая проявляет специфичную привязанность к вещи, месту, порядку и т. д. И наряду с этим утеря этой вещности, единственного упора, единственного устоя и скрепы в отношениях между «я» и окружающим. Диссоциация этих отношений на вышеописанной основе разрешается актом убийства, устранения лишней помехи (мужа, свекрови).

Вся I группа, таким образом, при анализе личности, как носительницы и выразительницы стенической реакции, получает несколько иное лицо, нежели то, какое может быть создано при одном лишь анализе тяжелого (во всех приведенных случаях) криминального акта. Первое, что во всей нашей группе бросается в глаза, это ничтожный, по сравнению с мужским материалом, диапазон стенической реакции. Второе, что следует отметить—это известная слитность самой реакции с личностью, как носителем реакции. Во всех приведенных случаях, мы можем как бы «прощупать» почву, на которой стеническая реакция развилась. И эта почва повсюду одна и та же: узость ориентировки наших персонажей в социальном пространстве, узость, лежащая в большой мере в том, что сама личность мало пластична, тугоподвижна, с трудом переводится из одного ритма существования в другой. Наконец, третье, что является примечательным в наших случаях—это невысокий уровень интеллекта, легкая внушаемость, обидчивость на все и всех, ощущение малоценности и отсюда возрастание агрессии в момент активирования самой личности. Во всех приведенных случаях дело идет о малой приспособляемости, о ничтожной синтонии всему окружающему. «Я» ощущается, как некое противопоставление всему окружающему, как та часть социальной пропорции, какая вторую часть «не—я» вовсе не ощущает, проходит мимо нее и в иные моменты топчет ее.

III.

II группа женщин-убийц, которую по характеру стенической реакции мы определяем, как группу с реакциями, направленными непосредственно на объект, физически и интимно связанный с самим носителем реакции, у нас составляется из так называемых детоубийц в количестве 19 чел.

Эта группа представляет значительный интерес именно по глубине своих реакций. Большая часть случаев детоубийства, прошедших в Моск. губернском суде, нужно сказать, прошли без участия психиатра. Видимо, суду, как выразителю и толкователю определенных общественных норм, было всего значительнее распутать социальный клубок, который привел к развитию стенической реакции—детоубийства. И в этом отношении, суд пошел по правильной линии, не ставя акцента на биологических основах личности, а стараясь видеть эту личность в ее социальной проекции. Характерно, что европейская литература о детоубийствах приводит нас к тем же выводам и той же точке зрения, на которой, видимо, в значительном большинстве случаев стоит и Губсуд. И условные приговоры, какие Моск. губсуд выносит по делам о детоубийстве, как раз основаны на анализе социальной значимости личности, а не на присущих ей биологических свойствах. Этим, вероятно, можно объяснить, что в поле зрения психиатра попадают случаи, где биологическая основа личности выпячивается вперед и не может быть не видна даже невооруженным глазом. Однако, при правильной позиции в области превентивной политики, при правильной точке зрения на вопросы защиты общества от таких анти-социальных стенических реакций, все же в смысле оценки данной и неповторяемой личности во всей ее полноте многое теряется. Ведь совсем неслучайны те данные, какие проводятся д-ром Стенли Гопууд. Он собрал статистические данные о поступлении за 1900—1924 г. г. душевно-больных женщин в специальное криминальное учреждение Бродмуур и оказалось, что 42,8% из общего числа 388 женщин приходится на детоубийц. А основная масса их по психиатрическим диагностам распределяется следующим образом; 117 случаев приходится на психозы истощения, 22—маниакально-депрессивный психоз, 16—раннее слабоумие, 3—эпилептическое сумеречное состояние, 2—алкогольные психозы, 13—здоровы. Мы обращаем внимание на значительное и подавляющее количество случаев психозов истощения, которые могут пройти без видимых остаточных явлений и потому могут и не быть заметны не специалисту. В нашем материале мы, примерно, видим то же разделение, что и у Стенли, с той лишь разницей, что психозы истощения мы разносим по отдельным, соответственно характе-

рологическим разделам, рубрикам. Во всяком случае, во всех 19 случаях мы видим преобладающий фон состояния депрессии той или иной глубины, связанной с последствием реактивной волны или возникшей по поводу ее.

Отметим лишь, что наши данные, в отличие от данных д-ра Стенли, говорят еще об основном фоне психики, как о фоне дебильности, той или иной степени умственной недоразвитости. Но одного этого оказывается далеко недостаточно для уяснения себе механизмов стенической реакции, возникающей по поводу тяжелого физиологического истощения женщины. На нашем материале, по крайней мере, и это следует подчеркнуть, преобладает фон тяжкого и темного быта. Ложные понятия о беременности «девушки», чисто деревенские традиции и навыки— все это канва, на которой своеобразное физиологическое состояние женщины уже вышивает свой сложный узор. Ряд упомянутых уже мной авторов, как Матес, Ашнер, Гальбан и Зимерлинг отличают особую «соматическую готовность» во время и в послеродовом периоде к психотическим вспышкам. Наконец, тот же Матес в один голос с Бонгеффером утверждают о специфичной реактивной лабильности женщины послеродового периода. Наш материал, при всей своей количественной незначительности, подтверждает полностью указанные наблюдения. Не вдаваясь в подробные описания всех случаев, мы остановимся на наиболее ярких и характерных из них, чтобы тем яснее оттенить основные механизмы стенической реакции в детоубийстве.

VI случай Евдокия П-ва, 20 лет, обвиняется в том, что, решившись от бремени, она разрезала на куски плод и спустила его по канализационным трубам уборной. Преступление было обнаружено через несколько дней после того, как трубы были засорены и оттуда извлечены были части трупа. Евдокия П-ва впервые судится. В Москве она живет только 6 мес., в домашних прислугах. Характерно, что она не знает ни о том, что существуют профсоюзы, защищающие ее трудовые права, ни о том, что можно было легально родить и получить возможность содержать своего ребенка. Она деревенская девица, рано лишившаяся отца. Детство провела в трудных условиях. Училась только одну зиму и то малоуспешно. Была затем устроена на домашнюю работу, помогала матери вести хозяйство. В семье 4, кроме нее, человек, она 3 по счету. По физическому складу представляет собой астенического, инфантильного субъекта с рядом истерическим стигм. Менструации с 16 лет. Гинекологическое исследование утверждает наличие перегиба матки. Беременность вначале протекала тяжело, с частыми приступами рвоты. По психическому складу Евдокия—малоориентирующаяся в обстановке большого города;

боящаяся уходить из дому из-за городской суматохи, нервно относящаяся к движению большого города, пугающаяся его. Свою беременность скрывала. Работала до последнего момента. Была только бледна и чувствовала приступы головокружения. Разрешилась от бремени ночью. Спала в коридоре. Поднялась в забытии и, взяв ребенка на руки, не знала что с ним делать. Машинально пошла на кухню, где на столе увидела нож. Взяла его, разрезала ребеночка на 5 частей, отделив сперва голову. Спустила части трупика в уборную. Пошла лечь, а с утра принялась снова за работу. В заключении объясняет, что не знала, куда девать ребенка. Были мысли о том, что лишат службы и работы. Точно не помнит, как и под влиянием чего совершила акт детоубийства. Интересы крайне ограничены. Рассказывая, — низко опускает голову, стыдно за свою нелегальную беременность, стыдно за связь без брака.

VII случай Эмма К-ц, 23 лет, немка, обвиняется в удушения ребенка во время родов. Сама объясняет, что роды были тяжелые, когда разрешилась от бремени (а дело происходило в доме, где жила гувернанткой), пыталась подняться на кровати, но тут началось головокружение и Эмма упала на бок, видимо, придавив ребенка. Эмма родом из Прибалтики. Детство провела в сравнительно нормальных условиях. Училась средне. Была добросовестна. Чужих людей дичилась. Склонна к плачу. По материнской линииотягчена душевными болезнями, связанными с инволюционным периодом. Менструации с 16 лет. Всегда сопровождаются головокружениями, иногда в первый день легкое обморочное состояние. Крови обильны, длительность менструации 5—6 дней. Наступление неправильное с перерывами в 1½—2 месяца. Свой характер описывает, как тихий, спокойный, склонна к переживаниям внутри себя. Первая беременность. Связь была без любви, более вынужденно, в силу материальной зависимости от партнера. Гувернанткой стала с момента разорения семьи и развала ее. Было ей 17 лет. Тяжко сперва приходилось, но потом привыкла. Легко себя чувствовала с детьми, увлекалась иногда их играми, даже сама замечала, что охотно в куклы играет.

По физическому складу Эмма небольшого роста, несколько диспластична, с чертами инфантилизма. Овал лица продолговатый, с вздернутым носиком, выющимися кудряшками-волосами. Некоторая ассиметрия в лице. Диспропорция в строении кистей рук и ступней ног. Соотношение верхних и нижних частей тела нарушено. Туловище как бы на пятки посажено. Беременность протекала тяжело. Приходилось скрывать ее. Начала думать об аборте, когда уже поздно было.

Психический склад очерчен выше в беглых анамнестических данных. Эмма принадлежит к типу социабильных деби-

лов. В силу своей торпидности, она очень легко уживается. И тем легче она уживается, чем общество более ей импонирует. С детьми ей особенно легко. И она больше подруга своих воспитуемых, нежели их руководительница. Наличие у нее ряда физических явлений, свидетельствующих и о вегетативной недостаточности и об эндокринной, наряду с данными об ее общей недостаточности, вернее детскости, заставляет думать, что удушье ребенка было произведено в состоянии измененного сознания.

Оба приведенные случая в известной мере сходны друг с другом. И там, и здесь в поведении наших детоубийц проходит основной чертой то, что Ашаффенбург называет аффектом растерянности (*Affekt Ratlosigkeit*). Эта растерянность в одном случае идет из своеобразного психического состояния, которое у деревенской девушки, родившей в городе тайно, может возникнуть и проходит под знаком—деваться некуда—и в связи с послеродовым истощением, а в другом случае из своеобразного физиологического состояния, какое характеризуется уже, главным образом, как истощение, полу-обморочное поведение и затем уж вызывает самый аффект растерянности. Но, как бы ни различались по своим корням оба эти состояния, по своим механизмам они одинаковы и близки, а то и совпадают вовсе с физиологической основой, их породившей. Вот это-то отсутствие расстояния между психической переработкой и физиологической основой, эта уплощенность переживания, вырастающая в силу оглушенности, или, как Е. К. Краснушкин и Ветцель говорят, в силу шокового переживания, по нашему мнению, является специфичным для механизмов такого типа реакций. Здесь, в отличие от предыдущего, личность не принимает участия в самом ходе реакции, а отвечает лишь своими низшими этажами, своими архаическими системами (глубинная личность по Краузу—*Tiefenperson* Е. Krauss) на возникновение реакции. Ашаффенбург на рождение аффекта растерянности приравнивает к реакциям, возникающим в связи и по поводу катастроф, стихийных бедствий, крушений и т. п. Чтобы сказанное стало более ясным, приведем еще 2 случая детоубийства, которые оттеняют вышепоказанное.

VIII случай Александра А-ова, 23 лет, происходящая из рабочих. По наследственной линии: отцовской—злоупотребление алкоголем, возбудимость, суровость, материнской—синтонность, податливость. Александра родилась в деревне Моск. губ. в рабочей семье. До 3 лет была болезненной. Выправилась и росла затем здоровым, тихим, послушным ребенком. 9 лет пошла в школу, училась плохо—близорукой была, да и память неважная, однако, усердствовала в учении. Была изъята из школы и приучилась нянчить детей. Взрослые называли ее «дурочкой»,

так как расторопностью не отличалась. До 16 лет нянчила детей. Менструации правильные, с 17 лет. После смерти матери уезжает к сестре в Симбирск. Но там сестры не разыскала и поступила в прислуги. Прожила там 2 года. Переехала домой, поступила к другой своей сестре в няньки. Жила в Москве. В 1922 году на пасхе познакомилась с «ухажором», привязалась к нему и через 2 месяца начала с ним половую жизнь. Просьба Александры оформить их отношения под разными предлогами оттягивались «ухажором». В марте 1923 г. Александра забеременела; отношения стали портиться. До последнего месяца беременности жила у сестры. Затем должна была уехать в деревню. Там она и родила. Спустя 2 недели встретила с мужем, начала просить дать хотя бы 3 руб. в месяц на содержание ребенка. Муж посоветовал ей подать на него же в суд, Александра так и поступила, хотя с мужем и продолжала встречаться. Суд присудил на ребенка по 10 руб. в месяц. Муж кассирует это решение суда и все время поддразнивает Александру,—она, дескать, все равно ничего не получит. Так продолжалось, пока ребенку не исполнилось 9 месяцев. По временам Александра принуждена была нищенствовать. Муж продолжал у нее бывать. 29 сентября передал ей через своего товарища, что приезжает из Москвы и чтобы она пошла его встречать на станцию. Александра доверилась этому известию и пошла встречать мужа. Напрасно ждала его; 4 поезда пропустила, а его все нет. Очень расстроилась, много плакала по поводу этого обмана. Пошла обратно мимо глубокого пруда. Увидя пруд, неожиданно решила бросить ребенка в пруд. Как бросила—не помнит, знает лишь, что вместо своего дома попала в чужой, молча плакала и тут же во всем созналась.

В ее физическом состоянии следует отметить высокое твердое небо, приросшие ушные мочки, уплощение носовых костей. По типу телосложения—диспластична. Наличие истерических стигм, игра сосудо-двигателей. По своему психическому состоянию выявляет на первый план депрессию, однако, неглубокого характера. Интересы узки и направлены на конкретное. Робка, тиха, задумчива, лабильна в настроениях, мало приспособляется к окружающей обстановке.

В отличие от предыдущих двух случаев здесь стеническая реакция возникает в порядке развития и усложнения взаимоотношений двух суб'ектов. Реакция не разрешается в момент непосредственно послеродовой, а нарастает в результате долгого неискания выхода у личности, по существу, умственно неполноценной, торпидной дебилки, сравнительно мало осмысляющей ситуацию, в какой она находится. Сама реакция здесь, как и в предыдущих случаях, мимовольна: она идет по типу Креч-меровского «короткого замыкания» (Kurtzschluss) с известным

автоматизмом действий и разряжается в аффективное напряжение, которое затем переходит в довольно длительную депрессию, но уже психологически обусловленную. Нам, в данном случае, хочется подчеркнуть быстроту возникновения реакции и мимовольность течения ее. Это, опять таки, как и в предыдущих случаях, свидетельствует о сравнительно незначительном участии в реакции верхних слоев психики Александры. Не то мы можем наблюдать в нижеприведенном примере.

IX случай Анна П-на, 23 лет, переписчица. Со стороны наследственности отмечаются: по отцовской линии — мягкость, безвольность, общительность; по материнской линии — хозяйственность, скопидомность. Анна родилась в срок. Росла здоровой девочкой. До 10 лет жила с родителями, затем у бабушки. Росла веселой, общительной. Училась хорошо, только математика ей не давалась. Была религиозна и с увлечением занималась «законом Божиим», который давал ей «откровения». С особенной охотой посещала церковные службы, чувствовала, что «здесь была правда». В школе проучилась до 17 лет. Поступает в Даниловский прод. к-т переписчицей. Работа была утомительной. 20 лет выходит замуж за санитаря Даниловского госпиталя по принуждению родителей. Через $1\frac{1}{2}$ года брак расторгнут, и Анна, желая избежать домогательств бывш. мужа, уезжает в Ростов Ярославский, где поступает в женский монастырь. Жизнь в монастыре оказалась, по словам Анны, далеко не такой, какую она себе рисовала. Перебирается, вследствие такого разочарования в монастырской жизни, в деревню, где живет прислугой в тяжелых материальных условиях. Жизнь и здесь была бледна и тяжка, и Анна в сентябре 1921 г., переодевшись в мужское платье, уходит в Сергиев Посад. Раздобыв документы на мужское имя, Анна поступает послушником в монастырь, где и пробыла 7 месяцев, пока окружающие не догадались о ее поле. В апреле 1922 г. перебирается в другой монастырь, также мужской, где живет больше года. 26 августа 1923 г. является к игумену В. с просьбой о предоставлении работы. В. назначает Анну келейником при себе. На третий день своего «келейничества», Анна была уличена в том, что она женщина. На просьбы Анны устроить ее в женскую обитель, В. предложил оставаться пока при нем. Через несколько дней между ними установилась половая связь. По желанию партнера половые сношения бывали и в извращенном виде. В ноябре Анна забеременела. Как-то во время поездки к патриарху Тихону, В. взял с собой Анну, а затем указал ей, что «святейший не разрешает ему дольше держать ее». В. уехал в свой монастырь, а Анна с трудом через несколько дней добилась свидания с ним. При свидании В. предложил ей отправиться в женский монастырь. 15 февраля Анна была задержана милицией

как проживающая по подложному паспорту. 5 апреля Анна родила, ребенок весил 6 фун. Роды были тяжелые. 26 апреля Анна после раздумья о том, что ребенка воспитать не может, что помощи ждать ей неоткуда, дала ребенку чайную ложку керосина, и он спустя 2 дня умер. Анна была арестована и назвала отца ребенка.

По физическому своему состоянию Анна ниже среднего роста, правильного телосложения. Легкий систолический шум у верхушки сердца. Истерические стигмы налицо. Положительный мышечный валик. По психическому состоянию Анна выявляет черты лживости, фантазирования. Говорит надуманно и витиевато, злоупотребляя церковными выражениями и оборотами. Эмоционально бедна. На совершенное внешне реагирует слабо, скрывая себя от глаз постороннего. Малоразговорчива. Отрицает данные дела в связи с ее попыткой шантажировать Тихона (патриарха). К окружающим относится свысока.

Анна, фантазерка со своеобразным уходом в обрядовую религию, попадает в монастырь в тот момент, когда идет ломка всего. Ее фантазии, лживость, склонность к преувеличиваниям, грезоподобным состояниям заставляют отнести ее к группе тех психопатических личностей, которых Дюпре (Dupré) назвал мифоманами, а Дельбрук (Delbrück) псевдологами.

Этой группе психопатов свойственны «наряды в чужие маски», уход в мир фантазии, извлечение из последней определенных, а иногда и значительных выгод для себя. Нередко мифомания сочетается с некоторым сексуальным инфантилизмом, как психическим, так и физическим (в нашем случае это своеобразная инверсия—переодевание в мужской костюм для искания «тихой пристани» в мужском монастыре). Состояние Анны в момент стенической реакции идет вровень с ее личностью, является слитнообразующей со всей ее психопатичностью, не выходит за рамки чисто инфантильной защиты от действительности, так грубо и откровенно ранившей ее. И здесь-то лежит разительное отличие случая Анны от всех выше приведенных, и здесь-то контрастно выступают механизмы тех стенических реакций, которые идут мимо личности, затрагивают нижние этажи «я».

Приведенные случаи являются характерными для всего нашего материала. Мы лишь хотим еще раз подчеркнуть наличие действующего механизмов «растерянности», шоковых переживаний и страха смерти.

На нашем материале видно, как реактивная лабильность (слабость) только что родившей женщины, в особенности первородящей, переводит в соматическую область элементы психологического обрамления «я». «Я» чувствует себя и осознается лишь, как физическое тело, разбитое, уставшее от мук только что закончившихся ро-

дов, чувствуется и осознается, как только что избегнувшее смерти. Здесь качественный психологический заряд переходит в физиологическое количество, которое, конечно, в свою очередь может активировать данную личность. В этом принципиальная основа особых послеродовых состояний, приводящих к стеническим реакциям в их анти-социальном выражении. Вот почему следует подчеркнуть благополучный социальный прогноз у носителей таких реакций, и самую личность вернее было бы назвать не убийцей, а псевдо-убийцей. Вот почему можно было бы и самую реакцию (детоубийство) назвать частичным самоубийством (аутоотомией).

IV.

Переходим, наконец, к третьей и самой значительной в психиатрическом смысле группе, охватывающей на нашем материале 37 случаев. Наличие глубоко-интимных влечений, само состояние носителя стенической реакции в момент ее становления, психологическая подготовка к этой реакции, т.-е. путь развития самой личности, наконец, воздействие на поведение личности так называемых конституциональных и кондициональных факторов, создающих на первый и поверхностный взгляд своего рода фаталистическое сцепление,—все это вместе взятое представляет для психиатра исключительный интерес.

Со сравнительно недавних пор психиатрическая мысль движется в сторону анализа личности, исходя из ее реакций, характера и напряженности последних. В советской психиатрической литературе мы за последнее время также имеем работу (П. Ганнушкин «Об эпилептоидном типе реакции»), указывающую нам на возможный путь исследования в этом направлении. Это стремление охватить личность во всем ее многообразии на основе ее поведения, ее реагирования во-вне ставит перед нами вторую задачу, так называемого многослойного диагноза ее. В наших случаях эта двусторонняя задача разрешима в условиях сохранения тех же критериев, какие мы употребляем в клинике. Вот почему эта третья группа женщин-убийц особенно ценна для понимания механизмов стенической реакции, механизмов, связанных со всеми слоями самой личности. Основной нитью в этой нашей группе проходит действие в одиночку, действие, осложненное напряженностью интимно-личных отношений между субъектом и объектом реакции. Диапазон самой стенической реакции здесь до крайности сужен и напоминает собой в этом отношении 2-ю группу женщин-убийц. Радиус действия стенической реакции может быть графически представлен прямой, обозначающей направление взаимоотношений 2 лиц, участвующих в реакции, и только. Правонарушения всей 3-й группы относятся к отце-

убийству, матереубийству, мужеубийству и устранению соперников. Повсюду проходит нить личных отношений к близким и ближайшим субъекту личностям, нить взаимоотношений, основанных на определенной либидинозной направленности субъекта к объекту.

Если сюда же прибавить соображения конституционального порядка в смысле Тандлера (Tandler), Ю. Бауэра (J. Bauer), Матеса (Mathes) и Е. Кречмера (E. Kretschmer), то и здесь мы получим, хотя и ориентировочные, но все же любопытные данные. Для удобства обозрения всего материала, я разбиваю его на две основные подгруппы: 1) случаи, где аффективная сфера играет решающую роль в возникновении, течении и разрядке стенической реакции; 2) случаи, где эта аффективная сфера личности является в известной мере подчиненной где на передний план выступают компоненты так называемого незатемненного сознания.

Первая подгруппа охватывает 26 случаев, вторая—11; с указанным почти полностью коррелируется разбивка материала по конституциональным признакам: в числе всех случаев мы имеем 19 человек атлетоидов, 8 астеников, 8 диспастиков и 3 инфантильно-грацильных. Мы не собираемся делать отсюда каких-либо выводов, но отмечаем лишь примечательность такой корреляции.

По формальным психиатрическим диагностикам весь материал распределяется по следующим рубрикам: эпилепсия—3, эпилептотимные личности (частью с артериосклеротическими и алкогольными изменениями)—17, шизофрения—2, шизотимные личности—6, дегенерация психическая с ярко выраженными эксплозивными компонентами личности—4, инфантильные личности с склонностью к примитивным психогениям—5. В дальнейшем эти формальные психиатрические диагностики нас стеснять не будут, ибо во всех случаях мы будем идти по линии многослойного анализа личности, сочетанности ее с характером и напряженностью самой реакции. Переходим теперь к иллюстративному материалу непосредственно.

Х случай Елена С—ва, 45 лет, из крестьян Тульской губ., обвиняется в убийстве мужа. В Москве живет 22-й год, неграмотная, не училась по бедности. С 1925 года на социальном обеспечении. До этого времени работала чернорабочим, уборщицей. Наследственность отягчена по линии отца. Отец алкоголик, жестокий, озорник, умер 35 лет от вина. Елена его не любила и боялась. Мать мягкая, добрая женщина. Елена в детстве росла послушной, аккуратной девочкой, несколько застенчивой, физически сильной. Была склонна к хозяйственности, любила работать. В детстве только одна близкая подруга была. С трудом сходилась, на улице редко бывала, больше

дома любила сидеть. 16 лет была насильно выдана замуж за 45-летнего вдовца, прожила с ним $7\frac{1}{2}$ лет. Муж пивал и бивал Елену. По смерти осталась дочь (от первой жены) на руках Елены. С-ва от первого мужа имела 2 детей, которые в детстве умерли. 23 лет вторично вышла замуж уже по любви в Москве. Характерно для этой неграмотной женщины, что жила она со вторым мужем внебрачной жизнью. Была скупой, домоседкой, бережливой. Одеваться, однако, любила. Однажды только доставила себе удовольствие посмотреть на зверей, да потом долго жалела, что деньги на это потратила. Театральное зрелище увидела впервые в тюрьме, куда попала после убийства мужа. Религиозна, верит в приметы. Мужу не изменяла, была женщиной «уважительного» характера. Чрезвычайно склонна к приобретательству, все хотела получше обстановочку завести. Вино потребляет с 25 лет. Пьет $\frac{1}{2}$ —1 стакан 2 раза в месяц, в дни получек. Однако, не всегда выдерживает характер, и ежели угостят, никогда не откажется от вина. Алкоголь веселит, вызывает моторное оживление. Менструации с 15 лет. Климактерий в 43 г. Выглядит значительно старше своих лет, истощена, страдает хроническим бронхитом и миокардитом. Сосуды склерозированы. Со стороны нервной системы, кроме ослабления конъюнктивного и глоточного рефлексов, заметных отклонений от нормы нет.

В последнее время жила в двух комнатах с мужем и падчерицей. Муж сильно шил. В пьяном виде скандалист и буян. Часто таскал у Елены деньги и пропивал их. Жили сравнительно тихо, пока люди не стали говорить, что муж Елены озорничает с падчерицей. С-ва веры этому не давала, пока года два назад не заметила сексуальных попыток мужа в отношении падчерицы. Разозлилась, побила падчерицу, а мужа прогнала. С тех пор совместная жизнь пошла на слом. Стали друг к другу придирааться, ругаться, скандалить. И все же жили вместе. 8 августа 1926 года в воскресенье утром муж ушел на работу (он был сторожем на Брянском вокзале). Елена выпила с соседями $\frac{1}{2}$ стакана вина и легла поспать. Пришел муж пьяный, полез под подушку, вытащил 5 руб. и ушел. Затем вернулся и пытался положить обратно 2 руб. Елена проснулась от шума и возни мужа. Видимо разозлилась и стала шарить по карманам в поисках денег. Денег не нашла, а наткнулась на складной нож, вынула и сказала—«меня что ли зарезать хочешь». А муж в ответ: «у одного мужа 2 жены не бывает, 2 черта в одном болоте не купаются». Как сказал он это, Елене как будто что-то в голову бросилось, раздвинула нож и глубоко вонзила ему в сердце. Тело мужа стало опускаться и сползать на пол. Тут Елена вынула нож, видит кровь капает и закричала. Плохо помнит, как и что чувствовала в этот момент. Между

прочим, настаивает на том, что нож не всаживала, а бросила его на расстоянии в мужа. По объективным данным дела, нож был глубоко всажен в сердце. Смерть последовала тут же. Осуждена на 8 лет.

Сейчас чувствует, что грех на душу взяла, да одно утешение, не думала она убивать мужа, он сам довел ее до этого. Себя жалеет больше всего.

Как видно из всего приведенного выше, построение характера Елены С-вой укладывается полностью в эпилептотимный ряд. Любовь к обстановочке, скупость, хозяйственность, ласковость с окружающими, не связанными с ней лично, истовость и благообразие—таков ряд черт, позволяющих ее представить эпилептотимным суб'ектом. Всю жизнь работала, копила, сама на себя копеечку не истратила, а тут пьяный муж, бесцеремонно тратящий ее инвалидные деньги, муж, на которого кстати и сексуальная обида была.

К этому нельзя не присоединить и инволюционных изменений (преждевременная дряхлость), а также и развязывающих эпилептоидные компоненты личности алкогольные наслоения. Все вместе взятое могло создать благоприятную почву для возникновения примитивной аффективной реакции (в смысле Кречмера). Такого типа реакцию Кречмер относит частью к аффект-эпилептическому разряду, частью к истерическому. Но куда бы они ни относились, всегда в них налицо так называемый «вентиль-механизмы», которые и способствуют обходному движению в процессе интрапсихического отреагирования. Нам думается, что в данном случае эксплозивная реакция Елены больше укладывается в аффект—эпилептический ряд. Нанесение же обиды в место, уже сексуально травмированное, только содействовало быстроте моторной отдачи, охарактеризованной выше указанным действием «вентиль-механизмов». Таким образом, здесь налицо отнюдь не реакция личности, а уход и искание путей отреагирования в силу благоприятно создавшейся констелляции для возникновения и течения реакции.

XI случай Федора Пр-на, 34 лет, тулячка, обвиняется в том, что убила свекровь свою ударом колуна в висок. В соучастии 2 сестер Натальи 23 лет и Варвары 20 лет резала тут же на части труп и разбросала по отдельным местам.

Жизнь Федоры складывалась чрезвычайно тяжело. В семье было 14 чел. детей. Она самая старшая. Отец сильно пил, бивал мать. Когда Федора как-то заступилась за мать, отец руку ей укусил. В другой раз камнем в спину ударил. Вся семья побиравалась. В деревне так и слыли они все «побирушками». Федора росла послушной, работающей. С 9 лет на крестьянских работах. Няньчила ребят. Все для дома делала. В лесу подбирала

каждый прутик, все таскала домой, как мышь в нору. До 16 лет работала то поденно, то побиралась, то няней служила. В 15—16 лет первая влюбленность в деревенского парня. Его одного и любила по настоящему за всю жизнь. Он умер от туберкулеза. Влюбленность была, так сказать, идеалистической. 18 лет насильно выдана замуж за богатого «дурачка». Хотела бежать из-под венца. Отец настоял на своем. Половой жизнью с мужем не жила—«не умел он обращаться». Свекор учил мужа бить свою жену плеткой, перетянутой проволокой. В ответ на побои Федора вступала с ним в драку. В драку вмешивался и свекор. В это время работала по дому много. Но отношение к ней было таково, что даже хлеб приходилось есть ей украдкой. Была хозяйственной—не могла видеть беспорядка. Все мучила забота о том, выйдут ли замуж ее сестры. Так прошло 1½ года. Не выдержала больше и ушла тайком от мужа к отцу. Однако, боялась отцу на глаза показаться. Ночевала зимой в холодном амбаре. Здесь с ней случился первый припадок, когда ее заметила мать. Припадок с упусканием мочи. Уговорили Федору войти в избу. Целый день прятали от отца. Когда же на следующий день за Федорой приехал свекор, отец заявил, что не нужна она ему: хочет—пусть возвращается, хочет—пусть на все четыре стороны уйдет. Федора, несмотря на предложение отца сперва позавтракать, а затем уж уйти, собралась и голодная ушла пешком за 7 верст к двоюродной сестре. Та ее приняла ласково. И тут Федора решила пойти по монастырям—была очень религиозна. Попала в Богородицк, где устроена была пом. кухарки. Работала и здесь аккуратно, быстро и спорно. Перешла по собственному почину в прачки в земледельческую школу. Здесь самоучкой научилась читать и писать. Сошлась здесь гражданским браком с одним деревенским парнем. С год прожила с ним. Тот обманул ее, пообещав жениться, а сам напоследок оказался женатым. Узнала об этом от своей матери. Через некоторое время сошлась с бухгалтером школы. Связь продолжалась 2 года. Жизнь шла спокойно. Участвовала в спектаклях, танцах и т. д. Муж был хорошим и заботливым человеком. Сделала 3 аборта из-за стыда за внебрачное сожителство. Пользовалась успехом, за ней ухаживали. Как-то из Калуги получила от старшего брата письмо, муж не поверил, что это письмо от брата, думал от ее ухаживателей. Прислал ей деньги и вещи, этим самым порвав с нею. Федора разозлилась и ушла. Дня через 3 муж просил ее вернуться, не шла—«какое-то самолюбие явилось». Уехала в Москву. Была тоска, плакала, не могла равнодушно на раненых смотреть, все деньги им отдавала. Была беременность. Через месяц уехала в деревню рожать. После родов поступила опять в Богородицк в земледельческую школу. Здесь купила краденные вещи, не зная об

их происхождении, была арестована. 3 месяца просидела в арестном доме. И здесь первая встреча со своим будущим мужем Федором, уголовником, вокруг которого и разыгрались все последующие события. Первое впечатление от Федора было отвратительное. На пасху со всеми христосовалась, его одного только обошла. Как-то увидела у ворот ту, которая ей краденные вещи сбыла, закричала, просила задержать. ее. После этого жизнь в арестном доме стала невыносимой. Со всех сторон посыпались придирки. Как-то однажды надзиратель пытался насиловать ее. Федора подняла крик, упала в истерическом припадке, в беспмятстве, была посажена в карцер. Федор, будущий ее супруг, узнав об этом, прислал ей сочувственную, полную теплоты и нежности записку. Федора приняла «ее к сердцу». Записка говорила о том, что она, Федора, должна спасти его и вывести его на дорогу новой, честной жизни. Когда Федора была, наконец, освобождена, то дала себе слово спасти будущего своего мужа. Когда являлась на свидания, над ней все смеялись, что «связалась с жуликом, имевшим 16 судимостей». Когда наступил день суда над будущим мужем, Федора наняла защитника, хлопотала, упростила перед судом выдать ей будущего мужа на поруки и пыталась «добиться его оправдания». Федор после оправдания обещал ей исправиться и зажить новой жизнью. Скрыл от нее, что болен сифилисом, что за побег ему причитается еще 3 мес. отсидеть. Они сошлись. Поехали в Москву искать помощи у брата мужа—инженера. Мать мужа, когда к ней явились, встретила ее далеко не ласково. В ответ на просьбу о помощи, сделала вид, что сама живет подаянием. Тем не менее, кое-какие деньги были собраны, уехали в Богородицк, где Федора хотела хозяйственно и с уютом обставить совместную жизнь. Была организаторшей шапочной мастерской, в которой муж должен был работать. Был выписан из Москвы старик отец. Наступили дни революции, и муж сбежал в Москву, где снова опустился на дно. Федора со стариком поддерживала существование мастерской. Ездила в Москву, будучи беременной. Начала ревновать мужа к московской жизни, вспомнила его похвальбу о том, что до нее он 500 женщин знал. Встретила мужа на Хитровке, тот сознался, что лечит свой сифилис. Упрашивала вернуться к ней. И тут впервые страшные побои на людях со стороны мужа. Уехала снова к себе в Богородицк. Осенью муж приехал домой, с украденными деньгами и подарками Федоре. Недолго побыл и снова уехал. Прислал вызов из Москвы—несчастье случилось. Застала его в Москве уже арестованным. Снова беготня и хлопоты, пока не добились условного осуждения мужа. Свекровь во все время пребывания Федоры в Москве не пускала к себе ночевать, приходилось искать ночлега, где случится. Приходилось ночевать на Хитровке. Муж

снова пустился по воровской линии. И с этих пор в их взаимоотношениях наступили длительные полосы ненависти, побоев со стороны мужа, сменявшиеся короткими приступами болезненной ласки, валяния в ногах у Федоры и т. п. У мужа Федоры страсть к картам, вину все больше росла. Побои Федора сделали то, что пришлось ехать в Москву лечиться от женской болезни. Ей была запрещена всякая физическая работа, а между тем, во время московской жизни свекровь заставляла делать ее всю черную работу, нарочно срывала только что выстиранное белье, всячески измывалась над ней, все время настраивала сына против нее. Лечение пошло на смарку. К этому времени у Федоры связь с приятелем мужа, неким Ивановым. Она мечется между Ивановым и мужем, не зная кого выбрать. Муж все больше свирепеет, и припадки злобы, и ненависти к Федоре все реже сменяются приступами чрезмерной нежности и мольбы. В этих своих состояниях муж всячески измывается сексуально над Федорой. Свекровь только радуется, и свежие раны усердно посыпает солью злобы в отношении Федоры. И все же попытка Федоры уйти вовсе к Иванову кончается опять приступом нежности, просьб, мольбы о спасении со стороны мужа. Федора остается с ним. Федора приучается к вину. Пьет ежедневно перед обедом 1—2 рюмки, несколько раз напивается «до конца». Она уже не отвечает молчанием на тяжкие побои, а в гневе и тоске отвечает тем же. Дикие сцены учащаются. В пьяном виде муж требует от Федоры почтения к матери, в трезвом виде сознает, что Федоре с матерью незачем жить. Все же требует, чтобы Федора «ухаживала за свекровью, как за ребенком». Старуха продолжала сына настраивать против жены. Давала ему денег для игры в казино, всячески боролась с влиянием Федоры на него. После того, как 7 октября 1926 г. муж уехал по делам из Москвы, старуха приходила к Федоре, орала на нее за отсутствие ухода за ней. Федора страшно нервничала и тосковала. Знала, что жизнь с матерью мужа никак не наладится. К этому времени к Федоре приехала сестра Наташа для лечения в Москве. Старуха приходила к ней на дом, бранилась, что сестры (у Федоры жила и третья сестра Варя) вот живут у ней, кормятся, а ей ничего нет. Как-то пришла опять старуха к Федоре в гости. Попросила Наташу поискать у ней в голове. Положила ей голову на колени. Федора в это время колуном ударила по виску и убила старуху. Когда кровь сильно пошла, вместе с Наташей убрали старуху в корыто. Варю заставили вымыть пол. Поехала куда-то и вечером возвратилась, опять вместе с Наташей разрезали тело старухи на 9 кусков, и разбросали их (зарывши поверхностно) в разных частях района: на бульваре, в парке, во дворе и т. д. Всю ночь не спала. Была злой какой-то, спала при огне. На утро пошла на Усть-

инский базар продавать пальто и валенки старухи, выручила за них 25 рублей, точно не знает, зачем с этими вещами ушла на базар. Была вызвана в МУР, где и созналась во всем. Когда была, по ее указанию, найдена голова старухи, Федора выхватила палку у агента и несколько раз ударила по мертвой голове. Сама этого не помнит. В заключение у Федоры развилась реактивная депрессия с псевдогаллюцинарными состояниями и попытками к самоубийству. Арестованы и ее сестры. Арестован также и ее сосед А., с которым Федора в последнее время встречалась. Федора уверяет, что А. ничего об этом не знает и никакого касательства к делу не имеет.

Федора по типу телосложения—атлетического. Со стороны нервной системы особых отклонений нет. Резкая игра вазомоторов. Состояние тоски с возбуждением. Взгляд устремлен больше в одну точку. Рассказывая о деле, плачет. О смерти старухи не жалеет. Жалеет прежде всего себя. Чувствует виноватой себя перед мужем, ради которого на коленях поползла бы к могиле его матери.

Здесь стеническая реакция интересна во всех отношениях, как со стороны захвата всей личности, так и по характеру участия в ней еще 2 субъектов—2 сестер, кровно связанных с Федорой.

Остановимся предварительно на Федоре. Ее жизнь складывается прежде всего исключительно тяжело. Уже с детства ставятся загородки и плотины ее желаниям, интересам и стремлениям. Хозяйственная, упорная, методичная, собирающая по мелочам добро—она вынуждена стать побиружкой. Любящая дом, она должна уйти к чужим людям, греться у чужого счастья. Но и там тяга к устройению ее не покидает. И там она остается все той же работающей, любящей добро, устройство и т. д. Она переживает несколько потрясений как раз в самом больном своем месте. Первая связь не дает ей счастья, удовлетворения. Сожитель ее обманывает. Замужество, кроме побоев и неумелого, нелюбимого мужа ей ничего не приносит. Вторая связь удовлетворяет отчасти, только кусочком личного устройства, да и то неполным. Детей нельзя иметь—слишком велико расстояние между бухгалтером и его прачкой. Внешний грубый толчек, и эта зацепка, кстати, весьма призрачная для Федоры, рушится. Начинается новая полоса, которая знаменуется серьезным испытанием—сиденьем в арестном доме. И здесь-то, в арестном доме, когда она брошена, предоставлена только себе, особой жалостью пожалел ее только один. Жалость к себе, страдание за свою жизнь встречается с криком о помощи. Значит, еще не все потеряно, значит нежностью, материнством можно заменить личное несчастье, можно обточить его острые углы, можно заполнить жизнь новым содержанием.

Федора дает стеническую реакцию. Она берется спасти человека тонущего, почти опустившегося на дно, переносит на него почти весь запас заботливости, ласки, тяги к уюту и устройению. Она «рождает» нового человека, она вызывает у Федоры своего рода «перемену доминанты» (Dominantwechsel). Так, по крайней мере, кажется ей. Так должно было быть. Но тут на пути опять помеха. И уже посерьезней всего того, что раньше было. Старуха, мать мужа, оттягивает у нее то, что составляет одновременно и сладость, и горесть ее жизни, она вырывает тот упор, каким она самоутверждается в жизни. Отсюда, с точки зрения «понятных связей» Ясперса, возникновение сверхценных идей у эпилептотимного человека и прямая дорога к стенической реакции сверхкомпенсационного направления.

XII случай Наталья П-на, 23 лет, крестьянка, замужем за следователем в с. Куркино, Богор. у., Моск. губ. (родная сестра Федоры). До 17 лет жила у родителей (об условиях этой жизни см. случ. 11-й) крестьянствовала. Росла послушной, хитрой, застенчивой; физически была сильная. В детстве много и лучше других побиралась: никто так ловко не мог выпросить подавания, как она. С 7 лет няньчила ребят. С 13 лет таскала мешки в соседние усадьбы, у помещика нанялась по бедности. Была трудолюбива и настойчива. Менструации с 15—16 л.; никаких отклонений от нормы нет. 17 лет выходит замуж за коммуниста-следователя; имеет в настоящее время здорового ребенка 2-х лет. Несколько мнительна по характеру, злопамятна, скупа, лжива. Придерживается обрядовой стороны религии, хотя муж и не велит в церковь ходить. Подбивала как-то мужа вымогать деньги, чтобы в хозяйстве больше было. Круг интересов ограничен семьей и хозяйством. К семье и своим родным привязана.

С физической стороны у Натальи следует отметить некоторое уплотнение щитовидной железы, понижение болевой чувствительности, красный дермографизм (стойкий и быстрый), наличие истерических стигм, в виде отсутствия глоточного и понижения конъюнктивального рефлексов.

С психической стороны Наталья обнаруживает прежде всего явления некоторой умственной неполноценности. Склонна к плачу, лабильна в настроениях. Тон настроения—тоскливость, обусловленная жалостью к себе, сестре, беспокойством о ребенке и муже. В поведении эгоистична, лжива, высказывает ряд разнообразных жалоб иппохондрического характера. Просила, между прочим, изолировать ее от Федоры, когда та была в депрессивном состоянии, реактивно возникшем в связи и по поводу сделанного. О правонарушении рассказывает следующим образом: Наталья приехала в Москву «подлечиться», заехала к сестре, чтобы у ней побыть, пока она будет в Москве. Убитая старуха

(свекровь Федоры) придиралась к сестре; ругала так, что ей, Наталье, становилось сестру жалко и вскипала неприязнь к старухе. О глубине неправильных взаимоотношений между Федорой и старухой не знала. Во вторник днем старуха, придя к Федоре, по обыкновению своему сидела в зале. Старуха, поговорив о чем-то, просила Наталью у нее в голове поискать вшей. Когда она принялась было за дело, Федора ударила неожиданно колуном по голове старуху. Наталья от страха упала, схватила сына и выбежала на кухню. Не терпелось там сидеть, и несколько раз заглядывала в зал и смотрела, как Федора разрезала труп. Наконец, уложив сына спать в той же комнате, где труп лежал, начала помогать Федоре: держала туловище, когда Федора разрезала его на части. Вместе с ней Наталья выносила части трупа и сидела на лавочке на бульваре, пока Федора закапывала части трупа в землю. К самому факту убийства относится тупо и равнодушно. О своем соучастии говорит, что из жалости к сестре не могла не помочь ей, полагая, что удастся скрыть следы убийства и никому за него ничего «не достанется». Если бы знала, то сообщила бы властям: «Федоре ведь все равно, а мне не пришлось бы мучиться».

Тут же мы приводим кой-какие данные о 2-й сестре Федоры—3 соучастнице дела—Варваре 20 л. Она глухонемая с детства, жила у Федоры на положении чернорабочей. Физически сильная и выносливая. Психически—имбецилка, с крайне узким кругозором, резкими дефектами в осмыслении. Ее роль в деле ограничивается уборкой следов после совершенного, приносила корыто для того, чтобы кровь в него слить.

Распределение ролей во всем акте является крайне любопытным с точки зрения индивидуальных возможностей каждого из участвующих: Федора—она одна, по существу, носительница стенической реакции, направленной на старуху-свекровь. Две остальных, Наталья и Варвара, только пособницы и укрывательницы на языке Уголовного Кодекса. Их роль подсобная, при этом, как более осмысляющая ситуацию, Наталья и более активна. Ее состояние после совершения акта убийства, вернее после помощи в нем, говорит за то, что задела Наталью не сама реакция Федоры, а последствия в смысле отрыва от привычных связей, семьи и заключения в тюрьме. Наталья чувствует себя так, как чувствовал бы себя человек, несущий чужую вину. Вот почему у ней поздние сожаления о том, что во-время властям не донесла. Доля ее участия в самом акте определяется вовсе не суггестивным моментом (внушаемостью), а кровной связью с сестрой, связью по линии сожаления. А жалость, как полярное в ее психике выражение других компонентов личности Натальи, так ведь свойственна ей; тем более, жалость к родной сестре, у которой она находится в гостях.

Наталья — это возбудимая (эретичная) debilка, полная черт зависимости, скопидомчества, ханжества, привязчивости и т. д. не может не помочь Федоре потому, что здесь пробудились влечения к самосохранению, расширенно (семейно) ею понимаемых. И в поведении Натальи во все время акта это влечение к самосохранению (по терминологии Мак-Кэрди «эго-инстинкт») доминирует в беспокойном захождении в зал, где Федора разрезала труп старухи на части, в нетерпении, с которым взялась помогать Федоре, наконец, в помощи по зарыванию на бульваре частей трупа и роли сторожа при Федоре, заметающей следы убийства. У такой личности, как Наталья, которая во многом напоминает эпилептотимного суб'екта, привязанность к семье, прилипчивость к родне, как своеобразная переработка тяги к собственности, к вещи, к привычному укладу играют не последнюю роль в части выявления себя во-вне. На эту черту людей эпилептотимного склада уже давно указал известный психиатр Замт (Samt), назвавшей ее даже специальным термином: «хвалебный разговор о семье»¹). Нам представляется, что характерологическая реакция Натальи пошла по пути этого выявления основных черт привязанности; вот почему сожаление о судьбе Федоры так ярко проявилось во время последствия реактивной волны, которой Наталья была захлестнута. Не то мы видим в поведении 3 участника дела Варвары. Здесь уплощенная до-нельзя психика, отгороженность в силу глухоты от окружающего мира, а в силу указанного ничтожная активность личности, содействуют пассивному подчинению тем, в кругу которых привыкла подчиняться. Ее доля участия не выходит за рамки привычной для нее исполнительности в отношении тех, с кем контакт в силу семейных и бытовых связей у ней сохранен.

Таким образом, в объеме всех 3 участников стенической реакции мы видим разного смысла напряженности и направленности механизма развития личности. От сверхценных образований у Федоры, с аффективной связанностью под их влиянием всего ее поведения и приобретающих силу непреложного и всесокрушительного закона в процессе возникновения самой реакции, через реакцию личности, обусловленную возникновением механизмов «эго-инстинкта», или самосохранения в его расширенном понимании у Натальи и до реакции пассивного характера, в которой личность почти не участвует, и обусловленной главным образом ограниченностью контакта с окружающим у Варвары. Связанность всех 3 сестер элементами кровного родства делает все указанное особенно интересным, в смысле раскрытия отдельных частей сложной стенической

¹ Цит. по Крепелину.

реакции у Федоры. Здесь, может быть, имеется определенное соотношение между указанными типами реакций, и самая сложная, быть может, впитывает в себя элементы двух остальных, простейших типов.

Во всяком случае, мы видим, что сверхценные образования (у Федоры) имеют силу огромной заразительности и подчиняемости. В этом отношении 11 случай по сопоставлению его с 10, заставляет еще раз подчеркнуть принципиальную разницу между реакциями личности и так наз. примитивными реакциями. В одном случае, мы имеем дело с потрясением основ всей личности, с ее своеобразным психологическим развитием, во втором случае личность остается как бы нетронутой, обойденной реактивной волной или задетой незначительным уже последствием реактивной волны. Чтобы сказанное еще более оттенить, ибо мы придаем этому решающее значение, приведем следующий случай.

XIII случай Мария Л-на, 23 л., учительница, замужняя, обвиняется в убийстве бывш. жены своего мужа. Дело рисуется в следующем виде. Мария выехала из Казани по направлению в Борисов, к своей матери. По пути слезла на ст. Уваровке, узнала в местном ОНО адрес К., учительницы, бывш. жены своего мужа и, получив адрес, вооруженная «наганом» пошла пешком по указанному адресу, явилась к К. и убила последнюю. Подруга убитой К., сидевшая в момент убийства у нее в гостях показывает, что в комнату вошла какая-то неизвестная женщина с сумочкой и, спросив К., вытянула руку с револьвером и стала стрелять. По показаниям этой же подруги К., Мария сперва дала осечку, а затем 3 выстрела. В испуге подруга убитой спросила Марию, будет ли она и ее трогать, на что последовал ответ: «здесь дело семейное и не нужно в него впутываться; никого трогать она не будет». Сын убитой (мальчик 10 л.) показывает, что Мария после убийства К. вышла во двор и, увидев мальчика, спросила, как его зовут; услышав имя, она опять выстрелила, но промахнулась. Посторонние свидетели указывают, что, когда начал собираться народ, привлеченный выстрелами, то Мария, видимо, боясь самосуда, начала кричать: «милиция, милиция». Завед. ОНО указывает, что в день убийства Мария справлялась у него, как получить место учительницы в Уваровке и какая там теперь учительница. Следствием не удалось установить до какой станции был куплен Марией билет.

Со стороны наследственности у Марии можно отметить по отцовской линии: мстительность, злопамятность, сдвиги в настроениях, с оттенком тоски и злобности, злоупотребление алкоголем, разбросанность и беспорядочность; по материнской линии: мягкость, заботливость, забота о порядке, некоторая

отчужденность от окружающего и скрытность. По боковым линиям (отцовской) имеется отягчение «асоциальной» психопатичностью и прогрессивным душевным заболеванием.

Мария начинает себя помнить 7 летним ребенком. Длительное время была больна золотухой. Росла драчливой девочкой, несколько упрямой и упорной. 8 лет пошла учиться. Учение давалось с трудом. Всегда была одна, никто с нею не дружился. Кончила все же школу II ступени. Дома братья над ней насмешничали, она с ними часто ссорилась и дралась. Дралась же она всем, что под руку попадет. Пускала неоднократно в ход ухваты, горшки и т. п. Однажды в драке с младшим братом ножом ему руку поранила. Считает себя самой обиженной в семье. Менструации с 17 лет, неправильно наступающие, безболезненные, длительностью в 5—6 дней, крови обильные. Как девица, пользовалась у себя в Борисове успехом. Никого, однако, не любила, ни к кому не чувствовала привязанности, никакого интереса к окружающему не испытывала. По окончании школы пробовала заняться преподаванием. Дела этого не любила, работала из-за куска хлеба. Чувствовала, что ее объяснения не доходят до учеников.

Со своим будущим мужем познакомилась, когда пошла получать деньги, по поводу смерти отца, в жел. дор. контору (в 1924 году). Муж там служил тогда бухгалтером. На одной из вечеринок, которая была спустя немного времени, будущий муж просил знакомства с ней через «летучую почту». Одна из ее знакомых, наконец, свела ее с будущим мужем. Изредка на спектаклях Мария встречалась с ним. В день годовщины Октябрьской революции (8-й), знакомые соблазнили пойти ее на вечер. На вечере была, между прочим и К., разведшаяся к тому времени с будущим мужем Марии и получавшая с него алименты на воспитание сына. К. видела, как ее бывший муж «ухаживает» за Марией, уселась сзади них и палкой ударила по голове Марию, вцепилась ей в волосы. Марию в страшном волнении и расстройстве увезли с вечера. Повезли ее сперва в контору, чтобы привести в сравнительно приличный вид, а затем и к себе домой. Мария была в тяжелом угнетенном состоянии из-за этого публичного скандала. Будущий муж, также взволнованный случившимся, попросил у матери Марии руки последней. Мария решительного ответа не давала, а принудила пока затеять судебное разбирательство по поводу нанесенных побоев. На суде К. поносила Марию всячески и грозила уничтожить, убить ее. Суд закончился незначительным наказанием для К. Мария решением суда не была удовлетворена. Компенсацию за обиду она не получила. На Рождестве Мария, наконец, дала свое согласие на брак. После женитьбы муж перебрался к ней на жительство. Скоро начались ссоры, возникавшие обычно из-за пустяков. Мария бывало по 2—3 дня после таких ссор не разговаривала

с мужем. Муж даже называл ее «злой, ужиться с тобой нельзя». Вспышки гневливости продолжались, и однажды в одной из таких вспышек переломила на спине мужа ухват. В половой жизни Мария холодна, муж «селедкой» прозвал; безразлична к ней. Иногда «накатывало» мрачное настроение, в голову лезли мысли о самоубийстве. Спустя 2 мес. переехали Мария с мужем в Свияжск, Казанской губ. К этому же времени К. перебралась в Можайский уезд, Московской губ. В Свияжске жизнь пошла не лучше. Мария большей частью бывала одна, дома запиралась, занавешивала окна, запирала двери. Муж все время проводил на работе. Обычно Мария ничего не делала. Но вдруг бывала обуравема жаждой работы и занималась тогда тем, что вещи в доме по иному расставляла. Сама Мария говорит, что запиралась потому, что неотступно преследовала ее мысль о возможности покушения на нее со стороны К. Она никак не могла забыть ударов и тех угроз, какие получила со стороны К. на суде. Беременность и роды протекали без каких бы то ни было осложнений. После родов выписала к себя младшую сестру. К родным, в особенности матери, проявляла большой интерес и заботу. Была взволнована получением письма от матери, которое извещало о пошатнувшемся здоровьи. Захотелось собраться в путь, поехать мать проведать. Тут же и собралась, оставив ребенка на попечении сестры. Уехала, почти не распрощавшись с мужем. До места назначения не доехала, а совершила в Уваровке убийство бывш. жены своего мужа К. Уехала она 3 апреля 1927 г., и до 22 апреля муж о ней ничего не знал. Беспокоился, но никаких сведений не собирал о ней. 22 апреля узнал об убийстве.

По физическому своему состоянию Мария крепкого, правильного телосложения, несколько мужественна. Наличие симптома Матеса. Пульс учащенный до 120 ударов в 1'. Со стороны нервной системы следует отметить односторонний хвостек, положительный, мышечный валик, общую мышечную возбудимость, тремор всего тела. В двигательном аппарате—общая напряженность и некоторая искусственность механизированных движений.

Мария заторможена, с трудом вступает в беседу, прерывая ее предложениями вроде тех, что, дескать, о своих родных плохо отзываться нельзя. Не резко выращенная интеллектуальная недостаточность. Депрессивна с оттенком злобности, обращенной на себя, по временам возбуждается, бьет себя кулаками по голове, стучит головой о спинку кровати, о стену, рвет на себе волосы, при этом громко кричит. С оттенком сентиментальности вспоминает о своей девочке, все приговаривая: «она меня любит, моя родная, любимая». Жалуется на зрительные и слуховые галлюцинации: к ней то убитая женщина приходит и шепчет ей, что она умрет, то к ней приходит какой-то старик и укоризненно с нею разговаривает. Часто слышит какие-то шаги, шорохи, оклики.

Рассказывает, что револьвер «браунинг» (стреляла из «нагана») купила еще будучи в Свияжске в целях самозащиты, заплатила за него 10 руб. какому-то чувашу.

Мария личность сложная. У нее имеются черты отгороженности, некоторой необщительности, — это с одной стороны. А с другой—она злобна, сдвиги в настроениях окрашены в тоску и злобу. Она злопамятна и долго не может забыть обиды, однажды нанесенной ей. Она взрывчата и агрессивна. Склонна к порядку и вместе с тем бестолкова, беспорядочна. Эти черты говорят за наличие комбинированного, смешанного типа личности. Сюда нельзя не прибавить некоторых физических черт, как-то: мужественность, сексуальная холодность, симптом Матеса. Но тем не менее, стержень личности, его ядро укладывается в эпилептотимный круг: тут и сдвиги в настроениях, тут и взрывчатость, тут и особая привязанность—прилипчатость к семье. Эти черты—основные в ее характере, усложняются нелюбимостью, склонностью к истерическим реакциям, некоторой жаждой признания, наконец, инфантильностью интеллекта. Такая сложная психопатическая личность проделывает долгий путь психологического (вторичного) развития. Она, отбрасывающая «ухаживателей», не любящая общества, имевшая, однако, известный успех в маленьком провинциальном селении, получает вдруг незаслуженный, по ее мнению, удар-обиду. Скандал в театре, куда она была завлечена подругами, для нее бесследно не прошел, а оставил определенные следы, усугубленные новыми оскорблениями, незначительным наказанием для виновницы всего К. Эти следы в такой личности, как Мария, служат, по выражению Блейлера (E. Bleuler) вестниками (Nachrichtendienst) тех идей, какие на этой почве будут в дальнейшем произрастать. Мария опозорена перед всеми. По понятиям малюсенькой провинции она стала уже не той недотрогой, гордой, какой раньше была. И тут единственное, что может сгладить—это замужество, как раз за того, кто косвенно нанес ей тяжкое оскорбление, кто содействовал так или иначе ее снижению и унижению в глазах окружающих. Итак, внешне обида залечена: Мария выходит замуж; перед всеми соблюдены нужные апарансы; злые языки должны замолчать. Но, жаждущая признания, отчужденная, злопамятная и скрытная Мария все же не удовлетворена. У нее нет внутреннего успокоения, ибо муж, которого она бьет, как бы вымещающая злобу на К., все же чем-то связан с последней. И действительная реализация этой связи—уплата алиментов из общего кармана Марии и мужа, активная поддержка К., чтобы она могла без сравнительных забот жить и благоденствовать со своим сыном, за счет обиженной, не удовлетворенной Марии. Жажда признания, таким образом, перерастает в переоценку «я». Следы нанесенной и не искупленной обиды все ярче

и ярче оживают. Они, наконец, образуют ядро, живущее по своим законам, ядро так наз. аффективных, сверхценных образований: К. не оставляет ее, несмотря на то, что она уехала в Можайск, а Мария с мужем в Свияжск; какие-то нити их соединяют; Мария ждет с напряжением—вот, вот явится К. и убьет ее, реализует свои угрозы. Так удары собственного сердца мы часто принимаем за топот копыт коня, на котором скачет к нам друг или враг. Мария ждет К., потому что она хочет встретиться с ней, хочет уничтожить эту порочную связь, какая образовалась между ними помимо ее воли. Здесь, быть может, зародыш бредоподобных переживаний, фантазий, какие глубоко прячешь внутрь себя. А тут занятость мужа, видимо, нарастающая его холодность, на ряду с его материальными заботами о К. И Мария решает: нужно разорвать эту связь, нужно покончить с вечной угрозой лишиться мужа, отца ребенка, нужно ему, мужу, дать одну семью. Вот почему так длителен аффект, вот почему так методически действует Мария, вот, наконец, почему она говорит подруге К.—здесь дело семейное. И после того, как К. уничтожена, как вынута эта заноза, Мария единственно чем может ответить—это только тяжелой депрессией, где эпилептотимные и реактивно-лабильные компоненты ее личности смешиваются, где остается только искание оправдания себе в дочке: она меня любит, моя дорогая, любимая. Как Федора, исчерпав себя до конца, отвечает депрессией, так и Мария находится в заторможенном состоянии, усиливая его, ибо, по словам Фрейда (S. Freud), она действительность заменила теперь суррогатом ее, а в этом последнем находит свое оправдание. Эта суррогатная действительность (Ersatzrealität) все же не целиком владеет Марией. Эпилептотимные компоненты личности, жажда самоутверждения дают направление к прорыву в «реальнейшую реальность» в виде тяжелых приступов тоски и злобности, обращенной на себя. В этом смысле и высказался в свое время Бирнбаум в своих лекциях о психопатах-преступниках: в основе аффективных галлюцинаторных переживаний лежит аффективное возбуждение, которое свой выход находит именно в этом патологическом симптоме (т.-е. в аффективном галлюцинозе). Но наш случай поучителен еще и в другом смысле: если в 11 случае мы имеем ситуационно обусловленное нарастание сверхценных образований, то в настоящем случае мы видим значительно более глубокое: характер и напряженность психологического развития приводит к бредообразованию (Wahnbildung) и, с другой стороны, в силу смешанности склада личности вызывает кататимные механизмы в этом бредопредставлении.

О такой возможности и говорит Майер. Уточним и поясним сказанное.

Как мы уже упоминали, Мария по складу своей личности, по основным тенденциям в своем характере, представляет сочетание черт вязкости, прилипчивости, особой «семейной любви» и т. п. вместе с чертами искания оценки себе, некоторой неуверенности и отсюда унижения себя, сознания малоценности и т. п. Эта смесь противоположных сил в характерообразовании Марии (антиномичность), противоборствование разных тенденций в ее личности и создает ту картину, при которой мы видим наружу, во-вне направленные механизмы сверхценных образований, с параноидной отсюда целеустремленностью стержневых влечений Марии, а во внутрь—кататимные механизмы с бредоподобным обвинением самое себя: я, дескать, большая преступница, недостойна жить, нет мне места на земле и т. д. Таким образом, развитие личности Марии проходит под знаком противоборствования основных тенденций в складе ее характера и с особенной силой выявляется в последующем реактивном состоянии (в период последствия самой стенической реакции).

Гофман (H. Hoffman) в своей работе об «антиномичности характера и построении психоза», как раз и говорит, что в антиномичном характере для направления действия личности решающими являются те силы, какие лежат в центре личности, какие властвуют там, где идет процесс единого и слитного построения. Наконец, он же говорит, что для всех более или менее сложных, смешанных психопатов свойственна эта борьба отдельных тенденций. В нашем случае, мы как раз и можем наблюдать и, более того, с особой решительностью подчеркнуть эту антиномичность характера Марии, динамическое передвижение в этой личности то одних, то других механизмов и, наконец, вторичное, так называемое психологическое развитие личности, протекающее под знаком не единства основных сил, строящих характер, а их постоянного сталкивания друг с другом. Вот почему мы приходим к выводу о наличии у Марии одновременного существования сверхценных образований и кататимных механизмов, вызывающих к жизни бредоподобное состояние с основными в нем чертами самообвинения.

В этом же последнем мы видим причину заостренности стенической реакции Марии, основанной на сверхценных образованиях и корнями уходящей в глубинную личность, а в последующем реактивном состоянии, бросающей ее в тяжелую депрессию вышеописанного характера.

Резюмируя случаи 10, 11 и 13, мы можем теперь еще глубже провести линию водораздела между реакциями личности и так называемыми примитивными реакциями. Это различие прежде всего будет лежать в плоскости охвата личности реактивной волной: реакции личности возникают, главным образом и по преимуществу, из верхних этажей психического аппарата, они

спаяны с самой личностью и являются в известной мере результатом развития ее; примитивные же реакции (в смысле Кречности, содействуют быстрой моторной отдаче и иссякаемости. Но тут же следует заметить, что стенические реакции того и другого типа могут встретиться в сравнительно мало расширенных конституциональных кругах.

В резко и принципиально противоположном направлении располагаются те стенические реакции, в которых аффективная сфера играет подчиненную роль, в которых роль так называемых комплексов, изолированных и глубокоинтимных переживаний, выступают на передний план. Здесь реакция течет по своеобразным и причудливым путям, то не захватывая личность целиком, то отщепляя отдельные системы ее. Здесь царство парадоксальности, причудливая потеря звеньев из цепи так называемых «понятных связей», здесь, наконец, действуют и принципиально иные механизмы.

XIV случай Екатерина К-на, 21 г., из крестьян, проживающая 1 год в Москве, обвиняется в том, что отравила своего мужа мышьяком. Екатерина до 3 лет жила у бабушки, до 11 лет у родителей, с 11 до 20 лет у матери отчима. Жила в зажиточной семье деревенского торговца. Отец не пил, не кутил, хозяйственный, любил лечиться, особенно усердно лечился по нервным болезням. Мать истеричка, страдала припадками; в детстве у Екатерины частые головокружения и ночное недержание мочи.

Росла живой, шаловливой, физически выносливой, боявшейся равных себе подруг. Была застенчива со взрослыми и в школе. Училась плохо, была «дубоватой». Подростком была стеснительной. Играла в куклы до 18 лет. Последние 2—3 года отношение к ней отчима изменилось в плохую сторону. На одежду приходилось у него брать только в пьяном виде. Держала себя скромно, осуждает тех, кто «сам себя упускает». На 20 г. жизни уехала в Москву учиться кройке. Содержала себя продажей вещей. Через месяц вышла замуж за рабочего шарико-подшипного завода, разведенного уже трижды.

В деревне полюбила одного паренька, но тот уехал в Москву на заработки. После замужества с ним не встречалась. С мужем жила хорошо, только одно мешало: половые сношения не доставляли никакого удовольствия. Прожила с ним 6 месяцев, через 2 месяца забеременела. Беременность проходила тяжело. Муж гиперсексуален. Приставал к ней все время, предлагал даже как-то акт совершить per os. Стала уходить из дому. Бегала на каток, где любовалась катающимися парами. В мае муж заболел гриппом. У него усилились половые тяготения, стал настойчиво предлагать извращенный способ половых сно-

шений, о котором Екатерина даже не может сказать (*per rectum et in os*). Это действовало на нее так, что даже не могла за ним ухаживать. Как-то до болезни был разговор о том, что надо было купить мышьяку—крыс травить. До этого Екатерина даже не знала о существовании мышьяка. Вспомнился этот разговор во время приставаний мужа. Пошла за порошками (13 мая), прописанными врачом, купила по дороге мышьяк, пересыпала порошки и дала мужу. На следующий день, муж, перевезенный в больницу, умер. Вскрытие установило отравление. Екатерина долго не признавалась, пока на одном из допросов подробно не рассказала об отравлении. О своем преступлении рассказывает туповато, волнуясь только, вспоминая об обидах и издевках мужа—это он сына посадил в тюрьму (родила она в тюремной больнице). К сыну заботлива, играет с ним, забавляется точно с куклой.

С физической стороны следует отметить у Екатерины инфантильный склад телосложения, отсутствие глоточного и конъюнктивального рефлексов, общую мышечную возбудимость, красный дермографизм. Расстройство (запоздания) менструций.

С психической стороны заметно выступает детскость в поведении и суждениях, малая осмысленность окружающего, торпидность и мимозность.

Акт, совершенный Екатериной, может быть объяснен только тем, что у инфантильной личности от природы с запозданием раскрытия ее сексуальной жизни, появилась тяжелая сексуальная травма. Жизнь с мужем была только формально спокойна. Она, Екатерина, эта мимозная инфантиличка, уходила сама от себя, от мужа, от резких уколов действительности. Тут же в Москве живет человек, которого она любит, но она с ним не может встречаться, ибо установления и традиции определенного жизненного уклада тяготеют над ней. Она любит себя и ни за что не хочет из-за этого презирать себя. А сексуальная травма все тяготеет над ней,—все глубже вонзается в ее личность, как бы отщепляя от нее автономно действующую часть. И в момент ситуационной слаженности эта автономная часть личности впитывает в себя готовый план. Она охотно отдается этой мысли о мышьяке. И тем охотнее она (эта автономно действующая часть личности, несущая комплексную обиду) ассимилирует эту мысль у себя, чем для остальной части личности ясно, непререкаемо то, что о мышьяке она, Екатерина, даже не знает, что крыс травить собралась не Екатерина, а муж.

Кречмер как раз и говорит о возможности такого изолированного действия куска личности под влиянием сексуального влечения, одетого в любую форму и одежду. Здесь у Екатерины мы имеем возможность наблюдать своеобразно переработанную Ясперовскую реакцию «тоски по дому» (*Heim-*

wehreaction) своеобразно переработанную потому, что мотив-то действия был несколько иным. Ход самой реакции определяется механизмом «короткого замыкания» по Кречмеру. Чтобы эту реакцию «тоски по дому» несколько ясней осмыслить, чтобы нагляднее показать действительное наличие механизма «короткого замыкания», автономно действующего куска личности, мы приведем следующий случай.

XV случай Прасковья Ц-ва, 31 г., москвичка, служащая, обвиняется в том, что облила свою соперницу керосином и подожгла ее. Смерть последней последовала через 3 дня.

Прасковья детство провела в тяжелых материальных условиях. По отцовской линии отмечается злоупотреблением алкоголем и упорное стародевичество. По материнской—настойчивость, добросовестность в работе, трудолюбие, упорство. Прасковья Ц. в детстве подруг почти не имела. Росла тихой, не шаловливой, сосредоточенной девочкой.

Отношения с матерью с момента начала учебы в школе сложились неблагоприятно. Мать пристрастно относилась к ее учебе, рвала ее тетрадки, считала это никчемным занятием. Прасковья Ц. отмечает у себя позднее ночное недержание мочи, правда, изредка. В школе Прасковья училась усердно. Любила географию. Она давала ей возможность уходить в свои мечты, мысленно переноситься в другие страны, к другим людям. Школу должна была оставить 12 лет. И с этих пор идет по дороге портновского ремесла. Это занятие не любила, хотя и работала честно, не манкируя, добросовестно. Качество работы среднее. Работала по разным мастерским и у себя на дому до самого последнего момента. А в конце концов одна из знакомых устраивает ее уборщицей в тракторный техникум. Здесь вступает (1924 г.) в партию. Работает над собой усердно, общественно активна. В ячейке Прасковью характеризуют, как честного и порядочного, добросовестного и работающего члена партии. Ни с кем, однако, и в ячейке не была близка. Всегда несколько настороже по отношению к людям.

Менструации с 14 лет. Перед их наступлением чувство некоторой расслабленности, нарастание раздражительности, боли в позвоночнике. О половой жизни узнала с детства. Относится к ней равнодушно. Всегда противно было «животы» носить. Не хотелось, главным образом, стать матерью и хозяйкой. Когда сестра, бывало, предложит пойти встречаться с кем-либо из знакомых, всегда находила предлог отказаться—«нечего трепать чулки». Однажды бросила работу в одной из мастерских только потому, что заметила ухаживания за собой брата хозяйки, студента, который не был безразличен и ей. В течение своей жизни так 2—3 раза удалялась по своему желанию от людей, которые оказывали предпочтение ей перед другими. Гомосексуальные

склонности не обнаруживает. Общий тон ее настроений депрессивный. В 1925 году под влиянием семейных неприятностей была попытка на самоубийство. Решимости довести ее до конца не хватило. Отмечает у себя колебания настроений. Семейные неприятности еще более усилились с тех пор, когда у них на квартире поселился некий Л., женатый, к которому изредка из деревни наезжала жена. Этот Л. начал ухаживать за Прасковьей. Она с ним ходила гулять. Мать ко всему этому относилась неодобрительно и обо всем в искаженном виде передавала сестре. Однажды вспыхнул скандал в семье из-за того, что сестра будто бы обнаружила разорванные панталоны Прасковьи, как доказательство ее активной сексуальной жизни. После этого около 1 года не разговаривала с сестрой. Приезжавшая из деревни жена Л. обо всем была осведомлена со слов матери Прасковьи, а также и бахвальством Л. в пьяном виде. Она вечно грозила Прасковье скандалами, «протащить за волосы по переулку, облить керосином». Грозила, что мужа без боя не отдаст. Мать подозрения жены Л. все время усиливала и подогревала. Когда однажды жена Л. приехала из деревни и сидела с матерью Прасковьи, те опять заговорила о Прасковье и ее будто бы связи с Л. Прасковья была дома. Она слышала все те нелестные слова, которыми на ее счет выражалась жена Л., даже стукнула в стену, на которой висело зеркало Прасковьи; оно упало и разбилось. Прасковья все больше и больше расстраивалась. Она, наконец, услышала, как жена Л. вышла во двор. Тогда Прасковья вышла в коридор, где стоял примус с бутылкой керосина около него, взяла таз, вылила керосин, захватила спички и, услышав шаги жены Л., пошла ей навстречу, встретила на лестнице, выплеснула керосин на нее, и подожгла спичкой. Жена Л. превратилась в огненный столб. Прасковья побежала к себе в комнату и тут пыталась покончить с собой, но не знает, что дальше с ней было. Вскоре была арестована.

Прасковья, согласно освидетельствования, девственна. За последнее время окружающие стали замечать, что Прасковья Ц-ва изменилась. Стала носить прическу взбитой (раньше волосы гладко причесывала), пудриться, даже шутить о том, что хорошо бы красоту свою исправить.

Прасковья телосложения правильного, крепкого с некоторой диспропорцией в кистях рук (мужские руки) и лицевых костях черепа. Стойкий красный дермографизм, увеличение щитовидной железы, не резко выраженный симптом Леви-Ротшильда, симптом Матеса, свидетельствующий о ее интерсексуальности. Ромб Михаэлиса нерезко выражен.

Отношение к преступлению, как к отреагированному, — «не правда ли я оригинал», — говорит она. Смотрит на этот момент своей жизни, как посторонний наблюдатель, со стороны. Отно-

шение к семье двоякое—нелюбовь и жалость одновременно к матери и сестре. Гиперэстетична. Несколько инфантильна в установке своей к мужскому полу.

У Прасковьи мы подчеркиваем этот поздний расцвет сексуальности. Это вернее не самое цветение, а только его зародыш. Она на 31 году будто увлекается женатым Л. Несмотря на семейные скандалы, склоки, она все же не перестает с Л. встречаться. И вместе с тем остается девственной. В прошлом ей было легко сублимировать свои влечения. Она партийка, общественница, добросовестна на работе, этична, со своими твердо установленными нормами поведения, без навязывания их другим. И на 31 году сублимация больше уже не достигает своей цели. Влечения ворвались в ее жизнь, заполнили ее личность. Она изменяет самой себе: теперь уж нет разговора о том, что идти на свидание—значит трепать чулки, о том, чтобы гладко зачесать волосы и т. д. И на этом месте, где позднее цветение идет с особенной силой, приходится удар, в виде соперницы, получающей поддержку со стороны своей же матери, сестры. И этот удар отщепляет, как и в предыдущем случае, автономную часть личности. Заставляет жить комплекс изолированно, чтобы в момент ситуационной слаженности действовать вместо личности, но вступаясь за ее жизненные права. Таков как раз и есть путь стенической реакции Прасковьи. Прасковья, как образно говорит об интерсексуальных женщинах Матес, должна была сгореть сама, либо сжечь другого. Она была в буквальном смысле слова брошена на второй путь.

Настоящий случай по своей заостренности приближается к чисто шизофреническому «короткому замыканию». В нашем материале мы имеем такой пример, когда отщепившийся комплекс долгими и кривыми путями искал себе выхода, покуда не прорвался в виде парадоксальной стенической реакции (случай убийства мужа шизофреничкой). По этому поводу нельзя не вспомнить слов Блейлера относительно характера ответов шизофреников: они отвечают вам на вопрос, давным давно заданный. В реакциях шизофренического типа происходит, примерно, то же самое. Эта задержка комплексного характера, торможение и разрыв всей личности дают вдруг себя знать парадоксальным и по внешности внезапным актом. В этом отношении между путями стенической реакции шизоидного типа и шизофренического глубокой и принципиальной разницы нет. Механизмы здесь одни и те же, и приводятся в действие они отщеплением куска личности, автономным активированием этого последнего.

Однако, далеко не все случаи убийств, осуществляемых женщинами-шизофреничками, являются исключительно парадоксальными, не продуманными, лишенными планомерности. В нашем

материале имеются случаи планомерного выполнения акта убийства именно шизофреничками на основе своеобразного психологического развития, какое в силу дефектности личности получило уродливое и извращенное направление. Как мы уже имели место указать, такого типа и направления реакция характерна для гебоидов. В случае, которым мы хотим иллюстрировать сказанное, во всей картине болезненного процесса, опустошающего личность, черты заостренной «ассоциальности» играют также решающую роль. Мы это подчеркиваем.

XVI случай Татьяна М-шева, 14 л., незамужняя, обвинялась в убийстве матери. По наследственной линии следует отметить: по отцовской—конституциональная депрессия, неустойчивость настроения, любовь к уединению, мнительность и подозрительность, попытки к самоубийству; по материнской—уравновешенность, некоторая дебильность, флегматичность, ворчливость и раздражительность. Татьяна, 2 по счету, родилась в Ленинграде, в семье бухгалтера. Родилась в срок. Роды были тяжелые. Родилась в асфиксии. Говорить начала своевременно, но большим запасом слов не обладала. В детском возрасте перенесла корь, коклюш, дифтерит и ветряную оспу. 3¹/₂ лет упала со стола; перелом ключицы. После падения некоторое время плохая ориентация в пространстве; не улавливала обращенных к ней вопросов. Учение с 6 лет давалось с трудом, быстро забывала усваиваемое. Росла живой, сдержанной, любила животных, имела подруг, особой любознательностью не отличалась. 8 лет поступает в гимназию, в то же время работает в музыкальном кружке, обнаруживает музыкальные способности и тонкий слух. В 1917 году бросает ученье. Материальные условия меняются к худшему. Татьяна, повидимому, этот период переживает тяжело: меняется в характере, становится замкнутой, мало общительной. Физически была истощена. В начале 1921 г. семья переезжает в Москву, где в течение года испытывает материальные лишения. Татьяна свидетельница стычек и ссор между родителями. Мать к Татьяне относится не совсем ласково. В 1922 г. уход отца из семьи. Татьяна остается с матерью, хотя и защищает перед матерью отца. В 1921 году Татьяна пытается возобновить ученье, но оно не удалось. В этот период увлеклась чтением без разбора. Приватно занималась у своих знакомых Г. К концу 1922 г. мать при встрече с отцом начала жаловаться ему на плохое поведение Татьяны: груба, резка, по 3 дня не разговаривает вовсе. Мать дальше выразила желание отдохнуть от дочери. По словам соседей, девочка росла без присмотра, еще часто видели ее в обществе молодых людей лет 16—19. Кокетлива была, любила говорить о любви, интересовалась книгами вроде «Сада пыток» Мирбо и Декамерона—Боккачио. Была холодна, бессердечна. К матери относилась со

злостью и иронией, говаривала в присутствии посторонних, что «у ней злые, крысиные глаза». Мать, в свою очередь, дочь не любила. Посторонних уверяла, что Татьяна не девочка, что она бездушна, развращена и т. п. Все говаривала: «она еще выкинет такое, что все вы будете удивлены». Татьяна часто бывала в одном доме, где устраивались кутежи, нюхали кокаин. Нередко оттуда возвращалась под утро. Особых препятствий к такому образу жизни мать не ставила. Между Татьяной и матерью лежала какая-то тайна. Между прочим, мать была осведомлена о сексуальных взаимоотношениях дочери с неким Г. Накануне убийства между Татьяной и ее недалекой матерью, на кухне, в присутствии посторонних произошла тяжелая сцена, по поводу поздних хождений Татьяны. Татьяна уверяет, что мать стесняла ее свободу. Задумала она убить свою мать 5 мая 1923 г. Думала целые 2 дня. Наконец, когда 7 мая, часов в 12 ночи мать легла и уснула, Татьяна взяла топор и положила к себе на кровать. Поставила зеркало на стол и долго смотрела то на себя, то на спящую мать. Затем взяла Достоевского «Преступление и наказание», раскрыла на том месте, где описывается убийство Раскольниковым старухи, и прочла. Взяла «Ниву», положила у постели матери, так как думала (вычитала об этом), что если выше стать, то удар будет сильнее. Все же убрала книгу на полку. Подошла к спящей матери, накрыла ей лицо кофточкой и ударила обухом по голове. Мать застонала, после чего Татьяна, боясь, что мать откроет глаза, увидит убийцу, нанесла ей еще несколько ударов, при чем один из ударов нанесла ей острием топора. Что было после этого, не помнит. Судебно-медицинским актом установлено, что ударов было нанесено не менее восьми. Одновременно установлен факт дефлорации Татьяны. По поводу последнего Татьяна заявила, что жила с неким Г., женатым, и мать догадывалась об этом, все время грозя ей разоблачением. После убийства Татьяна, по словам Г., который тогда же ее видел, вбежала в его комнату (соседнюю), тяжело дыша, с поднятыми руками. Она проговорила: «она хрипит», упала сперва на одно колено, потом, упершись локтем на пол, растянулась на полу. После этого держала себя спокойно, даже улыбалась. Окружающие казались более взволнованными.

По физическому своему состоянию Татьяна правильного телосложения с рядом дегенеративных стигм (как то: высокое твердое небо и т. п.). Систолический шум у верхушек сердца. Со стороны нервной системы: отсутствие глоточного и конъюнктивного рефлексов; красный, стойкий дермографизм. В психическом своем состоянии выявляет прежде всего тревогу о судьбе Г. Все справляется: «неужели его тоже арестуют». При этом слезы стоят на глазах. О своем акте говорит спокойно. В настроениях неустойчива; они несколько раз меняются;

преобладает хорошее настроение. Пишет дневник, который тщательно скрывает. По временам мало общительна, неразговорчива, то становится шаловливой и резвой. Часто обнаруживает детское упрямство: «не хочу, не буду». Упряма и трудно поддается уговору. Психологическое исследование от нормы резких отклонений не обнаружило. Мышление конкретно-направленное. Интересы гипертрофированы несколько в сторону сексуальности.

Татьяна находится в возрасте формирования. Она, повидимому, переживает пубертатный период, который по словам Гомбургера и др. (Homburger) дает целый ряд психотических вспышек. Эти последние, как правило, следует выделять от так называемого раннего слабоумия,—процесса, обедняющего личность. На практике, однако, мы часто встречаемся с невозможностью такого выделения, и пубертатный период здесь выявляет дебют шизофрении. Характер Татьяны, поскольку можно говорить о несформировавшейся еще личности, связан стержневым образом с влечениями главным образом сексуального порядка. Она, 14 летняя девочка, уже испытывает чувство сексуального наслаждения, она познала тайну мужской любви, она уже привязана страстностью и чувственностью к Г. Татьяна, по существу, беспризорный ребенок. Она предоставлена самой себе, своим влечениям, которые приобретают доминирующую власть над всей личностью. Разговоры о любви, постоянное сексуализирование, Декамерон под подушкой, кокетничание почти взрослой женщины—вот основные черты ее уродливой психики. В детстве она несколько иная, но и здесь так называемая препсихотическая личность идет почти вровень с будущим психотиком. Возраст полового развития обостряет, обтачивает эту уродливость. А ряд эндогенных факторов, идущих по линии развития ядра личности, умноженных на социальную и семейную запущенность, создают из Татьяны уже не только уродливого, но и больного ребенка. Татьяна в критическом возрасте своего развития лишена и отцовской, и материнской ласки, уюта. Та связь, которая скрепляет детей с родителями, у нее порвалась вместе с разрушением семьи. Сюда не забудем добавить элементов деклассации, социального упадка, повидимому, всей семьи. Отсюда станет уже понятней та заброшенность, которая заставляет Татьяну искать заместителей в том, чего она была лишена. Вот эти-то вредоносные влияния, попавшие на благодарную биологическую почву, создают почти замкнутый круг в виде «анэтичности», «ассоциальности», бездушья к окружающим, известного отрыва и ухода в мир сексуальных влечений. В привязанности к Г. у Татьяны играли роль не только первичные сексуальные влечения, но и уродливо, болезненно искривленное психо-сексуальное тяготение,

какое совсем нередко мы можем наблюдать в процессах, ведущих к прогрессивному понижению всей целокупности личности.

Г., повидимому, давал Татьяне не только сексуальное удовлетворение, но известное ощущение напряженности, правда либидинозного характера. Эта напряженность, в виде определенного объект-либидо в лице Г., заменяла Татьяне суррогатно семью, отца, мать. В возрасте полового созревания либидинозные привязанности к отцу, матери играют решающую роль в характерообразовании, в разворачивании личности; отсутствие их заставляет искать эти привязанности на других путях. Но отсюда они не становятся слабее. Вот почему угроза разоблачением, вечный Дамоклов меч, висящий над Татьяной, создают предрасполагающую почву для возникновения мысли об убийстве. А почти накануне тяжелый разговор на эту тему, разговор, ведущийся все время на острие ножа. И мысль, как задержанный акт, у личности больной, с малой активностью «верхних» слоев психики, быстро переходит в сложный и уже внушенный прочитанным план убийства.

И здесь стеническая реакция идет путем личности, возникая лишь из ее глубоких корней—влечений. Идет слитно со всей уродливостью и болезненностью самой личности, не внося в нее ничего принципиально нового. Этим последним именно и отличается настоящий случай от приведенных нами выше. Личность здесь захватывается стенической реакцией. Напряжение выливается в поднятии аффекта на его кульминационную точку, но сама реакция не фиксируется в личности. Этот тип характерологической реакции по механизмам своим совпадает со стеническими реакциями «гебоидов» и в социальном прогнозе своем не менее тяжек.

Чтобы, наконец, несколько оттенить и механизмы «короткого замыкания», и механизмы стенической напряженности у гебоидофренов, мы приводим случай так называемого мимовольного действия, но уже с другим действием отдельных систем личности.

XVII случай Надежда Я-о—К-ва, 26 л., обвиняется в покушении на убийство мужа. Ее настоящий муж второй, сошлась она с ним года 3 назад (в 1924 г.) по любви. В первый же месяц совместной жизни Надежда беременеет. Отношения между супругами, в связи с беременностью, начинают портиться. Причиной стычек были отлучки мужа. Надежда обычно встречала его слезами и упреками. Доверие к мужу пропало, но все же не хотела расходиться. Случай, приведший Надежду в заключение, произошел следующим образом: вместе с мужем она отправилась в гости, здесь муж интересовался одной недавно овдовевшей женщиной. Нервничая, Надежда с мужем отправились в другое место. Там на Надежду никто не обращал внимания. Муж ее ухаживал за какой-то женщиной, о которой

одна из гостей сказала Надежде, что ей подыскивают жениха. Надежда пыталась мужа оттянуть, звала его домой. Тот, отмахнувшись, заявил: «через полчаса приеду». Надежда уехала в тяжелом состоянии домой. Дома громко плакала, а когда уснул брат мужа, вынула из шкафа револьвер и решила стреляться. Не помнит, как взвела курок, куда целилась. Знает только, что во время неожиданного стука в окно, услышав возглас мужа «ах», выстрелила. Почувствовала, что вся в дыму, услышала звон разбитого стекла. Выбежала в одной рубашке во двор, крича: «помогите, я убила мужа». Увидала мужа в крови, вся кровью измазалась. Была насильно уведена домой только тогда, когда убедилась, что муж жив. Дома—истерического характера припадок.

Надежда в детстве развивалась правильно, училась хорошо. 8 лет перенесла брюшной тиф. Росла не особенно крепкой, но хворала редко. Менструация с 14 лет, каждые 3 недели по 3 дня, половая жизнь с 21 г., по выходе замуж. Чувствовала себя «стыдно» после первого полового сношения. Первый муж, по ее словам, был грубоватым и настойчивым в половых сношениях. Второй муж более чуток в этой части жизни Надежды. После рождения ребенка стали применять *coitus interruptus*. Бывала неудовлетворенной, применяла способ *per os*, после чего чувствовала себя плохо, было «стыдно». 2 месяца спустя после совместной жизни со вторым мужем у Надежды начали появляться состояния продолжительного плача с последующими моторными разрядами: дергалась, икала, рвала на себе волосы, каменная становилась и т. д. После таких состояний—слабость, головная боль. Надежда по характеру раздражительная, резко ревнивая, подзрительная, всякую шутку превращает в драму; падает в припадке до 3 раз в день; к мужу относится с глубоким чувством; ребенка «обожает».

С физической стороны астенична по телосложению, искривление позвоночника, правое плечо опущено, правая лопатка ниже левой, грудь впалая, питание ослабленное; ослабленное дыхание верхушки легкого, сухой кашель. Со стороны нервной системы: асимметрия и иннервации лицевых мышечных групп,—функционально усиленные сухожильные рефлексy, отсутствие глоточного, перикорнеального и конъюнктивального рефлексов, не резкий Ромберг, красный быстрый дермографизм.

По психическому своему состоянию Надежда прежде всего тосклива, большей частью плачет, откровенна, разговорлива, любит фантазировать, несколько склонна к любованию собой и своими близкими. Кругозор ограничен семьей и сексуальными переживаниями. Сама это сознает и тяготится своей зависимостью от мужа, порывается стать самостоятельной и зарабатывать. По ночам в темных углах ей кажутся всякие фигуры, ее охватывает чувство жути, страх. После совершенного чув-

ствуется себя виноватой по отношению к мужу. Надежда по складу своего характера шизотимична с ярко выраженными чертами жажды оценки (*Geltungssüchtige*), как их определяет Ашаффенбург или «жаждущих признания» (*Geltungbetüftige*) по К. Шнейдеру. Ее поведение, ее ревность, ее подозрительность, наконец, ее обидчивость и истерические реакции целиком говорят за неистребимое в Надежде: жажду оценки. Отношения с мужем также строятся на этой основе. Вот почему травма в этой области (ухаживание будто бы за другой женщиной при невнимании к ней) особенно глубоко ранит Надежду. Эта аффектность, в какую впала Надежда в гостях, все время поддерживается засевшей глубоко обидой на мужа и при первом же его стуке в окно, при мелькании его силуэта за окном переходит границы физиологического напряжения, становится патологическим и разряжается мимовольной стенической реакцией. Личность астеническая здесь в силу жажды сверх-компенсационных связей обороняется стенической наступательной реакцией. Моторный разряд настолько высок в своем напряжении, что он тут же Надежду истощает целиком.

Настоящий случай поучителен сравнением своим с предыдущими. Здесь нет парадоксальности, кривого и извилистого пути реакции, хотя налицо есть мимовольное действие, сопровождающееся изменением сознания. В предыдущих случаях речь шла о неизменном сознании, в настоящем же случае круг сознания настолько сужен, что вбирает в себя только стук в окно, только силуэт мужа. В этом принципиальная разница приведенных примеров, в этом, наконец, лежит и механизм аффективного напряжения у Надежды. Здесь как бы сочетанность быстрой моторной отдачи с аффективностью подчинения последнему всего поведения, и соответственный этому разряд, в виде мимовольного выстрела.

Нам думается, что в этом случае, в отличие от изложенного выше, приведены в действие не все этажи личности, или, лучше сказать, верхний этаж личности подчинен нижним и отвечает послушным образом на действия механизмов этих нижних этажей. Те же Кречмеровские «вентиль-механизмы» приведены в движение, но путь их разрядки коррелируется определенной склонностью Надежды к признанию ее, к исканию прав на это признание. В этом отношении так называемые истерические реакции должны быть поставлены между глубинными реакциями и реакциями личности.

V

Приведенный нами материал (67 случаев) позволяет сделать ряд выводов, которые, понятно, не являются окончательными, но смогли наметить путь дальнейших исследований. Наши

выводы расположиться в двух рядах—биологическом и социологическом, соответственно самой проблеме, стоящей на грани между указанными рядами. Переходим к ним.

1. Стеническая реакция в ее анти-социальном выражении, в нашем случае убийство у женщины, строится с точки зрения характерообразования на двух принципиально разных основах: она возникает, течет и иссякает, как реакция личности, или как примитивная реакция. Это означает, что в первом случае убийство явится заключительным звеном в цепи нарастания в личности и при ее участии определенных черт взрывчатости, злобности, мстительности и т. д.; а во втором случае убийство течет обходными для личности путями, не вовлекая основных сил, направляющих ее развитие, питаясь отдельными отколовшимися от личности кусками («комплексами», психизмами», по выражению Блейлера), либо находя кратчайший путь по линии мгновенной двигательной разрядки. Течение самой реакции еще не говорит о строе личности. И тот, и другой путь течения реакции может соответствовать личности эпилептотимного и шизотимного склада. Для первого наиболее характерным явится участие целокупной личности, для второго—ее отдельных изолированных кусков. Между указанными двумя основными типами стенической реакции располагается весь многообразный ряд переходного значения реакций, где действие тех или иных механизмов ограничено участием в реакции определенных слоев личности (ее „высших и нисших“ этажей).

2. Женский материал (по крайней мере, находящийся в нашем распоряжении) указывает на значительную напряженность в самом течении стенической реакции. Эта напряженность соответствует чрезвычайно узкому выбору объекта—жертвы. Размах стенической реакции у женщины ничтожен: он зависит от личных и интимных связей между носителем стенической реакции (убийцей) и объектом этой реакции (жертвой). Отсюда понятны теперь напряженность в течении реакции, глубина последней и нередко характер ее, как реакции «защиты», а не «нападения».

3. В женском материале меньшую роль, чем в мужском играют артериосклеротические и алкогольные изменения характера. Зато роль «психологического развития личности» возрастает. «Сверхценные» аффективные образования, изолированное действие «комплекса»—типическое выражение в механизмах стенической реакции у женщины, и эти механизмы обусловлены взаимосвязанностью биологических черт с определенными влияниями обстановки.

4. На ряду с этим нельзя пройти мимо факта наибольшей «физиологической» выразительности механизмов стенической реакции у женщины; механизмы «тоски по дому», «аффекты

расстерянности», столь характерные для детоубийц, как раз и отвечают наиболее глубинным реакциям личности (возникающим во время паники, общественных и личных катастроф, землетрясений и т. д.).

5. Особая склонность к образованию механизмов «сверхценных идей» и «комплексных» не может быть иначе объяснена, как только своеобразной социальной слабостью (лабильностью) женщины. Условия неустроенного еще быта, остатки и последствия сорных корней прошлого в известной мере ограничивают ориентировку в «социальном пространстве» у женщины. На нее давление социального пресса оказывает большее влияние, нежели на мужскую особь. Можно прямо сказать, что «социология» гонит женщину в «биологию». Отсюда эта острота и напряженность в стенических реакциях женщины. Активность, борьба, самоутверждение в этих реакциях проявляются полярно, как заместительные образования слабости, мягкости, малой упругости—астении. И эта поляризация социально обусловлена.

6. Подпадание под власть сверх-компенсационных образований, узость круга самой стенической реакции, напряженность в течении последней—все это указывает на своеобразную замкнутость и ограниченность в выборе раздражителей у женщины. Известный афоризм Шиллера—«для мужчины его дом—весь мир, для женщины весь мир в ее доме», хотя и устарел, но все же отражает наличие «расширенного аутизма» (термин М. Серейского), в кругу которого женщина и до сих пор изживает свои интимно-личные интересы.

Усилия современной действительности сводятся к тому, чтобы разбить этот порочный круг «аутизма», замкнутости и ограниченности. Много уже достигнуто. Но еще большего мы успеем, когда научимся управлять явлениями. А для этого их прежде всего надо знать и понимать.

Литературный указатель. 1. Adler Alfred — Menschenkenntnis 1927. 2. Alfred Adler—Über der nerwösen charakter 1922. 3. Aschaffenburg G.—Mord und Todschat, Monatschr. für Krim. u Psych. 1913, H 11/12. 4. Aschner Berne—Die Konstitution der Frau, 1924. Bjerre Andreas—Zur psychologie der Mörders, 1925. 6. Birnbaum K.—Die psychopathischen Verbrecher, 1926. 7. Beil, Ada—Das Schöpfungstum der Frau, 1925. 8. Bleuer E.—Affektivität, Suggestibilität u Paranoia, 6. Aufl. 9. Ганнушкин П.—Об эпилептоидном типе реакции, Совр. Медиц. 1927. 10. Gruhle—Psychiatrie, 1923. 11. Gruhle, Wetzel—Verbrechertypen, 1924. 12. Homburger—Psychopathologie des Kinderalters 1925. 13. Hoffman H.—Das Problem der Charakteraufbaus 1927. 14. Hoffman H.—Charakterantinomien u. Aufbau der Psychose, Zetsch. f. d. ges. Neus. u. Ps. 1927, 109. 15. Halban u Köhler—Konstitutionspathologie in der Gynäkologie u Geburtshilfe, 1925. 16. di-Gaspero—Hysterische Lähmungen, 1925. 17. Kretschmer E.—Der sensitive Beziehungswahn, II Aufl. 1927. 18. Kretschmer E.—Medizinische Psychologie, III Aufl. 1927.

19. К р а с н у ш к и н Е.—О психогении, Доклад на I Всесоюзном с'езде невропатологов и псих. в Москве, 1927. 20. К р а с н у ш к и н Е.—Опыт психиатрического построения характеров у правонарушителей. Сб. Преступник и Преступность, II, 1928. 21. Kurt-Schneider—Die abnormen seelischen Reactionen, 1927. 22. Kurt-Schneider—Die psychopathischen Persönlichkeiten, 1924. 23. Kraepelin E.—Psychiatrie, B. III. 24. Tandler u Grosz—Die biologischen Grundlagen der Secundären Beschlechtscharaktere, 1926. 25. Maier H.—Über katathyme Wahnbildung u. Paranoia Z. f. r. ges. N. u P. 1912, b. 13. 26. Simerling E.—Nevröse u Psychische Störungen während Schwägerschat, Geburt u Wochenbett (H. der Gynäkologie Doderlein). 27. Wilmanns—Wetzel—Gelibtenmörder 1925. 28. Mathes—Конституциональные типы женщин, 1926.
-

ДЕТОУБИЙСТВО

I.

Вопрос о детоубийстве в судебной практике становится весьма актуальным. Поднимается вопрос об «удельном» весе этих правонарушений среди совершаемых убийств, о социальной опасности матери-детоубийцы, выдвигаются требования о выработке в отношении данных правонарушений единой уголовно-политической линии, и в связи с этим вносятся те или иные уголовно-политические предложения. Подобные выступления имели место, как в Ленинградской, так и в Московской юридической печати. Этому же вопросу уделила весьма серьезное внимание У. К. К. Верховсуда РСФСР.

Посвящая изучению убийств настоящий сборник, Московский кабинет по изучению личности преступника и преступности не мог пройти мимо нашей темы, являющейся столь актуальной проблемой. Переходя к материалам, которые дали нам возможность осветить вопрос о детоубийстве, мы должны указать, что основным базисом для нашей работы явилась судебная практика Московского Губернского Суда. Так, нами изучены целый ряд дел, а также приговоры Губсуда за 1925, 1926 и первую половину 1927 года (всего 145 приговоров). Распределение осужденных за детоубийство по годам следующее:

1925 г.	60
1926 г.	57
1927 г. ¹	68

Итого . . . 185

Изучая удельный вес детоубийств среди общего числа осужденных за убийство, мы наблюдаем следующую картину: отношение числа осужденных за детоубийство к общему числу

¹ Когда наша работа была закончена, представилась возможность получить данные о числе осужденных за второе полугодие 1927 г.

осужденных за убийство (по нарсудам г. Москвы, уездов и Губсуду) равно 13,5%. Этот процент по годам изменялся следующим образом:

1925 г.	12%
1926 г.	14,5%
I полугодие 1927 г.	16,0%

Следовательно, из года в год удельный вес детоубийств среди общего числа убийств растет. Все же детоубийства почти в шесть раз менее распространены, чем другие виды убийств.

Переходя к вопросу о том, каков социальный облик данных правонарушений, мы должны остановиться прежде всего на распределении осужденных между городом и деревней.

Таблица № 1.

Распределение осужденных за детоубийства между городом и деревней

Место совершения детоубийства	Абсолютные числа	В ‰	На 100.000 населения
Город	48	33,1	0,6
Деревня	97	66,9	2,1
Итого	145	100,0	1,3

Детоубийство, таким образом, является по преимуществу правонарушением деревни (66,9% осужд.). Учтя же размеры городского и сельского населения Московской губернии, мы наблюдаем следующее распределение осужденных между городом и деревней: на 100,000 населения в городе приходилось 0,6 осужденных, а в деревне—2,1 осужденных. Таким образом, данные правонарушения распространены в деревне почти в четыре раза чаще, чем в городе. То обстоятельство, что детоубийство—правонарушение по преимуществу деревенское, видно также из табл. № 2.

Таблица № 2.

Социальный состав осужденных женщин

Социальное положение детоубийц	%
Работницы	12,1
Крестьянки	64,7
Домашние работницы	16,4
Прочие	6,8
Итого	100,0

Среди осужденных женщин самая большая группа—это крестьянки (64,7%). Но если учесть то обстоятельство, что все домашние работницы, как это видно из наших материалов, по своему социальному происхождению являются крестьянками, то тогда общий процент среди осужденных женщин—крестьянок будет равен 81,1% всех осужденных.

Выше мы рассматривали распределение осужденных между городом и деревней; там было указано, что из общего числа осужденных за детоубийство на город падает 33,1% осужденных. Этот процент все таки довольно значителен для города. Однако, если мы подвергнем анализу этот процент осужденных женщин в городе, то увидим, что среди последних весьма значительный процент составляют по существу крестьянки. Это можно видеть из следующей таблицы.

Таблица № 3.
Социальный состав городских детоубийц

Социальное положение городских детоубийц	%
Работницы	24,2
Домашние работницы	65,5
Прочие	10,3
Итого	100,0

Самая значительная группа женщин, осужденных за детоубийство в городе, состоит из домашних работниц (65,5%). Последние же, как мы знаем, являются крестьянками, пришедшими в город на заработки.

Итак, детоубийство не является правонарушением, характерным для города. Однако, в росте детоубийство сравнительно по городу и деревне за эти годы мы наблюдаем весьма интересные тенденции:

Таблица № 4.
Рост детоубийств в городе и деревне

Место совершения преступления	1925	1926	1927
Город	26,9	31,3	47,8
Деревня	73,1	68,7	52,2
Итого	100,0	100,0	100,0

Из этой таблицы мы видим, что среди осужденных за каждый год в отдельности, непрерывно растет число последних из года в год по городу, по деревне же—снижается. Причину непрерывного роста данных правонарушений в городе можно выяснить если мы проследим следующую картину:

Таблица № 5.

Динамика социального состава детоубийц

Социальное положение детоубийц	1925	1926	1927
Работницы	11,3	11,9	9,0
Крестьянки	62,3	76,2	50,0
Домашние работницы	13,2	11,9	36,4
Прочие	13,2	—	4,6
Итого	100,0	100,0	100,0

Здесь видно, что среди осужденных за детоубийство процент работниц постепенно снижается. Крестьянки же в 1927 году по сравнению с прошлым дают довольно значительное снижение процента осужденных за детоубийство. Весьма существенное повышение процента наблюдается среди домашних работниц, осужденных за детоубийство, в первом полугодии 1927 года. Последнее обстоятельство и вскрывает причину роста данных правонарушений в городе. Рост этих правонарушений в городе идет за счет домашних работниц, т. е. за счет не коренного населения города, а пришлого—из деревни. Этот факт, повидимому, отражает общий наплыв свободной рабочей силы из деревни в город, отражая собою так называемое «аграрное перенаселение».

Первое, что бросается в глаза при анализе образовательного уровня осужденных, это огромный процент малограмотных (64,7%), а также весьма значительный процент неграмотных (29,5%). Со средним образованием—весьма незначительный процент, а высшее отсутствует вовсе. Осужденные за детоубийство выделяются своей культурной отсталостью из общей массы осужденных за другие виды убийства. Это видно из следующих данных ¹:

¹ Данные о числе осужденных по 136 ст. (исключая детоубийство) за 1924—26 г. взяты из статьи В. Д. Меньшагина, помещенной в настоящем сборнике.

Таблица № 6.

Образовательный уровень детоубийц и прочих убийц

Образование детоубийц	Осужден. за детоубийство (1924—I пол. 1927 г.)	Осужден. за другие виды убийства
Высшее	—	0,3
Среднее	5,8	9,5
Нисшее (закончен. и незаконченное)	64,7	77,9
Неграмотные	29,5	12,3
Итого	100,0	100,0

Переходя к изучению возрастного состава осужденных женщин, мы наблюдаем следующую картину:

Таблица № 7.

Возрастный состав осужденных

Возраст детоубийц	%
До 17 лет	—
От 17 до 21 г.	39,3
» 21 » 25 л.	32,4
» 25 » 30 »	17,7
» 30 » 40 »	4,5
» 40 » 50 »	2,3
» 50 и свыше	3,8
Итого	100,0

Среди детоубийц преобладают, таким образом, наиболее молодые возрасты. Так в возрасте от 17 л. до 21 г. осуждено 39,3% осужденных, а в возрасте от 21 до 25 л.—32,4% осужденных. Таким образом, процент лиц, совершивших данные правонарушения в возрасте до 25 лет равно 71,7% всех осужденных женщин за детоубийство. Женщины же старших возрастов являются исключительно соучастницами.

В отношении полового состава осужденных за детоубийства мы имеем следующее соотношение между мужчинами и женщинами:

Таблица № 8.

Половой состав осужденных

Пол детоубийц	%
Мужчин	11,1
Женщин	88,9
Итого	100,0

Вполне естественна превалирующая роль женщин (88,9%) в этих правонарушениях, так как субъектом последних обычно фигурирует мать убитого ребенка.

Возраст же осужденных мужчин не представляет, также, как и социальный состав, существенных отличий от женщин-детоубийц.

Таблица № 9.

Семейное положение осужденных женщин

Семейное положение детоубийц	%
Незамужних	71,2
Замужних	12,8
Вдов и разведенных	16,0
Итого	100,0

Как видим, наибольший процент падает на незамужних (71,2%). Если же присоединить к последним вдовых и разведенных, то этот процент будет равен 87,2% всех осужденных женщин.

Что же касается судимости в прошлом и, в частности, рецидива, то таковая абсолютно отсутствует среди осужденных, как женщин, так и мужчин.

Способы совершения детоубийств самые разнообразные. Но в основном они представляются в следующем виде:

Таблица № 10.

Способ совершения детоубийства

Способ детоубийства	%
Удушение	67,7
Утопление	12,6
Оставление без пищи	5,5
Отравление	4,8
Прочие	9,4
Итого	100,0

Наибольший процент детоубийств совершается при помощи удушения (67,7%), затем при помощи утопления (12,6%).

Обращаясь к конкретным случаям детоубийств, мы должны констатировать разнообразие способов его совершения: отравления совершаются при помощи уксусной эссенции, керосина, соды и т. п. Удушение производится, главным образом, руками, подушкой, зачастую одеялом, шубой, и другими предметами. Нередки случаи, когда зарывают живым ребенка в избе под пол, во дворе в навозную кучу, в сарае, в снегу. Утопление совершается в колодце, речке, уборной. При оставлении ребенка без пищи относят его в овраг, погреб, под крыльцо дома. Убийство ребенка производится так же и ударом по голове тяжелым предметом. Очень редко правонарушители прибегают к ножу, как орудию убийства. В группе «прочих» способов детоубийства, имеются случаи, когда смерть ребенка следовала в результате длительного и систематического истощения. По показаниям свидетелей в одном случае мать систематически не кормила новорожденного и, следует подчеркнуть, что таким образом, лишила жизни трех своих детей. Детоубийства почти исключительно совершаются сейчас же после родов. Что же касается места последних, то они обычно происходят не в больнице, а дома. В деревне, судя по нашему материалу, они чаще всего совершаются в сарае, в саду и т. д.

Осужденными за детоубийство являлись:

Таблица № 11.

Суб'ект детоубийства

Лицо, совершившее преступление	%
Мать	82,8
Отец	11,2
Родственники и знакомые	6,0
Итого	100,0

Следовательно, главное участие в этих правонарушениях принадлежит матери-детоубийце. Родственники же и знакомые, а также, в значительной степени, и отец—детоубийца являются соучастниками, как это видно из следующих данных:

Таблица № 13.

Соучастие в детоубийстве

Лицо, совершившее преступление	Единолично	Всоучастии	Итого
Мать	98,4	1,6	100,0
Отец	76,5	23,5	100,0
Родственники и знакомые . .	—	100,0	100,0

Эта таблица подтверждает, что в качестве соучастников фигурируют родственники и знакомые. Весьма незначителен процент матерей-детоубийц, осужденных за соучастие (1,6%). В таких случаях физическими исполнителями правонарушения являлись отцы-детоубийцы. Довольно значителен процент, как уже выше отмечалось, осужденных в качестве соучастников, отцов-детоубийц (23,5%).

Из всего вышеизложенного мы можем сделать следующие основные выводы:

1. Детоубийства почти в шесть раз менее распространены, чем другие виды убийств.

2. Детоубийства являются правонарушениями по преимуществу деревенскими. В деревне детоубийства распространены (по отношению к населению) почти в четыре раза чаще, чем в городе.

3. По социальному составу осужденные за детоубийство женщины являются по преимуществу крестьянками. Так, даже в городе подавляющее число осужденных состоит из домашних работниц, которые, как мы знаем, происходят из тех же крестьянок.

4. По образовательному уровню осужденные за детоубийство женщины являются в большинстве малограмотными, а также весьма значителен процент совсем неграмотных.

5. Преобладающую роль в данных правонарушениях играет возраст до 21—25 лет.

6. По семейному положению подавляющее большинство осужденных за детоубийство женщин являются незамужними. Половой состав всех осужденных за детоубийство почти исключительно женский. Однако, тот процент мужчин, который осужден за детоубийство (11,1%), нужно для данных правонарушений признать весьма высоким.

Каковы же те социально-бытовые условия, в которых совершаются детоубийства? Каков социально-бытовой облик осужденных детоубийц? Это можно с достаточной ясностью выявить при изучении тех мотивов, которые толкают осужденных к со-

вершению правонарушений. Вместе с тем, мы остановимся на характеристике отношения окружающих к внебрачно-забеременевшей женщине, особенно в деревне.

Осужденными женщинами указываются следующие мотивы совершения ими детоубийств: материальная нужда, стыд перед окружающими за внебрачную беременность и др. Рассматривая распределение осужденных женщин между этими мотивами, мы получаем следующие данные:

Таблица № 13.

Мотивы детоубийства

М о т и в ы	%
Стыд перед окружающими	60,2
Материальная нужда	36,9
Прочие мотивы	2,9
	100,0

Таким образом, мотив стыда перед окружающими в детоубийствах играет по показаниям самих осужденных очень значительную роль. Но какова роль этих мотивов среди осужденных женщин различных социальных категорий? Это обстоятельство мы можем выяснить из следующей таблицы:

Таблица № 14.

Социальное положение осужденных и мотив детоубийства

Социальное положение	М о т и в .		Итого
	Стыд	Материальная нужда	
Работницы	50,0	50,0	100,0
Крестьянки	82,8	17,2	100,0
Домашние работницы	5,3	94,7	100,0
Прочие	55,5	44,5	100,0

Среди осужденных крестьянок большинство (82,8%) совершало правонарушения из-за стыда перед окружающими.

Среди же лиц, осужденных в городе, мы совершенно не наблюдаем такой огромной роли мотива стыда перед окружающими, как это приходится наблюдать среди осужденных крестьянок. Так, среди осужденных работниц 50% совершают эти правонарушения из-за материальной нужды. Домашние же работницы едва ли не на 100% (94,7%) также совершают эти правонарушения

по причинам материального характера. Если же учесть, что домашние работницы составляют 65,5% среди всех осужденных города, то тогда можно вполне определенно сказать, что среди городских детоубийц преобладающим мотивом при совершении данных правонарушений является материальная нужда. Приведем несколько примеров, с достаточной четкостью иллюстрирующих приведенные только что данные.

Остановимся прежде всего на осужденных крестьянках. Как мы видели выше, большинство крестьянок указывает на стыд перед окружающими за внебрачную беременность, как на основной мотив совершения детоубийств. В качестве иллюстрации таких дел можно было бы привести следующий случай из практики Мосгубсуда: некая гражданка Доб., несудимая, девица, 19 лет, грамотная, из крестьян, сообщает, что задушила ребенка не столько из-за нужды, сколько из боязни огласки и стыда перед окружающими, а также невозможности в дальнейшем выйти замуж. В другом случае, гр-ка Д., 21 г., неграмотная, незамужняя, несудимая, из крестьян, сообщает, что совершила правонарушение вследствие боязни и стыда, как перед родными, так и перед односельчанами. При этом указала, что ей хорошо было известно, что с отца ребенка можно по суду взыскать на содержание ребенка, так что умерщвление ребенка причинами материального характера, повидимому, не вызывалось.

В качестве примера детоубийств, совершаемых крестьянками по причине материальной нужды, можно привести следующее дело: Гр-ка Е., крестьянка, неграмотная, вдова, имеет 2-х детей, осуждена за лишение жизни новорожденного ребенка. Материальные условия, в которых жила гр-ка Е., были чрезвычайно тяжелы. Она еле могла воспитывать оставшихся после мужа двух своих детей. Поэтому прокормить третьего ребенка ей было очень трудно; это обстоятельство и побудило ее совершить правонарушение. Насколько в таких случаях наряду с материальной нуждой, как основным мотивом, сплетаются и другие мотивы, как например, стыд перед окружающими— видно из следующего дела: Гр-ка Б., крестьянка, 22 лет, грамотная, разведенная, живет совместно со своими родителями. Будучи беременной, тщательно скрывала от последних это обстоятельство. В момент родов ушла в сад, причем взяла с собой нож, как сообщает, для того чтобы перерезать пуповину.

На помощь никого не приглашала. Родив ребенка, тут же перерезала ему горло и, взяв лопату, зарыла его в саду. Затем сейчас же вернулась домой и поехала в поле за снопами. Лишила жизни ребенка из-за страха перед родителями, как бы они не выгнали ее из дому, а также из-за стыда перед окружающими. В последнем случае мы видим, как на ряду с материальной нуждой играл определенную роль так же и стыд перед окружающими.

Что же касается детоубийств, совершаемых в городе, то здесь, как мы выше видели, в большинстве случаев встречаются домашние работницы. Обстановка, в которой совершаются эти правонарушения домашними работницами, может быть выявлена на следующем случае из судебной практики: гр-ка Ш., 25 лет, из крестьян, неграмотная, незамужняя, домашняя работница, несудившаяся, узнав о том, что хозяева ни в коем случае не будут ее держать у себя с ребенком, решила поэтому утопить новорожденного в колодце, чтобы не лишиться работы. В другом случае, гр-ка П., из крестьян, домашняя работница 20 лет, малограмотная, девица, несудившаяся, будучи беременной, скрывала от окружающих это обстоятельство. Роды произошли на полу в комнате. Появление ребенка на свет произошло без посторонней помощи. После этого взяла на кухне нож и пошла с ребенком в уборную. Там ножом отрезала голову у новорожденного и разрезала ее еще на 2 части. Затем отрезала ручки, ножки, распорола туловище и после этого все эти части спустила в трубу унитаза. Лишила жизни ребенка потому, что с последним будет тяжело жить, ибо придется лишиться работы.

Детоубийства совершаются женщинами не только по мотиву материальной нужды и стыда, но также и по другим мотивам, которые, однако, встречаются весьма редко.

Так, например, есть несколько случаев детоубийства, совершенных с целью скрыть беременность от мужа. Нам встретилось также несколько случаев детоубийств, к которым женщины прибегали на том основании, что зачатие ребенка имело место во время изнасилования. Наконец, интересен в бытовом отношении случай покушения на детоубийство, совершенный вдовой 44 лет, имеющей 6 человек детей, крестьянкой, несудившейся и находившейся на иждивении двух дочерей. К правонарушению привело очень тяжелое материальное положение и нарекания дочерей, на иждивении которых она находилась.

Выше мы рассматривали те мотивы, которые приводят к правонарушениям матерей-детоубийц; теперь перейдем к рассмотрению этих мотивов у отцов-детоубийц.

Правонарушения последними совершаются обычно на почве нежелания платить алименты на содержание ребенка. В качестве примера, характеризующего эти правонарушения, можно привести следующее дело: Гр-н Г., 22 лет, малограмотный, из крестьян, женат, несудившийся. Работал в последнее время в качестве кустара и зарабатывал в месяц 150 р. Вступив в сожительство с гр-кой Е., он в момент беременности последней оставил ее и женился на другой. Гр-ка Е. после родов возбудила дело об алиментях. На суде гр-н Г. отказывался признать себя отцом ребенка. Впоследствии он сообщил, что делал это по той причине, что на суде было много знакомых и поэтому стыдно было

сознаваться в отцовстве. После того, как суд вынес решение о взыскании с гр-на Г. алиментов, последний пришел на квартиру к гр-ке Е. и начал просить отдать ребенка ему на воспитание. Получив отказ, он попросил ему дать ребенка, чтобы поцеловать его. Взяв ребенка на руки, гр-н Г. начал носить его по комнате и вдруг, неожиданно для присутствующих, бросил ребенка на пол, в результате чего последовала смерть последнего. На суде гр-н Г. указывал, что он был пьян и поэтому уронил ребенка. Однако свидетельскими показаниями было установлено, что гр-н Г. был в трезвом состоянии. Этот случай ярко рисует кулацкую психологию осужденного, который, не находясь в затруднительном материальном положении, все же не желал платить алиментов и прибег к детоубийству. Характерно также и то обстоятельство, что, узнав о намерении сожительницы возбудить дело об алиментах, поспешил произвести раздел имущества с матерью. Этот поступок свидетели объясняют, как лишнее доказательство того, что причиной совершенного им правонарушения является корыстный момент, нежелание платить алименты.

В другом случае, гр-н Т., 25 лет, из крестьян, грамотный, по профессии маляр, холост, несудившийся, желая поскорее отделаться от сожительницы и прежде всего не платить алименты, уехал к своим родным в деревню и, рассказав последним о своей связи, попросил их, чтобы они сосватали ему какую-нибудь девушку. После сватовства была назначена свадьба и день регистрации брака. Затем гр-н Т. уехал к своей бывшей сожительнице и начал убеждать ее в том, что он на ней женится, примерял обручальное кольцо при ней, и, затем между прочим, спросил, не собирается ли она возбудить против него дело об алиментах. Получив ответ, что в случае необходимости ей к этому придется прибегнуть, гр-н Т., под благовидным предлогом пошел в соседнюю комнату, где лежал ребенок, и влил в рот последнему каустическую соду, в результате чего последовала смерть.

Что же касается роли соучастников в детоубийствах, то здесь необходимо заметить следующее: мужчины играют роль подстрекателей. Не желая платить алименты на содержание ребенка, они убеждают сожительницу убить последнего, указывая, что только при этом условии он женится на ней. Женщины же руководятся мотивами жалости и привязанности к осужденной. Так, например, в одном случае подруга положила в корзину ребенка, уже задушенного матерью, и бросила в речку; при таких же условиях в другом случае сестра осужденной вынесла ребенка в погреб.

Для характеристики роли соучастников приведем еще один случай: дочь, задушив ребенка, просила старуху-мать закопать

его, угрожая, в случае невыполнения ее просьбы, удавиться. Старуха ребенка закопала, заявив на суде, что сделала это потому, что хотела «скрыть стыд дочери».

В заключение остановимся на характеристике отношения окружающих к внебрачно-забеременевшей женщине, в особенности в деревне. Здесь для последней нередко создается весьма тяжелое положение, которое можно видеть из следующего дела: гр-ка Т., 20 лет, неграмотная, работница, девица, несудившаяся, познакомилась с гр-ном М. Последний начал за ней ухаживать и обещанием жениться склонил ее к половым сношениям. Сожительство продолжалось довольно значительное время. Почувствовав себя беременной, гр-ка Т. сообщила об этом сожителю. Последний заявил, что после этого она ему больше не нужна. Тогда гр-ка Т. уехала на родину, к своим родным в деревню. Там она тщательно скрывала свою беременность, боясь родных и насмешек односельчан. Однако, многие догадывались о ее положении, и по деревне пошла молва, что гр-ка Т. без мужа забеременела. Родные спрашивали, соответствует ли истинному положению вещей то, что о ней говорят в народе. Она отрицала. При этом родные в категорической форме ей заявили, что если у нее будет ребенок, то чтобы она к ним не приходила.

В дальнейшем, в последних числах декабря 1925 г. гр-ка Т. почувствовала приближение родов. Покинутая всеми, не видя ни откуда поддержки, угнетенная чувством страха перед родителями и стыда перед окружающими, гр-ка Т. вечером вышла из деревне к речке и там без посторонней помощи родила ребенка живым. Завернув ребенка в платок и бросив его в снег, вернулась домой и на другой день уже работала на фабрике. В другом случае мы видим, как родные свои угрозы приводят в исполнение: гр-ка А., 17 лет, из крестьян, девица, несудившаяся, неграмотная, находилась на иждивении отца-крестьянина. Когда последний узнал о ее беременности, то стал ее всячески ругать и затем выгнал из дому. От отца она ушла в город и устроилась няней у некой гражданки. Лишившись в дальнейшем работы и чувствуя приближение родов, ушла в родильный дом и родила живого ребенка. Выйдя затем из родильного дома и не зная куда идти и что делать с ребенком, бросила его в яму, где он и умер.

III.

Выявив социально-бытовую обстановку, в которой совершаются детоубийства, мы тем самым облегчили задачу выяснения этиологии этих правонарушений.

Прежде всего необходимо остановиться на причинах роста детоубийств. Этот рост объясняется тем, что в то время, как былые

семейные устои теперь значительно поколеблены, новые бытовые начала еще недостаточно укрепились. Нередко этот рост новых бытовых начал находит себе отражение в кривом зеркале старой психологии. В нашей печати уже неоднократно отмечалась возросшая легкость половых отношений, приводящая нередко к теории полового нигилизма. Эта легкость половых отношений, как в городе, так и в деревне, приводит к значительному росту числа внебрачно-забеременевших. Горожанки в таких случаях обычно выходят из положения при помощи абортов, ибо в городе больше технических возможностей для совершения аборта, чем в деревне. Что аборт является по преимуществу явлением городского порядка видно из следующих данных.

Число полных абортов за 1925 г. на 1.000 человек населения всех возрастов, взятого по предварительным итогам переписи 1926 года, приходится на губернские и автономные центры—9,1, а на сельские местности—0,5, из чего видно, что аборт явление по преимуществу городского порядка. В деревне он развит значительно слабее. Поэтому деревенская девушка значительно чаще прибегает к детоубийству, нежели горожанка. Затем, уровень детоубийств значительно выше в деревне, чем в городе в силу большего консерватизма бытового уклада деревни по сравнению с городом. Мы выше видели, что основные мотивы, толкающие осужденных на правонарушение, это материальная нужда и стыд перед окружающими. Несомненно, что материальная нужда играет значительную роль не только в городе, но и в деревне, где обычно девушка находится в полнейшей материальной зависимости от родных и вынуждена совершать детоубийство, дабы не прибавлять в семью вовсе нежелательного лишнего рта. Но значит ли это, что по существу мотив материальной нужды нужно считать единственным мотивом в данных правонарушениях? Такая постановка вопроса была бы, конечно, неправильной, ибо мы не можем игнорировать влияния, подчас непосредственного, консерватизма бытового уклада. В особенности это видно в деревенских детоубийствах. Так, выше мы отмечали случаи, когда детоубийства совершались даже при довольно благоприятных материальных условиях. В глазах окружающих такие девушки покрываются несмываемым позором, и на такой девушке деревенский парень редко захочет жениться. Для того, чтобы проверить истинность вышеизложенного, остановимся на тех мотивах, по которым производятся аборты в городе и в деревне. На этот вопрос дает ответ следующая таблица¹:

¹ «Аборты в 1925 г.» Изд. ЦСУ, стр. 55.

Таблица № 15.
Мотивы аборт в различных местностях

Мотивы Местность	Недостат. материал. средств	Болезнен. состояние	Желание скрыть бе- ременность	Наличие грудных детей	Итого
Губернские города	66,4	19,3	1,6	12,7	100
Прочие города	59,1	32,8	2,9	5,2	100
Сельские местности . . .	58,2	29,7	7,3	4,8	100

Здесь, следовательно, мы наблюдаем в основном ту же закономерность, что и при детоубийствах.

Так, по мотиву материальной нужды аборт преимущественно совершаются в городе, из-за стыда же перед окружающими— в деревне. На той же странице цитируемой книжки мы читаем: «Крестьянки по причинам материальной необеспеченности abortируют 56,5%, но зато они имеют довольно значительный, по сравнению с другими социальными группами, процент абортов, вызываемый желанием скрыть беременность—10,3% против 5,2% у работниц, 3,2% у служащих и 2,2% у безработных».

Цитируемый автор далее пишет: «... Особенно велика разница между состоящими в официальном браке и не состоящими (незарегистрированный брак) при мотивировке «желание скрыть беременность». Должно быть, все еще крепко держатся бытовые устои, и внебрачная беременность попрежнему продолжает считаться позором».

Таким образом, легкость половых отношений, с одной стороны, приводит к значительному возрастанию числа внебрачно-беременных, а, с другой стороны, в силу сохранившихся еще старых взглядов на внебрачную беременность, приводит к такому возрастанию числа детоубийств. В особенности значителен этот рост в деревне, где особенно сильны начала старого быта, в силу более медленного темпа социалистической перестройки деревенской культуры по сравнению с городской, и в силу отсутствия технических возможностей деревни к совершению абортов. Существеннейшую роль в этих правонарушениях играет мотив материальной нужды, но последний часто связан со стыдом за внебрачные роды перед окружающими. Крестьянки на суде в большинстве случаев указывают на мотив стыда. Но при более тщательном изучении дела мы видим, что очень часто вместе со стыдом фигурирует также и материальная нужда, поскольку крестьянская девушка живет в семье родных и находится от них в полной материальной зависимости. Кроме

того, само чувство стыда в конечном итоге выросло из тех материальных условий, в которых находится внебрачно забеременевшая, ибо в деревенском хозяйстве новорожденный является лишним ртом, не имеющим отца, т.-е. того лица, которое прежде всего должно нести все тяжести по его воспитанию. Внебрачно-рожденный ребенок лишен, таким образом, этой отцовской опеки. Вот эти обстоятельства и приводят к тому, что окружающие относятся отрицательно к таким связям. А из этой отрицательной оценки и вырастает чувство стыда за внебрачную беременность. Однако, стыд за внебрачные роды, выражающий консерватизм бытового уклада, иногда является непосредственной причиной совершенного правонарушения.

IV.

Борьба с детоубийствами может идти по двум линиям: по линии социального предупреждения и по линии уголовно-судебной.

Одним из крупнейших слагаемых в области социального предупреждения детоубийств являются мероприятия отделов Охраны Материнства и Младенчества.

Под'отдел Охраны Материнства и Младенчества Мосздравотдела ведет работу по линии социального предупреждения детоубийств при помощи Советов Социальной Помощи. Кроме того, в Москве имеется дом для беспризорных матерей. Советы Социальной Помощи ставят себе задачей оказание материальной помощи нуждающейся матери, а также ведут надзор за состоянием ребенка, за теми условиями, в которых он пребывает, и т. д. Обычно надзор за матерью начинается еще с родильного приюта. Когда мать после родов уходит из родильного приюта, то ее адрес сообщается Совету Социальной Помощи того района, в котором она проживает. После этого извещения Совет Социальной Помощи посылает делегатку-обследовательницу на квартиру матери для обследования тех условий, в которых находится новорожденный. Если обнаруживается, что мать очень нуждается, то ей оказывается помощь или деньгами, или вещами, как, например, кроваткой, одеялом, подушкой для ребенка и т. д. Так, в 1926 г. помощь оказывалась до 20 руб. в месяц. При Советах Социальной Помощи имеются также юридические консультации, которые разъясняют матерям возможность взыскания алиментов, оказывают помощь по получении жилплощади и т. д.

Что же касается периферии, то там работа ведется слабее. Как раз именно в деревне, где уровень детоубийств больше, чем в городе, эти органы, находящиеся на местном бюджете, чрезвычайно слабо финансируются. Мы ознако-

мились с единственным в Москве домом для беспризорных матерей. Принимаются туда только особо нуждающиеся матери, обычно по выходе из родильного приюта. Состав дома в настоящее время почти исключительно состоит из домашних работниц. Продолжительность пребывания в доме беспризорных матерей ограничивается 2—3 месяцами. В 1926 г. было пропущено 240 женщин. При доме имеются мастерские. Домашние работницы, попадая в такой дом с ребенком, конечно, не будут прибегать к детоубийству. За все время существования этого дома беспризорных матерей был только один случай покушения на детоубийство.

Едва ли нужно доказывать, какое важное значение для нуждающихся матерей имеет дом беспризорных матерей, который многих из них удержал от правонарушения. Такую же важную работу в этом отношении проводят и Советы Социальной Помощи. Поэтому для того, чтобы усилить нашу борьбу с детоубийством путем социальной превенции, необходимо более внимательно относиться к задачам финансирования этих организаций, нужно усилить работу в родильных домах по надзору за матерями. Необходимо, чтобы родильные дома имели специальные средства на отправление матерей-крестьянок на родину. Затем нужно приступить к организации таких домов для беспризорных матерей в сельских местностях.

Помимо того, должны быть усилены мероприятия по изысканию средств «на местах», как это уже отчасти и теперь делается.

Отделы Охраны Материнства и Младенчества должны обратить специальное внимание на рост детоубийств. Вопрос о детоубийстве должен быть также включен в план работы Санпросвета.

Вместе с тем, должно быть больше обращено внимание на организацию в уездах детских ясель. В уездах необходимо более энергично развивать сеть абортных комиссий, ибо за отсутствием последних обращение в деревне к детоубийству может продолжать расти. Также должны быть популяризованы противозачаточные средства.

Наконец в отношении оказания помощи забеременевшим домашним работницам необходимо усилить деятельность профсоюзных органов.

V.

Переходя к изучению уголовно-судебной политики Мосгубсуда в отношении детоубийств, необходимо прежде всего остановиться на тех мерах социальной защиты, которые применялись в борьбе с данными правонарушениями.

Таблица № 16.

Меры социальной защиты

Меры социальной защиты	%
Условно осуждено	53,3
Лишение свободы на срок до 1 г.	15,8
» » » » от 1 до 2 л.	21,1
» » » » » 3 » 4 »	5,2
» » » » » 5 » 7 »	2,0
» » » » » 8 » 10 »	2,6
Итого	100,0

Мягкость репрессии за детоубийство рисуется в этой таблице с особенной силой. Так, к условному осуждению приговорено свыше половины всех осужденных (53,3%). Такой процент приговоренных к условному осуждению, когда в течение долгого времени ст. 142 УК (ред. 1922 г.) в своей санкции требовала лишения свободы не ниже 8 лет, является чрезвычайно показательным. За изучаемые годы есть только 4 приговора, которые выполнили требование санкции 142 статьи УК. На ряду с весьма высоким процентом условно-осужденных, правонарушители приговариваются на очень низкие сроки лишения свободы. Эта мягкость репрессии в отношении детоубийств становится особенно очевидной, если мы учтем применяемость к данным правонарушениям на ряду с 36 ст. УК (теперь 53 ст. УК, ред. 1926 г.), также ст. 28 УК (теперь 51 ст., ред. 1926 г.). Как уже отмечалось выше 36 ст. УК была применена в отношении 53,3% осужденных. Применение же ст. 28 УК имело место в отношении 44,1% осужденных. Таким образом 28 и 36 ст. УК применялась к 97,4% осужденных.

Диаметрально противоположную позицию занял Губсуд в отношении остальных групп осужденных за убийства. Это видно из следующей таблицы.

Таблица № 17.

Применение мер социальной защиты в отношении детоубийц и других убийц

Меры социальной защиты	Осужден. по 136 ст. УК (искл. детоуб.)	Осужден. за детоубийство (1925—1 пол.
Условно осуждены	11,2	53,3
Лишен. свободы на срок до 1 г.	10,7	15,8
» » » » от 1—2 л.	25,0	21,1
» » » » » 3—4 л.	15,4	5,2
» » » » » 5—10 л.	37,7	4,6
Итого	100,0	100,0

В отношении осужденных за другие виды убийств Губсуд проводит весьма суровую линию репрессии. Так, наибольший процент осужден к лишению свободы на срок от 5 до 10 лет (37,7%); в отношении же осужденных за детоубийство мы наблюдаем диаметрально противоположную картину. И затем само за себя говорит то обстоятельство, что к условному осуждению приговорено 53,3% осужденных за детоубийство. Все это говорит о том, что судебная практика в течение последних лет четко и вполне определенно проводит резкую грань между осужденными по одной и той же статье, заняв весьма мягкую позицию в отношении детоубийц и суровую в отношении всех остальных осужденных.

Однако, если в общем по отношению к осужденным за детоубийство применяются мягкие меры социальной защиты, то при более внимательном анализе судебной практики мы замечаем неодинаковое отношение последней к осужденным за детоубийство мужчинам и женщинам. Это можно констатировать на основании следующих данных:

Таблица № 18.

Меры социальной защиты в связи с полом детоубийц

Меры социальной защиты	Женщин	Мужчин
Условно осуждены	58,6	11,7
Лишен. свободы на срок до 1 г. . .	17,8	—
» » » » от 1—2 л.	21,4	17,6
» » » » » 3—4 л.	2,2	29,4
» » » » » 5—7 л.	—	17,6
» » » » » 8—10 л.	—	23,7
Итого	100,0	100,0

Здесь прежде всего обращает внимание то обстоятельство, что особенно суровая линия репрессии проводится в отношении мужчин. Так, из числа осужденных мужчин к условному осуждению приговорено 11,7%, тогда как женщин—58,6%. Затем, мужчины не приговариваются к лишению свободы на малые сроки; так, к лишению свободы на срок до 1 года не осужден ни один человек из числа мужчин-детоубийц, тогда как женщин осуждено 17,9%; женщины совершенно не осуждаются на срок лишения свободы свыше 4-х лет, тогда как процент осужденных мужчин в этом случае равен 41,3%. Таким образом, в отношении мужчин—детоубийц, которые совершают правонарушения из-за корыстных побуждений, как, например, нежелание платить алименты, сила репрессии столь же сурова, как и в отношении осужденных за другие виды убийств. Суд в этих случаях стремится установить те моменты,

которые делают мужчину соучастником правонарушения. Это обстоятельство можно продемонстрировать на следующем характерном случае: гр-ка А., 20 лет, крестьянка, несудившаяся, девица, находящаяся на иждивении родителей, вступила в сожительство с гр-ном К. Связь продолжалась в течение двух лет. Забеременев, она сообщила об этом своему сожителю и просила его выполнить обещание о женитьбе. Однако, последний не только отказался выполнить свое обещание, сказав, что у него «много других найдется», но и заявил, что если она принесет к нему ребенка, то как ей, так и ребенку грозит смерть. Поэтому, гр-ка А., не имея поддержки со стороны отца ребенка, а также руководимая стыдом за внебрачные роды перед родными и окружающими, утопила новорожденного в речке. Рассмотрев дело, Губсуд вынес следующий приговор: «гр-ку А. на основании ст. 142 п. «д» УК подвергнуть лишению свободы сроком на 8 лет. Но принимая во внимание крайнюю невежественность и не развитость гр-ки А., ее первую судимость и то обстоятельство, что моральным и фактическим стимулом, толкнувшим ее на преступление, явилось недопустимое и преступное отношение к ней отца ребенка гр-на К.¹, суд находит возможным, на основании ст. 28 УК понизить гр-ке А. наказание...» и затем «против гр-на К. по мотивам, изложенным выше, возбудить уголовное преследование по признакам ст. 15 и 142 УК»...

Но, если суд до последнего времени не имел возможности привлекать к ответственности сожителя осужденной, то все же им выносилось—хотя такие случаи являлись исключением—по ст. 48 УК предостережение. В качестве конкретного примера приведем следующее дело: гр-ка Г., 19 лет, из крестьян, по профессии портниха, девица, несудившаяся, вступила в половую связь с гр-ном Н. Когда она забеременела, то гр-н Н. ее оставил, не оказывал ей никакой поддержки и начал ухаживать за другими. Гр-ка Г., находясь в тяжелом материальном положении и не имея поддержки со стороны гр-на Н., прибегла к отравлению новорожденного уксусной эссенцией, при чем пыталась сама также отравиться. Рассмотрев это дело, суд вынес следующий приговор: «Считаясь с исключительно тяжелыми обстоятельствами, толкнувшими гр-ку Г. на преступление, а также с тем, что последнее гр-кой Г. было совершено в болезненном состоянии вскоре после родов, что правильный выход из создавшегося положения гр-кой Г. не был найден исключительно вследствие ее молодости и что в тяжелый момент гр-ка Г. была лишена поддержки со стороны близких ей лиц и, наконец, что при этом условии не может быть признанной социально-опасной и требую-

¹ Курсив наш.

щей обязательной изоляции от общества, Губсуд постановил: приговор в отношении гр-ки Г. в исполнение не приводить и осуждение считать в силу ст. 53 УК условным»; дальше говорится: «Действия гр-на Н., являющиеся антисоциальными (он оставил сожительницу, когда та забеременела...), все же на основании установленных судом и следствием данных ни в коей мере нельзя отнести к признакам уголовно-наказуемого деяния, хотя бы в виде косвенного соучастия в преступлении» «Считая, однако, что поведение оправданного по суду гр-на Н. все же дает основание опасаться совершения им преступлений в будущем, гр-ну Н. на основании ст. 48 УК об'явить предостережение».

Насколько судебная практика строго относится к соучастникам видно хотя бы из такого примера, когда к ответственности были привлечены даже родственники осужденной, которым было известно, что осужденная собирается совершить детоубийство и не приняли мер к его предотвращению. Обстоятельства дела следующие: гр-ка Р., 20 лет, крестьянка, малограмотная, несудившаяся, находящаяся на иждивении отца, забеременела от внебрачного сожительства с односельчанином. Во время беременности она подверглась систематической травле со стороны отца, мачехи и сестры последней. Эта обстановка привела гр-ку Р. к тому, что она после родов сейчас же лишила жизни новорожденного. Рассмотрев это дело, Губсуд постановил: «Учитывая, что подсудимая совершила преступление вследствие исключительно тяжелых бытовых условий, благодаря жестокому отношению родных, суд определил: срок лишения свободы понизить до 1 года. Принимая во внимание, что мачеха и ее сестра были при жизни ребенка убеждены в том, что мать убьет его вечером, и ряд действий матери, направленных к убийству они знали, и отец подсудимой и никто из троих... не принял мер к предотвращению этого и тем самым ставили ребенка в опасное для жизни положение, хотя о здоровье ребенка, как члена семьи и крестьянского двора, обязаны были заботиться., Суд, усмотрев признаки 163 ст. УК, руководствуясь 315 ст. УПК, определил: возбудить против гр-ки Е. Р. (мачехи осужденной), гр-на С. Р. (отец осужденной) и гр-ки А. Г. (сестра мачехи) уголовное преследование по признакам 163 ст. УК».

Итак, на основании всего вышеизложенного можно сделать следующий вывод: судебная практика относится к детоубийцам-мужчинам столь же сурово, как и в отношении осужденных за другие виды убийств, рассматривая деяние их, как обычное убийство. К детоубийце — матери судебная практика относится весьма мягко.

Но необходимо оговориться, что такая мягкость репрессии имеет место только в отношении домашних работниц и кре-

ствиянок. В тех же случаях, когда мать-детоубийца является женщиной интеллигентной, то в отношении нее репрессия обычно применяется более суровая, на том основании, что в таких случаях осужденная, будучи интеллигентной, прекрасно ориентировалась в нашем законодательстве, а также сознавала всю социальную опасность своего деяния. Но эти случаи довольно редки.

Подытоживая уголовно-судебную политику в отношении детоубийств, мы должны констатировать, что основная линия Губсуда в отношении данных правонарушений была в общем верной. Судебная практика вполне правильно учла один из основных тезисов советской уголовной политики, а именно, что необходимо учитывать не только социальную опасность деяния, но также и социальную опасность личности. С точки зрения формальной, детоубийство приводится в ст. 136 У. К., как один из видов квалифицированного убийства, требовавший ранее весьма суровой меры социальной защиты—не ниже 8 лет лишения свободы. Но по существу едва ли можно ставить мать-детоубийцу на одну доску с лицом, совершающим тяжкое преступление с корыстной целью, или с намерением скрыть другое преступление, или с рецидивистом, уже ранее привлекавшимся за совершение умышленного убийства; между первой и последними, с точки зрения их социальной опасности для общества, лежит дистанция огромного размера.

Вот почему судебная практика проводит такую резкую грань между осужденными за детоубийство и за другие виды убийств. Но, как мы уже выше указывали, судебная практика и среди осужденных за детоубийство проводит глубокую дифференциацию: правонарушение отца—детоубийцы рассматривается, как обычное квалифицированное убийство, и к нему применяются строжайшие меры социальной защиты. Судебная практика тщательно изучая мотивы, которые приводят к правонарушению мужчину и женщину, вынуждена констатировать различную социальную опасность отца-детоубийцы, идущего на правонарушение из корыстных побуждений, и мать—детоубийцу, находящуюся обычно в тяжелом материальном положении, покинутую нередко не только сожителем, но и родными, не имеющую ни откуда никакой поддержки, терзаемую страхом за будущность ребенка и ложным стыдом за внебрачные роды, испытывающую при этом болезненное состояние после родов, которые происходят обычно без всякой посторонней помощи и очень часто вне жилья. Вот тот комплекс неблагоприятных социальных условий, обычно подогретый возбужденным состоянием роженницы, который приводит мать к правонарушению. Целесообразно ли при этих условиях длительная изоляция осужденной от общества? Нам думается, что судебная практика, вполне правильно поступала, когда учитывала незначительную социальную

опасность матери-детоубийцы, ту социально-бытовую обстановку в которой последняя совершила правонарушение, а также ее психическое состояние, обычно после-родовое состояние, и не находила нужным прибегать к длительной изоляции осужденной женщины от общества. В связи с этим между судебной практикой и требованием санкции ст. 142 У. К. (ред. 1922) возник разрыв. Новая редакция этой статьи изменяет это положение вещей, предоставляя широкий простор суду, и тем самым дает возможность легализовать линию Губсуда в отношении детоубийств.

Какие же можно сделать на основании изученного материала уголовно-политические выводы? Прежде всего суду необходимо больше обращать внимание на роль мужчин в детоубийствах. Выше мы уже отмечали, что судебная практика в некоторых случаях начинает более внимательно подходить к этому вопросу. Однако последняя нередко уделяет еще недостаточное внимание изучению роли отца в детоубийствах. Примером этого может служить следующее дело: гр-ка К., 23 лет крестьянка, незамужняя, несудившаяся, вступила в сожителство с гр-ном В. Последний обещал гр-ке К. на ней жениться, и тем самым уговорил ее вступить с ним в половую связь. Когда гр-ка К. забеременела, то сожитель ей заявил, что «женился бы на ней, если бы не было ребенка». Будучи брошена сожителем, гр-ка К. находящаяся в материальной зависимости от родных и гонимая стыдом перед окружающими, совершила детоубийство. Гр-ка К. судом была осуждена на 6 месяцев лишения свободы, сожитель же в виду отсутствия в его поведении признаков наказуемого деяния был освобожден от ответственности. Здесь если бы было больше обращено внимание на роль гр-на В. в этом деле, то он несомненно был бы привлечен к ответственности за подстрекательство. Итак, с точки зрения уголовно-политической, прежде всего необходимо обратить сугубое внимание на роль отцов в этих правонарушениях, выясняя, не имело ли здесь место подстрекательство или пособничество. Затем на страницах нашей юридической печати неоднократно вносились предложения о выделении такого правонарушения, как детоубийство в специальную статью, с пониженной санкцией, в виду незначительной социальной опасности матери-детоубийцы, которая является по преимуществу субъектом данных правонарушений. Но в данный момент, когда 136 ст. У. К. имеет санкцию до 10 лет лишения свободы, и таким образом, судья обладает широким простором при выборе мер социальной защиты, это предложение теряет свою былую остроту. Гораздо актуальнее, по нашему мнению, вопрос о введении в У. К. специальной статьи в отношении сожителя осужденной. Мы выше видели

как суд чрезвычайно сурово относится к мужчинам-детоубийцам, вполне основательно видя в их лице причину тех условий, которые привели осужденную к правонарушению. Значительную роль в этих деяниях играет отказ сожителя в материальной помощи беременной от него сожительницы, что создает ту обстановку, которая приводит женщину к детоубийству. Кроме того, нередки случаи, когда сожителю известно, что мать намеривается убить новорожденного и тем не менее не принимает мер к предотвращению преступления. Эти моменты в поведении сожителя представляют большую социальную опасность. Поэтому введение специальной статьи в У. К., которая охватывала бы эти виды социально-опасного поведения сожителя: отказ в материальной помощи беременной от него сожительнице, во-первых, и во-вторых, нежелание предотвратить детоубийство, которое намеревается совершить мать новорожденного—имело бы большое уголовно-политическое значение. Когда наша работа была уже сдана в печать, то в «Судебной практике» было опубликовано инструктивное письмо Верховного Суда РСФСР, в котором ясно поставлен вопрос о необходимости тщательно выяснять роль отцов в детоубийстве, в нужных случаях возбуждать уголовное преследование против них, как соучастников преступления.

Интересно отметить, что в Норвежском Уголовном Кодексе имеется специальная статья (241) в отношении убитых детей, в которой карается тюрьмой до 3-х лет мужчина, «который зная, что забеременевшая от него вне брака женщина намерена совершить преступление, направленное против жизни родившегося ребенка, не примет мер к предотвращению этого преступления». Быть может, введение подобного рода статьи в наш У. К., независимо от новых, правильно намеченных УКК Верховного Суда РСФСР путей борьбы с детоубийством, способствовало бы внедрению в население понятий об ответственности мужчин в отношении забеременевших от них женщин.

И, наконец, последний момент, представляющий важное, с уголовно-политической точки зрения, значение—это вопрос о постановке на суде медико-психологической экспертизы по делам о детоубийствах. Этот вопрос особенно актуален в делах подобного рода в связи с тем, что своеобразное психо-физическое состояние женщины во время родов сочетается здесь с тяжелой социально-бытовой обстановкой, вызвавшей правонарушение.

К ПСИХОПАТОЛОГИИ ДЕТОУБИЙСТВ

Голос психиатра в изучении детоубийства особенно авторитетен, так как совершение правонарушения совпадает с моментом, когда организм женщины переживает сильнейшее физическое и психическое потрясение. Это обстоятельство служило решающим моментом в определении участи детоубийц. Даже на Западе и в дореволюционном русском суде довольно широко установилась практика заметного смягчения приговоров. Поводом к этому являлась, как несомненная социальная неопасность детоубийц и обычная тяжелая бытовая обстановка, провоцировавшая их правонарушение, так и биологические моменты—влияние родов на организм. Не будет преувеличением сказать, что детоубийство являлось, пожалуй, чуть ли не единственным правонарушением, в котором задолго до завоевания психиатрами должного места в суде, судья без него принимал во внимание психическое состояние обвиняемой.

В этом отношении характерно замечание немецкого криминалиста Амшля (Amschl), который говорил: «Право на смягчение приговора вследствие психического состояния роженицы стало аксиомой».

Лист (v. Lisst) в своем курсе так формулирует это положение: «Основание более мягкой наказуемости детоубийства лежит, с одной стороны, в силе мотивов, побуждающих внебрачную мать к убийству, с другой—в уменьшении вменяемости, вызванном актом родов» (курсив наш).

Однако отсутствие до последнего времени органического участия психиатра в работе суда и консультации с ним приводило к довольно пестрой судебной практике. Вот почему в условиях советского строительства, судебные работники должны продумать подходы карательной политики к детоубийцам, уяснив достаточно четко степень и место психиатрических показаний в определении мер социальной защиты. Настоящая статья, не преследуя исследовательских целей, ставит своей задачей помочь судебному работнику разобраться в этом сложном вопросе. Это тем более необходимо, что смело можно сказать, что в криминологии

понятие детоубийства и его толкование являются одним из наиболее запутанных и с юридической, и с медицинской точки зрения вопросом.

Вкратце основные пункты в развитии учения о детоубийстве можно сформулировать так: 1) детоубийством, по большинству западных законодательств и дореволюционному русскому, признается убийство матерью своего внебрачного ребенка во время родов или тотчас же после них; 2) психическое состояние роженицы под влиянием родов близко к психотическому, вследствие чего встает вопрос о степени вменяемости.

В нашу задачу не входит останавливаться детально на первом из этих вопросов, так как он носит чисто догматический характер. Вопрос о времени совершения правонарушения для нас важен лишь, как момент, определяющий физическое и психическое состояние организма матери, ибо основным вопросом является вопрос о том, действительно ли можно говорить о состоянии детоубийц в момент совершения правонарушения, как о психопатологическом.

Изучение психического состояния беременных и рожениц насчитывает значительную давность. Достаточно упомянуть работы Оссиандера (Ossiander) (1797 г.), Платнера (Platner) (1824 г.), классическую работу Ерга (Jörg) (1817 г.), цитируемую до последнего времени.

Основные положения нашли свое выражение в ряде работ Краффт-Эбинга (Krafft-Ebing) во второй половине прошлого столетия. Он квалифицировал психопатологические изменения рожениц и родильниц, как состояние «болезненной бессознательности» — преходящие расстройства (*mania transitoria*). Он говорил: «Эти состояния отчасти объясняются потрясающим влиянием самого родового акта на весь организм женщины, как в соматическом, так и в психическом отношении. Они имеют важное судебно-медицинское значение, во первых, по причине возможности детоубийства, весьма нередко совершаемого в таких исключительных состояниях сознания, а, во-вторых, и потому, что, протекая очень быстро и во многих случаях (напр., при тайных родах) без свидетелей, состояния эти впоследствии трудно доказываются на суде». «Принимая во внимание нередкость подобных душевно-несвободных состояний и трудность их констатирования, некоторые современные законодательства особо квалифицируют преступление детоубийства, совершаемое матерью во время родов или вскоре после них, и наказывают за это преступление гораздо в меньшей степени, чем за обыкновенное убийство детей родителями, между тем как в прежнее время такие несчастные матери повсюду подвергались крайне суровой каре и умирали от рук палача. Это гуманное отношение закона

к преступницам-матерям проистекает из более правильной научной оценки послеродового состояния, которое действительно сопровождается важными переворотами в телесных отправлениях женщины, сильными душевными волнениями и общим потрясением ее психической сферы, могущим доходить до кратковременного помрачения и даже исчезновения самосознания».

Тардьё (Tardieu) в те же, примерно, годы стоял на другой точке зрения и говорил, что не дело психиатров проявлять сочувствие к этим несчастным матерям, это сумеют сделать присяжные. «Я не знаю ни одного вполне убедительного и достоверного случая, который бы доказывал, что под влиянием родовых болей женщина совершала убийство или пришла в буйство, а тем более была охвачена импульсивным и в то же время бессознательным стремлением убить своего ребенка» (цит. по Жданову).

Жданов, подробно разобрав «длинный список тех аномалий умственной деятельности, которые могут иногда сопровождать роды» и не вполне соглашаясь с Тардьё, тем не менее приходит к выводу: «Как бы ни были сильны родовые муки, в громадном большинстве случаев психического расстройства они не вызывают. Второе... практика уголовных отделений любого суда. При обзоре дел о детоубийствах, дошедших до суда, не остается сомнения, что большая часть их совершается не в силу той или другой аномалии психической деятельности во время родов, а в силу преступного желания—избавиться от лишней обузы в своей жизни или избежать стыда и срама».

Сербский подчеркивал крайне важное судебно-медицинское значение этих состояний—«боль, значительная потеря крови, внезапное изменение условий кровообращения, наряду с сильным душевным волнением (страх, стыд, заботы о будущем) являются здесь главными этиологическими моментами».

Зимерлинг (Siemerling) говорил об острых непродолжительных психических расстройствах при родах с картиной амнезии; это транзиторные, часто в несколько часов проходящие, расстройства с галлюцинозом, спутанностью или сумеречным состоянием (по большей части на истерической или невротической почве с полной амнезией).

После некоторого перерыва вопрос о значении психического состояния родильниц для возникновения детоубийств вновь был поставлен в центр внимания криминалистов Гроссом (Gross), который заставил пересмотреть все воззрения на это правонарушение. Дискуссия, им возбужденная, оказалась весьма плодотворной и заметно содействовала дальнейшей разработке вопроса. Роль Гросса образно очерчена в цитированной выше работе Амшля, который говорил: «Право на смягчение приговора вследствие психического состояния роженицы стало аксиомой.

Против этой «догмы» встал Гросс... Это был прорыв в прежней практике...»

Бишофф (Bischoff), в своем докладе в Австр. Крим. Обществе в апреле 1907 г. и в работе, опубликованной год спустя, пришел к следующим выводам: «Детоубийства в состоянии душевного нездоровья крайне редко попадают под суд; аффекты тайно беременных под влиянием родов обычно никогда не достигают патологической высоты: в большинстве случаев детоубийство происходит в ясном сознании; наиболее тяжелые формы родов как раз не ведут к детоубийству, а, наоборот, препятствуют ему; известная предрасположенность к детоубийству наблюдается у неполноценных первородящих девушек; в таких случаях, которые опубликованы, как происходившие в состоянии транзиторного расстройства или патологического аффекта, при современном уровне знания нельзя обнаружить никакого патологического расстройства сознания».

Против таких воззрений выступили Глейспак (Gleispach) и вскоре после него Майер (M. Meier).

Первый говорил, что мнение Гросса о предумышленности детоубийства неосновательно. Ссылаясь на материал, он доказывал, что у большинства детоубийц роды наступают неожиданно и застают их врасплох. Отсутствие с их стороны подготовки к родам, каких-либо приготовлений для ребенка не свидетельствует, как это считает Гросс, о наличии уже задолго до родов намерения убить ребенка, а объясняется другими причинами. Во-первых, тайно беременная надеется еще на какую-либо счастливую случайность, которая избавит ее от плода и выведет благополучно из тяжелого положения, в которое ее поставила беременность; наряду с этим она лишена возможности каких-либо приготовлений, так как это разоблачило бы ее тайну. Он придавал большое значение стыду, как фактору, провоцирующему правонарушение. В доказательство он сопоставляет данные о числе внебрачных родов по отдельным округам Австрии с числом детоубийств в них. Оказывается, что там, где внебрачных рождений больше, там меньше детоубийств, и наоборот, в местностях с меньшим числом внебрачных рождений детоубийств больше. Так например, в Каринтии на 100.000 жителей осуждено за детоубийство 0,01, а внебрачных родов 8,8 на 100 родивших девушек, а в Тироле детоубийств 0,04 при числе родов 1,0 или в Морав соответственно 0,06 и 2,7. Глейспак объясняет эту обратную пропорциональность тем, что, где внебрачные роды стали обыденным явлением и отношение общественного мнения менее строго, там исчезает этот главнейший мотив детоубийства—стыд. Обратно—в местностях с редкими внебрачными родами сила предрассудков больше, и это толкает женщину на преступление.

Майер говорит, что женщина во время родов стоит в такой новой непривычной ситуации, под влиянием такой массы давящих обстоятельств, на таком поворотном пункте ее жизни, что ее состояние не может быть названо нормальным. В качестве мотивов правонарушения она выставляла: роды обычно не ведут к патологическим состояниям, однако они связаны с рядом возбуждающих моментов, которые могут в сумме уничтожать обычные задержки. Играют роль нужда, заброшенность матери, как отцом ее ребенка, так и окружающими, зараженными обычными предрассудками, современное положение незаконорожденного ребенка и взгляд на него. Она справедливо указывает, что главная ответственность лежит на отце, а не на физической исполнительнице (мотив особенно близкий нашему правосознанию). Иногда играют роль отвращение к нежеланному ребенку. Детоубийство есть в известной степени акт самоубийства, которым мать отнимает жизнь у частицы ее самой.

Кюрбитц (Kürbitz) точно также, как и Майер подчеркивает частоту среди детоубийц разных степеней слабоумия. Он объясняет это тем, что они чаще становятся жертвами соблазнитель и внебрачно рожают. Он отмечает также и возможность в некоторых случаях и расстройств сознания под влиянием родовой травмы.

Из более поздних работ можно упомянуть о работе Кенига (König) и о самой последней работе Стенли Гопууда (Stanley Hopwood), которая приведена в статье Внукова.

Этот обзор можно было бы продолжить еще и дальше, но и приведенного достаточно для того, чтобы выявить основные направления в развитии учения о детоубийствах.

Прежде всего нужно отметить, что психические расстройства при родах не так уже часты. К этому нужно добавить, что каких-либо специфических «психозов послеродового периода», как это думали ранее (Жданов, Зимерлинг и др.), современная психиатрия не знает. По большей части этот период лишь способствует выявлению тех или иных скрытых психических заболеваний, из которых чаще всего бывает циркулярный психоз, иногда шизофрения (главным образом, кататоническая форма). Крепелин говорит: «Маньякальные и кататонические состояния возбуждения вместе с более редкими инфекционными делириями образуют всю массу так называемых, «пуэперальных маний»; последние во всяком случае не представляют однообразной клинической картины, напротив, обнимают целый ряд заболеваний, которые различаются друг от друга по своему развитию и ходу». Заболевания же, обусловленные послеродовым периодом, могут выражаться в делириозных состояниях. «В возникновении их, с одной стороны, вероятно, играют известную роль боли, потеря крови и быстрое изменение кровообращения, с другой—психическое

влияние самого родового акта и других возможных при этом расстройств» (Крепелин). Он отмечает, что такие «внезапные, крайне бурные делириозные состояния возбуждения, которые могут появиться уже во время родов... имеют важное судебно-медицинское значение... «Так... в таком состоянии... душат своих детей или оставляют их без внимания, вследствие чего лишенные пищи и ухода, они могут и погибнуть».

Однако, разумеется, на таких отдельных, крайне редких случаях нельзя строить никаких выводов. Душевно-больные вообще могут совершать при отсутствии за ними надзора самые разнообразные преступления (убийства, поджоги, изнасилования и т. д.), но это не позволяет еще говорить о какой-либо специфичности между тем или иным заболеванием и определенным правонарушением. Другими словами, мы хотим сказать, что если говорить о детоубийствах, совершаемых в состоянии душевных болезней, то они в равной степени могут совершаться больными, не только делириозными, то-есть чисто пуэрперальными, но и родильницами, у которых под влиянием родов выявились циркулярный психоз, шизофрения, эпилепсия (здесь особенно предрасполагает состояние сумеречного сознания, как это показал Сюливен (Sullivan) в своей книге «Crime and insanity»). Во всяком случае нет оснований говорить, что душевно-больных детоубийц больше, чем каких-либо других душевно-больных правонарушителей.

И, действительно, как мы могли видеть, позднейшие авторы не говорят о душевной болезни, как о причине детоубийства. Они говорят о тех или иных психопатологических изменениях детоубийц, в широком смысле этого слова, под влиянием родов.

Однако, что это за психопатологические изменения, каков их характер и в какой степени они действительно могут обуславливать или провоцировать возникновение детоубийства?

Если даже мы возьмем любые роды при самых благоприятных условиях, то и в этом случае должны будем признать, что роды не являются безразличным, нейтральным процессом (особенно для первородящей, какими являются большинство детоубийц).

Еще Гуфеланд (Hufeland) отмечал, что «роды—исключительная катастрофа и революция для организма». Едва ли эти слова нуждаются в каких-либо доказательствах, они близки к аксиоме. Даже в обстановке ожидания ребенка, его желательности, подготовки к нему, роды все-таки остаются актом, резко травмирующим не только соматическую сферу женщины, но и ее психику, которая становится возбудима, способна к более сильным и резким реакциям, возникающим при раздражителе значительно меньшей силы, чем это требуется для той же качественно реакции при обычных условиях.

Здесь соматические и психические изменения переплетаются необычайно тесно. Из первых для нас наибольшее значение имеет состояние послеродового истощения, связанное со значительными кровопотерями.

Вот почему эмоциональная сфера в возникновении механизмов правонарушения играет существенную роль. Не будет преувеличением сказать, что детоубийство есть правонарушение прежде всего аффективного порядка. Еще в литературе, приведенной выше, мы находили спор между Гроссом и Глейспахом по вопросу о том, насколько детоубийства являются внезапными. Первый из авторов усматривал в отсутствии каких-либо приготовлений со стороны матери к родам и воспитанию ребенка наличие у нее заранее преднамерения лишить ребенка жизни. Глейспох с полным основанием отвечает на это ссылкой на то, что отсутствие приготовлений объясняется чисто бытовыми причинами, нежеланием выдать тайную беременность. В этом отношении он и Майер несомненно более правы. Вплоть до момента родов женщина старается не думать, у нее тлеет еще надежда, что, авось, как-нибудь обойдется, что-нибудь удастся сделать. Роды наступают в большинстве случаев неожиданно, когда ничего не сделано для того, чтобы как-нибудь выйти из создавшегося положения—во время работы, когда нельзя даже отлучиться, и в других совершенно ненормальных условиях. Наряду с этим не следует забывать обычное отсутствие какой-либо помощи в эту минуту.

Таким образом соединяются вместе все факторы, способствующие развитию аффекта растерянности, который Ашаффенбург кладет в основу объяснения детоубийства.

В возникновении этого аффекта растерянности играют роль неизвестность, страх за будущее, боязнь перед теми или иными изменениями в связи с рождением ребенка.

Не исключает Ашаффенбург и роли стыда, однако отводит ему отнюдь не то первенствующее место, какое отводили авторы ранее, а лишь одного из второстепенных факторов. Замечание Мак-Дуголла что «стыд есть эмоция, область влияния которой на общественное поведение обширна» вполне справедливое для старых условий, в настоящее время потеряло свою остроту. Несомненно, что общественное мнение деревни стало много терпимее в этом вопросе.

Основной практический вопрос, который встает при оценке значения аффективной сферы, это вопрос о характере аффекта. Мы уже выше приводили мнение Бишоффа о том, что аффекты тайно беременных под влиянием родов обычно не достигают патологической силы. Мы с своей стороны также считаем на основании того материала, с которым имели возможность познакомиться, что несмотря на силу аффекта, он все же остается

на уровне физиологического. Этим самым разрешается вопрос о вменяемости. Разрешается, но не исчерпывается, ибо одно дело иметь налицо достаточные психиатрические показания, экскульпирующие правонарушителя, а другое — вопрос социально-психологической экспертизы, о которой здесь вполне уместно поставить вопрос, и которая для подавляющего большинства случаев дает основания для смягчения приговора. Мы уже выше перечислили все эти мотивы, которые мы считаем вполне достаточными для такого вывода.

Попутно нужно отметить один практический вопрос. Ашаф-Фенбург уже давно высказывался за участие психиатра в делах о детоубийствах. Между тем из 145 дел, прошедших через Московский губсуд ни по одному не привлекался психиатр. Несомненно, его более близкое участие в самом процессе прохождения дела значительно содействовало бы изучению вопроса в целом.

Говоря о психиатрических показаниях, мы все время оставались в догматических рамках определения понятия детоубийства, как оно у нас очерчено в начале статьи. Мы оставляем в стороне две чрезвычайно интересные формы детоубийства — убийство матерью детей не непосредственно после родов, нередко детей в возрасте 6—7 лет (случаи, описанные Краффт-Эбингом, Сюли-венном и т. п.), где обычно психотические моменты играют гораздо большую роль, и детоубийства отцами, хотя и не очень частое правонарушение, но характерное для новых взаимоотношений, порождаемое, по большей части, желанием избежать уплаты алиментов. Все такие детоубийства большинством законодательств не признаются детоубийствами в собственном смысле слова и караются, как обыкновенное убийство. Наше законодательство вообще не знает понятия детоубийства. Однако судебная практика нам дала те же результаты двойного подхода к этим двум группам детоубийств. Мы с своей стороны, не вдаваясь в детальный анализ, можем подтвердить, что психиатрически такое различие подхода в достаточной степени обосновано, хотя, конечно, каждый отдельный случай нуждается в индивидуальном изучении.

Если приведенными выше соображениями практическая сторона вопроса более или менее исчерпывается, то с точки зрения углубленного понимания правонарушения остается еще один момент.

Статистические данные, характеризующие массу детоубийц, достаточно общеизвестны. Современные цифры, приведенные в статье Маньковского, полностью подтверждают старые цифры (Глейспах, Гернет). Оказывается, и в настоящее время детоубийцы по прежнему выходят из крестьянских слоев (66,9% деревня, а из городских — 65,5% прислуги, т.-е. недавние горожанки,

выброшенные из деревни, как избыточная рабочая сила, и крепко психологически с нею связанные). Если это не требует никаких пояснений при социологическом анализе, то это не менее характерно и с точки зрения биологических механизмов. Дело в том, что детоубийство есть правонарушение, свойственное примитивным ступеням человеческой культуры. И нет ничего удивительного, что деревня, которая в своем культурном филогенезе (если можно так выразиться) на много веков отстала от города, дает до 90% детоубийств. Изучение психики примитивных народов помогает нам осмыслить данные антропологии и социологии, рисующие распространение детоубийств среди этих народов.

Подходя к психологии крестьянской девушки именно с точки зрения учета первобытных психических реакций, мы сумеем понять, почему именно крестьянки комплектуют кадры детоубийц. И другой факт, также, казалось бы, чисто социологического порядка, оказывается вполне ясным и для биолога—это то, что из крестьянок и горожанок совершают детоубийства преимущественно неквалифицированные поденщицы. Здесь наряду с первенствующими, разумеется, экономическими причинами, имеет значение и то обстоятельство, что упомянутые контингенты комплектуются из наиболее примитивных по своей психике женщин, которые не могут приспособиться к более сложной работе. Здесь мы еще раз напомним о большом проценте детоубийц с явлениями умственной недостаточности.

На этом фоне примитивной психики сила указанных выше факторов оказывается тем больше, а аффект растерянности тем значительнее. При этом каждый из основных трех конституциональных типов, намеченных в работе Е. К. Краснушкина о характерологии правонарушителей, приходит к детоубийству разными, именно для данного типа характерными путями. Нет надобности на них останавливаться, так как они остаются одинаковыми для самых различных видов правонарушений при всей индивидуальности отдельных правонарушителей.

Дальнейшее понимание механизмов правонарушения должно идти в свете современного учения о реакциях. Эти реакции мы, исходя из сказанного выше, будем укладывать скорее всего в рамки реакций примитивных. Здесь может идти речь о реакциях внезапного действия (*Kurzschlussreaktion*). Известную роль могут играть так называемые *Heimwehreaktion* (реакции тоски по дому), криминогенное специфическое (в отношении детоубийств) значение которых не раз отмечалось.

Таким образом, как мы могли видеть, механизмы, приводящие женщину к детоубийству, оказываются в достаточной степени сложными и самый структурный анализ генеза правонарушения показывает его многослойность.

На основе сделанного анализа мы можем придти к следующим основным выводам:

1. Психотические изменения (т.-е. состояния душевной болезни) могут иметь весьма ограниченное место при детоубийствах. Во всяком случае, нет никаких данных за то, чтобы говорить о каком-либо их предрасполагающем влиянии.

2. Детоубийство, оставаясь правонарушением, порождаемым в основе социально-экономическими факторами, тем не менее тесно связано со сложными биологическими механизмами, складывающимися в результате ряда факторов.

3. Детоубийство является правонарушением, характерным для групп наиболее отсталых не только экономически, но и интеллектуально. Поэтому кадры детоубийц комплектуются, главным образом, из девушек с примитивной психикой, а нередко с теми или иными степенями умственной недостаточности.

4. На этой предуготовленной биологически почве аффект растерянности, вырастающий из родовой травмы, помноженной на констеляционные факторы, оказывается решающим.

5. Аффект, который играет большую роль в правонарушении, обычно остается физиологическим.

6. В целях более тщательного индивидуального изучения проходящих через суд случаев необходимо большее вовлечение психиатра.

Литература. 1. Aschaffenburg, G. Mord u. Totschlag in der Strafgesetzgebung Monatschr. Krimin. 1913, s. 659. 2. Aschaffenburg, G. Das Verbrechen und seine Bekämpfung. Heidelb. 1923, s. 27. 3. Birnbaum, K. Kriminalpsychopathologie, Berlin. 1921, s. 125. 4. Bischoff, E. Der Geisteszustand der Schwangeren und Gebärenden. Arch. Krim. B. 29, s. 109—163. 5. Bischoff, E. Über Kindesmord (Votr. in Öster Krim. Ver.) Mon. Krim., 4, 1907—908. 6. Геринг, М. Криминальная психология. 7. Gleispach, W. Über Kindesmord. Arch. Krim. B. 27, s. 224—270. 8. Gross, H. Kriminalpsychologie u. Strafpolitik. Ar. Krim. B. 26, s. 75. 9. Жданов, И. Психозы послеродового периода, стр. 327. 10. König, H. Beiträge zur forensischpsychiatrischen Bedeutung von Menstruation, Gravidität u. Geburt. Arch. Psych. B. 53. 1914, s. 684—737, 777—894. 11. Крафт-Эбинг, Р. Судебная психопатология, стр. 149, 503. 12. Kürbitz, W. Der Geisteszustand der Kindermörderinnen. Arch. B. 52, s. 39—60. 13. Kürbitz, W. Der Kindesmord und seine forensische Bedeutung. Arch. Krim. B. 60, s. 278—306. 14. Лист, Ф. Учебник уголовного права. 15. Meier, M. Beitrag zur Psychologie des Kindesmordes. Arch. Krim. 3. 37, s. 313—375. 16. Сербский, Вл. Судебная психопатология. 17. Siemerling. Streitige geistige Krankheit § 52. Zustand der Gebärenden. (Schmidtman's Handb. Ger. Med.) B. III, s. 720—721. 18. Stanley Hopwood. Child Murder and Insanity. Journ. Ment. Sc. vol 73. Jan. 1927, p. 95—108. 19. Sullivan, W. Crime und Insanity. Lond. 1924, p. 95, 133. 20. Ungar, E. Der Kindesmord. (Schmidtman's Handb. Ger. Med.) 1907. B. II, s. 415. 21. Tardieu. Etude medico-legale. 1868 u 1880.

ДУШЕВНО-БОЛЬНЫЕ УБИЙЦЫ

Среди различных форм криминальных реакций душевно-больных одной из самых интересных для психиатрического изучения является убийство. Сложность и характер мотивов, степень участия аффектов, сила или слабость задержек, роль комплексов и сверхценных образований,—все это выявляется в этого рода правонарушениях с особой отчетливостью и дает богатейший материал для психопатологического анализа. Планомерным убийством выдает себя иногда скрытый параноик, увенчивая им стройное здание бредовой системы, жестоким убийством нередко разрешает свое аффективное напряжение эпилептик; бессмысленным убийством демонстрирует свой распад шизофреник. Взаимоотношения между болезнью и правонарушением здесь сложны и многообразны, и отыскание типичного и характерного—трудная, но интересная задача. Понятен поэтому тот интерес, который проявили к затронутому вопросу многие авторы. В немецкой литературе, начиная с первого десятилетия прошлого века, не сходит со страниц специальных немецких журналов описание отдельных выдающихся случаев убийств. Знаменитый случай «Вагнер» разрастается в большую монографию, посвященную психологии массовых убийц. Под его влиянием появляется работа Вецеля «О массовых убийцах». Заслуживает упоминания и монография Вецеля и Вильманнса¹. В большинстве случаев, однако, относящиеся сюда описания и анализы носят разрозненный характер. В значительной мере это объясняется трудностью собирания соответствующего материала. Wetzel'ю, например, пришлось пользоваться чужими случаями, опубликованными порознь в различных немецких журналах. Собственных случаев в его материале всего два.

Поэтому имеющийся в Институте Судебно-психиатрической Экспертизы им. Сербского материал сам по себе уже представляет значительный интерес. В моем распоряжении имеется 188 случаев убийц, прошедших через Институт за период с 1921 по январь

¹ A. Wetzel und K. Wilmanns. «Geliebtenmörder».

1927 года. По диагнозам все эти случаи распадаются на следующие группы: эпилепсия—26 случаев, шизофрения—21 случай, органические заболевания мозга—29 случаев, патологическое опьянение—6 случаев, олигофрени—12 случаев, параноидные заболевания—2 случая, психопатии—72, не обнаруживающие признаков душевного заболевания—13 случаев и, наконец, случаев с неустановленной диагностикой—6. При первом же взгляде на приведенную номенклатуру бросается в глаза отсутствие случаев маниакально-депрессивного психоза. По вопросу о частоте убийств при маниакально-депрессивном психозе в литературе существуют разногласия; часть авторов, как, например, Хохе и Крейзер полагают, что характерным правонарушением депрессивных больных является убийство родных и близких, как вид распространенного самоубийства. В противоположность им, Вецель подчеркивает отсутствие случаев маниакально-депрессивного психоза в его материале массовых убийц. Причиной этих разногласий служит по всей вероятности трудность разграничения депрессии, как фазы ман.-депр. психоза, от депрессии иного характера. Мне лично отсутствие ман.-депр. психоза в имеющемся у меня материале не кажется случайным. Синтонная психика циклотимиков, быстро изживающая и растворяющая всякое травматизирующее воздействие, предохраняет их от конфликтов с окружающей средой и чужда деструктивным тенденциям. Второй особенностью материала является превалирование психопатий, на фоне которых расположились островки отдельных психозов. Богаче всех представлены органические заболевания мозга; далее идут эпилепсия, шизофрения, олигофрения, алкогольные заболевания и, наконец, параноидные заболевания не шизофренического характера. Моей задачей является изучение душевно-больных убийц, поэтому я опускаю широкую группу психопатий и буду касаться их только в тех случаях, где элементы конституции будут предопределять особенности психического заболевания.

Наиболее изученными являются убийства эпилептиков. На связи эпилепсии с преступлением настаивал Ломброзо. Из новых авторов упомяну Рекке, Зимерлинга, Крейзера и Хейльброннера. Частота тяжелых и жестоких правонарушений эпилептиков против личности общеизвестна. Эта особенность их криминальных реакций обусловлена тремя факторами: 1) эпилептическим характером с его склонностью к аффективным взрывам, прилипанием аффекта к определенному кругу представлений, эгоизмом, жестокостью и т. д.; 2) слабоумием и 3) психическими эквивалентами в виде тяжелых расстройств настроения или сумеречных состояний с глубоким затемнением сознания и ярко выраженными деструктивными тенденциями. Все эти три фактора обычно тесно между собой сплетаются, и разграничение их в от-

дельных случаях почти невозможно. До сих пор еще спорят об эпилептическом характере. Например, проф. Г а н н у ш к и н некоторые считавшиеся типичными для этого характера особенности относит за счет слабоумия. Сложность взаимоотношений, с другой стороны, усугубляется тем, что аффективные напряжения эпилептиков разряжаются обычно при измененном сознании.

Всего в моем распоряжении имеется 26 случаев убийц эпилептиков, которые составляют 12,6% всех эпилептиков, прошедших через Институт до 1 января 1927 г. Почти все правонарушения этих больных совершены в состояниях эквивалента с глубоким затемнением сознания и отсутствием воспоминаний о содеянном. Это последнее обстоятельство крайне затрудняет выяснение мотивов, определяющих поведение больных в этих состояниях и направление моторных разрядов. В одних случаях несомненна роль предшествующих переживаний, в других мотивировка, по видимому, отсутствует, и жертвой бессмысленной ярости и двигательного возбуждения эпилептика падают случайно подвернувшиеся лица. Для примера приведу вкратце 2 случая.

Случай I Больной Г.; 17 лет, чернорабочий, холост, имеет низшее образование. По сведениям, полученным от отца—с детства отставал в умственном и физическом развитии. Ночным недержанием мочи страдал до 5 лет. Учился очень плохо. Лет с 9 у него стали появляться состояния задумчивости и оцепенения, в которых он не отвечал на вопросы, и производил странное впечатление. В таких состояниях он неоднократно уходил из дома и дня по 2 пропадал. Судорожных припадков отец у него не наблюдал. Водки больной никогда не пил. Жил при отце, который служил сторожем на железной дороге. В прошлом судился за кражу. 17 сентября 1923 г., около 2 часов дня, Г. явился на квартиру к знакомой вдове, имеющей двух подростков-сыновей. Держал себя как-то странно, молчал на все предложенные ему вопросы. Внезапно он набросился на вдову и начал наносить ей в голову удары ножом. Затем, поранив присутствующих здесь же ее сыновей, Г. бросился на станцию и вскочил на отходящий поезд. Попыток к ограблению не делал. На поезде был арестован. О случившемся ничего не помнил.

Во время пребывания в Институте—типичные эпилептические припадки и расстройства настроения с характером злобной тоскливости. Слабоумен. Комиссией экскульпирован, как совершивший правонарушение в сумеречном состоянии.

В данном случае покушение на убийство носит бессмысленный характер. Количество пострадавших определяется случайностью.

Случай II Больной И., 24 лет, неграмотный, кузнец. Развивался правильно. В школе не учился. Лет с 9 пошел помогать в кузнице отцу. Условия жизни были тяжелые: подвергался жестоким побоям со стороны алкоголика отца.

В 1919 г. был призван на военную службу, но через полгода освобожден по болезни. Вернувшись домой, по настоянию отца женился. Продолжал с отцом работать в кузнице. Отец пьянствовал, придирался к сыну и его жене, и в конце концов предложил обоим уйти из дома. И. арендовал кузницу, поселился у тещи и стал работать самостоятельно. Через год отец, пропив свой инвентарь, снова предложил П. работать совместно, на что последний согласился. Дома и на работе у испытуемого бывали припадки. Когда начались припадки, он точно сказать не может. В феврале 1925 г. по поводу припадков лежал в Голенчине. О припадках узнал от окружающих. Характеризует себя, как человека очень раздражительного. Пить начал с 17 лет, по 2—3 раза в неделю. К алкоголю не вынослив, пьянеет очень быстро. Арестован за убийство отца. 16 сентября 1925 г. Г. с отцом и зятем выпили (количество выпитого определить не может, помнит, что после выпивки ковал зятю лошадь; что было дальше не помнит). По делу видно, что после выпивки Г. пошел запира́ть кузницу и просил отца ему в этом помочь. Никаких пререканий у него с отцом не было. Затем отец сел на порог, а испытуемый начал считать кувалды. Вдруг он неожиданно подошел к отцу и со словами «я готов» трижды ударил его кувалдой по голове. Затем вскочил в пролетку к зятю и погнал лошадь по улице. Когда лошадь была задержана, соскочил на землю и упал в судорожном припадке.

В Институте все время проводит в кровати. Жалуется на шум в ушах и головные боли. Об'ективно—ослабление памяти, плохой счет. Наблюдался эпилептический припадок и, однажды, эквивалент, во время которого беспричинно набрасывался на окружающих. Состояние возбуждения закончилось глубоким сном. По пробуждении о происшедшем с ним ничего не помнит. Комиссией признан невменяемым.

В этом случае агрессивность больного носит избирательный характер и определяется, повидимому, затаенной обидой против деспота отца. Другой особенностью этого случая является роль алкоголя в возникновении эквивалента, что чрезвычайно сближает его с паталогическим опьянением. Этот алкогольный довесок у наших эпилептиков встречается довольно часто, прочно вплетаясь в основное заболевание. Тесное отношение алкоголя к эпилепсии давно установленный факт. Взаимодействие их складывается в замкнутый круг: если алкоголь легко прививается на почве эпилепсии, то в свою очередь он не только обостряет ее течение, но и способен вызывать на других не эпилептических основах эпилептиформные состояния в форме паталогических опьянений. Таким образом, эпилептические сумеречные состояния и паталогические опьянения связываются алкоголем в один тесный ряд.

Понятие патологического опьянения не имеет резких границ. Каждому психиатру, соприкасавшемуся с судебной экспертизой, не раз приходилось испытывать затруднения в попытках дифференцировать патологические опьянения от сильной степени так называемого простого опьянения. В этой области имеется большой простор для субъективизма. Поэтому при диагностике патологического опьянения я буду стоять на точке зрения, которая выработалась в Институте им. Сербского, в результате его 6-летнего опыта. Для пояснения ее я приведу один очень характерный случай, в котором, правда, не было убийства, но таковое не произошло только благодаря счастливой случайности.

Случай III Больной В. 24 лет; холост; имеет высшее образование, латыш; служит в милиции участковым надзирателем. В наследственности — эпилепсия у дяди по отцу. Родился болезненным ребенком. Из-за слабого здоровья в школу пошел только на 12 году. По характеру был мягкий, общительный, но очень вспыльчивый. После Революции поступил в г. Кимрах в местную караульную роту. С 1919 по 1924 г. служил в кавалерии; ни ранен, ни контужен не был. После демобилизации приехал в Москву и поступил в школу милиции, по окончании которой получил должность милиционера. Через полгода был командирован в школу комсостава милиции. Успешно закончил учение и был назначен участковым надзирателем. В этой должности служил вплоть до ареста. Службой тяготился, плохо чувствовал себя после ночных дежурств.

С 1919 г. отмечает у себя ухудшение здоровья. В 1919 г. недоедал, очень ослаб. Было одно обморочное состояние. С 1922 по 1927 г. отбывал службу в Бухаре и очень плохо переносил жару: страдал головокружениями. Такого же рода головокружения наблюдались у него и при напряженной умственной работе. Выпивать начал с 1919 г. Попав в соответствующую компанию, в течение года пил ежедневно, при чем употреблял суррогаты. Одновременно увлекся карточной игрой. Проигрывал даже оружие. С переменой обстановки в 1920 г. пить бросил. Во время службы в Бухаре раза 3 в год напивался до пьяна. В Бухаре алкоголь переносил очень плохо. Однажды в состоянии опьянения гонялся за командиром с револьвером в руке, произвел выстрел. Узнал об этом из рассказов товарищей. Там же в Бухаре курил некоторое время анашу. После приезда в Москву пил очень редко, и то только пиво. За пьянство или хулиганство замечаний никогда не имел.

Обстоятельства его судебного дела таковы.

18 сентября 1926 г., вечером, вместе с участковым надзирателем Б. и его братом зашли к товарищу, где распили 8—10 бутылок пива. Оттуда же все трое отправились на вечеринку к знакомой торговке. На вечеринке, кроме хозяйки, присутство-

вала Мария П. и некто К. Было выпито $1\frac{1}{2}$ бут. водки, причем на долю В. пришлось около $1\frac{1}{2}$ стакана. Почувствовав себя плохо, В. вышел на двор. Вернувшись, он увидел, что его место рядом с Марией П. занято К-м. С этим последним В. вступил в перебранку, выхватил револьвер и произвел выстрел в потолок. Затем он поставил К. на колени и нанес ему несколько ударов по лицу. Тогда, желая предотвратить несчастье, Мария П. предложила В. прогуляться и вышла с ним во двор. Однако, во дворе она от него скрылась. Ожидая Марию П., испытуемый увидел во дворе какую-то женщину и с револьвером в руке стал ее преследовать. Женщина скрылась во флигель, расположенный здесь же во дворе и заперла за собой дверь. В., выбив раму в полуподвальном этаже, ворвался туда же и стал гоняться за жильцами, вызвав большой переполох. В одной из комнат флигеля заперлись трое жильцов, среди которых находилась девица К. В. разбил имеющееся в двери стекло и, отодвинув засов, вошел в комнату. Здесь он загнал двух пожилых жильцов под кровать, а девицу К. положил на кровать и, угрожая револьвером, пытался изнасиловать. Под предлогом необходимости закрыть дверь, К. удалось от него ускользнуть. В то же время на шум подоспела милиция. При попытке связать В. он выхватил у одного из милиционеров револьвер и выстрелил. После того, как этот револьвер был отнят, он вырвал револьвер у другого милиционера и снова открыл стрельбу. С большим трудом его удалось связать и доставить в милицию, где он вскоре заснул и спал до утра. Очнувшись, В. мог припомнить вчерашнее только до момента ссоры его с К. Из дальнейшего вспоминает только, что шел по улице с какой-то женщиной и ощущение боли (очевидно во время связывания).

В Институте поведение В. правильное. Интеллект в порядке. Со стороны физической отмечается жесткость периферических сосудов, повышенная потливость, повышение коленных рефлексов и отсутствие глоточного. В остальном отклонений от нормы нет. Признан действовавшим в состоянии душевного расстройства, начиная с момента ссоры с К.

Здесь мы имеем дело с субъектом, обладающим сосудистой недостаточностью, склонным к головокружениям и невыносимым по отношению к высокой температуре и алкоголю. Поведение его в момент совершения правонарушения лучше всего характеризуется показанием одного из свидетелей, который говорит, что В. производил впечатление человека «не очень пьяного, но ненормального». Другой свидетель показал, что В. производил впечатление припадочного: он был бледен, скрипел зубами и хватался за голову.

Несомненно, что в данном случае дело идет об эпилептиформном душевном расстройстве, вызванном алкоголем и ха-

рактизирующемся нелепым, несвойственным данной личности поведением при сохранении внешней целесообразности в действиях. Поведение протекает вне контроля сознания и определяется игрой низших влечений. Аналогию с эпилептическим эквивалентом завершает переход двигательного возбуждения в глубокий сон. В данном случае обращает на себя внимание несоответствие между тяжестью психотического состояния и сравнительно небольшим количеством выпитого алкоголя. Это несоответствие является не случайным и объясняется тем, что в возникновении патологического опьянения центр тяжести лежит в недостаточности психо-физической конституции субъекта, а алкоголь является лишь провоцирующим моментом. Большое значение имеет также душевное волнение. В нашем случае простое опьянение В. перешло в патологическое после ссоры его с К. С этого же момента начинается провал в его воспоминаниях. Эти особенности случая позволяют дифференцировать его от простого опьянения. В таком узком понимании патологическое опьянение встречается по опыту Института далеко не часто. В группе убийц оно представлено только 6 случаями. (Патологическое опьянение у не душевно-больных).

Чрезвычайно близко сюда же примыкают и убийства в состояниях так называемых патологических просонок. Приведу имеющийся в моем материале случай.

Случай IV В ночь с 19 на 20 сентября 1925 г. около 12 час. с автомобилем МКХ, следовавшим под управлением шоффера Ш. по Тверской улице, случилась поломка. Ш. позвонил в гараж о случившемся и, устроившись на сидении, задремал. Во втором часу ночи проходивший мимо милиционер разбудил Ш. и, узнав номер гаража, позвонил туда, чтобы поскорее убрали автомобиль. Около 2 часов ночи у автомобиля собралась толпа, человек в 10, и один из присутствовавших подошел к Ш. и стал трясти его за рукав, желая разбудить. Ш. вскочил и выхватил револьвер. Будивший обратился в бегство. Ш. бросился за ним и двумя выстрелами убил его наповал.

На следствии Ш. показал, что 19 сентября он возил пассажиров в Покровское-Стрешнево. В 9 час. вечера выпил 2 бут. пива; в 12 час.—2 рюмки рябиновки. Около 2 часов ночи автомобиль потерпел аварию на Тверской улице: соскочило заднее колесо. Ш. позвонил в гараж и в ожидании помощи в автомобиле задремал. Вдруг он почувствовал, что кто-то берет его за руку. Он выругался и стал выходить из автомобиля. Когда Ш. спустился на подножку, то почувствовал, что его кто-то ударил торцем из мостовой. Ш. крикнул, что будет стрелять и выстрелил в воздух. В ответ на это мимо него пролетел второй торец и, какой-то человек из толпы, окружающей автомобиль, бросился бежать. Преследуя его, Ш. произвел выстрел и, когда

убегающий упал, вторично выстрелил в воздух. Стрелял без определенной цели и намерения; стрелял только потому, что его кто-то ударил.

Ш. 30 лет, он женат, окончил городское училище. Детство протекало нормально. В анамнезе контузия от разорвавшейся гранаты и двукратное падение с автомобиля. Первый раз ударился затылком, во второй—подбородком. Оба раза был без сознания. В 1918 г. попал в плен к бандитам и некоторое время находился под угрозой расстрела. В 1920 г., во время службы в военном трибунале, появилась раздражительность и нервность. Примерно с того же времени Ш. стал злоупотреблять алкоголем. С 1925 г. стал пить реже, в то же время его алкоголизм принял периодический характер. В пьяном виде не шумел и не дрался. После выпивки его очень трудно было разбудить. В период перехода от сна к бодрствованию Ш. вел себя странным образом. Однажды заснул в автомобиле на Мясницкой улице и когда был разбужен милиционером, вынул свисток и начал свистеть и звать милиционера. Был оштрафован на 20 рублей. Половая жизнь с 17 лет. Венерические болезни отрицает.

Настоящее состояние: сухожильные рефлексy повышены; небольшое дрожание языка и вытянутых рук. Мышечный валик. Со стороны психики—подавленное настроение в связи с совершенным убийством. Интеллект в порядке.

Экспертизой признан невменяемым, как совершивший правонарушение в состоянии патологических просонок.

Механизмы, действовавшие в патологическом состоянии Ш., выступают очень отчетливо. Сущность их в более медленном пробуждении интеллектуальной и чувствующей сферы по сравнению с двигательной. Отсюда двигательные реакции при неотчетливом сознании, направляемые иллюзорным восприятием действительности и аффективно окрашенными представлениями сна. Роль алкоголя в возникновении вышеописанного состояния несомненна, и поэтому данный случай можно без натяжек толковать, как разновидность патологического опьянения. Об аналогии этих состояний с эпилептическими эквивалентами упомянуто выше.

Если рассмотрение эпилептических сумеречных состояний привело нас к анализу патологических опьянений, то по линии слабоумия от эпилепсии идет прямой путь к правонарушениям олигофренов. Печать недомыслия и внушаемости лежит и тут и там. Особенно тесно роднятся эпилепсия и олигофрения через те случаи, где эпилептические припадки появляются у суб'ектов, умственно недостаточных с детства. Агрессивность таких суб'ектов чаще всего определяется эпилептическими компотентами болезни, в то время, как поведение, следующее за правонарушением, носит ярко выраженный колорит слабоумия.

Случай V Недостаточный с детства эпилептик Д. едет однажды с дядей на базар. По дороге между спутниками возникает перебранка. Во время ссоры Д. чувствует удар в затылок и теряет сознание. Очнувшись, видит себя лежащим на снегу с молотком в руках, а на дровнях мертвого дядю с окровавленной головой. Сообразив, что он убил дядю, Д. бросает молоток в прорубь, садится на дровни и едет дальше. Приехав на базар, привязывает лошадь с дровнями и трупом дяди позади других саней, а сам направляется в лавку покупать чай. По возвращению подвергается аресту. Его сажают, по его словам «в какой-то дом».

В случаях неосложненной олигофрении печать слабоумия лежит и на мотивах их убийств. Почвой для криминальных реакций олигофренов служит недостаточность интеллекта, неспособность разбираться в окружающей обстановке, недоразвитие высших понятий и чувствований и в особенности их повышенная внушаемость. Благодаря этим особенностям случай и влияние окружающих имеют в их правонарушениях большое значение. В роли убийц олигофрены выступают более или менее случайно.

Случай VI Типичный имбецил И. сидел однажды после небольшой выпивки (ему досталось 2—3 рюмки водки) с отцом у печки. И. взял топор, чтобы разрубить полено; размахнулся и случайно ударил по голове отца. Испугавшись, он, сам не зная почему, нанес отцу вторичный удар. Увидя, что отец мертв, И. побежал к хозяину и с плачем рассказал о случившемся. Здесь же был арестован.

Случай VII Другой имбецил И., примкнув случайно к бандитской шайке, под влиянием окружающих принял участие в жестоком убийстве одного из товарищей. Двое бандитов держали жертву за ногу, а наш И. бил его осиновым колом по голове. В Институте спокоен, благодушен. Ни малейшего сожаления по поводу убийства не высказывает. Наоборот, доволен тем, что узнал свободную жизнь: «каждый день ел яйца и колбасу; сам себе хозяин». Высказывает уверенность, что его скоро освободят «так как дела-то его не очень велики».

Оба случая настолько ярки, что в комментариях не нуждаются.

Иначе складываются взаимоотношения между болезнью и правонарушением в области приобретенной психической инвалидности, то-есть в группе органиков. Группа убийц органиков является в моем материале самой многочисленной и представлена 29 случаями, которые составляют 13,2% по отношению к общему числу органиков, прошедших через Институт. При изучении относящихся сюда историй болезни сейчас же бросается в глаза крайняя неоднородность этой группы, чем до известной степени и объясняется ее многочисленность. Здесь имеется артериосклероз

сифилис головного мозга, прогрессивный паралич, сенильные и алкогольные формы слабоумия. Однако, для удобства изучения их все же можно разделить на 3 основные подгруппы. В первую подгруппу входят комбинированные случаи артериосклероза и хронического алкоголизма, во вторую—паралитики и, наконец, 3-ю своеобразную подгруппу составляют случаи, где склеротические и старческие изменения развились на почве ярко выраженной эпилептоидной конституции. Характерными особенностями для всей группы убийц органиков являются: 1) пожилой возраст; 2) выдающаяся роль алкоголя и конституции, как в особенностях заболевания, так и в этиологии правонарушений; 3) преобладание эксплозивных реакций и 4) выбор объектов правонарушения среди близких (наиболее частые случаи убийства жены).

Первая из вышеизложенных особенностей вытекает непосредственно из клинической сущности разбираемой группы. Что касается алкоголя, то ярче всего сказывается его влияние в первой подгруппе. Алкоголь здесь имеет часто первенствующее значение в этиологии органических изменений; он же привносит характерные черты в развивающееся болезненное состояние; наконец, он способствует возникновению преходящих душевных расстройств в форме патологических аффектов или опьянений, на им же сознанной болезненной основе? Другой довольно характерной чертой случаев первой подгруппы (алкоголизм + артериосклероз головного мозга) является наличие прирожденной психической недостаточности, выражающейся в неспособности к учению, неустойчивости, повышенной возбудительности и т. д. Наконец, довольно часто в анамнезе имеются указания на травмы головы. В соответствии с изложенным понятна и роль каждого из этих факторов в возникновении правонарушений. Наиболее частым убийством в этой подгруппе является убийство жены по мотивам ревности. Сверхценные идеи ревности, обязанные своим происхождением алкогольным компонентам, приводят к аффективным эксплозивным реакциям, легко возникающим на почве психической недостаточности и протекающим часто при измененном сознании. Родство с эпилептическими механизмами наблюдается и здесь.

Случай VIII Больной Ч. 35 лет; кустарь трикотажник. Со стороны наследственности — благополучно. Родился в крестьянской семье. С 13 лет служил мальчиком в аптекарском магазине в Москве. 19 лет переехал в Ленинград. Часто менял службу. В 1915 г. призван на военную службу. С 1917 по 1922 г. был в Красной Армии. Ни ранен, ни контужен не был. После демобилизации женился. Обучился писать на машинке и стал работать на дому. Не плохо зарабатывал. С 1922 г. почти ежедневно пьет. Половая жизнь с 14 лет. Венерические болезни

отрицает. Женился в 1922 г. на вдове, уже 3 раза бывшей замужем. От последнего мужа она имела дочь. С год супруги прожили мирно, а затем Ч. стало казаться, что жена по вечерам часто отлучается. Без достаточных оснований стал подозревать жену в измене. Следил за каждым ее шагом. Грозил убить или отравить стрихнином. Стал нервным, раздражительным. Месяца за 4 до убийства выгнал жену из дома. Жена поселилась у подруги. Через некоторое время вернулась домой, а затем снова ушла. Это повторялось несколько раз. Последний раз жена ушла в марте 1925 г. 22 апреля Ч. украл у брата револьвер, оставив записку: «Петя! я подлец, но ты прости меня!» Явился к жене пьяный. Жена встретила Ч. вопросом: «опять напился?» Тогда Ч. повалил ее на кипящий самовар, а затем двумя выстрелами убил. После этого выпил принесенную с собой бутылку вина. При аресте заявил, что отравился стрихнином, но врач констатировал только опьянение.

При наблюдении в Институте найдено: миокардит, жесткость периферических сосудов, повышение коленных рефлексов, дрожание языка и вытянутых рук. Больной депрессивен, необщителен. Все время проводит в кровати; отказывается от лекарств. Подозрителен, высказывает идеи преследования. На Комиссии признан страдающим душевной болезнью в форме депрессии, с явлениями тоски, заторможенности, растерянности, подозрительности и бредовыми идеями ревности и преследования. Болезнь развилась на фоне некоторой психической упадочности, вызванной влиянием хронического алкоголизма и сопутствующих явлений артериосклероза мозга. Преступление совершено в состоянии душевной болезни под влиянием бредовых идей ревности.

В этом случае алкогольные изменения психики превалируют над органическими. В следующем примере взаимоотношения носят обратный характер.

Случай IX Больной Е. 37 лет, рабочий-прядильщик.

Со стороны наследственности—алкоголизм у отца. В школе учился плохо. До 1910 г. крестьянствовал, а затем работал прядильщиком на фабрике. В 1914 г. был призван на военную службу. В 1916 г. контужен. После контузии паралич правой половины тела и трясение головы. Через год Е. поправился, но характер его резко изменился: стал молчаливым, задумчивым, беспокоили головные боли. В октябре 1924 г. появилась бессонница, отсутствие аппетита; бегал по комнате, волновался. Был помещен в Мещерскую псих. больницу, где пробыл 14 дней. В больнице отмечен бред ревности. Вернувшись домой, стал усиленно следить за женой. Приводил жену к фабричному врачу с требованием немедленно осмотреть ее, так как у жены горячие руки, а это доказывает, что она только что с кем-то имела сношения. Когда врач пытался успокаивать Ч., тот начинал

волноваться и кричать, что врач покрывает жену и участвует в заговоре. За день до убийства врач предложил поместить Ч. в психиатрическую больницу. Отправка была отложена до следующего дня, а ночью больной зарезал жену. Как это произошло, Е. не помнит. Вспоминает только, что ночью с женой ссорился. Пить Е. начал с детства. Последний год напивался 2—3 раза в неделю. 17 лет заразился сифилисом.

В Институте найдена разница зрачков, при удовлетворительной реакции на свет. Слабость правого лицевого нерва и слабость правой руки. Реакция Вассермана в крови и в жидкости отрицательная. Со стороны психики: глубокая депрессия, прерывающаяся состояниями агрессивного возбуждения, протекающими при неясном сознании.

Больной высказывает бредовые идеи; его обкрадывают; он требует возвратить ему богатую передачу; над ним смеются. Не верит, что убил жену. Память и осмысление расстроены. Во время пребывания в Институте дважды пытался повеситься.

Приведенный случай осложняется, кроме алкоголя, сифилисом и контузией. Убийство совершено под влиянием бреда ревности, имеющего, однако, более нелепый характер, чем у предыдущего больного, что объясняется большей тяжестью органических изменений.

Этот случай является переходным к группе убийц—паралитиков, где действуют те же факторы, но преломленные через призму паралитической деменции. Эта группа представлена всего четырьмя случаями. Малочисленность ее соответствует вообще слабому участию прогрессивного паралича в преступности, что объясняется его прогрессивным течением, быстро приводящим к физическому и психическому распаду и, вследствие этого, к помещению в больницу. Некоторое значение в криминальной психопатологии имеет, как известно, только начальная так называемая неврастеническая фаза прогрессивного паралича. В имеющихся у меня случаях налицо значение привходящих факторов. В двух случаях убийство совершено в состоянии патологического опьянения, в двух других—алкоголизм в анамнезе, и в одном из них—алкогольная окраска паралича. Травма головы—в двух случаях и дебилность—в двух случаях. В одном случае, леченном малярией, с хорошей ремиссией, убийство совпало с начавшимся ухудшением, при чем совершено в состоянии патологического опьянения. Во всех случаях убийство является эксплозивной реакцией.

Случай X Больной Ч., 29 лет, приказчик. Детство протекало нормально. По характеру был веселый, жизнерадостный. Хорошо учился. По окончании школы служил мальчиком в магазине вплоть до военной службы. В 1914 г. призван. На фронте был контужен в голову. С 1917 г. живет в Москве,

занимаясь мелкой торговлей. В 1918 г. женился. Алкоголь в большом количестве с 17 лет. В 1912 г. заразился сифилисом. В июне 1922 г. Ч. заболел. Стало казаться, что жена хочет убить его; появилась сильная раздражительность; бил и колотил окружающие предметы. Был помещен в Преображенскую психиатрическую больницу, где состояние возбуждения довольно скоро стихло. По выписке из больницы, Ч. поселился у родственников, а в начале 1923 г. переехал опять к жене. Однажды утром жена стала упрекать больного в том, что он не работает и взяла в руки ножницы. Ч. показалось, что жена его хочет убить, он схватил со стола нож и зарезал ее.

В Институте обнаружено: зрачки сужены, на свет реагируют вяло; резкое дрожание рук и языка. Сухожильные рефлексы повышены. Речь расстроена, с спотыканием на слогах. Больной необщителен, ничем не интересуется; резко слабодушен. Память и соображение расстроены. По ночам видит родственников, которые вступают с ним в беседу.

В приведенном случае ясно видна алкогольная патопластика заболевания (слуховые галлюцинации, бред преследования). Мотивы же убийства нелепы и характерны для паралитического слабоумия.

Совершенно своеобразна выделенная мною 3 подгруппа убийц-органиков. Здесь алкоголь играет незначительную роль, зато мощно врывается в картину органического заболевания эпилептотимная конституция, сплетаясь с ним в одно прочное целое, характеризующееся богатством и силой сверхценных идей, их актуальностью, напряженной, прилипчивой аффективностью, эгоизмом и жестокостью, прикрытой благопристойной внешностью— все это на фоне интеллектуальной слабости. Склонность эпилептотимиков к образованию сверхценных идей, подмеченная Е. К. Краснушкиным, выступает здесь чрезвычайно отчетливо. Артериосклероз и старческие изменения (сенпум) идут в ногу с эпилептотимной конституцией и развязывают скрытую в ее глубинах агрессивность. Убийства этих больных несут отпечаток исключительной жестокости и в двух случаях из 5 имеют массивный характер. В трех случаях эпилептотимия комбинируется с сенильными изменениями, в двух других, более легких, с артериосклеротическими. Главную роль в правонарушениях этих больных играют сверхценные идеи. Некоторые из этих случаев уже опубликованы, но для сохранения полноты изложения, я все же привожу их, хотя и в сжатом виде.

Случай XI Инженер К., 62 лет (случай опубликован д-ром Введенским¹).

Обвиняется в убийстве жены и двух дочерей.

¹ Введенский.—«К казуистике старческих преступлений». Журнал им. С. С. Корсакова, 1926 г., вып. 1 и 2.

К.—типичный эпилептотимик; с молодых лет мелочный, аккуратный резонер, убежденный в своей доброте, справедливости и умственном превосходстве. Трудолюбивый созидатель собственного благополучия. Эгоист. Еще студентом К. составил себе программу жизни, следуя которой надеялся создать себе прочное положение. Программа была намечена на 100 лет. На жизнь всегда смотрел серьезно: чувствовал страх перед ней. В беседах с товарищами неоднократно развивал мысль, что не жить лучше, чем жить. 41 года женился на девятнадцатилетней девушке. В 1905 г. получил во время крушения ушиб головы и несколько часов был в бессознательном состоянии. Незадолго до войны начал страдать головными болями, головокружениями и раздражительностью. Весной 1920 года перенес сыпной тиф. В декабре 1920 г.—инсульт с последующей афазией и левосторонним параличем. Месяца через 4 вернулся на службу в Наркомпуть. 1 декабря 1923 г. был уволен по сокращению штатов. После сокращения постепенное нарастание идей ущерба и обнищания. К. ведет непрерывные разговоры с домашними, что надо сообща кончить жизнь самоубийством, так как будущее беспросветно. Неопределенные ответы жены истолковывает, как согласие. В январе 1924 г. душевное состояние К. становится особенно мучительным. В воскресенье, 11 января, с утра чувствовал необычную тоску. Вечером, укладываясь спать, жена собрала лежащие на полу 2 топора и колун и подала их К. Он понял это, как знак приступить к действиям. Несколько раз он с страшными колебаниями подходил к кровати, где спала жена с младшей дочерью. Внутренний голос удерживал его, а другой внешний побуждал его действовать. Наконец, он нанес удар топором жене или дочери, точно не помнит. Дальнейшее рисуется ему туманно. Вспоминает, что бегал к столу за ножом, так как рубить топором было неудобно. Не успел К. отойти от кровати, как пришла старшая дочь и спросила: «как мама?» К. пропустил ее вперед и сзади ударил колуном. Чем он действовал дальше не помнит. Прикрыв тело дочери одеялом, стал искать нож, чтобы покончить с собой, но его не нашел. Почувствовал большую слабость; лег и в оцепении пролежал до утра. Утром захватив 2 мешка, наполненных множеством вещей домашнего обихода, явился в милицию и заявил о содеянном.

При судебно-медицинском вскрытии трупов у всех найдены тяжелые повреждения черепа, нанесенные тяжелым острым оружием, и глубокие раны шеи, проникающие до позвоночника.

Стоимость оставшегося имущества, по мнению судебных властей, давала возможность семье К-ых просуществовать 1½—2 года.

В Институте у К. найдено следующее: сердце увеличено влево; тоны сердца глухие. Радиальные артерии жестковаты. Зрачки сужены. На свет реагируют вяло. Дрожание языка и пальцев рук. Ослабление силы правой руки и ноги. Коленные рефлексы повышены. Положительный Ромберг. Реакция Вассерманна в крови. Психическое состояние: К.—малоподвижен, молчалив, вял. Монотонно и обстоятельно излагает свое жизнеописание и самые тяжелые подробности убийства. Жалуется на тяжелое душевное состояние. Жалеет семью и боится за свое будущее. Часто проверяет правильность своего поступка и каждый раз приходит к выводу, что поступил правильно. Мыслей самообвинения не высказывает. К концу пребывания в Институте все реже вспоминает убитых и больше заботится о собственной участи. Память у К. ослаблена; критика понижена.

Экспертизой признан страдающим старческим слабоумием.

Органическое заболевание в данном случае складывается из комбинации артериосклеротических и старческих изменений. В них, однако, еще нельзя найти объяснения всех особенностей психики К. Убийство—отнюдь не характерное правонарушение для старчески слабоумных. Только эпилептоидия делает понятным импульсивный характер и жестокость данного правонарушения. Это она дала точную почву для расцвета сверхценных идей обнищания и ущерба и, снабдив их всей мощью своей напряженной аффективности, привела к разряду в почти припадочном состоянии.

Как на особенность случая, я укажу на отсутствие в препсихотической личности больного эксплозивности, при наличии всех других эпилептоидных компонентов.

Случай XII В следующем случае, описанном Д. А. Аменицким,¹⁾ дело идет о крестьянине Московской губ. Ж—в, 71 года, убившем сына, сноху и внука. Описание убийства мною взято из статьи Аменицкого.

Преступление совершено в августе 1918 г. в праздничный день. Ж—в сидел дома с сыном, снохой и шестилетним внуком. Между отцом и сыном шел разговор о материальных невзгодах. Ж—в жаловался на отсутствие денег, сын предлагал продать швейную машинку, сноха протестовала. Сын побил сноху. Старик вступился за нее, но сын побил и его. Это сильно обидело старика, он заплакал. Долго ходил по двору, думая об обиде со стороны сына, которого он сам кормил и который в то время ничего не приносил в дом. Сердце у него разошлось. Гулял около часу. Когда подошел к дому, попался на глаза топор и сразу явилась мысль убить кого ни попало. По его выражению «взялась сила, как буря; осатанел как зверь», и он обухом сразу

¹ Журн. «Право и жизнь», 1923 г.

ударил спящих в снях сына и сноху. Потом потащил их в сарай. По пути на лестнице встретил внука; его также хватил обухом и убил. Всех троих зарыл в конюшне в одной яме. Одежду всю сжег в поле, все следы скрыл. Вечером, когда вернулся второй сын, отец сказал ему, что брат его уехал с семьей на юг, чтобы жить в хлебных местах. Тот поверил. Первую ночь после убийства старик не спал; на другой день пошел за грибами, стало легче, а потом и совсем успокоился. Была, правда, мысль, что, когда поправит свое материальное положение, пойдет и покается. Через 2 года вспомнил о преступлении и пытался повеситься, но не удачно. После этого опять пришел в веселое настроение. Преступление раскрылось только через 4 года. Старик признался в нем сыну, когда тот умирал от тифа. Сын, однако, выздоровел, и дело получило огласку.

Из анамнеза видно, что Ж—в всегда отличался хорошим здоровьем и был очень работающим. 25-лет заразился сифилисом и лечился деревенскими средствами. Женился 20 лет, имел 3 сыновей и 2 дочери. Двое умерли. Семнадцать лет тому назад, после смерти жены, стал, по его словам, как-будто тронутый рассудком: задумывался, тосковал. Когда детей забрали на войну, пошли неприятности. Хозяйство стало падать, продал лошадь и корову, в голове стало непрерывно звонить. Отмечает, что несколько раз видел вещие сны, которые сбывались на самом деле.

При исследовании Ж—ва в Институте найдено: старческие кожные покровы, дегенеративные уши. Правая носогубная складка сглажена; дрожание рук; зрачки сужены, реагируют вяло. Сердце увеличено влево, тоны глухие. Височные артерии извиты и жестки.

За все время пребывания в Институте Ж—в оставался благодушным, спокойным. Легко вступал в общение с больными и без смущения, во всех подробностях, рассказывал о своем преступлении, чем возмущал соседей. К своему положению относился без достаточной критики. Память и соображение у больного ослаблены. На вопрос о самочувствии обычно отвечал шуткой: «не поумнел, не поглупел».

Комиссией признан душевно-больным.

При анализе этого случая видно, что мы имеем дело с глубоким психическим упадком, выражающимся в сужении интересов, ограничении душевного содержания привычным кругом представлений, эгоизме, поверхностном благодушии, душевной тупости и ослаблении памяти и соображения. Этим изменениям, свойственным старческому слабоумию, предшествовали явления мозгового артериосклероза в форме ослабления энергии, раздражительности, не мотивированных смен настроения и характерного звона в голове. Однако, как и в предыдущем случае, за этим слабоумным обликом угадываются черты эпилептоидной

конституции. От нее идут эта вера и вещие сны и это лицемерие перед самим собой и людьми—мысль сознаться в преступлении, как только улучшится материальное положение, и исповедь у изголовья умирающего сына. И покаяться надо, и себя пожалеть. Наконец, от нее этот бурный аффективный разряд с кровавыми, разрушительными тенденциями. Немалую роль в преступлении, повидимому, играли и сверхценные идеи обнищания, хотя и не так ярко выраженные, как в предыдущем случае. В этом смысле характерно описание Ж—вым полученной обиды: обидел сын, которого он сам кормил, и который ничего не приносил в дом. И в этом—ключ к пониманию дальнейшего. Возможно, что кроме гнева, руку старика направляло глубоко скрытое желание освободиться от лишней обузы. Сходство с К—м значительное; как и там истинные мотивы убийства далеко уходят в глубины личности.

В моем материале имеется еще 3-й случай очень похожий на изложенные, в котором дело идет о старчески-слабоумном стороже холодильника П., зарубившем своего сослуживца. Случай недавно опубликован Е. К. Краснушкиным¹⁾ и, за недостатком места, я его опускаю. Все три вместе взятые, они являют собой совершенно своеобразную клиническую картину. Невольно возникает вопрос, насколько случайна эта комбинация эпилептоидной конституции с сениумом и артериосклерозом, столь злокачественная в криминальном отношении.

Еще в более чистом виде выступает эпилептоидная конституция там, где органические изменения легче и выражаются только в артериосклерозе. В этих случаях нет слабоумия, вуалирующего конституциональные черты, а склеротические изменения их лишь заостряют.

Случай XIII М—в, 39 лет, учитель; окончил физико-математический факультет, женат, имеет двоих детей. Обвиняется в убийстве знакомого.

Детство М—ва протекало нормально. Учиться начал с 7 лет. Учился хорошо. Обладал способностями к математике и к музыке. Среднее образование закончил в Москве. Высшее образование начал на естественном отделении МГУ. В 1905 г. уехал за границу, желая получить техническое образование. Учился в Фрейбурге, а затем в Дрездене. В этот период предавался кутежам. Соскучившись по родине, вернулся в Россию и в 1916 г. закончил университетское образование. Получил место пом. губернского техника. В 1913 году женился и переехал в Мелитополь, где в течение 2 лет учительствовал. От брака имеет двоих детей. К детям очень привязан. Сам вставал по ночам и пеленал

¹ Е. К. Краснушкин.—Опыт психиатрического построения характеров у правонарушителей.

их, причем делал это лучше жены. В 1915 г. М—в получил место в Москве. В 1917 г., в виду продовольственных затруднений, перевез семью на хутор в Воронежскую губернию, где энергично вел хозяйство. На хуторе из-за хозяйственных мелочей у М—ва начались трения с женой, иногда дело доходило до драки. В 1922 г. М—в поступил в Московское техническое училище и переехал к брату, семью же оставил на хуторе. В Москве погрузился в занятия; в два года прошел три курса. В 1922 г. на хутор приехал товарищ М—ва, некто А., и предложил свою помощь в работе. После отъезда М—ва в Москву, А. остался на хуторе. Во время своих приездов на хутор М—в стал замечать начавшееся сближение между женой и А. По этому поводу неоднократно вел тягостные разгоры с женой и А. В 1922 г. семья М—ва переезжает в Москву. Ради семьи он бросает техническое училище и берет место учителя в Богородске. С приездом в Москву отношения с женой обостряются. Жена, соскучившись в деревне, тянется к развлечениям и продолжает роман с А. М—ву, перегруженному работой, приходится ухаживать за детьми, что выводит его из равновесия. Начинаются разговоры о разводе и борьба за детей. М—в хочет оставить их при себе, жена не соглашается. М—в всячески старается удержать жену, умоляя ее не разбивать семью. Жена то собирается уходить, то остается; М—в становится мрачным, раздражительным, плохо спит. Весной 1924 г. перевозит семью на дачу в Лосиноостровскую. Жена всячески стремится в город. 8-го июня, после разговора с женой, М—в в тяжелом настроении бродит по полотну железной дороги и находит острый костыль, который машинально кладет в карман. На следующий день поднялся очень рано в возбужденном состоянии. Помнит, как стучали зубы. Поговорив с женой и простившись с детьми, поехал в Москву. Туда приехал очень рано, пошел пешком. Заходил к брату, но сам об этом не помнит. Вспоминает, что пришел к А. и предложил ему отправиться вместе к жене, чтобы найти какой-нибудь выход из создавшегося положения. Пошли пешком через лес. Дорогой вели оживленный разговор. В лесу А. остановился помочиться. В этот момент М—в напал на него и убил, нанеся 11 колотых ран при помощи костыля. Из случившегося помнит только, что А. упал на руки и на виске у него была кровь. Очнулся уже на опушке леса. Отправился в отделение милиции, где дал бессвязные показания об убийстве.

При испытании в Институте: настроение подавленное, раздражителен; сообщает, что раздражительность была всегда, но особенно обострилась за последний год. В моменты волнения сознание затуманивалось, под ногами почва колебалась и как-бы доходила до колен. В момент убийства земля поднялась до горла.

Страдал головокружениями. В отделении держится степенно. О себе рассказывает чрезвычайно подробно. В разговоре волнуется, иногда на глазах слезы. Отмечается ослабление памяти и повышенная утомляемость.

Со стороны физической—признаки общего и мозгового артериосклероза (разница зрачков, склероз сосудов, дна, глаза и т. д.).

Экспертизой признан страдающим артериосклерозом мозга. Правонарушение совершено в эпилептиформном припадочном состоянии.

На основании данных судебного дела и показаний родственников личность М—ва рисуется в следующем виде: семьянин-собственник. Эгоист, но обожает детей. Трудлюбив, не покладая рук работает для утверждения материального благополучия как своего, так и своей семейной ячейки. Те же требования предъявляет к жене, мало считаясь с ее личными интересами. Характер тяжелый, властный, вспыльчивый. Внешне сдержан, степенен, обстоятелен. Сексуально-активен. В этих особенностях его психики легко узнается эпилептоид (эпилептотимик). За последние годы эпилептоидные черты еще ярче выступают под влиянием артериосклероза. Назревающий распад семьи бьет его в наиболее чувствительное место и мобилизует всю его тяжелую аффективность. Невыносимое аффективное напряжение разрешается взрывом в форме эпилептоформного припадочного состояния. Опять знакомые нам механизмы.

Прежде, чем закончить рассмотрение убийств в группе органиков, я позволю себе привести для сравнения один случай, где начинающийся артериосклероз развился у субъекта с шизотимным характером.

Случай XIV А—в, крестьянин Московской губ., 47 лет, имеет высшее образование.

16 апреля 1923 года, в лесу, около Стрелецкой слободы, Волоколамского уезда, в 1½ верстах от шоссе, обнаружен труп женского пола, около 30 лет, разрубленный на части. Отделены голова, туловище и кисти рук. Руки и ноги разрублены на несколько кусков. Груды вырезаны и весь труп разрезан на 16 частей. На левой стороне головы имеется разрез, идущий от затылка и до верхней губы. Череп разрублен. Мозга нет. По подозрению в убийстве был задержан А—в, который сначала дал ложные показания, но в тот же день от них отказался и признал себя виновным.

А. происходит из крестьянской семьи. До 14 лет рос в деревне. Учился в монастырской школе, где заинтересовался работой по реставрации икон и живописью. С 14 до 18 лет занимался в Москве в иконописной мастерской. 19 лет по настоянию родителей женился и поступил рисовальщиком на фабрику по выделке ковров. В этот период увлекся вопросами религии.

Старался жить по христиански, не пил, не курил, много раздавал и своих средств. Через 2 года религиозное настроение сменилось атеизмом. В 1903 г. увлекся профессиональной работой. В 1914 г. овдовел, а через год женился вторично. Вторая жена оказалась нечестной, злой женщиной, и А—в после 11 лет совместной жизни с ней разошелся. После революции А—в вступил в партию и окончил военно-командные курсы. С 1919 по 1921 г. служил в Тамбове комиссаром военных курсов. Вскоре по приезду в Тамбов, А—в взял себе приходящую прислугу, так как врачи ему рекомендовали домашний стол. Через некоторое время они сошлись, и Ч. (фамилия работницы) переехала к нему на квартиру. Вначале Ч. относилась к А—ву очень хорошо, но затем отношения их стали портиться. Через 2 мес. Ч. заявила, что она беременна. А—ву это показалось странным, так как врачи говорили ему, что после перенесенной гонорреи он не может иметь детей. Был произведен аборт. А—в пытался развивать свою сожительницу, приносил ей книги, записал на общеобразовательные курсы, но она не шла ему в этом навстречу. Вскоре Ч. стала предъявлять к нему различные требования: катать ее на казенной лошади, доставать продукты, шить ей платья в военной мастерской и т. п. А—в мучился этим, но все же ей уступал. Он стал говорить о разводе, но Ч. на это не соглашалась. В течение следующих лет взаимоотношения их приняли чрезвычайно мучительный характер. А—в всячески стремится уйти от сожительницы. Он берет назначения в различные города и пытается ехать один, но, встретив сопротивление со стороны Ч., каждый раз уступает, и они едут вместе. Он пробует оставить ее у своих родителей, но из этого возникают новые осложнения: Ч. относится к его родным грубо и вызывающе и ему приходится выслушивать их упреки. На решительный шаг к разрыву у него не хватает характера. Между сожителями происходят частые ссоры. В январе 1923 г. А—в отправил Ч. к своей матери в Волоколамск. В начале апреля он приехал туда же, чтобы провести дома пасхальные каникулы. Дома его ожидали неприятности: Ч. окончательно перессорилась с его матерью. Снова имел с Ч. несколько разговоров, окончившихся безрезультатно. 13 апреля А—в отправился с Ч. к одному знакомому, с которым собирался пойти на охоту. Дорогой вели волнующие разговоры. Не дойдя до знакомого, вернулись домой. Всю ночь А—в не спал, стараясь найти выход из тупика. Встал рано утром и предложил Ч. опять пойти к знакомому. Во время прогулки Ч. осыпала его обычными упреками. А—в был взволнован. Дойдя до поворота дороги, он вместо того, чтобы свернуть налево, пошел направо по насту, желая потом вернуться домой. Пройдя некоторое расстояние, он заметил, что Ч. устала и предложил ей отдохнуть, для чего срезал можже-

тельную ветку. Когда Ч. села и нагнулась над узелком с провизией, он, не отдавая себе отчета в том, что делает, поднял ружье и выстрелил в Ч. Некоторое время он стоял, не зная и не понимая, зачем он это сделал. Затем явилась мысль, что надо что-то делать, надо убрать труп. Он раздел Ч. и при помощи топора и кинжала разрезал труп на куски. Отдельные части разнес по разным сторонам, чтобы звери и птицы скорее ликвидировали труп. Делал это не для того, чтобы скрыть следы преступления. Тут же возникла мысль о самоубийстве, но остановила любовь к детям. В течение двух суток после убийства не мог спать, было кошмарное состояние. 24 апреля был арестован.

Свидетели по делу дали блестящую служебную и личную характеристику А—ва. Подруга убитой Ч. отзывалась о нем с самой хорошей стороны. Никаких указаний на мотив ревности в судебном деле нет.

В Институте вежлив, общителен. Проводит время за рисованием. Охотно рассказывает о себе. Грубых расстройств интеллекта не обнаруживает. Отмечает за последние годы перемену характера в сторону большей вспыльчивости. Говорит, что до сих пор не может понять, как он совершил столь кошмарное убийство. «У меня не было мысли убить и, когда я выстрелил, а она упала, никак не мог понять, зачем я это сделал». При рассказе об убийстве волнуется, иногда плачет. Несколько слабодушен.

Со стороны физической—общий артериосклероз. Экспертизой признан страдающим артериосклерозом головного мозга и психической дегенерацией.

Психологический интерес этого случая заключается в жутком контрасте между личностью и правонарушением. Имеющиеся в деле и в истории болезни данные характеризуют А—ва, как человека мягкого, безвольного. С детства ему присущи какие-то устремления ввысь и неудовлетворенность окружающей жизнью. Он ищет удовлетворения своих запросов, то в религии, то в атеизме, то в революционной деятельности. Материальное благополучие его интересует меньше всего. К женщинам он, по его выражению, относился всегда хорошо, прежде всего жалел их. Отдавая всю свою энергию каким-то высшим целям, он не способен устроить свою семейную и личную жизнь. Эта личность не от мира сего, лучше всего укладывающаяся в рамки шизоидной психопатии.

При сравнении этого случая с предыдущим, сейчас же выступает их существенная разница. Там активная борьба за целостность семейной ячейки, здесь постоянное бегство от источника неприятных переживаний. Там представления травмы становятся в центр сознания и концентрируют вокруг себя все

силы личности,—здесь попытка забыться в общественной работе. Наконец, нарастающее внутреннее напряжение М-ва заканчивается простым моторным разрядом, ярко окрашенным аффектом злобы и гнева, в то время как А-в реагирует рядом сложных действий неожиданным и непонятным для себя образом. Преступление М-ва понятно с точки зрения особенностей его личности, его тяжелой аффективности и взрывчатости, кошмарное же убийство сожительницы резко контрастирует с привлекательным обликом мечтателя живописца. Еще более непонятным представляется поведение А-ва после убийства. Вряд ли его можно объяснить только желанием скрыть следы. Повидимому за кощунственной операцией над трупом скрывается что-то более глубокое: может быть скрытое желание до конца удалить из сознания источник неприятных переживаний, развеяв по ветру его страшные остатки, а может быть какое-то сексуальное извращение, неожиданно вырвавшееся из недр личности и не свойственное ей в целом. Само убийство и поведение после него складывается, таким образом, в одну цепь сложных действий, характеризующихся импульсивностью, непонятных для правонарушителя и не свойственных ему, как личности. Причина этой неожиданности и непонятности кроется в том, что аффективный импульс непосредственно переходит в действие, отколовшись от личности. При оценке объективных предпосылок преступления, выявляется их недостаточность. В самом деле, наиболее естественным и целесообразным выходом из положения был бы для А-ва разрыв с сожительницей, с которой его не связывали никакие обязательства. Здесь же аффективный импульс вызвал к жизни явно невыгодное для личности поведение. Принимая во внимание все изложенное, можно квалифицировать поведение А-ва в момент убийства, как действие короткого замыкания в отличие от взрывной реакции в случае М-ва.

Эта реакция короткого замыкания и будет одной из самых частых в группе шизофренических убийств, к описанию которых я сейчас перехожу. Интрапсихическая атаксия и аутизм в значительной мере определяют форму реакции шизофреников при всей пестроте шизофренических картин. Интрапсихическая атаксия способствует эмансипации отдельных частей личности или комплексов и дает им возможность играть самостоятельную роль в реакциях. Отсюда короткое замыкание (формально не мотивированное мимовольное действие)—один из самых типичных механизмов шизофренических убийств. Чем глубже распад личности, тем более парадоксальными и менее мотивированными становятся реакции, приобретая характер бессмысленных импульсивных действий. Это же расщепление личности ведет к малой актуальности бредовых идей и галлюцинаций. Убийства под влиянием бреда встречаются чаще при парафренических формах ши-

зофрении, где поздно начавшийся процесс не ведет к глубокому распаду личности и где бред часто получает характер сверхценности. Однако, и в этих случаях бредовые идеи, создавая предпосылки для криминальной реакции, не всегда определяют ее механизмы. Нередко годами живущий в своем бреде шизофреник вдруг совершает убийство непонятным и неожиданным для себя образом. Мимовольные не мотивированные действия, как признак расщепления личности, встречаются и здесь.

Случай XV Больной К., 25 лет, педагог.

С детства замкнутый, необщительный. В юношеские годы увлекался теософией. С 21 года потерял интерес к жизни и инициативу. Часто менял места. Обнаруживал странности в поведении. Однажды, будучи на военной службе, самовольно покинул караульный пост. Последние годы чувствует, что живет и действует не он, а кто-то другой. С 1922 г. безработный. 2 августа 1923 г. К. ночевал у товарища. Проснувшись утром, увидел на полке несколько цибиков чая. Появилась мысль чай этот унести. К. оделся и пошел в уборную. В коридоре увидел топор. Взял его, вернулся в комнату и, накрыв товарища одеялом, нанес ему несколько ударов в голову. После этого забрал чай и отправился продавать его на базар. Когда чай был продан, покупатель спросил у К. адрес. Он дал адрес убитого товарища и тут только вспомнил, что совершил убийство. Раскаянья при этом не ощутил.

В Институте выявил себя, как типичный шизофреник.

Характерный пример шизофренического убийства. Тип реакции—короткое замыкание. Слабость аффективной мотивировки и бессмысленность убийства указывает на глубокий психический распад.

Случай XVI Больной М. портной, 40 лет. Поступил в Институт в сентябре 1925 г. Заболел в конце 1924 г. Появились мысли, что сослуживцы дурно относятся к нему, шепчутся о нем, со службы его хотят уволить. Постепенно в бред вплетает и жену. М. кажется, что жена хочет бросить его, не верит ей. В июле 1925 г. после одного из разговоров с женой вышел из комнаты и вдруг ему пришла в голову мысль зарезать жену, чтобы она никому не досталась. М. вернулся в комнату, взял бритву и подойдя сзади к сидящей на стуле жене, ударил ее бритвой в шею. Жена вскочила и бросилась к окну. М. подбежал к ней и нанес вторичный удар.

В Институте ясная картина шизофрении с глуховыми галлюцинациями и импульсивной агрессивностью. Все время слышит голос жены. Уверяет, что жена жива, а он зарезал куклу.

В этом случае аффективное напряжение, связанное с бредом отношения и ревности, находит свое разрешение в реакции короткого замыкания. Мысль об убийстве возникает у больного

внезапно, и он выполняет ее неожиданным для себя образом. Акт убийства остается для него непонятным. Характерна дальнейшая аутистическая переработка содеянного: больной уверяет, что зарезал куклу.

В другом случае больная З., застрелившая своего мужа, рассказывала, что в последний момент револьвер выпал у нее из рук и муж остался жив.

Другой частой особенностью шизофренических убийств является как-бы двойственность направления аффективного разряда или на себя, или на другого. Нередко до самого последнего момента шизофреник не знает, совершит-ли он убийство или самоубийство, и иногда какая-нибудь случайность дает перевес той или иной тенденции. В других случаях аффективный разряд проникает в двух направлениях, и убийству сопутствует самоубийство. В материале Вецеля наибольшее количество таких случаев среди душевно-больных падает также на группу шизофрений.

Случай XVII Больной Ш. 32 лет, работник Госиздата, поступил в Институт в июле 1925 года.

В детстве отличался большой вспыльчивостью и впечатлительностью. Боялся темноты и привидений. В десятилетнем возрасте однажды ночью видел, как с картины сошел старик. В 13 лет пережил еврейский погром в г. Седлеце. Учился средне, окончил 5 классов гимназии. После этого работал аптекарским учеником. В 1912 г. связался с профессиональным движением. Работал много и энергично. После Революции занимал ряд довольно ответственных должностей в различных госучреждениях. По службе часто открывал беспорядки, против которых энергично боролся, благодаря чему имел много конфликтов с сослуживцами. Заболел в 1921 г. Болезнь протекает приступами, выражающимися потерей работоспособности, нарастанием раздражительности и бредом преследования и отношения. Неоднократно помещался в различные санатории; в 1924 г. лежал в психиатрической клинике 1-го МГУ. С начала 1925 г. стал подозревать, что жена изменяет ему с его близким товарищем. В этом смысле истолковывал каждое слово и каждый жест жены. Поссорился с товарищем, был страшно угнетен. 21 мая он ночевал у брата и ночью ему пришла в голову мысль убить себя или товарища. Нашел у брата револьвер и к нему единственный патрон. Утром пригласил товарища и жену для объяснения. Во время разговора предложил товарищу жениться на своей жене. Товарищ ответил насмешкой, и это разрешило колебания Ш.: он произвел выстрел в товарища.

В Институте тоскливо-возбужденное настроение. Очень подозрителен. Высказывает довольно систематизированный бред. Вот вкратце содержание бреда: измена жены и насмешки окружающих, подстроенные врагами Ш. Враги его знают, что он

лежал в психиатрической клинике, и путем интриг рассчитывали толкнуть его на убийство или самоубийство. Они боятся Ш., так как он слишком хорошо знаком с их темным прошлым. Этот бред заполняет все сознание больного. Отвлечь от него больного не удастся. Галлюцинаций у больного нет.

Этот больной стоит несколько особняком в группе убийц шизофреников. У Ш. никогда не было слуховых галлюцинаций; до последнего времени он оставался в жизни и был активным работником. Распад личности здесь отсутствует. Бредовые построения больного как-бы вытекают из особенностей его пре-психотической личности, являются их завершением. В прошлом он человек до крайности самолюбивый, подозрительный, мнительный и в то же время активный, всегда готовый встать на защиту своих прав, борющийся за справедливость и легко вступающий в конфликт с окружающими. Он в одно и то же время легко раним и агрессивен. Эта его дисгармоничность является прекрасной почвой для бредообразования и определяет его поведение. Из обиженного он легко превращается в обидчика. Бред больного ярко аффективно окрашен, и реакции его несут в себе черты стеничности, что придает им некоторое сходство с знакомыми нам реакциями эпилептиков и эпилептоидов. В данном случае нельзя говорить о мимовольном действии. Правонарушение является заключительным звеном бредообразования, идущего по типу экспансивного развития личности, в смысле Кречмера, но обусловленного медленно текущим процессом. Убийство здесь не является неожиданным актом, как в предыдущих случаях. Опасность больного вытекает из особенностей всей его личности. Клинически этот случай принадлежит к той группе шизофрений, которые граничат с паранойей и родственными ей заболеваниями, и только недостаточная систематизация бреда и эмоциональная уплощенность выдают его истинное лицо. Заслуживает быть отмеченным в этом случае амбивалентное поведение в момент правонарушения: Ш. хотел стрелять не то в себя, не то в товарища. Как я уже сказал выше, это является для убийц-шизофреников довольно характерным.

Случаи, подобные описанному, принадлежат к группе опасных душевнобольных, и убийство является вообще наиболее частой формой их криминальных реакций. Очень близко к ним примыкают и два последних больных, к которым я сейчас перехожу, и которые заслуживают отдельного описания в виду их исключительного клинического интереса.

Случай XVIII Больной М—в, 36 лет, слесарь, окончил среднее техническое училище. В Институт поступил 1 октября 1925 г. Одна из сестер М—ва в возрасте 35 лет заболела психическим расстройством после измены мужа. 1½ года пролежала в психиатрической больнице. В настоящее время здорова, служит.

Детство М—ва прошло нормально. Учился он хорошо. По окончании учения поступил слесарем на Казанскую ж. д. и прослужил там до 1918 г. В 1919 г. поступил на Курскую ж. д., где занимал ряд технических должностей. Последняя его должность—помощник вагонного мастера. В 1923 г. был избран председателем технической комиссии. Энергично вел общественную работу. В 1911 г. женился по любви. С женой часто ссорился. В 1918 г. разошелся с ней, подозревая в измене. Первая жена характеризует М—ва, как человека общительного, веселого, откровенного, настойчивого, но подозрительного. Часто жаловался на несправедливое отношение к себе сослуживцев; был ревнив без всяких поводов. Всегда отличался повышенной сексуальностью; часто менял женщин, мучил жену частыми половыми сношениями. В 1924 г. М—в женился вторично. Со второй женой жил мирно. Алкоголем никогда не злоупотреблял.

В конце июля 1925 г. М—в поместил жену в Узловую железнодорожную больницу для операции аппендицита. На первом свидании жена ему пожаловалась, что врачи обращались с ней вульгарно, при чем д-р В. грубо срывал с нее одеяло. Врачи относились к ней, как к женщине, а не как к больной. На следующий день М—в обратился с жалобой к главврачу. На вечернем свидании жена жаловалась на молодого врача, который осматривал ее в перевязочной и будто бы много позволял себе. Про главврача говорила, что он велел вывести всех больных из палаты и оставил в ней одну М—ву. На 3-й день М—в застал жену в возбужденном состоянии. Она говорила, что ей хочется петь и плясать. Жаловалась на зуд в половых органах. Показала мужу прописанные ей порошки. Во время беседы с ней М—в обратил внимание, что двое врачей следят за ними. На следующий день жена вышла к М—ву полуодетая с синяками под глазами. Она бросилась к мужу на шею и сказала: «Костя, что со мной сделали! Что я сделала!» При этом расплакалась. М—ву пришло в голову, что такой вид бывает у нее после полового сношения. Ушел из больницы в тревожном состоянии, уверенный, что жену его изнасиловали врачи. В течение следующей недели тревожное состояние М—ва нарастает. Он убежден, что жену насилуют, операцию нарочно откладывают. На каждом свидании он приходит в возбужденное состояние и требует от жены назвать фамилию насильников. Жена советует не ссориться с врачами, так как во время операции они могут ей сделать худое, например вырезать яичники. М—в пытается перевести жену в другую больницу, но неудачно. 14 июля опять застал жену с синяками под глазами. Решил, что ее еще раз изнасиловали. От этой мысли пришел в бешенство. На вечернее свидание явился с револьвером и грозил жене убить насильников. В коридоре встретил главврача, с которым имел крупный раз-

говор. Главврач предложил М—ву явиться на следующий день для объяснения. М—в вернулся домой в злобно-раздражительном настроении. Решил убить врачей. Надрезал 3 пули, сделав их разрывными. Всю ночь не спал. Пришла в голову мысль наказать врачей постороже; кастрировать их. Утром отправился в больницу, захватив с собой нож и револьвер. В 4 ч. дня М—в был вызван в комнату врачей. Туда же была вызвана и его жена, которая сидела, закрыв лицо руками и плакала. Войдя в комнату, М—в крикнул: «Скажи, который из них, или я их всех перестреляю!» В руках у него оказался револьвер и нож. Раздался выстрел, которым был ранен в плечо д-р В. Главврачу удалось обезоружить М—ва. Здесь же он был задержан.

В Институте М—в пробыл около 3¹/₂ месяцев. Все время поглощен случившимся. В своем поступке себя вполне оправдывает. Настаивает на своих обвинениях против врачей. Уверен, что они насиловали его жену, опаивая ее возбуждающими порошками. Вплетает в бред следователя. Считает, что он в контакте с докторами, и хочет замять это громкое дело. Полагает, что он также состоит с женой в связи. Высказывает все это с большой аффективностью, волнуясь. Галлюцинаций нет. Интеллект испытуемого в порядке. В отделении М—в держится спокойно, несколько пассивен.

Со стороны физической—жесткость периферических сосудов, повышение коленных рефлексов, слабость левого лицевого нерва.

Из Института выбыл в 1 гор. психиатрическую больницу. откуда выписался с значительным улучшением. В настоящее время находится на свободе, к происшедшему относится критически.

В данном случае мы имеем дело с остро и психогенно развившейся бредовой вспышкой, окончившейся выздоровлением. Бредовые построения М—ва вызваны к жизни истерическими фантазиями жены, давшими обильную пищу для его обычной подозрительности и затронувшие чувствительную для него область сексуальных отношений. Эти бредовые построения развиваются психологически понятным образом и ярко насыщены аффективностью. Они становятся в центр сознания больного и тесно связаны со всей его личностью. Содержание их довольно сложно: здесь и бред ревности, и бредовое толкование поведения окружающих, и отчетливо выраженные идеи сутяжничества. Больной хочет создать громкое дело на суде; он привлекает общественное внимание к грязным проделкам врачей, которыми они занимаются в своих кабинетах. Бредообразование идет чрезвычайно быстро, параллельно с нарастанием волны аффективного напряжения, находящего в значительной мере свое разрешение в стрельбе по врачам. С этого момента аффективная волна начинает спадать, а вместе с тем и бред,

утратив эмоциональную поддержку, начинает бледнеть и расплываться. Отсюда и некоторая пассивность больного во время пребывания его в Институте, наводившая на мысль о шизофрении. Благоприятный исход психотической вспышки полностью рассеивает эти подозрения. Несомненно, здесь нельзя думать о процессе, а скорее о бредовой вспышке у психопата. За психопатическую основу косвенным образом говорит и психогенная благоприятно закончившаяся психотическая вспышка у сестры больного. Здесь еще с большим правом, чем в предыдущем случае, можно говорить о развитии личности. Вспомним ревность М—ва к первой жене, его крайнюю подозрительность; вспомним его повышенную сексуальность и ту большую роль, которую он отводил ей в своей жизни. Все это сочетается у него с установкой борца за справедливость, повышенной самооценкой и аффективной взрывчатостью. Уже из этой схематичной зарисовки видно, что мы имеем дело со сложным контрастным характером, который вряд ли можно уложить в какую-либо одну группу психопатии. Заимствуя свою сензитивность из шизоидного круга, он в то же время своими стеническими чертами ближе всего примыкает к эпилептоидам. Эпилептоидностью лучше всего объясняются аффективная напряженность, жестокость больного и сутяжные компоненты его бредовых построений, являющиеся по существу сверхценными идеями. Психотическая вспышка больного является крайним психологическим развитием его изложенных выше характерологических особенностей. Эта сложная реакция личности находит до известной степени свое разрешение в эксплозивном взрыве.

**Случай
XIX**

Больной П., 38 лет. В наследственности душевная болезнь у бабки по матери и дяди по отцу. Другой дядя больного живет в монастыре.

Больной родился в Черниговской губ. в селе богатого крестьянина. До 12 лет жил в деревне. В школу пошел 8 лет. Учился первым учеником. Особенно легко давалась математика. 16 лет поступил на ж. д. телеграфистом. Одновременно самостоятельно сдал экзамен на сельского учителя. С год работал учителем. В этот период он начинает пить. Из-за пьянства должен был оставить службу. В течение 4 лет жил у отца, постоянной службы не имел. Вел легкомысленный образ жизни, много пил. 22 лет женился на бедной крестьянской девушке, ниже себя, и поступил опять телеграфистом на ж. д. С женой жил плохо, часто ссорился. В материальном отношении устроился хорошо. Кроме службы вел крестьянское хозяйство. В 1913 г. болел гонорреей. По характеру был веселый, общительный, но впечатлительный.

Был мнителен в отношении своего здоровья. Отличался повышенной сексуальностью.

В 1914 г. в течение 3 недель у больного наблюдалось депрессивно-раздражительное состояние, которое бесследно прошло. В феврале 1920 г. больной заметно для жены изменился: стал задумчив, грустил, был вялым. На расспросы жены отвечал: «меня сгубила женщина, и я стал импотентом». Сам П. рассказывает, что у него в 1919 г. была связь с замужней женщиной, о которой ходили недобрые слухи. При первом coitus'e она смазывала влагалище каким-то дезинфицирующим средством и вложила красные шарики. На другой день у больного появилась непрерывная эрекция, которую он объясняет действием какого-то медицинского средства, проникшего при сношении в предстательную железу. Через некоторое время он стал замечать похолодание головки члена, появилась боль в области крестца, слабость в ногах. Потенция стала падать, и месяца через 2 эрекция исчезла вовсе. Больной находился в крайне угнетенном состоянии. В мае 1920 г. поехал в Москву лечиться. Считая свое заболевание нервным, он обратился сначала к пр. Маргулису, но тот заявил ему, что он здоров. Тогда больной отправился к проф. Воскресенскому, о котором слышал, как о хорошем урологе. Воскресенский, осмотрев его, сказал: «Все прекрасно сохранено, Вам вложены наилучшие половые способности, не волнуйтесь—Вы будете здоровы». Он назначил больному какие-то порошки, клизмы и электризации. Лечение дало блестящие результаты. Через 2 недели П. в самом радужном настроении вернулся домой. Однако, в декабре возвращаются признаки половой слабости, и больной вновь едет к проф. Воскресенскому, который лечит его прижиганиями. На этот раз лечение вызывает ухудшение состояния, и больной возвращается домой с болями в крестце, в ногах и общей слабостью. В мае 1921 г. он в третий раз приезжает лечиться. После одного из прижиганий, которое было очень болезненным, в состоянии больного наступает резкое ухудшение. Он так излагает свое состояние: «в простате жгло в течение 3 дней, жгло, как будто от гангрены. Когда боль утихла, то меня стало дергать, появилась исключительная слабость; голова опускалась, казалось, что я проваливаюсь в какую-то пропасть, речь была затруднена. Я открыл окно и лег на кровать; мне казалось, что я умираю. Я начал думать, искать причину своего тяжелого состояния, и вдруг мысль, как молния, прорезала мой мозг: да ведь это же сделал проф. Воскресенский! Мне стало все ясно, все понятно. Так это он фабрикует красные шарики и через женщин делает мужчин импотентами, калечит их, и я решил жестоко отомстить ему за это. Я встал, пошел и убил его». Больной убил проф. Воскресенского несколькими ударами ножа, явившись к нему на прием. Наносил удары с сильной злобой. Вспоминает о происшедшем несколько туманно.

В Институте мрачен, депрессивен. Аффективность тяжелая, напряженная. Всецело поглощен своими переживаниями, связанными с болезнью. Со злобой говорит о проф. Воскресенском. Считает его великим человеком, но садистом. Это он, по мнению больного, фабриковал красные шарики и калечил мужчин, увеличивая круг своих пациентов не то для эксперимента, не то из корыстных целей. Он делал промывание больному каким-то красным раствором. Он искалечил его, изменив посредством насечек кровообращение в простате и тем вызвав ее атрофию. Это была месть за то, что больной первый проник в тайну «красных шариков». В этом смысле П. истолковывает каждую фразу убитого. Постоянно требует уролога. Вызванный в суд, стоя на коленях, умолял поверить ему. Думает о самоубийстве. Галлюцинаций нет.

Со стороны физической: атлетическое телосложение, питание понижено. Сердце расширено. Со стороны нервной системы — повышение коленных рефлексов. Со стороны мочеполовых органов специалистом констатирована незначительная атрофия предстательной железы.

После Института больной был в больнице Кащенко и в Донской лечебнице, где наблюдалось нарастание ипохондрического бреда. Возвратившись вторично в больницу Кащенко, больной через некоторое время бежал.

Вряд ли в этом случае можно удовлетвориться диагностикой шизофрении. Слишком много в нем своеобразия. Особенно бросается в глаза тесная связь бредообразования с какими-то нарастающими соматическими изменениями организма и в частности с инволюцией в области половой сферы. Упадку половой деятельности предшествует ее возбуждение, столь характерное для инволюционных изменений. Источником для развития бреда являются многочисленные болезненные ощущения, идущие из половой сферы. Развитию бреда сопутствует нарастание тяжелой депрессии. Болезнь развивается без галлюцинации у 35-летнего субъекта. Все поведение больного определяется бредовыми представлениями и проникнуто живой аффективностью. Эти особенности были тонко подмечены в психиатрической клинике 1 МГУ, где случай трактовался, как ранний пресениум, с чем приходится полностью согласиться. Для сравнения интересно припомнить климактерические психозы у женщин, нередко дающие паранойальные картины. Ученик Гауппа О. Кант, исследовавший структуру климактерических психозов, нашел, что большую роль в особенностях картин этих психозов играет препсихотическая личность. В одном из двух исследованных им случаев с паранойальными картинами, он нашел в препсихотической личности комбинацию epileptoидных и сензитивных черт. Препсихотическая личность нашего больного никоим образом цели-

ком не укладывается в рамки одной шизотимии, хотя в наследственности у него есть указание даже на шизофрению. Несмотря на свою мнительность и некоторую нелюдимость, он человек настойчивый, энергичный, с'умевший устроить себе прочное положение в жизни. В нем сильны влечения; он гиперсексуален и любит радости жизни. Он человек твердый и о себе высокого мнения. Он тяготится жизнью с женой, которая ниже его. В болезни он из мрачного ипохондрика быстро превращается в грозного мстителя, при чем проявляет исключительную жестокость и эксплозивность. Бред его скоро принимает характер сверхценности. Словом, за некоторыми шизотимными чертами в нем легко угадывается эпилептотимик.

Случай многими чертами напоминает предыдущий, но отличается от него худшим исходом. Я позволяю себе высказать предположение, что случаи, подобные описанному, может быть и не так редки, но их чаще всего складывают в большой мешок шизофрении.

Заканчивая на этом свое изложение, я кратко повторю выводы, наметившиеся при рассмотрении отдельных групп душевно-больных убийц.

1) В имеющемся у меня материале совершенно отсутствуют случаи маниакально-депрессивного психоза.

2) По особенностям и механизмам правонарушений душевно-больные убийцы в моем материале распадаются на три группы: в первую группу входят эпилептики, органики и алкоголики; во вторую—шизофреники и в третью—параноидные заболевания не шизофренического характера.

3) Особенности криминальных реакций представителей первой группы обусловлены сложным взаимоотношением факторов конституциональных и экзогенных. Огромную роль в убийствах органиков и эпилептиков играет алкоголь. Преобладающей формой реакции в этой группе является эксплозивная реакция и родственные ей аффективные сумеречные состояния. В некоторых случаях эксплозивная реакция является разрядом длительного аффективного напряжения, связанного с образованием сверхценных идей. В особенности это имеет место там, где органические изменения развиваются на почве эпилептоидной конституции (случай К—ва).

4) В группе шизофреников преобладает реакция короткого замыкания (мимовольные действия). Алкоголь не играет в убийствах шизофреников сколько-нибудь значительной роли.

5) В двух последних описанных мною случаях дело идет о систематизированных бредовых построениях, близко напоминающих своей аффективной окраской, стойкостью и эксплозивным разрешением сверхценные идеи эпилептоидов, но отличающихся от них большей сложностью, комплексным происхождением и

обилием сензитивных черт (идеи преследования, воздействия и т. д.). Сложность бредовых построений стоит в связи с особенностями препсихотической личности (комбинация шизоидных и эпилептоидных черт).

В заключение приношу искреннюю благодарность Е. К. Краснушкину за руководящие указания к разработке темы и Е. Н. Довбня за предоставленный материал.

Литература: 1. Ганнушкин. «Об эпилепсии и эпилептоиде». Труды психиатр. клиники. Вып. I. 1925 г. 2. Gaupp und Wollenberg. «Zur Psychologie des Massenmordes». Verbrechertypen. 1914. 3. Hoche. «Handbuch der gerichtlichen Psychiatrie». 1901. 4. Heilbronner. «Die forensische Diagnose d. Epilepsie». Münch. med. Wochenschr. 1911. Nr. 9/10. 5. Kreuzer. «Geisterkrankheit und Verbrechen». Kreuzfragen des Nerv. und Seelenlebens. 1907. H. 51. 6. Краснушкин, Е. К. Опыт психиатрического построения характеров у правонарушителей. 1927. 7. Kant, Otto. «Zur Structuranalyse der klimacterischen Psychosen». Zeitschrift f. die ges. Neurologie und Psychiatrie. B. 104. H. 1 u 2. 1926. 8. Kretschmer. «Medizinische Psychologie». 1926. 9. Raecke. «Die transitorischen Bewusstseinsstörungen der Epileptiker». 1907. 10. Siemerling. «Über die transitorischen Bewusstseinsstörungen der Epileptiker in forens. Beziehung». Berl. Klin. Wochenschr. 1895. Nr. 42. 11. A. Wetzel. «Über Massenmörder». 1920. 12. A. Wetzel und K. Wilmanns. «Geliebtenmörder».

УБИЙСТВА «НА ДНЕ»

I

Исправительно-трудовое воздействие на преступника не может ограничиться в отношении преступников профессионалов приучением их к труду или выучкой какому-нибудь ремеслу (многие из преступников знают то или иное ремесло и их учить нечему); необходимо перевоспитать их, сломать, уничтожить преступную психологию, привить другую—трудовую. Мы должны констатировать большой процент выпущенных на свободу и возвращающихся вновь на путь преступления рецидивистов, и при том не только вследствие слабой работы патроната и наличия безработицы, но и вследствие того, что они не отказались от навыков или взглядов преступной среды, или же не могут уйти от нея, терроризируемые своими товарищами. В сознании преступника внедряется убеждение, что он и его товарищи настоящие—«стоящие люди»—все же остальное общество противопоставляется крепко спаянной семье преступников, стоящей выше этого общества. Отсюда—противопоставление «своей» и «чужой» морали, быта, отсюда же—противопоставление суду «своего», блатного суда.

Если нарушитель «блатных» законов находится в тюрьме, то его избивают, бьют зачастую по несколько раз, бьют, артистически калеча на всю жизнь и вместе с тем не оставляя наружных следов. Бьют за то, что в показаниях выдал соучастников, бьют и за то даже, что не выдавая других—сознался сам, бьют, наконец, потому, что нарушена преступная этика безотносительно к судебным делам.

Если же подобный нарушитель на свободе, то к нему применяются более суровые меры—вплоть до убийства, при чем в этих случаях по характеру и количеству ранений иногда можно определить, что убитый принадлежал к преступному миру, с которым расправились товарищи по профессии. Именно эти случаи представляют наибольший интерес, так как помимо раскрытия своеобразных условий жизни преступного мира, они дают и чисто-криминалистический материал.

Случай 1¹ Весною 1925 г. в г. Киеве, во дворе одного из домов по Лукьяновской улице, граничащей одной своей стороной с Лукьяновским кладбищем, были обнаружены два трупа молодых людей, настолько обезображенные, что опознать их по лицам не представлялось возможным. Карманы брюк у обоих убитых были вывернуты, у одного же, кроме того, были сняты сапоги. При детальном осмотре в боковом кармане у одного оказался нетронутым бумажник с деньгами и записками, у второго же—крест на золотой цепочке. Это обстоятельство, равно как и многочисленность ранений, указывало, что в данном случае имело место убийство не с целью грабежа, а из мести; карманы же были вывернуты для того, чтобы создать обстановку грабежа и скрыть таким образом истинные мотивы преступления.

При судебно-медицинском вскрытии на первом трупе было обнаружено свыше 30 самых разнообразных ранений, а на втором около 40, при чем у последнего был выдавлен глаз и в груди оказалась револьверная пуля. По заключению судебного эксперта, ранения были нанесены не менее, чем пяти различными орудиями—начиная от рукоятки револьвера и кончая ножом, при чем каждому из убитых было нанесено только одно смертельное ранение, все же остальные являлись легкими. Путем снятия оттисков пальцев удалось установить личность убитых, которые оказались Ильей П-о и Владимиром К-ым, ранее судившимися за кражи. Несмотря на то, что убийство было совершено между 7-8 часами вечера в праздничный день, все допрошенные на предварительном следствии жители соседних домов, преимущественно рабочие завода «Большевик», отговаривались полным незнанием. Один же из них просто заявил: «если даже знаем, то все равно не скажем, хоть сажайте нас в тюрьму, так как не хотим, чтобы с нами сделали то же самое, что с нами». Никакие доводы и увещания следователя не действовали. Все же из их слов и намеков создалось впечатление, что П-о и К-ов были убиты своими местными преступниками; кроме того удалось установить, что незадолго до убийства они находились в квартире сестры К-ова, откуда их вызвал запиской неизвестный подросток.

Предварительным следствием удалось установить, что К-ов и П-о незадолго до смерти подали заявление в Уголовный Розыск с просьбой о зачислении их на службу, в чем им было отказано, как лицам судившимся; до этого же, в течение зимы 1924 г., ими давались сведения о преступном элементе, и оперировавшей в районе Лукьяновки банде «Васьки-Китка». Последнего хорошо знал К-ов, так как учился вместе с ним в школе, а затем вначале преступной деятельности «Китка» ходил вместе с ним

¹ Дело № 127 Киевского Губсуда за 1925 г.

на домовые кражи. Когда «Киток», собрав еще несколько человек, стал совершать вооруженные ограбления, К-ов перестал с ним встречаться, не порывая, однако, своих знакомств с преступным миром. В мае 1925 г. был задержан один из второстепенных участников шайки «Китка» Лапшов, который при допросе показал, что на другой день после убийства К-ова и П-о он ночевал вместе с Китком и его товарищами Шуркой «Чортом», Сенькой «Балериной» и Колькой «Психом» в развалинах Фундуклеевской гимназии¹. Киток рассказал ему, что накануне вечером он с перечисленными выше лицами свел счеты с К-овым и П-о за то, что они «сучили»² ребят. Расправа была произведена следующим образом: через сына кладбищенского сторожа вызвали покойных на улицу и заявили им, что они пришли с «дела», за ними следят и необходимо сейчас же переодеться, что можно сделать на кладбище. К-ов и П-о пошли за ними и, войдя во двор дома, расположенного рядом с кладбищем, были немедленно сбиты с ног поджидавшими их у забора «Китком» и «Чортом», которые вместе с остальными стали наносить им удары ножами, железной палкой, рукояткой револьвера и сапожным шилом. Когда К-ов упал, он стал просить «Китка» пощадить его; в ответ на это последний выколол ему ножом глаз. Лишь спустя полтора месяца удалось задержать всех убийц К-ова и П-о, успевших к моменту ареста совершить еще несколько вооруженных ограблений.

Допрошенный сын кладбищенского сторожа подтвердил показания Лапшова и при предъявлении ему «Китка» и его сообщников опознал в них неизвестных, пославших его с запиской К-ову. Вскоре после его допроса он был ранен неизвестным преступником ножом в бок, а по выписке из больницы уехал из города, не указав адреса, боясь, по словам отца, мести со стороны товарищей «Китка». Последний долгое время не признавался и лишь после очной ставки между ним и Лапшовым, во время которой он ударил Лапшова с такой силой, что тот потерял сознание, заявил, что расправился с П-о и К-овым потому, что они были «сученные», и что в этом участвовал и Лапшов.

Случай II Небольшим эпизодом в ряде убийств и ограблений, совершенных шайкой Серова-Агуреева в течении 1925 г., участники которой прозваны «дачными бандитами» — по месту совершения их преступлений, является убийство проститутки Ольги Бубновой по кличке «Лелька Жучка» — одной из сожительниц участников этой шайки. Прежде, чем перейти к описанию этого убийства, остановимся на деятельности группы

¹ Развалины служили любимым убежищем для преступного элемента, так как в виду обилия ходов в них было очень удобно скрываться.

² Выдавали.

преступников. Характерной чертой всех совершавшихся этой шайкой преступлений был как бы случайный их характер; здесь не было особой подготовки к преступлению, изучения образа жизни намеченной жертвы, ее материального положения. Каждый встречный расценивался, как вполне годный для преступления объект, если только окружающая обстановка благоприятствовала: шайка не делала блестящих «дел» в смысле приобретения больших ценностей. Другой характерной чертой преступной деятельности шайки было стремление скрыть во чтобы то ни стало все «следы» дел. Насколько легко она смотрела на жизнь человека, насколько серьезно и основательно решила для себя раз и навсегда вопрос о сокрытии следов ограбления, а иногда и поругания жертвы—видно хотя бы из того, что последняя становилась вполне безопасной только мертвой. Поэтому все свои ограбления шайка неизменно заканчивала убийством, и для окончательного «заметания следов» трупы, за весьма малым исключением, и в зависимости от окружающей местности, либо сбрасывались в реки или пруды, либо зарывались в землю; на этот последний случай члены шайки захватывали с собой лопатку.

Осенью 1925 г. у участников шайки явилось подозрение, что «Жучка» сообщает об их преступлениях в Уголовный розыск. Тогда же Серов и Ефимов решили ее убить и с этой целью заманили ее в пустой вагон ж. д. близ Симонова монастыря, где нанесли ей шесть ножевых ран, а затем задушили ее ремнем. После убийства они рассказали о нем сожительнице Серова-Агуреевой, при чем мотивировали свой поступок тем, что «Жучка» «спланила» многих ребят.

Убийство «Жучки» долгое время оставалось нераскрытым; лишь после ликвидации шайки, путем допросов ее участников, удалось его раскрыть. Интересны объяснения Ефимова: отрицая свое участие в шайке и всячески стараясь доказать, что никого из ее членов он не знает, не признавая себя виновным ни в одном из инкриминируемом ему преступлении, он все же признал себя виновным в убийстве «Жучки», при чем обрисовал его в следующем виде:

В 1923 году, находясь без работы, он познакомился с ворами и стал вместе с ними воровать, пьянствовать и нюхать кокаин. Ночуя в Морозовской ночлежке, он познакомился там с проституткой Ольгой Бубновой по кличке «Лелька Жучка», с которой стал сожительствовать. Как-то в октябре 1925 г. он вызвал из Морозовской ночлежки Бубнову и направился с ней к Симонову монастырю, где зашел с ней для совершения полового акта в один из пустых вагонов, стоявших на путях; он попросил у Бубновой порошок кокаина. Когда же она отказала, то он набросил ей на шею свой брючный ремень, которым стал ее душить, одновременно нанося ей удары в грудь и шею своим

перочинным ножом. Убив Бубнову, он снял с нее пальто и ботинки, которые затем продал, а также взял оказавшиеся в кармане пальто 3 рубля. Версия, выдвинутая Ефимовым о мотивах и способе убийства, не только опровергается другими обвиняемыми, но и другими данными по делу; принятие им на себя вины за убийство «Жучки», а также другие мотивы этого преступления объясняются лишь его желанием во чтобы то ни стало доказать, что он не был знаком с другими участниками шайки, в частности с главарем ее—Серовым-Агуреевым, вместе с которым и убил «Жучку». (Дело Мосгубсуда № 34453, 1927 г.).

Случай III Следующее убийство «Катки Полундры» является еще более типичным для подобного рода преступлений, нежели убийство «Жучки», как по способу, так и по количеству участников в убийстве.

18 июня 1926 г. недалеко от гор. Подольска, в зарослях ручья заводских стоков, на территории с. Добрятино был обнаружен труп женщины, на вид около 25 лет, с признаками насильственной смерти. Труп был покрыт сучьями, на спине его лежал большой камень, а к кистям рук и конечностям ног было привязано по кирпичу.

Судебно-медицинским вскрытием трупа было установлено, что смерть последовала от остановки дыхания, вследствие многочисленных ранений. Как установлено осмотром, покойной были нанесены 31 рана, а именно 5 ушибленных, 3 резанных и 23 колотых.

Произведенным по этому поводу дознанием и предварительным следствием было установлено, что убитая была известна под кличкой «Катка Полундра» и не имела определенного местожительства. В убийстве были заподозрены Цыганков Петр, Пырков Алексей и Егорова Анна, которые на дознании заявили, что 25 мая с. г. ночью ими, а также Желанкиным, по кличке «Лешка Хохол», было предварительно задумано и совершено вооруженное ограбление квартиры Фролова, проживающего в гор. Подольске по Александровской улице. После этого ограбления, когда сожительница Желанкина «Катка Полундра» с ним поссорилась и когда у участников шайки возникло подозрение, что она может их выдать, Пырков, Цыганков и Желанкин в соучастии с другими по кличке «Серж Елецкий», «Дранный» и «Жид» решили отделаться от нее. С этой целью, взяв вина и пива, ночью отправились с «Каткой Полундрой» в Сухую рощу, где после выпивки Желанкин заманил Катку в кусты и начал наносить ей удары, после чего в нанесении ранений приняли участие и другие соучастники пирушки. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что после окончания предварительного следствия Пырков изменил свое первоначальное показание, объяснив, что убийство «Катки Полундры» совершил он, Пырков, в со-

участии других лиц, но Цыганков и Желанкин участия в этих преступлениях не принимали. Однако, при доследовании дела из показаний Пырковых Анны и Николая выяснилось, что Пыров Алексей изменил свои показания, будучи к этому принужден угрозами и побоями со стороны Цыганкова; это же обстоятельство впоследствии подтвердил и Пыров Алексей, который объяснил, что Цыганков принудил его взять всю вину на себя, иначе грозил убить его в Подольском исправдоме или по пути следования в Москву. (Дело Мосгубсуда № 33278, 1926 г.).

Случай IV Иногда для убийства достаточно бывает какого-нибудь одного изобличающего, быть может, в интересах допрашиваемого показания против его товарища, иногда даже только одного подозрения. Так, в приговоре по делу бандитской шайки Пузырева, Степина и других, обвинявшихся в совершении 10 ограблений, отмечено убийство Губернаторова, бывшего одним из активных участников названной шайки. Некто Козырев 12 июня 1925 года на 11 версте близ поселка Покровское-Стрешнево выстрелом из револьвера убил Губернаторова, мстя ему за то, что Губернаторов во время суда над Козыревым 6 мая 1924 года выступил свидетелем против Козырева и изобличал последнего, при чем тогда же на суде Козырев грозился убить Губернаторова, что отмечено в протоколе судебного заседания. (Дело Мосгубсуда № 31725, 1926 г.).

Случай V Поведение Багинского—читаем мы в приговоре по делу Мотренко, Канцева и др., обвиняемых в ряде разбойных нападений,—не привозившего своей части товара, похищенного во время ограбления Канцевым, а оставлявшего его на станции Киппель, и его болтовня—все это возбудило подозрения у Мотренко и Прощенко, и они, боясь предательства, решили убить Багинского. С этой целью они отправились из города на ст. Киппель, а оттуда к стогам—за остатками спрятанного товара, ранее награбленного. Семенов был оставлен с вещами около одного стога, а Багинский, Мотренко и Трощенко отправились к другому стогу, где Багинский ударом был свален с ног, после чего Мотренко перочинным ножом начал перерезывать ему горло. Трощенко держал потерпевшего за голову, чтобы удобнее было резать. Труп спрятали в сено, забрали товар и вернулись домой. (Дело Мосгубсуда № 34295, 1925 г.).

Случай VI Поскакухиной, сожительнице Лучина, было известно о краже гребней, совершенной Лучиным совместно с Лазаревым и Брыкиным—ворами рецидивистами. Будучи вообще болтливой по характеру и к тому же озлобленной на Лучина, изменившего ей, она собиралась донести в Уголовный Розыск на своего сожителя. 30 апреля 1926 года Лучин в Сокольниках в парадном дома № 23 по Ново-Проезжей улице

путем удушения поясным ремнем и нанесения 24 колотых ран лишил ее жизни. Как установило предварительное следствие, Лучин являлся лишь физическим исполнителем убийства, разработанного и задуманного не только им, но и Брыкиным и Лазаревым. (Дело Мосгубсуда № 32122, 1926 года).

Дело об убийстве Поскакухиной является последним из дел об убийстве «на дне», разобранных в течение 1926 года. Всего же в течение 1925 и 1926 года Московским Губсудом было рассмотрено пять дел. Небольшое сравнительно количество подобного рода преступлений, прошедших перед Судом, может быть объяснено не тем, что подобного рода убийства мало распространены среди преступного мира, а слабой раскрываемостью их, вследствие того, что эти убийства обнаруживаются лишь спустя продолжительный срок после их совершения, обычно, при случайном обнаружении трупа или же его разрозненных частей. Совершенно отсутствуют по подобного рода преступлениям заявления родственников, посторонних граждан или должностных лиц о долговременном отсутствии потерпевшего. Так как обычным местопребыванием преступного элемента является потайные места, тщательно скрываемые от постороннего глаза, часто меняющиеся, то, конечно, отсутствие всех этих Катек, Жучек и Богинских не может вызвать подозрения у лиц, сталкивающихся с ними. Самое же убийство происходит по предварительно тщательно разработанному плану, в глухих закоулках большого города или даже за пределами его, куда заманивается жертва—обычно без свидетелей. Если же и бывают свидетели, то они большей частью принадлежат к тому же преступному миру и тщательно избегают знакомства и общения с розыскными и судебными органами, так же как и знакомые потерпевшего, обычно находящиеся в связи с преступным элементом.

Все эти обстоятельства очень сильно тормозят работу следственных органов, зачастую затрачивающих, а порой и безрезультатно, огромное количество энергии лишь на установление личности убитого.

Социальная опасность подобного рода убийств чрезвычайно велика. Прежде всего, это—убийство со всеми отягчающими обстоятельствами—на лицо, низменные побуждения (месть), особо мучительный способ (достаточно вспомнить, что из всех описанных случаев лишь Губернаторов погиб от одного смертельного ранения—револьверного выстрела, а у всех же остальных наступлению смерти предшествовали длительные пытки). И, наконец, совершающие эти убийства принадлежат к части преступников, имеющих по несколько судимостей, оперирующих бандами.

По ряду преступлений, в особенности, против жизни и здоровья и части имущественных преступлений, в виду недостаточно

развитой техники расследования преступления, у нас и поныне основными доказательствами являются свидетельские показания и сознание обвиняемых.

По делу о «дачных бандитах» следственным властям пришлось констатировать чрезвычайную медленность розыскных действий по выявлению преступлений, совершенных этой шайкой, ввиду того, что ограбленные ею обычно убивались, трупы же сбрасывались в реки, озера или пруды и, таким образом, отсутствие свидетелей и следов преступления заставляло розыск основываться, главным образом, на объяснениях самих обвиняемых, проверенных позже рядом следственных действий. Добиться правдивых показаний у обвиняемого чрезвычайно трудно, прежде всего потому, что обычно преступники профессионалы вообще не склонны сознаваться в преступлениях, за которые им нередко грозит высшая мера социальной защиты; существенную роль играет и то, что обвиняемых заставляют изменять показания их сообщники.

Так, по делу убийства «Катки Полундры» Пырков, по окончании предварительного следствия, изменил свои показания в части, касающейся участия в убийстве Желанкина и Цыганкова, будучи принужден к этому побоями и угрозами со стороны Цыганкова убить его, Пыркова.

По делу банды Серова-Агуреева, сожительница последнего—главаря банды Агуреева, сознавшаяся почти во всех преступлениях и выдавшая ряд участников их—при переводе из МУР'а в общую женскую тюрьму, подверглась избиению со стороны заключенных, содержащихся с ней в одной камере. Побой настолько были серьезны, что она была помещена в больницу.

Наконец, по делу банды «Васьки Китка» мы имеем выражение солидарности и поддержки со стороны их товарищей, не участвовавших в этой банде (все участники ее во время предварительного следствия были арестованы), выразившейся в попытке устранить опасность для «Китка» со стороны свидетеля в лице сына кладбищенского сторожа.

Эти преступники противопоставляют суду систему бандитского террора, от избиений до убийств; эта система ставит своей целью, с одной стороны, укрепление дисциплины в собственной среде и устрашение всех мирных граждан, могущих в качестве свидетелей способствовать раскрытию преступления, с другой стороны.

Каковы же должны быть меры борьбы с этого рода убийствами?

Прежде всего тщательное и более интенсивное расследование преступлений органами дознания и следствия. Как уже было отмечено выше, слабая раскрываемость этих преступлений создает уверенность в безнаказности и в том, что настоящий скорый и жестокий суд—это суд «своих».

В области карательной политики необходимо повышение репрессии, что уже в значительной степени сделано Московским Губсудом, которым почти по всем делам, рассмотренным в 1925—26 году за подобного рода убийства выносилась высшая мера социальной защиты, предусмотренная ст. 142 (ныне 136)—10 лет лишения свободы.

На пенитенциарных же органах лежит не меньшая работа по борьбе с преступными навыками и по перевоспитанию заключенных. Особенно должно быть уделено внимание изоляторам специального назначения, где скапливается большое количество преступников-рецидивистов.

Все эти мероприятия не только уменьшат количество совершаемых подобного рода убийств, но, быть может, уничтожит то представление о нашем суде и то противопоставление себя всему остальному не преступному миру, какое существует у преступников профессионалов.

При разработке соответствующих материалов, а также в своей практической работе, у автора невольно возникла мысль о наличии особого признака—многочисленных и мучительных ранений—характеризующего подобного рода убийства; однако, недостаточное количество дел и, при том лишь двух Губсудов, заставляет воздержаться от категорического утверждения. Несомненно однако, что при ведении следствия это обстоятельство должно быть учитываемо.

УБИЙСТВА В Р.С.Ф.С.Р. И ЗА-ГРАНИЦЕЙ

Наряду с анализом современного состояния изучаемого преступления—убийства—в целях разностороннего рассмотрения его целесообразно осветить его с двух сторон. Во-первых, важно проследить динамику убийства за ряд лет, притом не только в СССР, но и за границей, так как в этом случае мы получаем возможность сравнения исследуемого явления, его развития в разных социально-экономических условиях, выявления его «конъюнктуры» в различные исторические периоды, в различных странах. Такое сопоставление, надо полагать, способствует раскрытию основных тенденций развития всего изучаемого явления, в целом.

Но не менее важное, чем сравнительно-динамическое изучение убийств, значение имеет для нас и анализ до-революционных форм убийств, до-революционной социально-экономической и бытовой физиономии убийц. Изменения в экономике и быте, произошедшие за годы революции, несомненно, повлияли и на облик преступности, в одних случаях—более сильно, в других—менее заметно. В обоих случаях нам важно найти сходные и отличные от до-революционного периода черты в современной преступности для того, чтобы, анализируя эти черты, по возможности вскрыть сходные и отличные причины исследуемых преступлений.

В связи с высказанными только что соображениями, авторы настоящей работы поставили перед собою следующие задачи: анализ динамики убийств в различных странах за возможно более длительный период времени; анализ убийств в до-революционной России; сравнения и сопоставления убийств в динамическом и статическом разрезе.

I.

«Силы закона и порядка кажутся недействительными перед лицом все возрастающей преступности и сенсационных убийств. Сенсационные судебные процессы и организованная преступная

деятельность как будто служат показателем пренебрежения к закону и порядку и, вместо того, чтобы с растущим материальным благосостоянием уменьшаться, напротив, как будто еще более прогрессирует». Так характеризует «криминальную конъюнктуру» Америки профессор Пенсильванского Университета Т. Sellin¹ в статье, носящей характерный заголовок: «Растут ли убийства в Европе»? Такая пессимистическая оценка состояния «правового государства» самой «передовой» страны капитализма, кажущаяся, на первый взгляд, своего рода сгущением красок, в дальнейшем, при рассмотрении статистических данных, правда, весьма скудных, но, тем не менее, весьма красноречивых, оказывается вполне соответствующей действительному состоянию преступности в Америке. И неудивительно, что профессор американского университета задается вопросом—«растут ли убийства в Европе?» для того, чтобы установить, насколько экстраординарно положение вещей в САСШ. Иначе же, как экстраординарным, рост убийств в Америке назвать не приходится. Так, по данным F. Hoffman², в большинстве городов САСШ (90⁰/₀) на 100.000 человек их населения, было обнаружено убитых:

Таблица № 1.

Число убитых в САСШ в 1900—1924 г.г.

в 1900 г.	2,1 или 100%
в 1915 г.	7,0 или 333%
в 1924 г.	8,5 или 405%

Таким образом, за 25 лет убийство в САСШ возросло более, чем в 4 раза! После этих цифр становится понятной тревога американских криминалистов.

Интересно отметить, что и после 1924 года убийства продолжали расти усиленным темпом. Вот несколько цифр³.

Таблица № 2.

Число убитых в 1924 и 1925 г.г.

Г о р о д а	1924	1925	% роста
Чикаго	509	563	11
Детройт	211	243	15
Клевеленд	97	127	31
Орлеан	135	154	15
Филадельфия	149	192	29

¹ Т. Sellin. «Is Murder Increasing in Europe?» (The Annals of the American Academy of political and social science, V. CXXV—«Moderne Crime»).

² Ibid., The Increase in Murder.

³ Ibid., стр. 22.

В настоящее время коэффициент убийств в САСШ значительно выше, чем в других странах¹. Мало того, из 11—12.000 убийств, совершенных в среднем в год, число осужденных не поднимается выше 3—4.000 человек. Это показывает, что американская юстиция бессильна бороться с существенным и неизменным ростом преступности².

Об этом же бессилии говорит и попытка объяснения роста преступности в Америке, даваемая одним из цитированных авторов. Легкость приобретения оружия, распространенность детективной литературы и кино, неналаженность судебного аппарата, несоразмерность наказания (речь идет об электрическом стуле и о стремлении суда зачастую смягчить наказание, для чего приходится выносить оправдательный приговор)—такова, якобы, этиология роста убийств. Правда в заключении, Н о ф ф т а н вынужден отметить, что «легкость собирания богатства под эгидой закона зачастую граничит с преступными способами. Граница между правильным и ложным путем часто затемняется недостатком понимания. Приходится сделать неутешительное заключение,—говорит он,—что ничто так хорошо не оплачивается в материальном отношении, как преступная карьера, очень искусно направляемая очень искусными адвокатами, надувающими закон и действующими во вред признающим закон элементам всей нации»³.

II.

Обратимся к рассмотрению статистики убийств в Европе.

Если американская уголовная статистика, в силу децентрализации судебной системы, не позволяет судить о движении преступности по годам за более или менее продолжительный период времени, то уголовная статистика основных стран Европы дает в этом отношении гораздо более ценный материал.

В динамике убийств, как и вообще, в динамике всей преступности Европы, империалистическая война явилась рубежом, после которого кривая убийств на ряд лет существенно изменила свое направление. К рассмотрению основных тенденций убийств отдельно для каждого периода мы и переходим, тем более, что к этому побуждает и состояние статистического материала.

¹ Об этом—см. ниже.

² См. статью А. Я. Эстрина. «Преступность и борьба с нею в одном из штатов САСШ». («Преступник и преступность», сборник II).

³ Цит. соч., стр. 26.

Таблица № 3.

Убийства в Европе в 1827—1910 гг.¹

(на 100.000 населения)

Среднее за пятилетие	Италия	Франция	Англия	Пруссия	Бельгия	Ирландия	Испания
1827—30	—	2.40	—	—	—	—	—
1831—35	—	2.41	—	—	—	—	—
1836—40	—	2.24	—	—	—	—	—
1841—45	—	2.23	—	—	1.25	—	—
1846—50	—	2.41	—	—	1.34	—	—
1851—55	—	2.29	—	1.32	1.15	—	—
1856—60	—	1.84	3.12	1.31	1.13	—	—
1861—65	—	1.66	2.58	1.21	1.08	—	—
1866—70	—	1.68	2.46	1.09	1.47	—	—
1871—75	12.24	2.00	2.18	1.32	1.80	—	—
1876—80	12.39	1.80	1.82	1.72	2.19	2.31	—
1881—85	10.70	1.95	1.65	1.05 ²	2.41	2.20	9.48
1886—90	10.07	2.00	1.26	0.92	—	2.26	8.33
1891—95	10.35	2.13	0.90	0.93	—	2.21	6.30
1896—1900	8.05	1.88	0.96	0.87	1.07	1.87	8.30
1901—1905	—	1.88	0.85	0.75	0.94	1.53	7.41
1906—1910	5.75	2.33	0.73	0.68	0.88	1.64	7.70

Основная тенденция динамики убийств во всех из приведенных в таблице странах, за исключением Франции, состоит в неуклонном снижении кривой убийств. С наибольшей отчетливостью этот процесс протекал в Англии, где число убийств с 3.12 в 1856—60 гг. упало до 0,73—в 1906—10 гг., т.-е. больше, чем в 4 раза! Весьма осязательным было сокращение числа убийств и в Италии—более, чем в 2 раза. Убийства во Франции развивались несколько иначе, с большей волнообразностью. Последнее пятилетие вновь приблизило кривую убийств во Франции к уровню первой четверти XIX века.

Если взять одну и ту же базу для сопоставления динамики убийств во всех странах, приведенных в таблице, то мы получим следующую картину понижения уровня убийств (в порядке уменьшения чисел):

¹ По Ферри.

² С 1881—85 гг.—вся Германская Империя.

Таблица № 4.

Убийства в Европе в 1881—85 и 1906—10 г.г.

Страны	1881—85	1906—10
Франция	100	120
Испания	100	81
Ирландия	100	75
Германия	100	65
Италия	100	54
Англия	100	44
Бельгия	100	37

Наибольшее снижение уровня убийств произошло—за один и тот же тридцатилетний период времени—в Бельгии и Англии, наименьшее, за исключением Франции, где, наоборот, произошел рост убийств, в Испании и Ирландии.

Хотя различия в статистическом материале и не позволяют делать полных сравнений относительных чисел по горизонтали, в отдельных случаях, когда резкие различия в высоте коэффициентов не могут измениться от внесения тех или иных поправок, такие сравнения сами собой напрашиваются.

Таблица № 5.

Убийства и смертельные повреждения¹
(на 1.000.000 населения)

Страны	Годы	
Италия	1880—84	70,0
Испания	1883—84	64,9
Венгрия	1876—80	56,2
Австрия	1877—81	10,8
Бельгия	1876—80	8,5
Ирландия	1880—84	8,1
Франция	1880—84	6,4
Швейцария	1880—84	4,4
Англия	1880—84	3,9
Германия	1882—84	3,4
Голландия	1880—81	3,1

В последней четверти прошлого века высота уровня убийств в европейских государствах была весьма различна: с одной стороны, относительно невысокие числа убийств—от 3 до 5 на

¹ Bonger «Criminalité et conditions économiques», p. 686—688.

1 миллион населения в Англии, Германии и др. странах; с другой стороны, более высокие числа—от 5 до 10 на 1 миллион населения в Австрии, Бельгии, Франции и др. странах; наконец, резко повышенные коэффициенты убийств в Италии, Испании и Венгрии—от 50 до 70 на 1 миллион жителей, т.-е. в 10—20 раз больше, чем в других странах.

Уровень убийств в довоенной России, как увидим ниже, в общем приближался к этой последней категории стран.

Впереди же всех европейских стран стояла Америка, где, согласно исчислениям Бонгера, на 1 миллион населения приходилось 130 убийств, не считая смертельных телесных повреждений¹.

В общем же, тенденции развития кривой убийств в предвоенную эпоху не внушало никаких серьезных опасений; наоборот, поскольку сокращение числа убийств продолжалось, официальные цифры уголовной статистики в этом вопросе могли внедрять в население сознание сокращения преступности даже в рамках капиталистического общества, поскольку наблюдалось снижение кривой одного из наиболее тяжких видов преступности.

Если движение преступности является своего рода барометром социальной динамики, если криминальная конъюнктура зачастую правильно отображает экономическую и социально-политическую конъюнктуру, то было бы большой неосторожностью придавать одному из показателей преступности—хотя бы и чрезвычайно вескому—убийству—решающее значение. Поэтому факт снижения убийств, хотя бы вдвое, как в Италии, или даже вчетверо, как в Англии, факт, весьма показательный сам по себе, все же не говорит о каком либо «изживании» преступности в рамках капиталистического общества, поскольку тенденции развития других видов преступности, всей преступности в целом могут быть иными. Приведем несколько примеров.

Своеобразное состояние преступности в САСШ, резко отличающее их от Старого света, в общем, не требует каких-либо пояснений. Укажем только, что на 100.000 населения САСШ в 1890 году приходилось 106,7 заключенных в тюрьмах, а в 1922 г.—уже 150,0²; увеличение составило, таким образом, 41%. Рост убийств в Америке, по существу, был согласован с подъемом общей кривой преступности, и если и отличался, то только большей интенсивностью.

¹ Ibid., стр. 688.

² C. V. Dunn «The Church and Crime in the United States.» («Modern Crime», стр. 203).

В Италии общая кривая преступности (без проступков) за период 1890—1905 гг. поднялась на 28% при снижении числа убийств на 26%. В Германии за 25 лет, с 1885 по 1910 гг., число осужденных выросло на 65%, а кривая убийств упала на 9%. Наконец, в Англии за тот же период времени число убийств сократилось на 36%, а количество преступлений, требующих обвинительного акта увеличилось на 15%. Более углубленный анализ движения преступности по отдельным ее видам дал бы и более яркую картину «антагонистического» развития преступности. Однако, и из приведенного только-что сопоставления¹ достаточно ясно видно, что сокращение убийств в конце XIX—начале XX века вовсе не знаменовало собою каких-либо существенных достижений в деле борьбы с преступностью.

Но если снижение уровня убийств и не сигнализировало общей благоприятной криминальной конъюнктуры, то возникает вопрос, не является ли это снижение характерным для эпохи растущей «цивилизации», когда в связи с ростом культурности населения якобы сокращается число конфликтов, разрешаемых насильственным образом, результатом которых и является большинство убийств, когда, быть может, повышается ценность личности и более успешной становится охрана ее благ и, в первую очередь, жизни. В такой плоскости этот вопрос ставился многими криминалистами, и этого не избежал и Бонгер, хотя он и внес в подобного рода постановку вопроса ряд коррективов.

Для решения этой проблемы нам кажется целесообразным использовать методологический прием, предложенный М. М. Исаевым в одной из его ранних работ². Проф. Исаев рекомендует при историко-динамическом анализе преступности, а также теории уголовного права «изучать не только то, что считалось преступлением. Еще важнее,—говорит он,—установить, что в данную эпоху преступным не признавалось».

Применительно к нашей теме это означает, что мы должны использовать, помимо данных уголовной статистики, и те явления, которые, формально и с точки зрения уголовного правосудия буржуазии не подходят под понятие убийства, но по сути дела прямо или косвенно являются убийством. Здесь мы не предполагаем дать подробного анализа соотношения «преступного» и «непреступного», хотя такая тема несомненно и представляет

¹ По Гернету («Моральная статистика») и Ferri—«L'omicidio—suicidio». Рост населения в этом сопоставлении не учтен, так как в нашу задачу входит рассмотрение изменений в соотношении преступлений за один и тот же период времени, для чего исчисление относительных чисел на единицу населения необязательно.

² М. Сурский. «Социологическая школа, как защитница интересов господствующего класса».

исключительно важное значение для уяснения криминальной конъюнктуры буржуазного общества. Нам хотелось бы только показать, что сокращение убийств в Европе в XIX и в начале XX века вовсе не знаменовало собою действительного «повышения ценности жизни», что, наоборот, так называемая цивилизация несла с собою волну насильственной смертности, во много раз большую, нежели «скромные» числа убитых «настоящими преступниками».

И с этой точки зрения, несомненно, более широкой, нежели те горизонты, которые даются буржуазным правом, повышенная смертность пролетариата, общая и в результате так-называемых «несчастных случаев» на предприятии, смертность детей пролетариата, а в равной степени и войны, и классовый террор буржуазии (подавление Парижской Коммуны, «хозяйничание» англичан в Индии, подавление русской революции 1905 года и т. д., и т. п.)—все эти явления образуют своеобразный фон, на котором сокращение убийств в довоенной Европе перестает казаться значительным, перестает характеризовать это сокращение в качестве одного из показателей роста «ценности» человеческой жизни. Приведем лишь одну иллюстрацию к сказанному. Уже цитированный нами М. М. Исаев в свое время проделал чрезвычайно интересное сопоставление,—ныне ставшее классическим и вошедшее в курсы криминологии. Он сопоставил числа убитых во всей Германии и числа убитых на предприятиях в результате несчастных случаев—за пятнадцатилетний период времени. Оказалось, что при 0,2 убитых, приходящихся на 10.000 населения Германии, на предприятиях число убитых достигает 7,0. Таким образом, опасность быть убитым оказывалась в 35 раз большей на предприятии, чем в обычных условиях.

Резюмируя в нескольких словах сказанное выше об убийствах в довоенную эпоху, мы должны отметить следующие четыре наиболее существенных моментов.

Во первых—чрезвычайно различный уровень убийств в странах старого и нового света.

Во вторых—значительный рост убийств в Америке и почти повсеместное и существенное снижение кривой убийств в Западной Европе—с различным темпом в отдельных странах.

В третьих—тенденция к понижению уровня убийств вовсе еще не сигнализировала наступления благоприятной криминальной конъюнктуры, так как общая масса преступлений и в ее числе ряд тягчайших преступлений не только не сократилась, но даже относительно возрасла.

В четвертых—параллельно существованию явления, официально признанного убийством, существует ряд явлений, убийством с точки зрения буржуазного права не признаваемых, но по

сути дела говорящих об одном и том же безразличном отношении буржуазного общества к человеческой жизни—главным образом, конечно, к жизни пролетария. Учет этих цифр в существенном умеряет картину снижения убийств.¹

III.

Статистика преступности за годы империалистической войны, а в значительной степени и после нее, подверглась существенным изменениям, в результате которых становится затруднительным исследовать динамику убийств в полном объеме. В особенности это относится к самому периоду войны, когда благодаря мобилизации основные кадры мужского населения отрываются от обычных условий жизни; когда, таким образом, искусственно понижаются цифры преступности в гражданском населении, а данные о преступности в войсках не публикуются; когда, наконец, почти повсеместно ухудшается интенсивность борьбы с преступностью и, следовательно, ухудшается и учет ее. Эти обстоятельства делают в существенном мало сопоставимыми цифры о преступности в период войны с до и после военными данными.

Пятилетие — 1914 — 1918 г.г. — империалистической войны в отношении убийств характеризуется снижательной тенденцией. Этот процесс, однако, не следует понимать, как простое продолжение снижения кривой убийств в предвоенном периоде, так как в 1914—1918 г.г. снижение шло во много раз более сильным темпом. Так, например, в Германии число убийств по сравнению с 1913 годом упало в два раза, в Италии—на $\frac{1}{3}$, во Франции несколько больше, чем на $\frac{1}{3}$ и т. д.

Сокращение числа убийств в большинстве стран имело место в течение всего периода военных действий; в некоторых же странах²⁾ кривая убийств начала возрастать уже в 1916 году, почти достигая довоенных цифр. Интересно отметить, что даже в Англии, где общеизвестным является факт некоторого отличного от континентального пути развития преступности, кривая предумышленных убийств, начиная с 1916 года, начинает неуклонно подниматься вверх: с 69 убийств в 1916 году до 74— в 1917 г. и до 80— в 1918 году (см. табл. № 6).

Падение преступности в военные годы не раз использовалось в политических целях: указывалось, обыкновенно, что патристические чувства «населения», вызванные той или иной «освободи-

¹ С этой точки зрения положение Ферри (см. L'omicidio—suicidio и др.) о том, что основной тенденцией развития кровавой преступности в современном обществе является ее неизменное снижение, может быть нами принято с рядом существенных оговорок.

² Франция и Россия.

Таблица № 6.
Убийства в Европе в 1913—1923 гг.¹
(на 100.000 ч. населения)

Страны	1913	1914	1915	1916	1917	1918	1919	1920	1921	1922	1923
Англия											
1. Убийства, зарегистрированные полицией ² . .	0.30	0.25	—	—	—	—	0.33	0.32	0.24	0.26	—
2. Обвиняемые ³ .	0.18	0.15	—	—	—	—	0.22	0.24	0.17	0.16	—
Франция ⁴											
3. Обвиняемые .	1.66	1.55	1.06	1.59	1.46	1.58	1.77	2.47	2.49	—	—
Италия											
4. Насил. смерти	3.4	3.8	3.5	2.6	3.0	2.8	4.5	7.3	7.5	6.6	4.9
5. Обвиняемые .	9.5	8.4	8.2	6.7	6.0	5.4	8.6	—	—	—	—
Германия											
6. Осужденные .	0.55	0.46	0.25	0.24	0.21	—	—	—	1.00	—	0.67
7. Нас. смерти .	2.16	2.09	1.60	1.19	1.12	1.56	3.25	3.02	2.30	2.14	2.30
Финляндия											
8. Осужденные .	1.27	1.87	1.00	1.14	0.96	1.20	1.86	2.85	3.50	3.09	—
Швеция											
9. Осужденные .	0.57	0.30	0.39	0.33	0.26	0.21	0.22	0.42	0.32	0.15	0.23
10. Насил. смерти .	1.42	1.31	1.65	1.27	1.09	0.98	0.96	1.24	—	—	—
Норвегия											
11. Осужденные .	0.49	0.48	0.24	0.43	0.23	0.23	0.15	0.15	0.37	0.48	—
Дания											
12. Осужденные .	0.32	0.38	0.45	0.41	0.07 ⁵	0.33	0.33	0.23	0.37	0.36	—
Голландия											
13. Осужденные .	0.55	0.57	0.36	0.37	0.44	0.36	0.37	0.66	0.52	—	—
14. Насил. смерти .	0.64	0.80	0.85	0.73	0.52	0.97	1.17	1.05	0.83	1.02	0.87

тельной» войной, сплотили и объединили всех «подданных» освободили их от преступной деятельности. На самом же деле, сокращение преступности обычно вызывалось, как мы уже сказали, мобилизацией, отливом населения в армию. Поэтому, при анализе преступности военного времени методологически необходимо исследовать преступность также и в армии и лишь

¹ По Sellin'у.

² Без детоубийств.

³ « »

⁴ « »

⁵!!

после этого делать те или иные выводы о действительном сокращении преступности. Но и в этом случае картину нельзя признать полной, так как в условиях военного времени учет преступности, естественно, значительно ухудшается.

Однако, статистика преступности в армии во время войны собирается и публикуется далеко не полно, и мы лишены возможности—для большинства стран—проделать упомянутый анализ.

О движении преступности гражданского населения и армии во время войны в Германии позволяет судить следующая таблица:

Таблица № 7.

Движение преступности в Германии в 1913—1919 гг.¹
(1913 г. = 100).

Характер преступности	1913	1914	1915	1916	1917	1918	1919
Преступность в гражданском населении.	100	81	42	38	31	32	77
Преступность в армии.	100	91	228	366	411	466	100

Сокращение преступности среди гражданского населения компенсировалось, начиная с 1915 года, колоссальным ростом преступности в армии. В этом случае, конечно, трудно разграничивать рост преступности, вызванный количественным увеличением армии или специфическими условиями военного времени.

По Франции мы располагаем более подробными сведениями о числе убийств во время войны.

Таблица № 8.

Обвиняемые в убийстве во Франции в 1913—1922 гг.²

Г о д ы	Суд при- сяжных	Военный и мор- ской суд	Итого	Дето- убийство	Всего
1913	591	60	651	96	747
1914	537	75	672	67	679
1915	222	197	419	80	499
1916	246	379	625	138	763
1917	314	259	573	130	703
1918	398	222	620	129	749
1919	399	296	695	124	829
1920	781	189	970	195	1.165
1921	759	216	975	—	—
1922	595	—	—	—	—

¹ В. И. Куфаев „Новости уголовной статистики“ (Вестник Статистики“, кн. XII и „Право и жизнь“, 1923, № 3).

² Составлена по Sellin'у.

В этой таблице мы находим прекрасное подтверждение высказанным соображениям. Так, число обвиняемых за убийство, прошедших перед судом присяжных, в 1915 г. резко сокращается по сравнению с 1913 г., достигая лишь 38%, а в 1916 г.— 42%. Быстрое же возрастание числа обвиняемых за убийство, представших перед военным и морским судами—с 60 в 1913 г. до 197 в 1915 г. и до 379 в 1916 г., привело к тому, что в целом убийства в 1915 г. сократились лишь на $\frac{1}{3}$, а в 1916 г. превысили довоенный уровень. Поэтому снижение числа убийств в период империалистической войны в значительной степени должно быть признано фиктивным, основанном на недоучете как самых преступлений, так и на недоучете основных факторов, совокупность убийств образующих.

Действительно, трудно было бы представить, что империалистическая война со всеми ее последствиями оказала на преступность какое-либо иное влияние, кроме отрицательного; война как раз и явилась фактором, благоприятствующим росту убийств.

Как совершенно справедливо заметил еще Бонгер «то, что в мирное время является наиболее тяжелыми преступлениями—убийства, погромы, поджоги, во время войны узаконивается и является обычным. Неизбежно,—продолжает Бонгер, что принужденные к совершению подобных действий, люди постепенно теряют уважение к жизни и имуществу себе подобных. Война порождает дух насилия как у принимающих в ней участие, так и у остального населения... К счастью, войны не настолько многочисленны, как когда-то, почему их последствия и не имеют такого большого значения¹.

Эти слова, сказанные более 20 лет назад, особенно применимы к рассматриваемому периоду, когда в противоположность последнему положению Бонгера, война оказалась длительной, а число людей, принявших в ней участие, колоссальным.

Нам кажется целесообразным воспроизвести здесь цифры о людских потерях во время империалистической войны (см. табл. № 9).

Цифры настолько демонстративны, что особых комментариев не требуют. Если же мы к этому прибавим, что население воювавших стран превышало 1 миллиард человек, что число мобилизованных равнялось 66 миллионам человек, что, наряду с 9 миллионами убитых, следует учитывать уменьшение числа рождений на 21 миллион человек и увеличение смертности на 6 миллионов, что, в общем, человеческие потери в войне составили 36 миллионов людей,—то наша тема, посвященная, в основном, убийствам, совершенным, так сказать, в индивидуальном

¹ Бонгер, цит. соч. стр. 572.

Таблица № 9.

Человеческие потери во время империалистической войны ¹

С т р а н ы	Убитые и умершие от ран и болезней	Раненые (выбывшие из строя)	И т о г о
Страны согласия	4.500.000	1.920.000	6.920.000
Центр. государ.	4.200.000	922.000	5.122.000
Всего . . .	8.700.000	2.842.000	11.542.000

порядке, сразу меркнет и ступшевывается перед этими подавляющими цифрами, согласно которым каждые пять солдат убивали шестого.

Невольно вспоминаются слова одного убийцы, бывшего солдата, сказавшего по поводу своего поступка, что на войне ему приходилось видеть столько убитых, что он не видит ничего особенного в одном лишнем убитом ².

Общий вывод, который нам хотелось бы сделать по поводу убийств во время империалистической войны, вывод, основанный не только непосредственно на данных уголовной статистики, но и на других данных косвенного характера, таков:

Снижение кривой убийств, имевшее место в первые годы войны в большинстве воевавших стран, в значительной степени является условным. Сопоставление данных гражданской и военной статистики дает основание заключать, что снижение числа убийств, если имело место в самом начале войны, то во всяком случае в довольно скромных размерах. Дальнейшее развитие военных действий привело к росту кривой убийств, который, повидимому, был в действительности большим, благодаря облегченной возможности совершать преступления и слабости преследования и учета преступности во время войны.

V

Динамика убийств после окончания империалистической войны может быть разбита на несколько периодов, поскольку на кривую убийств оказывали решающее влияние экономические и социально-психологические последствия войны, прямо и

¹ «Россия в мировой войне 1914—1918 года в цифрах». ЦСУ, 1925 г.

² Lombroso—Le crime.

косвенно, демобилизация армии, последующий период восстановления народного хозяйства, а для некоторых стран—и революционный период.

В кривой послевоенной преступности наблюдались, таким образом, своего рода «восстановительные тенденции» и «конъюнктурные колебания». Было бы, однако, рискованно говорить о каком-либо едином эволюторном процессе в преступности, так как и в довоенную эпоху этот процесс, как мы пытались доказать, далеко не отличался единообразием.

Период демобилизации, как и следовало ожидать, принес с собой значительный рост убийств, сразу поднявший их уровень к довоенному и выше него.

Этот рост, однако, вызывался не только увеличением гражданского населения в связи с возвращением солдат из окопов, но был и вполне реальным: кривая убийств возросла не только в абсолютных числах, но и в относительных числах.

В рассматриваемом периоде на 100.000 человек населения число убийств повышается: во Франции—на 55% по сравнению с 1916 годом и на 49% по сравнению с 1913 годом. В Англии—на 10% по сравнению с 1913 годом. В Германии—на 90% по сравнению с 1916 годом и на 50%—с 1913 годом. Наконец, в Италии—на 28% по сравнению с 1916 годом.

В нейтральных странах кривая убийств, в общем несколько снизившаяся во время войны, хотя и не везде и в неравной степени, в послевоенном периоде дает значительные колебания, не позволяющие, повидимому, говорить о какой-либо ясно выраженной тенденции к повышению или понижению.

В последующем периоде во всех воевавших странах уровень убийств или превышает довоенные «нормы» или же находится в том же состоянии. Таково положение вещей в Германии, Франции и Италии, где число убийств выше довоенного уровня.

К сожалению, мы еще не располагаем данными о движении преступности после 1923 г. В Германии, где имеются данные до 1925 г. включительно, рисуется такая картина продолжающегося роста убийств по сравнению с 1912 годом¹: в 1923 г. число убийств выросло на 53%, в 1924 г.—еще на 32% и в 1925 г. несколько снизилось.

Возрастание убийств кажется еще более убедительным при сравнении с динамикой всей преступности.

В Англии общая кривая преступлений, требующих обвинительного акта, в 1923 г. по сравнению с годами войны упала на 1%, а число убийств возросло на 12%.

Во Франции общее число преступлений в 1922 г. по сравнению с военным временем выросло на 60%, а число убийств—на 73%.

¹ „Archiv für Kriminologie“, В. 80, II. 2/3, в. 175.

Наконец, в Германии за тот же период времени убийства возросли на 128%, а вся преступность—на 140%.

Из этих цифр мы заключаем, что увеличение числа убийств после войны было более значительным, чем рост всей преступности. В Германии картина была несколько иной, но зато и подъем убийств и всей преступности превосходил другие страны по своей интенсивности.

При анализе послевоенных тенденций динамики убийств рост последних настолько очевиден, что нет нужды рисовать общий фон, на котором развитие убийств имело место. Тем более нет нужды, что этот «фон» получил всеобщую известность—разгул фашистской реакции говорит сам за себя.

В целом же, убийства в послевоенную эпоху могут быть охарактеризованы следующим образом:

Рост кривой убийств, более интенсивный, чем увеличение чисел всей преступности, сменившейся в дальнейшем некоторым снижением. Все же число убийств в большинстве стран превышает довоенный уровень. Довоенная тенденция к сокращению числа убийств, правда и для того времени принятая нами с рядом существенных оговорок, несомненно приостановилась и пока что у нас нет объективных данных предполагать о возможности наступления этого снижения в ближайшем будущем.

IV.

Переходя к анализу динамики убийств в России, а затем в РСФСР, мы могли бы уже *à priori* заключить, что кривая этих преступлений развивалась на очень высоком уровне: урон, понесенный Россией в мировой войне, сменившейся годами интервенции, затем голода, оказался во много раз большим, чем для большинства западно-европейских государств.

Констатируя высокий уровень убийств в России во время империалистической войны и после революции, мы должны, прежде всего, иметь в виду, что тенденции развития кривой убийств в дореволюционной России, как в начале XIX, так и в XX вв. говорили о непрерывном и довольно значительном росте, обгонявшем почти все другие виды тяжкой преступности (см. табл. № 10).

Первое, что бросается в глаза при анализе приведенной таблицы—это почти неизменная тенденция к росту, как умышленных убийств, так и убийств в драке. Первые из них в период от 1901 по 1905 г. растут сравнительно медленно. В 1904 г. наблюдается даже некоторое, правда незначительное, снижение их. Но начиная с 1906 г. умышленные убийства дают непрерывное увеличение за каждый год, вплоть до 1912 г. За рассматриваемый двенадцатилетний период умышленные убийства

Таблица № 10.

Динамика убийств в России в 1901—1912 гг.¹

Виды убийств	1901 г.	1902 г.	1903 г.	1904 г.	1905 г.	1906 г.	1907 г.	1908 г.	1909 г.	1910 г.	1911 г.	1912 г.
Все виды умышленных убийств	100	98	110	108	113	141	184	208	218	231	238	254
Убийство в драке	100	108	99	80	70	106	124	135	141	143	159	161

возросли в $2\frac{1}{2}$ раза, тогда как население увеличилось за данное время лишь на 25%.

Убийства в драке в первое пятилетие, как мы видим, обнаруживают тенденцию к снижению. С 1906—1912 год наблюдается противоположное явление: убийства в драке дают ежегодное увеличение. За весь двенадцатилетний период они возрасли в $1\frac{1}{2}$ раза, лишь незначительно обогнав рост населения. Таким образом, повышение ‰ убийств в драке шло менее интенсивно, чем повышение ‰ умышленных убийств. Эти цифры дают нам полное основание говорить об американском типе развития убийств в дореволюционной России: вспомним, что в Америке приблизительно за такой же период времени убийства возросли более, чем в три раза.

О влиянии империалистической войны на убийства в России позволяют судить двоякого рода данные.

Во-первых, в нашем распоряжении имеется число следствий об убийствах в 8 крупных городских центрах²:

Таблица № 11.

Движение следствий об убийствах в России в 1911—1916 гг.
(1911 = 100)

1911 г.	1912 г.	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.
100	113	115	101	94	113

¹ Мельников—Колебания преступности в текущем столетии.

² Москва, Новгород, Казань, Саратов, Астрахань, Харьков, Киев, Одесса (данные взяты из статьи Е. Н. Тарновского „Война и движение преступности в 1911—16 гг.“, помещенной в „Сборнике по пролетарской революции и праву, стр. 105).

Интересно отметить, что снижение кривой убийств в 1914—15 г.г. было сравнительно незначительным,—и это не смотря на мобилизацию громадной массы населения, несмотря на алкогольный запрет. 1916 г. сразу доводит цифру убийств до уровня 1913 г.—при наличии меньшего гражданского населения¹.

Вторым источником, из которого мы можем черпать сведения,—это опубликованные ЦСУ СССР² данные о преступности 1914—1916 гг. Данные эти неполные, охватывают и не всю территорию России, и не весь имевшийся материал. Однако, взяв преступления против жизни, совершенные женщинами, мы находим следующие цифры:

Таблица № 12.
Число женщин—убийц в России в 1913—1916 г.г.

1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.
754	1.240	1.178	1.466

В 1916 году неполные данные превышают довоенный уровень почти в 2 раза.

С началом империалистической войны прекратилось систематическое собирание и обработка уголовно-статистических сведений; приходится пользоваться отрывочными, зачастую случайными сведениями.

Как отразилась февральская революция 1917 года на кривой убийств?

Мы располагаем лишь данными по Москве³.

Таблица № 13.
Число дел об убийствах в Москве в 1916—1917 г.г.

Число дел.	1916 г.		1917 г.		Отношение каждого месяца 1917 г. к соотв. месяцам 1916 г.	
	III	IV	III	IV	III	IV
Возникло дел об убийствах	3	1	10	22	333%	2.200%

¹ Повидимому, приведенные данные более характерны для городской преступности. По неполным, правда, данным, касающимся также и сельских местностей, в кривой убийств наблюдалось снижение, аналогичное западно-европейскому.

² См. М. Н. Гернет — „Преступность и самоубийства во время войны и после нее“, стр. 126.

³ Данные сыскной и уголовной полиции. Приведены в предисловии М. Н. Гернета к сб. „Преступный мир Москвы“.

Убийства уже в марте 1917 года возрастают более, чем в 3 раза по сравнению с мартом 1916 года. А мы помним, что цифры убийств в 1916 г. являлись уже весьма повышенными. Следующий месяц принес с собою более, чем удвоенную—по сравнению с пред'идущим—цифру, невиданную до тех пор в Москве. Как справедливо отмечает М. Н. Гернет, цифры убийств в 1917 г. тем примечательны, что апрельский под'ем 1917 г. явился чем-то новым в динамике убийств, в соответствующем месяце предшествовавшего года значительно сокращавшихся.

За период военного коммунизма мы располагаем также лишь московскими данными ¹.

Таблица № 14.

Движение убийств в Москве в 1918—21 г.г.
(1918 г. = 100)

1918 г.	1919 г.	1920 г.	1921 г.
100	150	125	138

В дальнейшем, после апогея, кривая убийств несколько снижается, но все же находится на очень высоком уровне.

В период 1922—26 г.г. кривая московских убийств развивалась следующим образом ².

Таблица № 15.

Движение убийств в Москве в 1922—1926 г.г.
(1918 г. = 100)

1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.
133	86	57	35	63

Последовательное снижение наблюдалось вплоть до 1925 г., когда уровень убийств по сравнению с 1918 г. сократился почти в 3 раза. В 1926 же году наметилась тенденция к новому под'ему кривой убийств.

Отсутствие налаженной статистики преступности в голодные годы чрезвычайно затрудняет исследование влияния голода на кривую убийств. Однако, М. Н. Гернету удалось и на имевшемся скудном материале установить сильнейшее влияние этого фактора на различные виды преступлений, убийств в частности.

¹ Данные МУР'а. Рост населения учтен.

² « « « « «

Рассматривая сезонные колебания убийств в голодавших и неголодавших губерниях и сопоставляя их с аналогичными данными для всей дореволюционной России, М. Н. Гернет установил, что помесечное распределение убийств в 1922 году в голодавших губерниях было совершенно необычным, имело совершенно иные, чем ранее или чем в неголодавших губерниях, направление: подъем до мая месяца, а затем непрерывное снижение до конца года. На основании анализа этих данных М. Н. Гернет пришел к выводу: «При исследовании причин убийств криминалисты-социологи указывали и на общий уровень культуры вообще, и на развитие грамотности в частности, и на влияние войн. Особенности нашего помесечного распределения вскрывают в первую голову влияние именно голода. На самом деле, разлагающее влияние войны и, тем более, низкого культурного уровня не могло оборваться на мае или июне месяце 1922 года. Такое влияние может быть только более или менее длительным, а вместе с тем ослабевать лишь очень медленно и постепенно... В пределах же изучения помесечного распределения убийств говорить о влиянии на них войны и общего культурного уровня не приходится. Здесь мы констатируем влияние только голода»¹.

С 1922 года имеются сравнимые данные об убийствах по РСФСР.

Таблица № 16.

Движение убийств в РСФСР в 1922—1926 г.г.

Возникло дел	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.
Убийства	100	73	57	74	85
Вся преступность . .	100	64	80	80	72

Высокий уровень убийств, равно, как и всей преступности, начиная с 1923 года, заметно снижается, достигая в 1924 году $\frac{2}{3}$ уровня 1922 года. Падение числа возникших дел об убийствах шло значительно интенсивнее сокращения общей массы возникших дел: убийства к 1923 году упали на 43%, а вся преступность лишь на 20%. В 1925 году кривая убийств начинает возрастать, и этот процесс замечается также и в 1926 году. Сравнение динамики убийств с динамикой всей преступности в 1925—26 г.г. не вполне возможно, в связи с тем, что измене

¹ М. Н. Гернет—Голод и преступность (сб. II „Влияние неурожая на народное хозяйство России“).

ние подсудности мелких деликтов механически снизило кривую преступности. Все же можно отметить, что кривая убийств 1925—26 г.г. развивается иначе, чем вся преступность.

Подъем 1925 года начался в I квартале этого года, когда вместо обычного падения убийств в этом периоде, наметился рост на 9%, усилившийся во втором квартале.

В заключение нам кажется целесообразным отметить, что по приблизительным исчислениям уровень убийств в 1924 году все же превышает довоенный уровень.

Итак, основными чертами динамики убийств в России и в РСФСР являются следующие:

Непрерывный рост убийств в предвоенной России, продолжившийся уже в 1916 году, значительно усилился в феврале 1917 года. В Москве убийства в это время возрастают в 22 раза. 10-ти летний период—1918—1927 г.г.—кривой убийств в Москве рисует нам картину повышенного уровня в первые годы революции, непрерывного снижения в последующие годы и, вновь, некоторого роста в 1926 году.

Движение убийств во всей РСФСР в период неурожая 1921—1922 г.г. находилось под непосредственным влиянием этого последнего и не только в голодавших губерниях, но и в местах, непосредственно голодом не затронутых.

Динамика убийств в РСФСР в 1922—1926 г.г., в общем, сходна с московской картиной, с той только разницей, что новый подъем кривой убийств начался не в 1926 г., а в 1925 г. Важно также отметить, что если в 1922—1924 г.г. кривая убийств сокращалась быстрее, чем кривая всей преступности, то в 1925—1926 г.г. первая в своем росте поднялась выше, чем общая кривая.

Явился ли подъем кривой убийств за последние два года следствием каких-либо временных, преходящих причин, лежащих в условиях социально-экономической конъюнктуры последних лет, или же этот подъем характеризует улучшение методов борьбы с убийствами, ранее остававшимися нераскрытыми, а теперь под влиянием более интенсивной розыскной и судебной деятельности вскрываемыми, или же здесь имеют значение оба момента,—мы затрудняемся здесь решить, в виду недостаточности имеющегося материала.

V.

Закончив рассмотрение динамики убийств, обратимся к анализу их в России в дореволюционное время. Для этого мы привлекаем материалы русской уголовной статистики, позволяющие выявить не только общие данные о месте, времени совершения, количестве убийств, но дающие возможность установить и качественный состав убийц—социальный, половой, возрастной состав правонарушителей, специально-криминальный их облик, а также

и некоторые другие данные. Анализ этих данных, как мы уже говорили в начале обзора, помимо некоторых общих сопоставлений, позволяет судить о сходстве и различии в социально-бытовой физиономии убийц, что дает возможность полнее и разностороннее судить о современном убийстве, не говоря уже о том, что оценка значения того или иного фактора в современной преступности несомненно требует такого рода сопоставлений. В этом последнем случае не следует, само собою разумеется, упускать из виду произошедших за годы революции коренных изменений в социально-экономической структуре. Наоборот, эти изменения, надо полагать, только ярче оттеняют сдвиги, произошедшие в преступности, в физиономии самих правонарушителей.

С этой целью нами использован Свод Статистических Сведений министерства юстиции за 1913 год—последний из увидевших свет до революции. Мы ограничились одним лишь 1913 годом, так как последний является весьма показательным для преступности предвоенного периода. Вместе с тем для характеристики наиболее существенных изменений в дореволюционной преступности нами использованы и сравнены данные за ряд других лет.

Статистические сведения об убийствах в дореволюционной России дают очень подробную классификацию их; так как эта классификация обуславливалась Уложением о Наказаниях и, отчасти, Уголовным Уложением, и для нас, естественно, особого интереса представлять не может, мы об'единяем все виды убийства в трех группах: умышленные убийства, убийства в драке и детоубийства.

Абсолютное число осужденных за убийства в 1913 году равно 7.210. Из них на умышленные убийства приходится 4.859, на убийства в драке—2.255 и на детоубийства—96. Принимая общую сумму осужденных общими судебными установлениями 1913 года (87.793) за 100, мы получаем следующее процентное соотношение отдельных видов убийств.

Таблица № 17.

Число осужденных за убийство

В и д ы у б и й с т в	%
Умышленное убийство	5,6
Убийство в драке	2,5
Детоубийство	0,1
И т о г о	8,2
Вся преступность.	100,0

Из приведенной таблицы видно, что убийцы среди всех осужденных занимают примерно $\frac{1}{12}$ часть. Основная масса убийц должна быть отнесена к группе умышленных убийц. Убийства в драке и детоубийства составляют около половины первых.

При рассмотрении убийств с точки зрения их локализации мы находим, что % их в деревне является повышенным по сравнению с городом. Так, принимая за 100 преступность города и за 100 же преступность деревни, мы констатируем, что % убийств в деревне равен 10,03, в то время как % убийств в городе составляет лишь 4,02.

Таблица № 18.

Распределение убийств между городами и деревней

Виды убийств	(абс. числа)		(относит. числа)	
	город	деревня	город	деревня
Умышленное убийство	806	4.053	3,03	6,62
Убийство в драке	254	2.002	0,96	3,27
Детоубийство	7	89	0,03	0,14
Итого	1.056	6.144	4,02	10,03
Вся преступность	26.564	61 229	100,0	100,0

Отдельные виды убийств также чаще встречаются в деревне: умышленные убийства дают 6,62% для деревни и только 3,03 для города. Среди убийств в драке 3,27 приходится на долю деревни и лишь 0,96 на долю города. % детоубийств в деревне составляет 0,14, а в городе—0,03. Таким образом, закон распределения кровавой преступности между городом и деревней обнаруживается в приведенной таблице с полной очевидностью.

Отдельные виды убийств распределяются в городе и в деревне следующим образом: как в первом, так и во втором максимальный % дают умышленные убийства, затем идут убийства в драке, на последнем месте стоят детоубийства.

У Мельникова в его работе «Колебания преступности в текущем столетии»¹ имеются данные об изменениях в географическом распределении отдельных видов убийств за время от 1907 по 1912 год.

¹ Стр. 85. Ж. М. Ю. 1917 г. Май—июнь.

Воспроизведем частично эти данные.

Таблица № 19.

Распределение убийств между городами и деревней в 1907—12 гг

Виды убийств.	Г о р о д		У е з д	
	1907—09 г.	1910—12 г.	1907—09 г.	1910—12 г.
Все виды убийств .	19,5	17,0	80,5	83,0
Убийство в драке .	13,9	15,3	86,1	84,7

Сравнение преступности города и деревни за два трехлетия приводит нас к следующим выводам: все виды убийств (за исключением убийств в драке) увеличиваются в уезде за счет городов. Убийства же в драке обнаруживают противоположную тенденцию: они растут в городе за счет уездов.

О распределении убийств по отдельным месяцам года позволяет судить приводимая таблица.

Таблица № 20.

«Календарь» убийств

Виды убийств	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII
Умышленное убийство .	96	79	59	89	106	102	101	115	105	128	109	111
Убийство в драке . . .	68	76	81	113	133	130	114	103	102	89	97	94
Детоубийство	102	128	90	65	128	103	65	186	64	77	90	102
Итого . . .	87	78	66	95	116	112	105	113	104	114	104	106

Как мы видим из этой таблицы, пониженные цифры умышленных убийств, наблюдающиеся в четырех первых месяцах года, начиная с мая заменяются более высокими. Несколько снизившись в сентябре, убийства делают сильный скачек вверх в октябре, достигая в этом месяце наивысшего предела. В ноябре и декабре убийства выказывают тенденцию к стабильности уже на пониженном уровне. Высокий % убийств в октябре объясняется Тарновским следующим образом: «Так как большая часть предумышленных убийств совершается из побуждений корыстного характера (ограбления, присвоении имущества и пр.), то помесечное распределение этого рода убийств представляет более аналогии с распределением преступлений против собственности, чем преступлений против личности».

Приведенные цифры свидетельствуют, что наибольший % убийств в драке падает на весенние и летние месяцы (особенно на V и VI), наименьший же—на зимние (январь—февраль). После летнего под'ема наблюдается падение, продолжающееся вплоть до октября включительно. Повышенный % убийства в драке в ноябре и декабре объясняется, повидимому, усиленным потреблением алкоголя, в связи со сбором урожая и праздниками.

Максимальный % детоубийств приходится на август, минимальный—на сентябрь, апрель и июнь месяцы (весна и осень).

Убийство, рассматриваемое без разграничения его на отдельные виды, обнаруживает наклонность к росту в летние и весенние месяцы. Таким образом, убийства, подчиняясь общему распределению преступлений против личности по временам года, имеют тенденцию к увеличению в летние и весенние месяцы.

Обрисовав в общих чертах динамику и статику убийств, обратимся к рассмотрению социального облика убийц.

Таблица № 21.

Половой состав убийц

В и д ы у б и й с т в	% женщины	мужчины
Умышленное убийство	5,1	94,9
Убийство в драке	2,4	97,6
Детоубийств	100,0	—
Все виды убийств	5,5	94,5
Вся преступность	7,2	92,8

При рассмотрении этой таблицы мы констатируем, что в общей массе убийств женщина, как и в большинстве других преступлений участвует несравненно меньше мужчины. На долю женщины приходится лишь 5,5 общего числа убийств.

Сравнивая участие женщины в убийствах с участием ее во всей преступности мы находим, что убийство не занимает значительного места среди других преступлений женщин.

Анализ отдельных видов убийств приводит нас к следующим заключениям: наибольший % осужденных женщин дает детоубийство; это объясняется прежде всего тем, что согласно Уложению о Наказаниях, женщина—единственно возможный субъект данного преступления. В умышленных убийствах % женщин очень невелик (5,1); еще меньше (вдвое) участвует женщина в убийствах в драке: по самому характеру своему данное преступление свойственно, главным образом, мужчине.

Проанализируем возрастной состав осужденных за убийство в 1913 году.

Таблица № 22.

Пол и возраст убийц

В о з р а с т	Мужчин	Женщин	И т о г о
до 17 лет	2,7	1,3	2,6
от 17—25 лет	39,7	32,9	39,0
» 25—30 »	21,9	17,2	21,7
» 30—40 »	22,0	25,1	21,8
» 40—50 »	8,7	13,8	8,9
» 50—60 »	3,8	5,6	3,8
свыше 60 »	1,2	4,1	2,1
И т о г о	100,0	100,0	100,0

Наибольшее количество убийств совершается в возрасте от 17 до 40 лет (в остальных возрастных рубриках $\%$ убийств распределяется поровну). В периоде после 40 лет уже наблюдается заметное понижение количеств убийств. Наименьший $\%$ убийств падает на недостигших 17 лет и на стариков свыше 60 лет.

Таким образом, из приведенных данных видно, что убийство присуще преимущественно молодому и зрелому возрасту.

Как в умышленных убийствах, так и в убийствах в драке возрастное распределение одинаково с этим распределением в убийствах, взятых в совокупности. 95 $\%$ случаев детоубийств падает на возраст от 17 до 40 лет. Максимальное количество дает возраст от 21 до 40 лет; это является понятным при учете того факта, что в этом возрастном периоде женщина наиболее плодovита. В соответствии с этим, в период от 40 до 50 лет, когда способность к деторождению отмирает, детоубийства встречаются редко (4,0).

Как видно из приведенной таблицы, участие в убийствах мужчин преобладает в возрасте до 40 лет.

В отношении же женщин убийц должно быть отмечено, что несмотря на преобладание среди них лиц в возрасте, также, как и мужчины, до 40 лет, все же участие лиц пожилого возраста более значительно, нежели среди мужчин (23,5 % против. 13,7%).

При анализе умышленного убийства и убийства в драке мы наблюдаем аналогичную картину.

Рассмотрим возрастной состав осужденных за убийство в связи с их социальным положением.

Таблица № 23.
Возраст и социальное положение убийц

В о з р а с т	Рабочих	Хозяев	И т о г о
до 17 лет	3,7	0,7	2,6
от 17—21 г.	29,6	9,7	19,8
» 21—25 лет	24,0	13,4	19,2
» 25—30 »	20,0	18,5	21,7
» 30—40 »	14,8	40,1	21,8
» 40—50 »	5,2	10,4	8,9
» 50—60 »	1,4	6,0	3,8
свыше 60 »	0,5	1,1	2,1
И т о г о	100,0	100,0	100,0

В возрастной группе до 21 года в ‰ рабочих в 3 с лишним раза превышает ‰ хозяев. От 21 до 30 лет разница эта становится меньшей, но все же ‰ рабочих превалирует. В период от 30 до 40 лет указанное положение вещей резко меняется: ‰ хозяев в убийстве становится почти втрое больше ‰ рабочих. В возрасте свыше 40 лет ‰ первых вдвое превышает ‰ вторых. Таким образом, рабочие участвуют в убийстве, преимущественно, в молодом возрасте, хозяева же, т.-е. главным образом крестьяне,—в зрелом и пожилом.

Статистические сведения о социальном составе осужденных за убийство в 1913 году свидетельствуют о большой распространенности рассматриваемого преступления среди малоимущих слоев населения, преимущественно сельского. Последнее обстоятельство находится в соответствии с констатируемым выше преобладанием убийств в деревне (см. табл. № 24).

Из этой таблицы видно, что максимум осужденных падает на крестьян (35,9) и сельских рабочих (30,2). На фабрично-заводских рабочих приходится 12,5‰. Минимальное количество убийц дают состоятельные классы—торгово-промышленники и лица либеральных профессий. Сравнивая общее число убийств со всею преступностью, мы находим, что ‰ участия крестьян, сельских рабочих и ремесленников в убийстве выше ‰ их участия во всех преступлениях. Прочие социальные группы в данном преступлении участвуют менее интенсивно, чем во всей преступности. Участие фабрично-заводских рабочих в убийстве в сравнении с их участием во всей преступности понижено незначительно (12,5‰ в первом случае и 14,0‰ во втором). ‰ же участия в убийстве лиц либеральных профессий и торгово-промышленников является крайне пониженным. Первые участвуют во всей

Таблица № 24.

Социальный состав убийц

Социальное положение	Умышлен- ное убий- ство	Убийство в драке	Детоубий- ство	Всего убийств	Вся пре- ступность
Крестьяне	36,4	35,5	13,5	35,9	25,7
Сельские рабочие	29,5	30,8	46,9	30,2	23,5
Чернорабочие	4,3	3,5	8,3	4,1	6,5
Рабочие	12,3	13,4	3,1	12,5	14,0
Ремесленники	3,0	7,1	1,0	4,3	2,7
Торгово-промышленники	4,3	2,6	—	3,7	7,0
Либеральные профессии	2,5	2,8	—	2,6	8,7
Прочие	7,7	4,2	27,1	6,7	11,9
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

преступности в $3\frac{1}{2}$ раза больше, чем в убийствах, последние— в 2 раза.

При сравнении социального состава осужденных за убийство умышленное и в драке, а также за детоубийство мы констатируем следующее: крестьяне больше всего участвуют в умышленном убийстве, меньше всего в детоубийстве, в котором принимают преимущественное участие другие представители сельского населения. В числе последних сельские рабочие дают максимальное количество детоубийств (46,9%).

Рабочие в убийствах умышленных и в драке участвуют почти одинаково (с весьма незначительным преобладанием во вторых). В детоубийстве участие их достигает всего лишь 3,1%. Чернорабочие же, напротив, более интенсивно участвуют в указанном преступлении. Здесь на них падает 8,3%, тогда как % их участия в умышленном убийстве равен всего 4,3, в убийстве же в драке—3,5. Значительно повышен % ремесленников в убийстве в драке. Участие их в данном деликте составляет 7,1, в то время как в умышленном убийстве—3,0, а в детоубийстве—1,0. Либеральные профессии участвуют в убийствах умышленном и в драке почти поровну (2,5% в первом и 2,8 во втором), Торгово-промышленники дают значительно больший % для умышленных убийств (почти вдвое). Как первая, так и вторая из указанных социальных категорий не принимают участия в детоубийстве. Довольно значителен % последних в графе «прочие». Последнее объясняется включением нами в эту графу личной прислуги, в большинстве случаев принадлежащей к сельским жителям, поставляющим, как мы видели, наибольший % детоубийств.

Семейное положение убийц

[illegible]

Таблица № 25.

[illegible]

Участие в убийстве холостых и состоящих в браке почти равно, с некоторым только перевесом для последних. Совсем незначительный % падает на вдовых и разведенных.

Сравнивая семейный состав осужденных за убийство с семейным составом всех преступников, мы находим очень большое сходство между ними. В то время, как на холостых убийц падает 45,1%, на всех холостых преступников приходится 43,6. Убийцы, состоящие в браке дают 50,4, а все преступники того же семейно положения—52,9. На вдовых и разведенных падает 4,5— в убийстве и 3,5—во всей преступности.

Рассмотрение семейного положения убийц в связи с их полом по отдельным категориям убийств приводит к следующим выводам. В умышленном убийстве очень высок % женщин — вдовых и разведенных; в убийствах в драке основной кадр женщин состоит из замужних; наоборот, в детоубийстве почти $\frac{2}{3}$ составляют девицы. Семейное положение убийц—мужчин менее разнообразно: % холостых колеблется между 45—47, % женатых — между 48 — 53 и, наконец, % вдовых и разведенных — 1,3 — 4,7.

Обратимся к рассмотрению образования осужденных за убийство.

Таблица № 26.

Образование убийц

Виды убийств	Высшее	Среднее	Грамотные	Неграмотные	Итого
Умышленное убийство	0,1	0,1	54,5	45,3	100,0
Убийство в драке	0,2	0,2	58,4	41,2	100,0
Детоубийство	—	—	11,5	88,5	100,0
Всего убийств	0,1	0,1	55,1	44,7	100,0
Вся преступность	0,3	0,6	56,3	42,8	100,0

Среди осужденных за умышленное убийство очень незначительное число падает на лиц, имеющих высшее и среднее образование (как на первых, так и на вторых приходится по 0,1%). Подобное же явление наблюдается и среди осужденных за убийство в драке. Детоубийцы же не дали ни одной с высшим, ни даже с средним образованием. Наибольший % грамотных дают осужденные за убийство в драке (58,4); наименьший—детоубийцы (11,5). Последнее обуславливается тем, что главная масса детоубийц состоит из крестьянок, количество грамотных среди которых понижено. Общий % грамотных

убийц несколько ниже такого же $\%$ во всей преступности.

Подвергнем статистическому анализу сведения об осужденных за убийство, совершивших последнее в состоянии опьянения.

Таблица № 27.

Опьянение при совершении убийств

В и д ы у б и й с т в	$\%$
Умышленное убийство	5,7
Убийство в драке	12,1
Детоубийство	—
Всего убийств	7,6
Вся преступность	5,2

Приведенные данные позволяют судить о том, что убийство в нетрезвом виде совершается относительно редко ($7,6\%$), хотя этот процент и выше, чем во всей преступности. Но показанный в таблице $\%$, почерпнутый из официальных источников, не отличается большой точностью: в дореволюционной уголовной статистике «мы имеем дело с неточными данными, не соответствующими действительному числу алкоголиков среди осужденных, в особенности по делам общей юстиции»¹. Указанное обстоятельство подтверждается данными М. Н. Гернета² об обнаруженном влиянии алкоголя на преступность. Приведем эти данные в части, касающейся преступлений против жизни.

Таблица № 28.

Алкоголизм и преступность

Преступления против жизни	Казанск. губ.	Пензенск. губ.	Петерб. губ.	г. Петербург
Обнаруженный $\%$ влияния алкоголя	53,7	54,7	33,4	39,0

Эти данные говорят о значительном влиянии алкоголя на совершение убийств.

¹ Тарновский „Алкоголизм и преступность“ стр. 48. ЖМЮ за июнь 1908 г.

² „Моральная статистика“ стр. 207.

Но даже исходя из приведениях выше официальных чисел, мы можем констатировать, что влияние опьянения на совершение убийства повышено в сравнении с данными о всей преступности.

При анализе отдельных видов убийств мы находим, что наибольший % убийств, совершенных в пьяном виде, падает на убийство в драке. Это понятно. Указанное преступление в большинстве случаев происходит на каком-либо празднестве или пирушке, где употребляются спиртные напитки. Меньший % пьяных дает умышленное убийство. Ни одного % совершения в пьяном виде не дают детоубийцы. Последние совершают свое преступление обычно тотчас после родов, что исключает возможность нетрезвого состояния.

Процент убийств, совершенных единолично, почти вдвое превышает % убийств, произведенных в соучастии.

Таблица № 29.

Соучастие в совершении убийства

Виды убийств	Единолично	В соучастии	Итого
Умышленное убийство	65,1	34,9	100,0
Убийство в драке	59,3	40,7	100,0
Детоубийство	97,9	2,1	100,0
Всего убийств	63,7	36,3	100,0
Вся преступность	52,5	47,5	100,0

Как мы видим из приведенных данных, соучастие в убийстве распространено меньше, чем в других преступлениях: в то время, как % соучастия во всей преступности равен 47,5, в убийстве он составляет 36,3; минимальный % падает на детоубийства (2,1). Наоборот, убийства в драке на 40,7 % совершаются в соучастии что становится понятным, если принять во внимание обычную обстановку этого преступления.

VI.

Из осужденных за убийство в 1913 году, 764 человека имеют прошлую судимость, что составляет 10,6% общего числа. Процент же рецидивистов ¹ во всей преступности равен 22,5%. Таким образом, удельный вес рецидива среди осужденных за убийство невелик.

% женщин среди убийц с прошлой судимостью в шесть раз ниже, чем среди убийц, имеющих первую судимость. В первом случае на женщин падает 0,9%, во втором 5,5%.

¹ Общий и специальный рецидив.

Сравним имеющиеся у нас данные о возрасте рецидивистов и первичных преступников среди убийц.

Таблица № 30.

Возраст и рецидив в убийстве

В о з р а с т	Рецидивисты	Первичные преступники
до 17 лет	1,1	2,8
от 17—21 г.	9,5	21,1
„ 21—25 лет	18,9	19,4
„ 25—30 „	26,4	21,4
„ 30—40 „	27,5	21,4
„ 40—50 „	11,4	8,6
„ 50—60 „	3,9	3,9
свыше 60 „	1,3	1,4
Итого	100,0	100,0

В возрасте до 21 года 0/0 рецидивистов вдвое меньше 0/0 однократных преступников. В период же от 21 до 40 лет преобладают лица, обладающие прошлой судимостью. Повышенный 0/0 рецидивистов наблюдается и в возрасте 40—50 лет. Свыше указанного возрастного периода 0/0 тех и других становится примерно одинаковым. Таким образом, наибольший 0/0 рецидивистов среди осужденных за убийство падает на зрелые годы, наименьший же—на молодые возрасты.

Сопоставим статистические сведения о социальном составе рецидивистов и лиц с первой судимостью среди убийц.

Таблица № 31.

Социальное положение убийц в связи с рецидивом

Социальное положение	Рецидивисты	Первичные преступники
Крестьяне	22,1	36,1
С.-х. рабочие	29,8	29,1
Чернорабочие	9,6	3,5
Рабочие	21,3	11,5
Лица, принадл. к нематер. производству	1,4	2,7
Торгово-промышленники	8,1	8,3
Прочие	7,7	8,8
Итого	100,0	100,0

Анализируя приведенную таблицу, мы находим, что осужденные крестьяне дают меньший, нежели первичных преступников, % убийц с прошлой судимостью.

Аналогичная картина наблюдается среди лиц, имеющих отношение к нематериальному производству. Между ними % рецидивистов вдвое ниже % однократных преступников. Обратное явление имеет место среди осужденных за убийство фабрично-заводских рабочих и чернорабочих.

Первые дают почти вдвое больший % рецидивистов, чем однократных преступников. Вторые поставляют лиц с прошлой судимостью в 2 с лишним раза чаще, чем однократные преступники. Осужденные за убийство сельско-хозяйственные рабочие дают равный % рецидивистов и однократных преступников.

Максимальный % рецидивистов встречается в умышленных убийствах. Затем идут убийства в драке. И лишь последнее место принадлежит в этом отношении детоубийству, % рецидивистов в котором почти в 7 раз ниже, нежели в умышленных убийствах.

VII.

Так как сравнение современных данных об убийцах с такими же довоенными данными осуществимо лишь по небольшому числу показателей, то нам кажется целесообразным подвести основные итоги проделанному выше анализу.

Прежде всего, следует отметить, что убийства составляли около $\frac{1}{12}$ всей массы преступности, прошедшей через окружные суды; удельный вес убийств в деревенской преступности был в $2\frac{1}{2}$ раза выше, нежели в городской преступности.

Участие женщин в убийстве меньшее, нежели участие их во всей преступности; в убийстве же мы находим женщин в двадцать раз меньше, чем мужчин.

Наиболее распространенным возрастом убийц является возраст от 17 до 40 лет. Сравнивая распределение правонарушителей по возрастам—во всей преступности и убийствах, мы находим, что в последних несколько повышен % участия пожилого возраста.

По социальному составу убийцы дают преобладание крестьян и сельских рабочих и, в известной степени, фабрично-заводских рабочих; на остальные социальные группы приходится около 20%. Сопоставляя социальный состав убийц и всех преступников, мы отмечаем, что среди первых больший % крестьян и сельских рабочих, и несколько пониженный, по сравнению с общей массой преступности, % фабрично-заводских рабочих и другого городского населения.

В семейном положении убийц надлежит быть отмеченным тот факт, что в противоположность более или менее однообразному распределению мужчин—холостых, женатых и вдовых во всех группах убийств, семейное положение женщин—убийц чрезвычайно различно в детоубийстве, где девицы составляют $\frac{2}{3}$ всех осужденных, в умышленном убийстве, где вдовы и разведенные составляют $\frac{1}{3}$ и, наконец, в убийстве в драке, где $\frac{2}{3}$ осужденных женщин состоит из замужних.

Образовательный уровень убийц мало чем отличается от общей массы преступного мира: почти равные числа грамотных и неграмотных и ничтожные числа лиц со средним и высшим образованием; характерно все же, что со средним и высшим образованием среди убийц мы находим лишь 0,2%, а среди всех осужденных общими судами—0,9%.

Несмотря на дефектность данных русской довоенной уголовной статистики, касающихся влияния алкоголизма на преступность, все же можно констатировать, что этот фактор играл в этиологии убийств большее, нежели в большинстве других преступлений, значение.

Последнее, что следует отметить, это значительный пониженный в убийствах % рецидива—в два раза по сравнению со всей преступностью; максимальный % рецидива падает на умышленное убийство, минимальный—на детоубийство.

Таковы основные черты убийств в дореволюционной России. Эти черты, как нам кажется, следует учитывать при анализе современного состояния убийства, исследованию которого посвящен ряд других статей настоящего сборника,—независимо от того, возможно или нет непосредственное статистическое сравнение тех и других данных.

Переходя к сопоставлениям убийств в 1913 и 1924 году, напомним сказанное в начале настоящей работы об известной условности такого рода сравнений.

Однако, в тех случаях, когда различия в современной и дореволюционной преступности велики, эта условность делается меньшей, и создается возможность учесть основные тенденции развития.

Прежде всего, остановимся на соотношении городской и сельской преступности; в 1913 г. на город приходилось 14,7% осужденных за убийство и на деревню—85,3%.

В 1924 году это соотношение несколько меняется: на город падает 12,1% осужденных за убийство, а на деревню—87,9%. Таким образом, должна быть отмечена в настоящее время тенденция к возрастанию удельного веса деревенских убийств.

Обращаясь к рассмотрению полового состава убийц в 1924 году, находим следующие цифры:

Таблица № 32.

Половой состав убийц

П о л	1913 г.	1924 г.
Женщины	5,5	14,8
Мужчины.	94,5	85,2
Итого . . .	100,0	100,0

Следует отметить значительное возросшее участие (почти в 3 раза) женщин в убийстве, что, повидимому, является продолжением процесса, начавшегося значительно раньше. Так М. Н. Гернет приводит следующие % % женщин, осужденных за преступления против жизни: в 1913 г.—10,4⁰/₀, в 1914г.—17,1⁰/₀, в 1915 г.—28,4⁰/₀ и в 1916 г.—33,4⁰/₀. Следует отметить, что роль женщины в убийстве повышалась не только относительно, но и абсолютно.

Таблица № 33.

Возрастной состав осужденных за убийство

В о з р а с т	1913 г.	1924 г.
до 18 лет	2,6	4,7
от 18—24 лет	39,0	35,3
„ 25—29 „	21,7	19,4
„ 30—39 „	21,8	21,6
„ 40—49 „	8,9	10,9
„ 50—59 „	3,8	5,2
свыше 59 „	2,1	2,9
Итого . . .	100,0	100,0

При сопоставлении возраста осужденных за убийство в дореволюционной России и у нас, мы должны констатировать увеличение числа убийств, совершаемых в возрасте до 18 лет. Так, в 1913 году % убийств со стороны лиц указанного возраста равнялся 2,6, тогда как в 1924 году этот % возрос до 4,7, т.-е. почти вдвое.

Несколько, правда незначительно, увеличился и % убийств, совершаемых в пожилом возрасте (от 40 лет). В остальном же, распределение убийц по возрастам почти не изменилось.

Таблица № 34.
Социальный состав осужденных за убийство

Социальное положение	1913 г.	1924 г.
Крестьяне	66,1	66,4
Рабочие	16,6	5,9
Кустари	4,3	1,9
Торгово-промышленники	3,7	0,9
Служащие	2,6	6,5
Прочие	6,7	18,4
Итого	100,0	100,0

Сравнивая социальный состав осужденных за убийство в 1913 и 1924 г.г. мы видим, что основной кадр убийц по-прежнему состоит из рабочих и крестьян. Но, в то время, как участие последних в убийстве дает в 1924 году тот же $\%$, что и в дореволюционное время, участие рабочих резко снижается: с 16,6 в 1913 году он упал до 5,9 в 1924 г., т.-е. почти втрое.

Наблюдается большое сокращение среди осужденных числа кустарей (более чем в два раза). Но особенно сильное снижение $\%$ наблюдается среди лиц, принадлежащих к торговле и промышленности: участие последних в 1924 году стало вчетверо меньшим, нежели в 1913 году. Не следует, однако, упускать из виду, что число торговцев и промышленников в 1924 г. вообще сильнее всего сократилось по сравнению с 1913 годом. Среди служащих констатируется обратное явление: $\%$ их в убийстве возрос в 1924 г. более, чем вдвое.

VIII.

Говорить о какой-либо единой и ясной тенденции развития убийств в течение всего исследуемого периода, повидимому, не приходится. Если в период довоенный динамика убийств шла к снижению, то наряду с этим ряд явлений, развивавшихся параллельно убийствам, как-то все виды насильственных смертей, смертность рабочих на предприятиях, а также и кровавый террор буржуазии, были настолько стабильны или даже росли, что снижение кривой убийств вовсе не характеризует собой менее преступное, нежели раньше, отношение к жизни—главным образом жизни пролетариата. С другой стороны, значительное увеличение числа убийств в САСШ, России, а отчасти и Франции,

имевшее место в предвоенном периоде, также заставляют нас воздержаться от констатирования единого процесса сокращения кровавой преступности во всех или в большей части стран.

Но если даже принять, со всеми этими оговорками, что общей тенденцией развития убийств в довоенную эпоху было сокращение их в той или иной степени, то в период империалистической войны, а в особенности после нее, понижательная тенденция не только приостановилась, но заменилась несомненно значительной тенденцией роста.

Таким образом, империалистическая война явилась определенным рубежом, сыгравшим, быть может, решающую роль в резком увеличении числа убийств, и мы даже сейчас затрудняемся сказать, в течение какого периода времени это влияние будет ощутительным.

Обострение классовых противоречий в XX веке, вызвавшее также и рост индивидуальных конфликтов, нашло себе отражение и в росте убийств. Если в предыдущую эпоху снижение кривой убийств многими криминалистами объяснялось ростом «цивилизации», «культурности», «грамотности населения» и т. д. и т. д., то теперь под влиянием обострения классовых противоречий, под влиянием последствий войны, процесса загнивания капиталистического общества, значение старых «факторов» убийств в значительной степени сведено на нет, и ныне убийства, действительно, не обнаружили тенденции к сокращению, более или менее значительному.

Иными причинами был обусловлен повышенный уровень убийств у нас.

Полученная С. С. С. Р. в наследие от старого тенденция роста преступности приобрела значительное подкрепление в виде последствий империалистической и гражданской войн, в большей степени, нежели это имело место на Западе, где население раньше перешло на «мирные рельсы». Ломка старых общественных отношений, возрастание индивидуальных коллизий на почве борьбы за новый советский быт—в широком смысле слова—эти моменты сыграли, быть может, и решающую роль в увеличении числа убийств в первые годы революции при несомненном и значительном в сознании масс обесценении человеческой жизни.

«Революция,—говорит Н. И. Бухарин¹,—опрокинула старые людские связи и старые нормы, не сразу вырабатывая новые нормы отношений, а, с другой стороны, война, гражданская война, бедствия голодного времени, закаляя лучшие элементы пролетариата и вызвав героические подвиги масс, в то же время разложили ряд промежуточных прослоек, обострив здесь «борьбу

¹ „Революция и культура“, 1927 г., № 2, стр. 9.

всех против всех», разнуздав «личность», боровшуюся за полено дров и кусок хлеба, доведя индивидуализм в этой среде до цинического предела, граничащего с полной антиобщественностью».

Констатируя различия в причинах роста убийств в СССР и за границей, а также отмечая наиболее характерные черты различий в убийстве до войны и в настоящее время, мы тем самым приближаемся к возможности дать прогноз дальнейшему направлению кривой убийств.

Стабилизация новых бытовых отношений, изживание последствий войн наряду с сильным ростом новой культуры—эти моменты, не действительные в качестве факторов борьбы с убийствами в буржуазных странах, в силу противоречивости самой буржуазной культуры,—в СССР, в связи с ростом социалистического строительства, послужат могучими факторами в борьбе с преступностью, вообще, и убийствами, в частности.

УБИЙСТВА и СУДЕБНАЯ БОРЬБА С НИМИ

Стало избитой истиной, что судебный приговор не является единственным средством борьбы с преступностью. Сложная сеть причин порождает преступность, и для реальной борьбы с ней нужно не только усиление судебной репрессии по отдельным видам преступлений, но необходима целая система экономических и культурных мероприятий, способных эти причины уничтожить. В первую очередь требуется подробное изучение тех корней преступности, которые вызывают, питают и содействуют развитию преступности. Правильно поставленное дело изучения преступности имеет поэтому не только огромный научный интерес, но представляет большую практическую ценность, дающую возможность судье правильно разрешить дело о том или ином преступлении. Нельзя поэтому не приветствовать инициативы Московского Кабинета по изучению личности преступника и преступности, представляющего в настоящей работе капитальное исследование одного из тех преступлений, которое всегда особенно сильно действует на общественность, вызывает естественное возмущение и обуславливает собой обычно требование самых суровых наказаний для преступника. Для практического судебного работника этот труд по изучению убийства имеет и должен иметь огромное значение.

Суд является той последней инстанцией, куда в конце-концов приходят убийцы держать ответ за совершенное. Здесь проходят все те, ужасные действия которых взволновали общество; перед судом стоят они—эти страшные убийцы и ждут своей участи.

Кто же они? Звери, никогда не знавшие сострадания к человеку, не понимающие и не чувствующие своей связи с общественным коллективом, раздираемые только голыми звериными инстинктами и ими руководимые,—или обыкновенные люди, потерявшие под влиянием тех или иных причин, того или иного тяжелого стечения обстоятельств свое нормальное состояние, пережившие паралич нравственного чувства, ввергший их в состояние зверя? Как часты в судебной практике случаи, когда убийство, поражающее своей жестокостью, является делом рук

обычного человека, ничем не выделяющегося из среднего нормального уровня, человека не только не звероподобного, но даже доброго и мягкого.

Как поступить в этом случае с преступником? Какую меру социальной защиты избрать для него? Подвергнуть ли его длительной изоляции, надолго изъять его из общества, или применить к нему меры воспитательного характера? Как сочетать социально-опасные действия, им совершенные, с той абсолютной социальной безвредностью, которую он собой представляет в нормальных условиях, вне тех обстоятельств, которые вывели его из обычного состояния? Как определить, не стоит ли данный субъект, по психическому своему состоянию, на той грани, когда он становится носителем известной социальной опасности и при малейших житейских столкновениях может эту грань перейти и дать преступный эффект?

Эти и целый ряд других вопросов встают перед каждым судебным работником, и разобраться в них необходимо.

Попытаемся, используя материал, собранный в настоящем труде, наметить те основные линии, по которым должна идти карательная политика наших судебных органов в деле борьбы с убийствами.

Основным и первостепенным вопросом, который должен встать перед каждым судьей, разбирающим дело об убийстве, должен быть вопрос о том, к какой социальной среде принадлежит субъект преступления, является ли он жителем города или жителем деревни. Правильное разрешение этого вопроса гарантирует верную перспективу всего дела и предопределяет тот характер меры социальной защиты, которая должна быть применена к данному делу. Причины этого понятны.

Убийства, вызванные даже одними и теми же причинами, видоизменяются в зависимости от социальной среды, из которой происходит данный убийца; по иному они освещают поведение его и определяют ту социальную опасность, которую данный убийца представляет. В свою очередь место происхождения преступника — городской ли это убийца или деревенский — является для суда фактом не безразличным при определении мер социальной защиты.

Огромная разница существует между убийцей городским и деревенским. Житель деревни является, как правило, примитивным убийцей, над которым тяготеет, как верно замечает Е. К. Краснушкин, еще неизжитый в деревне первобытный уклад жизни, первобытные нравы крестьянской среды. Деревенский житель еще поныне знает только один способ защиты, один способ реакции — это физическая сила, которую он применяет во всех случаях, когда он считает необходимым реагировать на возмущившее его явление окружающей жизни. Веками воспитанное

в нем невежество и варварство с большим трудом уступает место культуре, просвещению. Очень медленно пробиваются в толщу крестьянской жизни ростки нового быта, новых нравов, новой культурной жизни. Деревенский убийца поэтому по преимуществу является не тем социально-опасным элементом, в отношении которого должна быть принята суровая и жесткая мера социальной защиты. Судебная политика здесь должна быть иная: некультурность, грубость и темноту нельзя лечить мерами судебной репрессии—тут нужно применить меры воспитательного характера, для которых наша пенитенциарная система в достаточной мере приспособлена. Деревенского убийцу, совершившего преступление впервые,—а статистика показывает, что деревенские убийства не знают рецидивов—надо поставить в такие условия, которые способны были бы перевоспитать его, привить иные навыки, дать иное направление его здоровым инстинктам, приучить его уважать человеческое достоинство, человеческую личность, считаться с ней и подчинять свою волю воле коллектива.

Совершенно иной подход должен быть к городскому убийце. Город очень быстро отрывает человека от первобытных навыков деревни, бросает его в водоворот кипучей жизни, втискивает его в коллектив и делает частицей огромного целого, которому он должен подчиниться и без которого он существовать не может. Общественные инстинкты развиваются здесь быстрее и сильнее, и если житель города совершает убийство, то вопрос о социальной опасности его всегда приобретает особую актуальность, т. к. указывает на склонность данного лица к агрессивным реакциям, в которых он видит единственный исход из тех тяжелых условий, которые создались для него городской жизнью. Суд должен поэтому в каждом отдельном случае, нередко пользуясь научной экспертизой, разобраться в личности убийцы, и мера социальной защиты должна быть в отношении его избрана такая, чтобы она давала реальную гарантию действительного исправления преступника.

Выяснив социальную среду, из которой происходит убийца, определив, стоит ли перед ним убийца городской или деревенский, суд должен изучить те причины, которые вызвали данное убийство, ибо только правильное установление причины убийства даст возможность суду правильно применить меры социальной защиты.

Анализ уголовных дел, прошедших в Московском Губернском Суде, дает возможность (см. ст. В. Д. Меньшагина) указать чаще всего встречающиеся причины убийств. К этим причинам относятся: ревность, месть, семейные ссоры, пьянство, корысть. Само собой понятно, что разные причины убийств должны встретить разные оценки у суда, разное отношение к убийце и сопровождаться различными мерами социальной защиты.

Пролетарский суд в этом отношении выработал довольно устойчивую практику; попытаемся эту практику подытожить.

Ревность является самой распространенной причиной, порождающей убийства. Из всех дел, об убийствах, прошедших в Моск. Губсуде, убийства из ревности составляют самое большое количество и достигают более $\frac{1}{3}$ всех этих дел.

Чрезвычайно разнообразны те поводы, в силу которых убийца, руководимый ревностью, совершает это преступление. Тут обида на жену, которая после развода не продолжает с разведенным мужем сожительства, тут подозрение в супружеской неверности, тут месть разлучнице и т. д., и т. п., но, несмотря на все разнообразие поводов, отличительной чертой всех этих дел является та крепостническая, частно-собственническая точка зрения на женщину, брак и семью, которая так характерна для буржуазного общества. Жена, по старым понятиям, сохранившимся еще от времен Домостроя, является неравноправным членом семейства: ее воля, ее чувства должны быть подчинены воле и чувству мужа, который является господином в семье и может делать с женой, что ему угодно. Раскрепощение женщины встречает на своем пути противодействие со стороны таких мужей, как равно и женщина не всегда еще может примириться, если муж оставляет ее и заводит новую семью. Эти причины обуславливают собой убийства из ревности.

Как должен реагировать суд на преступления этого рода? На этот вопрос дается ответ в нашем Уголовном Кодексе. ст. 136 в числе признаков, квалифицирующих убийство, знает и ревность и дает возможность суду довести наказание за убийство из ревности до 10 лет. Только в исключительных случаях, когда убийство из ревности явилось в результате внезапно возникшего сильного душевного волнения, вызванного насилием или тяжелым оскорблением потерпевшего, наказание устанавливается значительно пониженное (ст. 138 УК).

Линия нашего суда в этом отношении вполне выдержанная. Являясь органом, воспитывающим трудовые массы, проводящим новое правосознание, пропагандирующим новую пролетарскую мораль, наш суд сурово и жестко карает убийц, совершивших убийство из ревности. 34,5% всех осужденных за этот вид убийств приговариваются к лишению свободы на сроки от 6 до 10 лет. Тут очень мало условных приговоров (всего 11%), и безусловное лишение свободы является обычной мерой социальной защиты. Надо думать, что и впредь эта судебная политика должна быть столь же строго и неуклонно выдержанной.

Месть, как причина убийства является также не редкой гостьей в хрониках судебных дел, и по численности своей дела этого рода занимают 13,5% всех дел об убийствах.

Теряясь своими корнями в глубокой старине, беря свое начало в седых обычаях кровавой мести, эта причина является стимулом преимущественно убийств деревенских.

Обиженный крестьянин, воспитанный в твердом убеждении, что законное право свое он может защитить только своей физической силой; уверенный, что надобно устрашить обидчика или его родичей для достижения своих целей,—он прибегает к мести всегда, когда его действительное или мнимое право, по его мнению, нарушено. Нередко месть переходит в жестокие формы самосуда, вовлекает целые деревни и принимает очень опасный массовый характер.

Несомненно, недостаточное укрепление революционной законности, бюрократические извращения, существующие в наших органах власти в деревне, способствуют возникновению этих преступлений. Чем ближе станет власть к населению, чем осязательней почувствует крестьянин, что защиту его законных прав берет на себя власть, им самим выбранная, тем реже, надо думать, будут происходить убийства из мести.

Но пока-что месть продолжает играть значительную роль среди факторов убийства и является серьезной помехой укреплению революционного правопорядка, и судебная политика должна быть неуклонно выдержанной, достаточно строгой и жесткой. Идя параллельно с работой по поднятию культурного уровня деревни, судебная политика своими обще-превентивными задачами сумеет удержать многих от этого дикого, варварского и низменного побуждения и заставит крестьянство и в отсталой его части обращаться чаще за защитой своих прав к законной власти.

Наш суд считает убийство из мести сугубо социально-опасным явлением, с которым борьба должна быть твердой и решительной, вполне правильно полагая, что здесь не может быть места снисхождению.

Статистические данные и тут чрезвычайно характерны: очень незначительный процент условных приговоров (11,4) и постепенное повышение срока безусловного лишения свободы. Наивысший процент (33,2) достигает репрессия в виде лишения свободы на срок от 3 до 5 лет.

Несомненно, что эта судебная политика и впредь не будет изменяться; она должна иметь своим последствием полное уничтожение этого рода убийств.

Семейные ссоры, как равно и пьянство, дают также огромный процент убийств. Тяжелые квартирные условия, в которых живет большинство городского населения, скученность и переуплотненность порождает постоянные нелады, конфликты и ссоры, которые иногда доходят и до убийства. До сих пор еще в известной части населения не проникло сознание необходимости строить жизнь на началах нового быта. Эгоистиче-

ские, индивидуалистические тенденции, привычка к своему дому, к своей мебели, к своим вещам еще очень сильны у отдельных лиц, и при тяжелых квартирных условиях современной городской жизни дают те эксцессы, которые мы иногда наблюдаем в судебной практике. Из-за примуса, из-за очереди к ванной комнате затевается ссора, сначала мелочная, нелепая, потом она разрастается, вовлекает всех квартирантов и превращается в дикую драку, заканчивающуюся к удивлению всех убийством.

Таков же характер убийств, являющихся результатом деревенских семейных ссор, возникающих, главным образом, при разделах имущества. И тут зачастую ничтожные причины, неравномерный дележ имущества раскалывает семью на два лагеря; вспыхивает дикая ссора между членами одного и того же семейства, заканчивающаяся нередко убийством.

Если в городских ссорах объектами убийств являются посторонние убийцам лица, то тут в деревенских ссорах чаще всего жертвами являются ближайшие родственники убийцы. Очень часто такие ссоры принимают угрожающий характер под влиянием алкоголя. Обиженный, обойденный, по его мнению, дележом, крестьянин «с горя» выпивает и с пьяных глаз не видит и не понимает, что делает. Такой убийца после совершения преступления искренно недоумевает, как могло случиться такое несчастье, он глубоко раскаивается и открыто признает свою вину.

Алкоголь, к сожалению, является не только причиной семейных ссор—он до сих пор еще тяготеет злым роком, как тяжелое наследие проклятого прошлого, над нашей деревней, уносит много жизней, разрушает благосостояние многих крестьян и порождает убийства. Рука об руку с пьянством идет хулиганство, дикое, подчас нелепое, срывающее все культурные начинания молодой советской общественности и увеличивающее также число причин, вызывающих убийства.

Какая мера социальной защиты должна быть применена к виновникам этих преступлений?

Было бы ни с чем не сообразно, если бы тут судебная политика наша шла по пути строгих и жестких репрессий. Убийцы этой категории—не считая злостных хулиганов,—люди не социально-опасные. Это обычно трудолюбивые мирные люди, под влиянием алкоголя впавшие в беду. Тут требуется огромная, непрекращающаяся культурная работа в деревне, особенно среди молодежи; работа эта должна направить энергию растущей активности деревни в разумную сторону, отучить молодежь от диких нравов и дать правильное приложение этой энергии к общественной жизни.

Суд должен в этом случае использовать меры предупредительного характера, меры воспитательные, которые одни могут дать необходимый и желанный эффект.

Корысть, как причина убийства, занимает сравнительно небольшое место в числе дел об убийствах; чаще всего этот мотив встречается в городах, где он почти всегда принимает сугубо социально-опасный характер и требует от суда мер суровых и решительных.

Убийцы из корысти—это по-преимуществу рецидивисты, пришедшие к этому преступлению после целого ряда имущественных преступлений. Вступив на путь убийств, эти преступники редко могут остановиться и постепенно делаются убийцами-профессионалами.

Социальное происхождение этих убийц чрезвычайно разнообразно, но главный кадр их составляет деклассированный элемент города, окончательно выбитый из нормальной житейской колеи и давно уже прельщенный «прелестями» преступной жизни.

В эту группу преступников попадают иногда и безработные, дошедшие нуждой и длительной безработицей до последней черты.

В отношении убийц этой категории наш суд ведет строгую карательную политику, правильно расценивая эти преступления, как особо-социально опасные. Для корыстных убийц наш суд, как правило, избирает всегда длительное лишение свободы. Другой меры репрессии здесь и не может быть. Строго организованная система физического труда, соединенная с не менее суровой, но разумной дисциплиной может еще, быть может, спасти тех из них, у которых разлагающие начала преступной среды не совсем вытравили возможность приноровления к нормальному человеческому общежитию. Для убийц, совершивших убийство из корысти, наш суд почти не знает условных приговоров (они составляют лишь 1,6% к общему числу вынесенных приговоров); типичной мерой защиты является здесь безусловное лишение свободы; сроки в достаточной мере высоки: 91% всех приговоров имеют лишение свободы от 3-х до 10-ти лет.

Судебная практика знает еще одну группу убийств, которая по своим мотивам стоит близко к преступлениям политическим,—мы говорим об убийствах селькоров, коммунистов и вообще активистов деревни. Субъектами этих преступлений являются, главным образом, представители чуждого нам класса, враги пролетариата. Кулак, нэпман, обиженный тем, что его разоблачают в газете, что его оттирают от общественной жизни, чувствуя, что экономическое благосостояние его зыблется, уходит из-под ног прочный базис его, прибегает к мести, к самосуду. Таких дел у нас теперь не много, но они всегда являются достаточно серьезными и требуют суровой и жесткой репрессии.

Было время, когда такие преступления совершались сравнительно часто, но рост сознательности деревни, рост деревенского

актива сводит их на нет. Тем не менее пролетарский суд должен всегда зорко следить за классовым врагом, и во всех тех случаях, когда этот враг проявляет себя во вред диктатуре пролетариата, он должен опустить на него свою беспощадную руку.

В совершенно особую группу должно быть выделено детоубийство. Дела этого рода имеют ряд специфических особенностей, которые диктуют необходимость самого внимательного отношения к ним. Раньше всего, на что следует обратить внимание при изучении детоубийства, это — непрерывный рост этих дел.

Занимая значительное место среди дел об убийствах вообще, они обнаруживают, кроме того, определенную тенденцию роста. По данным, напр., Мосгубсуда¹ детоубийство составляет 28% общего числа дел об убийствах и растет ежегодно. Так, в 1926 г. обвинительных приговоров было вынесено по этого рода делам — 49, в 1927 году — 66, а первая половина 1928 г. показывает, что тенденция роста продолжается.

Этот рост внушает серьезную тревогу и заставляет задуматься над тем, можно ли исключительно судебной репрессией бороться с этим явлением. Недостаточность одних только судебных мер борьбы делается особенно очевидной, если принять во внимание, что, во-первых, большинство осужденных (59%) — это крестьянки, живущие в деревне или только недавно прибывшие в город и сохранившие в полной неприкосновенности свою крестьянскую психологию; во-вторых, что все эти убийцы — молодые женщины (65% в возрасте от 18 до 25 лет); в-третьих, что все они — люди малосознательные, некультурные и темные (79,5% из них неграмотные) и, в-четвертых, — что самое важное — большинство матерей-детоубийц (82%) не имеет никакого самостоятельного заработка и находится полностью на иждивении родителей.

Совокупность этих обстоятельств создает неимоверно тяжелые условия для молодой женщины-крестьянки, родящей вне брака, и она скорее идет на то, чтобы совершить преступление, нежели сделаться предметом издевательства и насмешек окружающих. Судебная практика показывает, что убийцами являются женщины, родящие впервые; самые роды происходят без посторонней помощи, ибо и самый факт беременности тщательно скрывается от окружающих; убийство обыкновенно происходит либо в самый момент появления ребенка, либо через один-два дня после его рождения; излюбленный способ убийства является удушение, с последующим зарытием ребенка тут же в сарае, где происходили роды.

¹ Цифры взяты из отчета Уг. Отделения Мосгубсуда.

Невежество, темнота играют здесь определяющую роль, ибо, как правило—что видно из материалов судебного разбирательства—такая мать совершенно не знает тех законов, которые установила советская власть для защиты матери и ребенка.

Ясно, что к матерям-детоубийцам должно быть сугубо осторожное отношение со стороны суда. Не судебные меры репрессии, а культурные мероприятия должны быть призваны на борьбу с этим преступлением. «Линия карательной политики,—говорит Верховный Суд РСФСР в своем инструктивном письме от 31/1—28 г.,—в отношении матерей-детоубийц в бытовой обстановке должна проводиться с учетом всех смягчающих обстоятельств, при которых совершено убийство, а также и с учетом того обстоятельства, что борьба с этим явлением должна вестись не столько путем судебных репрессий, сколько мерами экономического и культурного порядка».

Это указание Верховного Суда в достаточной мере упрочилось в нашей судебной практике, которая избрала обычной мерой соц. защиты для таких детоубийц условное осуждение. В Мосгубсуде условные приговоры составляют 70% всех выносимых по этим делам приговоров.

Но, если суд не должен применять суровой репрессии в отношении бытовых детоубийц, то органы следствия и суда обязаны принимать все меры для того, чтобы расследовать роли отцов при убийстве матерью ребенка:

«Судебная практика,—указывается в цитированном письме Верховного Суда,—знает случаи, когда убийство ребенка матерью явилось результатом отказа отца оказать материальную поддержку находящейся в нужде матери, что по своему существу должно рассматриваться, как явление социально-опасное».

Таковые общие черты карательной политики суда по делам об убийствах. Правильный подход к правонарушителю, изучение многообразия мотивов преступления и социального облика правонарушителя является неотъемлемой частью нашей судебной политики. Можно безошибочно сказать, что дальнейшие пути развития карательной политики будут направлены на еще большее индивидуализирование применения мер социальной защиты. И в этом деле научное изучение личности преступника и преступности сыграет весьма существенную роль, давая направляющие пути судебной и пенитенциарной политике, а в каждом конкретном случае и возможно более обоснованный социальный прогноз личности преступника. Постановление ВЦИК и СНК о карательной политике, отметившее, между прочим, в качестве одного из достижений «организацию научного изучения преступника и преступности», тем самым намечает и новые пути построения судебной и пенитенциарной политики.

СЛОВАРЬ СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕРМИНОВ.

А.

Absence — малые припадки эпилепсии, протекающие без судорог, а заключающиеся в кратковременном (1—3 мин.) расстройстве сознания.

Агрессивный — склонный к насильственным действиям над окружающими людьми.

Адекватный — соответствующий внутреннему смыслу, содержанию.

Амнезия — выпадение из памяти некоторых событий или переживаний.

Амбивалентность — одновременное сосуществование в психике двух противоположных установок (напр., любовь и ненависть в отношении одного и того же лица).

Анамнез — данные о прошлой жизни и заболеваниях исследуемого лица.

Анестетик — личность с шизоидным (см.) темпераментом, отличающаяся душевной тупостью, бесчувственностью.

Анэтический симптомокомплекс — совокупность признаков, характеризующих аморальность.

Ассоциативный эксперимент — один из методов психо-анализа, т. е. анализа на основе изучения подсознательного в психике, предложенный цюрихским психиатром Юнгом и состоящий в назывании исследуемому лицу ряда слов — раздражителей, на которые последнее отвечает вызванными в его сознании словами — ассоциациями.

Астеник — тип телосложения, характеризующийся тонкими удлинёнными формами тела, вытянутой узкой грудной клеткой, узкими плечами, длинными конечностями и др.

Аутизм — уход от реального внешнего мира в свой внутренний, часто фантастический мир. Отсюда — аутичный, аутистическое мышление и др.

Аффект — такое напряжённое состояние чувств, при котором руководство поведением принадлежит последним.

Аффект-эпилепсия — один из подвидов эпилепсии, характеризующийся возникновением эпилептических припадков только по поводу аффективных переживаний и особым складом личности.

Б.

Базедова болезнь — заболевание щитовидной железы, выражающееся в ее усиленной деятельности, что ведет к некоторым физическим (пучеглазие, учащенное биение сердца и др.) и нервно-психическим (раздражительность) явлениям.

В.

Вегетативная нервная система — часть нервной системы, заведующая независимыми от сознательной воли автоматическими растительными функциями внутренних органов (сердца, желудка и др.).

Г.

Габитус — внешний облик.

Галлюцинация — ложное восприятие без внешнего раздражителя и объекта.

Гебоид—тип больного характера с явлениями тупости душевных чувств и причудливым мало понятным для окружающих поведением; представляет собою подвид шизоидного психопата (см.).

Гиперэмотивность—повышенная чрезмерная эмотивность (см.).

Гиперэстезия—повышенная чувствительность.

Гипертрофия—чрезмерное болезненное разрастание.

Гипоманиакальный—находящийся в длительном состоянии повышенного, веселого настроения, повышенной психической деятельности.

Грацильный—нежный, тонкий, хрупкий.

Д.

Дебильность—легкая степень врожденной умственной отсталости.

Депрессия—состояние подавленности психической деятельности, сопровождающееся печалью, тоской, двигательной задержкой и задержкой мыслительных процессов.

Диатетическая пропорция—соотношение между основным веселым и грустным фоном настроения.

Дипсомания—болезнь, выражающаяся в периодических приступах влечения к спиртным напиткам.

Диспластик—неправильный тип телосложения.

Диссимуляция—скрытие каких либо симптомов болезни.

Е.

Enuresis nocturna—ночное недержание мочи.

И.

Импульсивность—склонность к немотивированным действиям в силу влечения.

Инстабль—тип безвольного, неустойчивого психопата.

Интолерантный—невыносливый.

Имбецилл—тяжелая степень врожденной умственной отсталости.

Инфантилизм—детский склад. физический или психический.

Истерия—ненормальная реакция, вызванная психическими переживаниями и могущая проявляться в сумеречных состояниях, припадках, потере сознания и др.

Истерические стигмы—признаки, встречающиеся у лиц со склонностью к истерическим реакциям.

К.

Катамнез—сведения о последующей судьбе исследуемого.

Кататимия—преобразование душевного содержания под влиянием чувств.

Кверулянт—сутяга.

Климакс—период развития женщины, связанный с остановкой половой функции (прекращение месячных, беременностей и т. д), обычно он падает на возраст 40—50 лет.

Комплекс—сложное психическое переживание с резкой аффективной окраской вытесняемого сознания.

Конstellация—стечение обстоятельств.

Конституция—общий строй физического и психического склада личности.

Конфабуляция—выдумка.

Криминодиспонирующий—предрасполагающий к правонарушениям.

Л.

Лактация—функционирование молочных желез в период кормления ребенка.

Лептозом—один из нормальных типов телосложения, крайним выражением которого является тип астеника (см.).

Либи́до (Libido)—напряжение полового влечения.

Лябильный—легко изменяющийся под влиянием внешних воздействий.

М.

Маниакально-депрессивный психоз—душевная болезнь, выражающаяся в периодических приступах душевной подавленности или, наоборот, возбуждения. Характерно для этой болезни выздоровление от каждого отдельного приступа

Маниакальное состояние—одна из двух фаз маниакально-депрессивного психоза (см.), характеризующаяся подъемом настроения, отвлекаемостью мышления и двигательным возбуждением.

Мастурбация—онанизм.

Меланхолическое состояние (депрессия)—одна из двух фаз маниакально-депрессивного психоза (см.), характеризующаяся подавленностью настроения, замедленностью мышления и заторможенностью движений.

Мифомания—болезненная склонность к измышлению, фантазированию.

Моторика—совокупность характерных черт двигательной сферы.

Moral Insanity—так наз. моральное помешательство.

Мышечный валик—валик, образующийся при постукивании мышцы. Встречается в юношеском возрасте и при некоторых физических и психических заболеваниях.

Н.

Навязчивые состояния—различные представления, чувства, навязчиво возникающие в психике больного, несмотря на то, что последний сознает их необоснованность и борется с ними.

Невротик—нервно-больной.

Неологизмы—образования новых слов.

Нозология—учение о формах болезни на основании течения и исхода болезни.

Негативизм—немотивированное сопротивление всякому внешнему воздействию.

О

Олигофрен—умственно-недостаточный (напр. дебил, имбецилл (см.).

Отреагирование—действенное изживание более или менее мучительных переживаний (комплексов—м).

П.

Парамнезии—ошибки воспоминаний.

Паранойя—душевная болезнь, характеризующаяся постепенным образованием уродливого бредового мирозерцания—так наз. бредовой системы, без распада личности.

Патологический аффект—аффект, вызывающий затемнение сознания и характеризующийся рядом телесных симптомов (обильный пот, изменение окраски лица и т. д.).

Пикник—тип телосложения, характеризующийся короткими конечностями, округлостью и упитанностью тела, обильным жировым слоем и т. д.

Потенция (potentia)—половая способность.

Пресбиофрения—форма старческого слабоумия, со своеобразным расстройством памяти.

Пресенильный—предстарческий.

Прогнатизм—выступление челюстей.

Прогредиентный—приводящий своим развитием к стойким изменениям.

Псевдогаллюцинация—обманы чувств, названные ложными в отличие от истинных галлюцинаций (см.) как не имеющие реальности последних и носящие характер только ярких представлений.

Псевдология—патологическая склонность ко лжи, фантазированию (тоже самое, что и мифомания).

Психостения—болезнь характера, с тревожной мнительностью, склонностью к навязчивым состояниям, нерешительностью и др.

Психопат—человек с уродливым характером.

Психотик—душевно-больной.

Психо-невроз—нервное расстройство, приобретенное в результате неблагоприятных внешних условий и душевных потрясений (неврастения, истерия).

Психэстетическая пропорция—соотношение между повышенной чувствительностью и равнодушием, тупостью душевных чувств.

Психогенный—вызванный психическими причинами.

Р.

Реактивный психоз—психоз, вызванный сильным психическим переживанием и излечивающийся с устранением вызвавшей его психической причины.

Регенерация—восстановление.

Резидуальный—остаточный, оставшийся в результате перенесенной болезни.

Резонерство—склонность к поверхностным, формальным, а не по существу, рассуждениям.

Ремиссия—временное улучшение в течении болезни.

Ригидность—жесткость, негибкость, твердость.

С.

Сенситивность—склад психики, выражающийся в склонности к образованию ложных идей отношения у людей, с неуверенностью в себе, застенчивостью, чувством собственной недостаточности, при неспособности внешне отреагировать (см.) свои переживания.

Сенильный—старческий.

Симптоматология—учение о признаках болезни.

Синдром—совокупность признаков, характерных для данного явления, предмета.

Синтонный—созвучный окружающему.

Соматоскопия—определение антропологического типа по телесным признакам, воспринимаемым простым осмотром.

Соматометрия—антропологическое исследование тела путем специального инструментального измерения.

Статус—психическое и физическое состояние исследуемого в момент исследования.

Ступор—наивысшая степень общей психической (особенно двигательной) задержки, состояние двигательного оцепенения.

Стационар—учреждение для клинического наблюдения (изучения).

Стенический—обозначает силу, напряженность (и постоянство этой напряженности) как физических, так и психических отправления организма.

Стереотипия—однообразное повторение одного и того же движения, действия и т. д.

Сублимирование—перенесение энергии влечений на более сложные интересы личности.

Суггестия—внушение.

Схизофрения, схизофреник—см. шизофрения, шизофреник.

Т.

Тесты—психологические задачи для исследования психических способностей (напр. картинки, рассказы, арифметические задачи), при помощи которых исследуется память, внимание и др.

Торпидный—вялый неповоротливый.

Травма—(физ) удар, (псих.) душевное потрясение.

Тремор—дрожание.

Ф.

Фобия—навязчивый страх в отношении определенных предметов, действий (напр. страх толпы, перехода через улицы и площади и т. п.).

Ц.

Циркулярный психоз—см. маниакально-депрессивный психоз.

Циклоид—психопатическая личность, обнаруживающая родство по основным чертам психического и физического склада с маниакально-депрессивным психозом.

Циклотимик—нормальный гармоничный тип характера, построенный на основе сходства важнейших психических черт с циклоидом, у которого эти черты являются уродливыми.

Ш.

Шизофрения—душевная болезнь с галлюцинациями, бредовыми идеями, своеобразным расщеплением психических процессов, приводящая в конечном итоге к общему, подчас глубокому изменению личности, вплоть до так наз. шизофренического слабоумия.

Шизоид—психопатическая личность, установленная по сходству психического и физического склада с шизофренией. Шизоид отличается резко выраженной замкнутостью, аутистическим (см.) и причудливым мышлением, странностями характера и др.

Шизотимик—нормальный, гармонический тип характера, построенный на основе сходства важнейших психических черт с шизоидом, у которого эти черты являются уродливыми.

Э.

Эквиваленты (при эпилепсии)—различные болезненные состояния, как-то: обмороки, сумеречные состояния, «мгновенные» расстройства сознания, наблюдающиеся у эпилептиков вместо настоящих припадков.

Экзогенный—вызванный внешними причинами.

Эксплозивный—вспыльчивый, впадающий по ничтожным поводам в резкое аффективное состояние.

Эмотивность—подвижность чувств.

Эндогенный—вызванный внутренними причинами.

Эндокринная система—система органов внутренней секреции (напр. половые железы, надпочечники и др.).

Энцефалит—воспаление вещества головного мозга.

Эпилепсия—болезнь, выражающаяся в судорожных припадках, сумеречных состояниях, потере сознания и др.

Эпилептиформный (припадок)—подобный эпилептическому.

Эпилептоид—психопат, напоминающий по своему психо-физическому складу эпилептика.

Эпилептотимик—нормальный, гармонический тип, построенный на основе сходства важнейших психических черт с эпилептоидом, у которого эти черты являются уродливыми.

ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСЗДРАВОТДЕЛА

Москва, Кузнецкий мост, 12. Телеф. 1-33-18.

НАУЧНЫЕ РАБОТЫ КАБИНЕТА ПО ИЗУЧЕНИЮ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА И ПРЕСТУПНОСТИ.

ИЗУЧЕНИЕ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА В СССР И ЗА ГРАНИЦЕЙ

Стр. 66. Цена 75 коп.

Содержание: Предисловие. Проф. М. Н. Гернет—Первые за границей и первая в СССР лаборатории по изучению преступности. Проф. Е. К. Краснушкин—Кабинет по изучению личности преступника и преступности. Проф. П. И. Люблинский—Методы лабораторного исследования личности заключенных. Приложение: Положение о кабинете и клинике по изучению личности преступника и преступности.

ПРЕСТУПНИК И ПРЕСТУПНОСТЬ

Сборн. I. Стр. 149. Цена 2 р. 25 коп.

Содержание: Предисловие. Е. К. Краснушкин—Что такое преступник? А. М. Рапопорт—К практике изучения личности преступника. Н. И. Озерецкий—К вопросу о профконсультации и о профориентации в местах заключения для несовершеннолетних правонарушителей. А. Г. Харламова—Патологическая группа несовершеннолетних правонарушителей, по данным Моструддома. Н. И. Озерецкий—Социально-запущенные дети. А. М. Рапопорт—Кокаинизм и преступность. М. Т. Белоусова—Кокаинизм на материале Инст. Суд. Псих. Экспертизы им. Сербского. Краснушкин и Халзакова—Два случая женщин-убийц гомосексуалисток. Новое в международной криминологической жизни за последние годы.

ПРЕСТУПНИК И ПРЕСТУПНОСТЬ

Сборн. II. Стр. 387. Цена 3 р. 80 коп.

Содержание: От редакции. Е. К. Краснушкин—Опыт психиатрического построения характеров у правонарушителей. А. М. Рапопорт—Эпилептоиды и их социальные реакции. С. М. Шнейдер—Растратчики. А. Е. Петрова—Преступники-примитивы. А. А. Герцензон—Некоторые вопросы построения советской криминологии. А. А. Герцензон—К вопросу о методах индивидуально-социологического изучения правонарушителей. В. Д. Меньшагин—Очаги преступности. А. Я. Эстрин—Преступность и борьба с ней в штате Миссури. В. О. Аккерман—Криминологическая клиника. Н. И. Озерецкий—Несовершеннолетние правонарушители (по данным Моструддома). Г. Ф. Жако—Медико-педологическая работа в Моструддоме для несовершеннолетних правонарушителей. В. А. Внуков—Из практики судебно-психиатрической экспертизы. Д. А. Аменицкий—Случай поджога и взрыва с человеческими жертвами. А. О. Эдельштейн—К клинике трансвеститизма. А. О. Эдельштейн—К раскрытию механизмов сексуальных комплексных реакций. А. Н. Терентьева—Два случая женщин-растратчиц. В. О. Аккерман—Юный мифоман, вор-аферист. В. А. Белоусов—Случай гомосексуала—мужской проститутки. В. А.—Обзор психопатических конституций французской психиатрии. А. Р.—Из международной криминологической жизни. А. Г.—Московская преступность в период военного коммунизма. Словарь специальных терминов.

ХУЛИГАНСТВО И ПОНОЖОВЩИНА

Стр. 158. Цена 1 р. 25 коп.

Содержание: От редакции. Предисловие. А. А. Герцензон—Рост хулиганства и его причины. А. О. Эдельштейн—Опыт изучения современного хулиганства. В. И. Аккерман—О злостных хулиганах. Б. С. Маньковский—Деревенская поножовщина. В. И. Аккерман—Убийство в драке. А. М. Рапопорт и А. Г. Харламова—О женском хулиганстве. Е. К. Краснушкин—К психологии хулиганства.

ПРАВОНАРУШЕНИЯ В ОБЛАСТИ СЕКСУАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Стр. 180. Цена 2 р. 25 коп.

Содержание: От редакции. Г. М. Сегал—К проблеме половой преступности. Е. К. Краснушкин—К психологии и психопатологии половых правонарушений. В. А. Внуков и А. О. Эдельштейн—О характере личности правонарушителя и механизмах правонарушений в области половых отношений. Б. С. Маньковский—Современная половая преступность. А. А. Герцензон—Половая преступность в дореволюционной России. Н. И. Озерецкий—Половые правонарушения несовершеннолетних. В. Д. Меньшагин—Притонодержательство.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
Краснушкин, Е. К.—К психологии и психопатологии убийства .	10
Меньшагин, В. Д.—Убийства	33
Аккерман, В. И.—Индивидуальные характеристики убийц	87
Внуков, В. А.—Женщины-убийцы	191
Маньковский, Б. С.—Детоубийство	249
Эдельштейн, А. О.—Ксихопатологии детоубийств	273
Бунеев, А. Н.—Душевно-больные убийцы	283
Шпирт, А. Ю.—Убийства «на дне»	315
Герцензон, А. А. и Лапшина, Н. С.—Убийство в РСФСР и за-границей	324
Арсеньев, Б. Я.—Убийства и судебная борьба с ними	362
Словарь специальных терминов	371

Опечатки в оглавлении:

Напечатано:

7 строка сверху Ксихопаталогии.

1 „ снизу Словарь терминов.

Следует:

К психопаталогии.

Словарь терминов.

Цена 3 р. 75 коп.

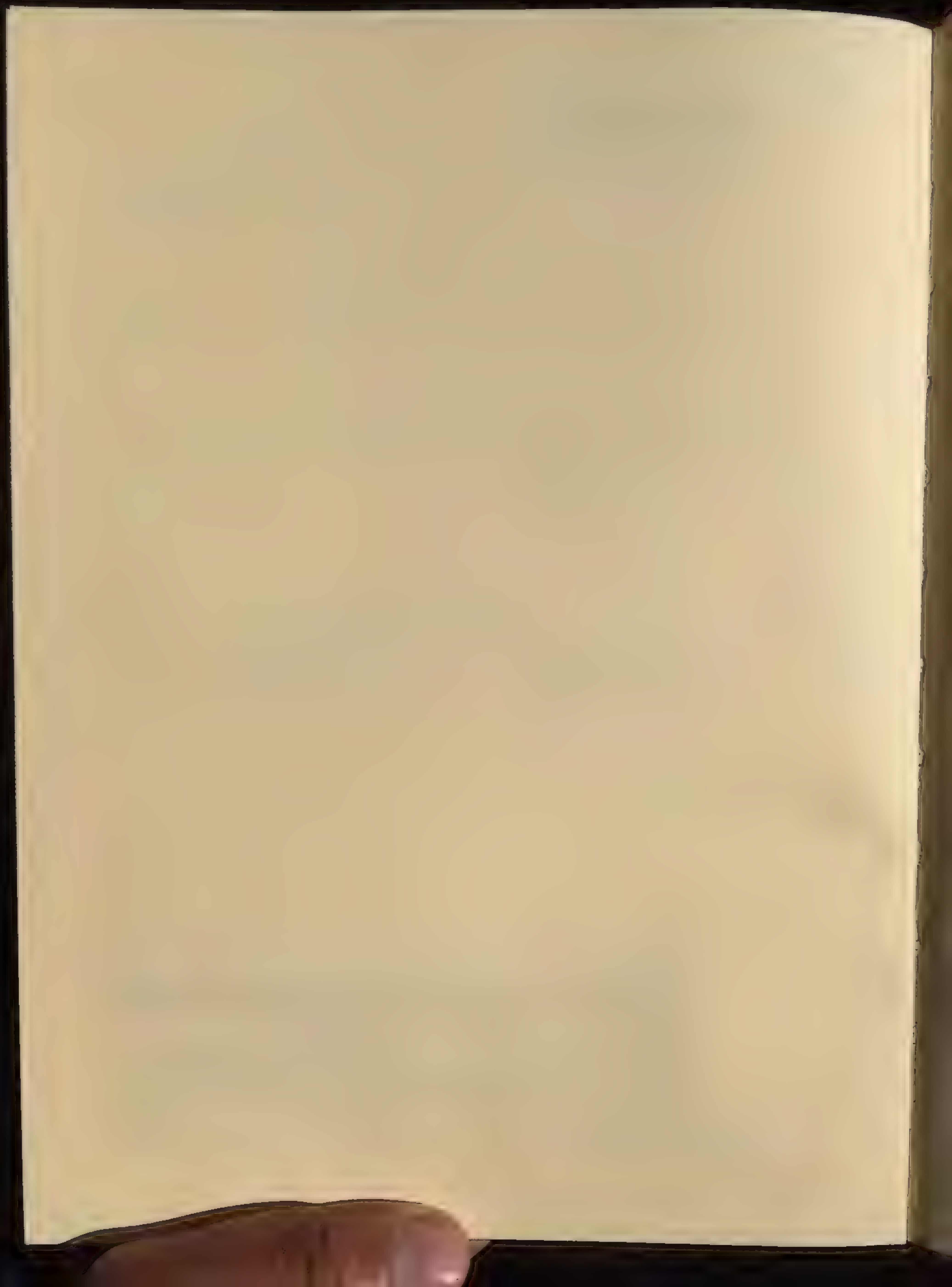
Р

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ:

ИЗДАТЕЛЬСТВУ МОСЗДРАВОТДЕЛА

Москва, Кузнецкий мост, д. 12, кв. 10.

Розница—там же, вестибюль, киоск.

MEMORIAL

Неандертальцы

Неандертальцы, ископаемые древние люди, создавшие археологические культуры раннего палеолита. Скелетные остатки неандертальцев открыты в Европе, Азии и Африке. Время существования 200 — 35 тыс. лет назад. Как установили исследования генетического материала неандертальцев, они, видимо, не являются прямыми предками современного человека.

Портреты Пещерных говорящих приматов из книги «люди Каменного века», автор М.М. Герасимов. 1964 г.

они действительно вымерли?

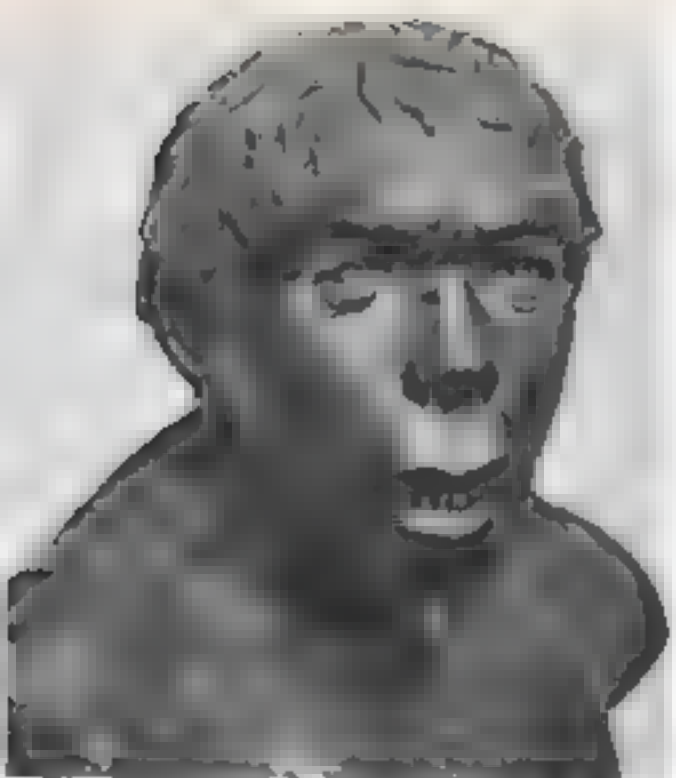

Рис. 1. Неандертальский человек.

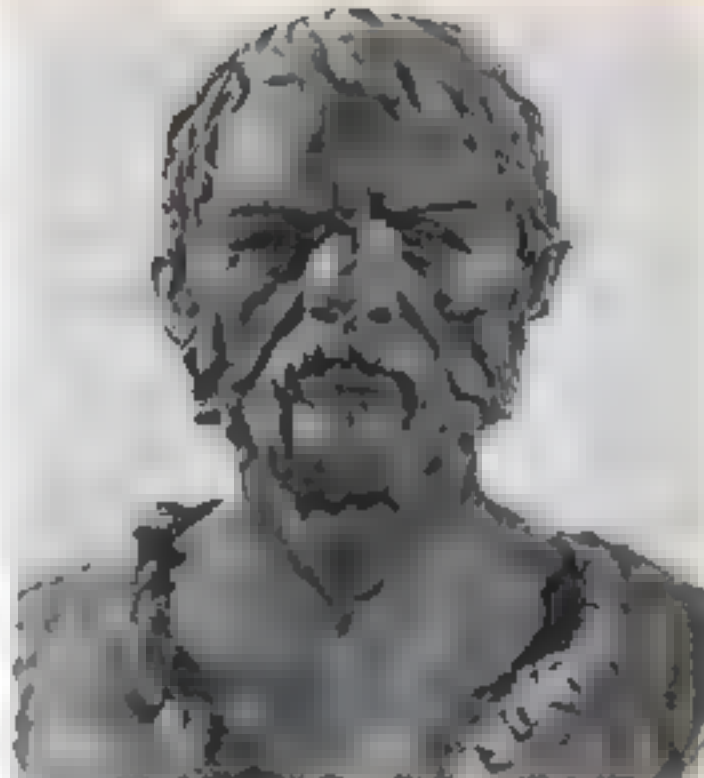

Рис. 2. Неандертальский человек.

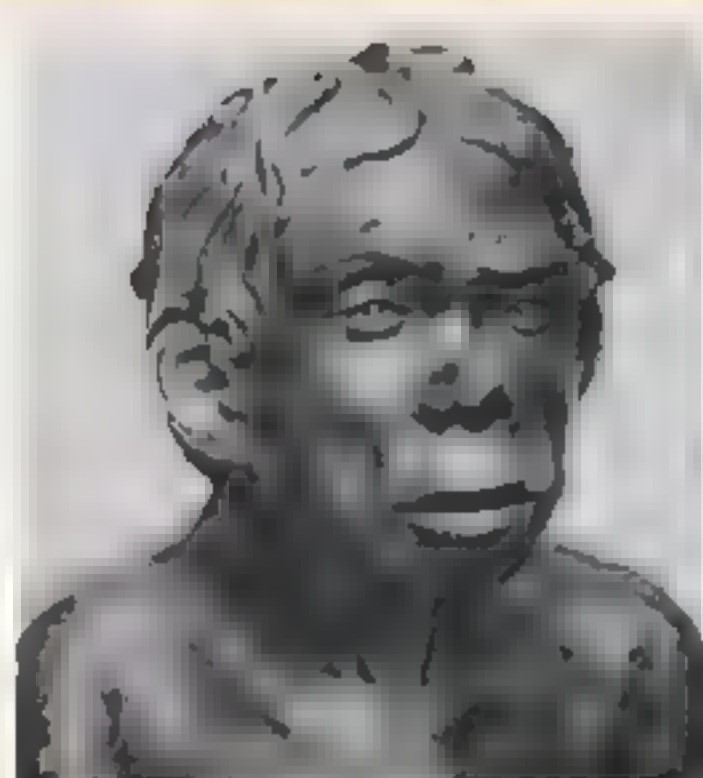

Рис. 3. Неандертальский человек.

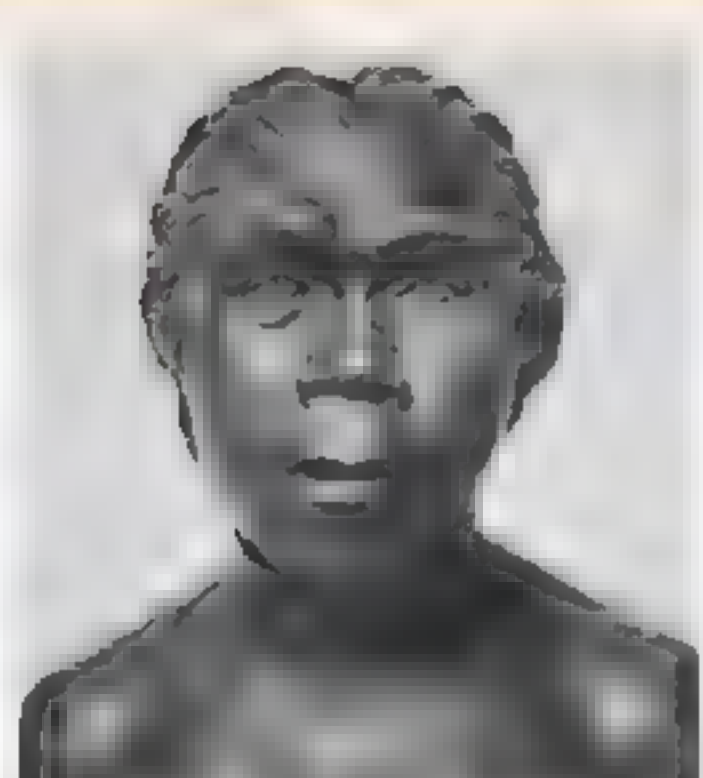

Рис. 4. Неандертальский человек.

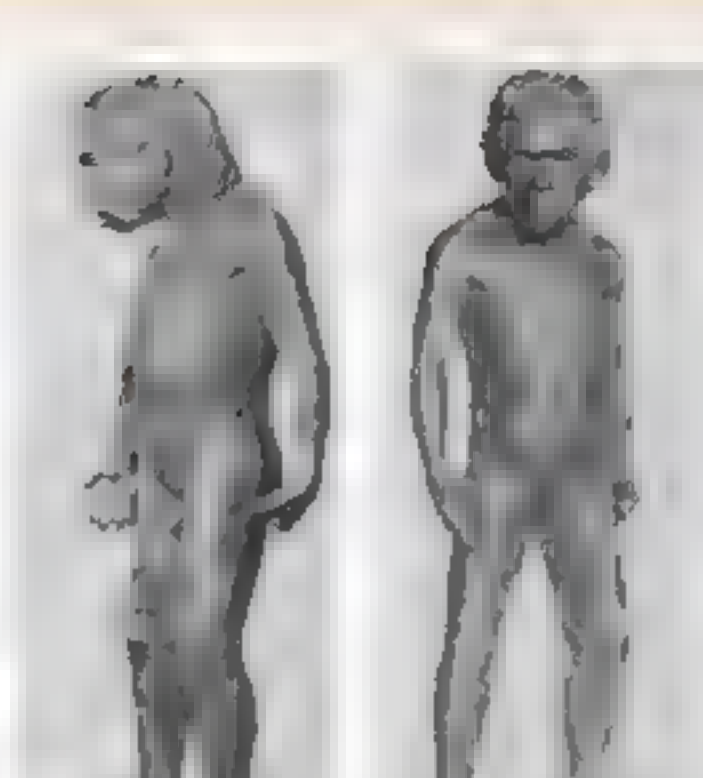

Рис. 5. Неандертальский человек.

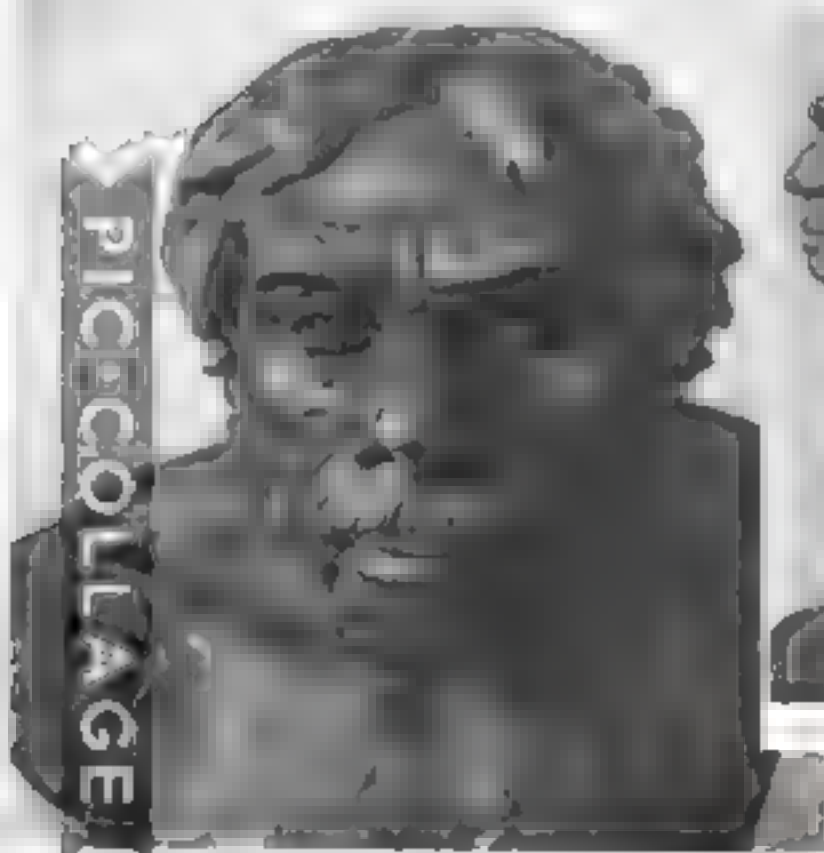

PHOTO-COLLAGE

Рис. 6. Неандертальский человек.

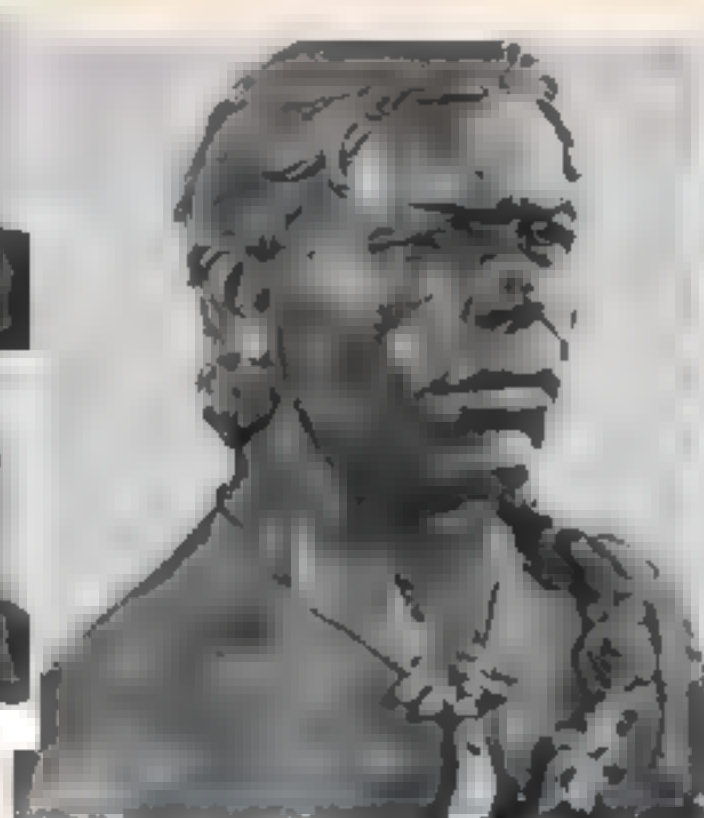
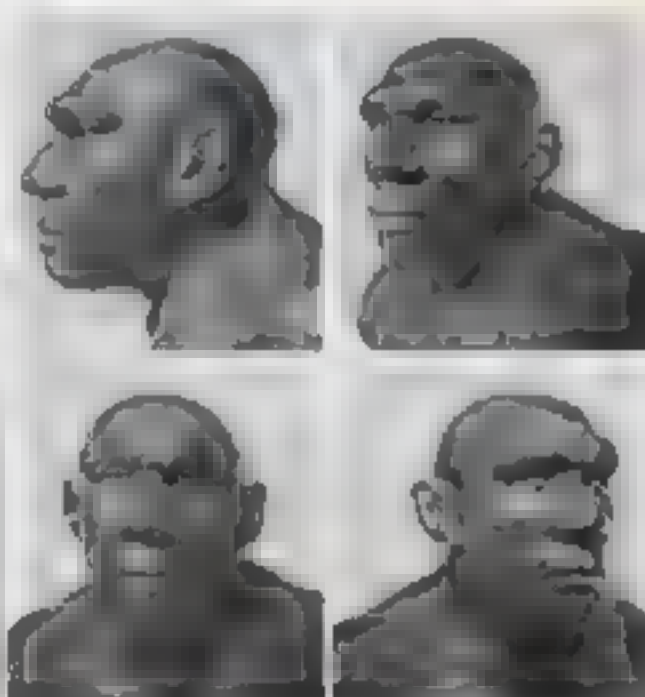

Рис. 7. Неандертальский человек.

Рис. 8. Неандертальский человек.

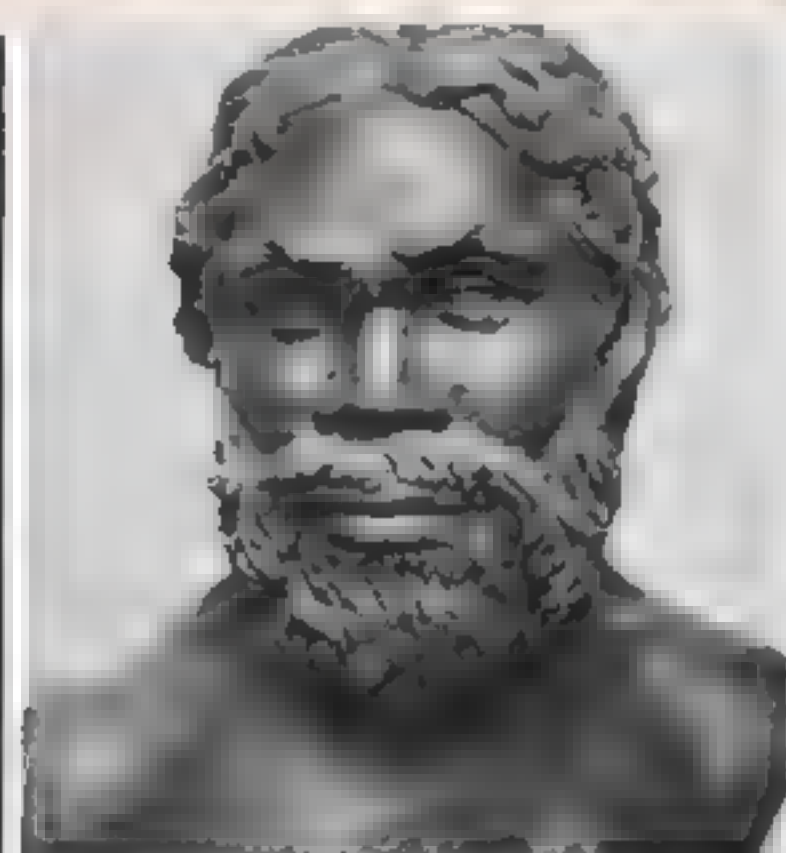

Рис. 9. Неандертальский человек.

Современная гуманитарная академия

Н.С. Лобас

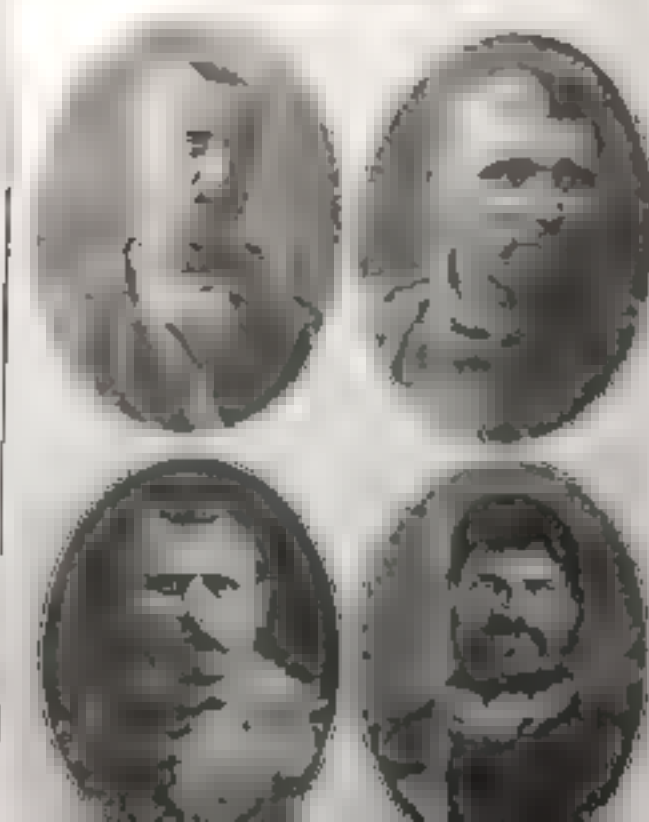
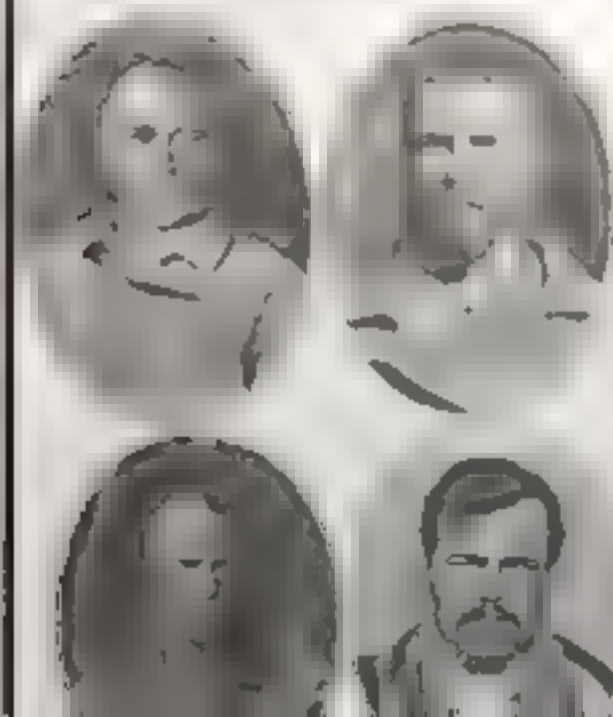
бывший врач сахалинских каторжных тюрем

УБИЙЦЫ

(Некоторые черты психофизики преступников
Со снимками преступников)

Москва 2008

PICTOCOLLAGE

YouTube

Введение

ПОДЪЕМ
УНС

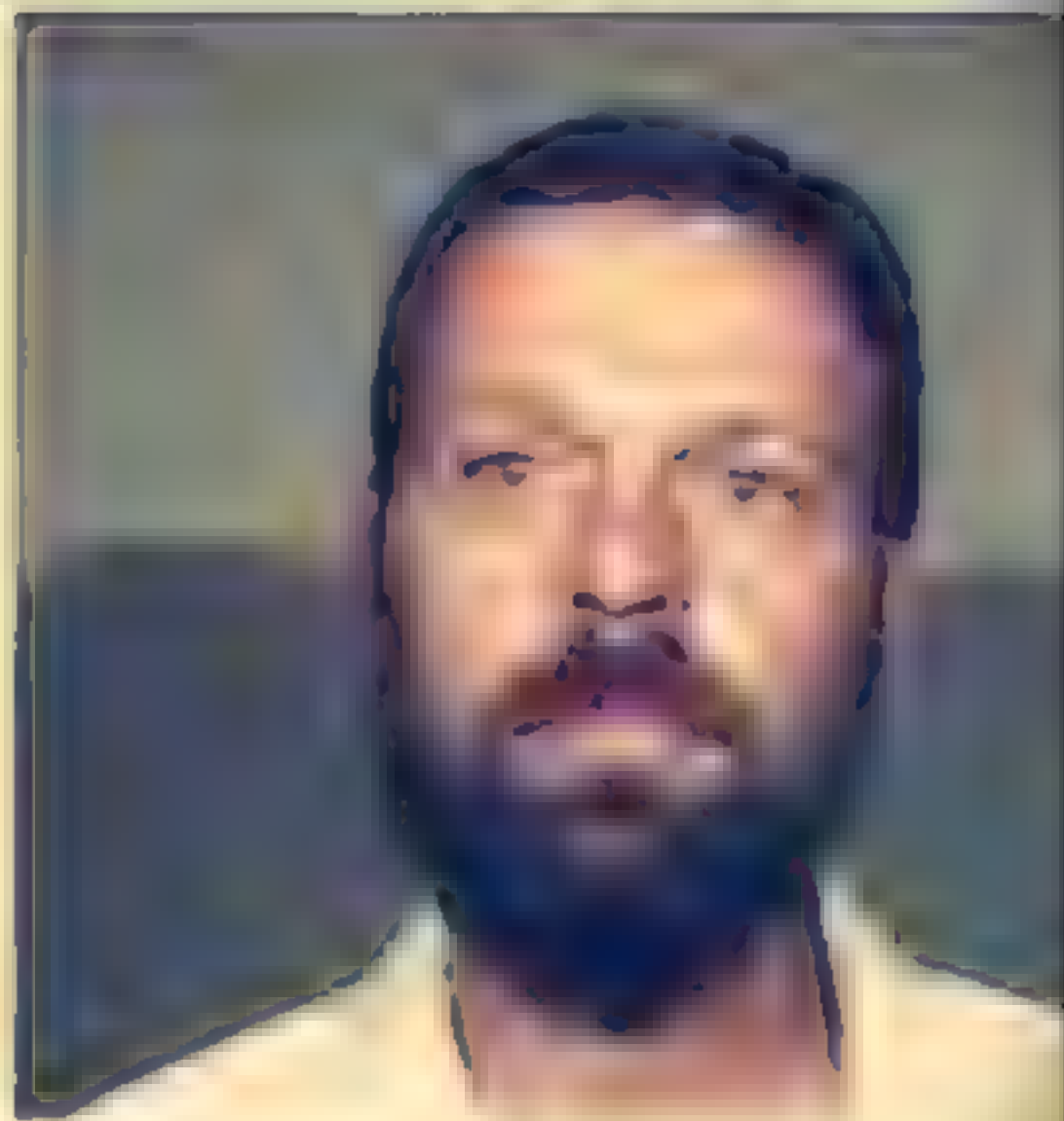
САМЫЙ УЖАСНЫЙ УБИЙЦА АМЕРИКИ Самый Плодовитый Убийца и Маньяк Америки Роберт Браун

Share your story

Похожий контент

АВТОР: ЛС

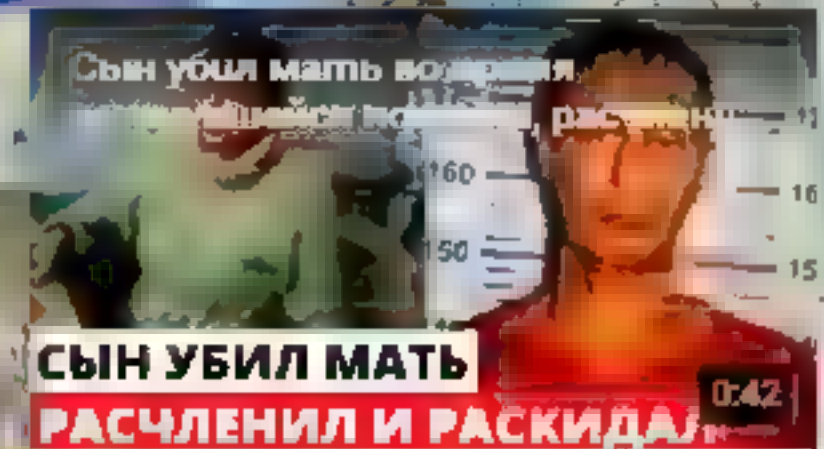
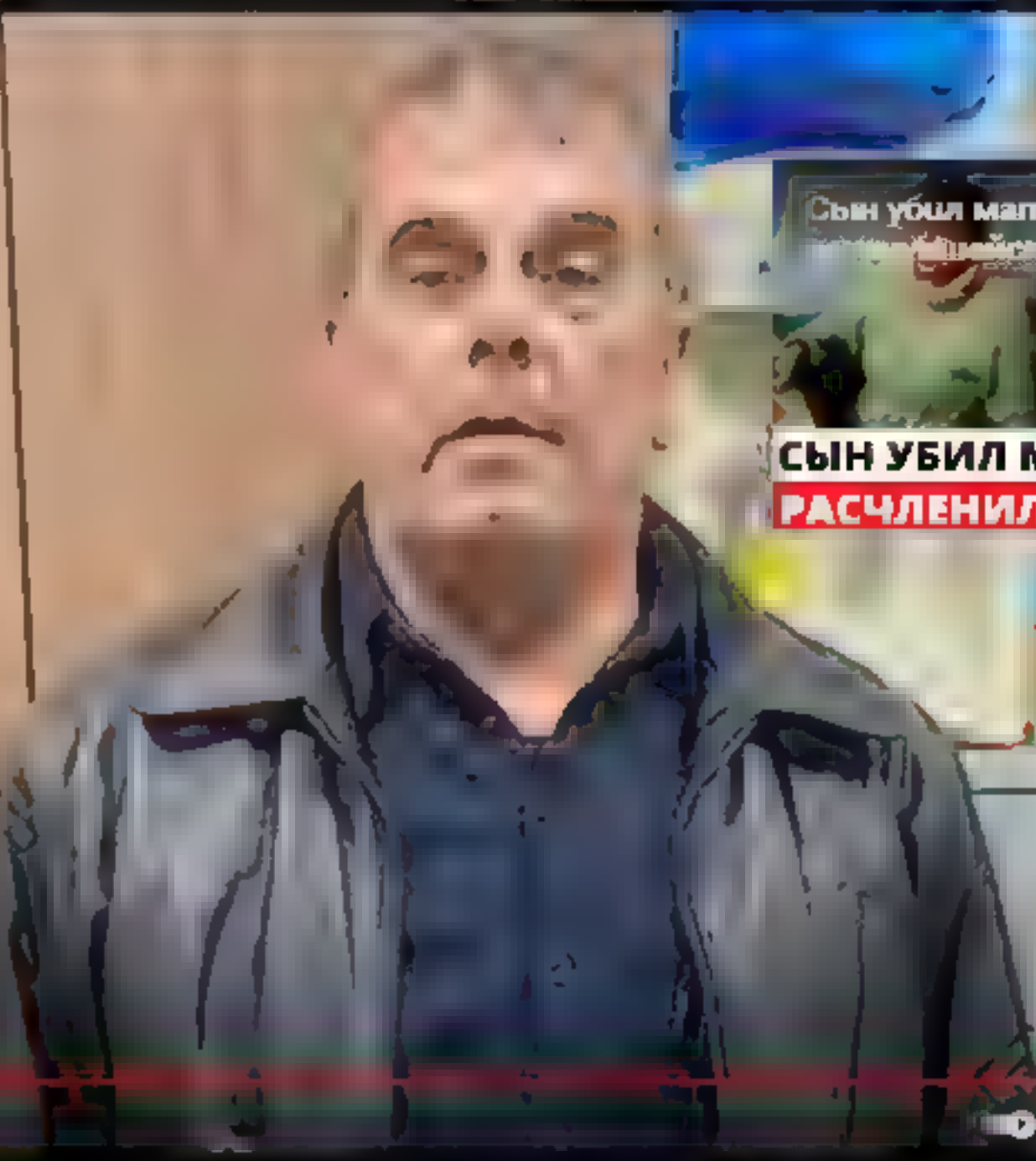

3

YouTube

Защитите запрос

ПЛОХИЕ
НОВОСТИ

ПЛОХИЕ
НОВОСТИ

ПЛОХИЕ
НОВОСТИ

В Анапе полицией задержан тип увязавшийся за школьницей #анapa #новостiana б

797 просмотров.

34

НЕ
НРАВИТСЯ

ПОДЕЛИТЬСЯ

+ СОХРАНИТЬ

Плохие Новости

ВЫ ПОДПИСАНЫ

Токаев назвал происходящее в Казахстане атакой.

0:00 / 5:10

34 тыс. подписчиков

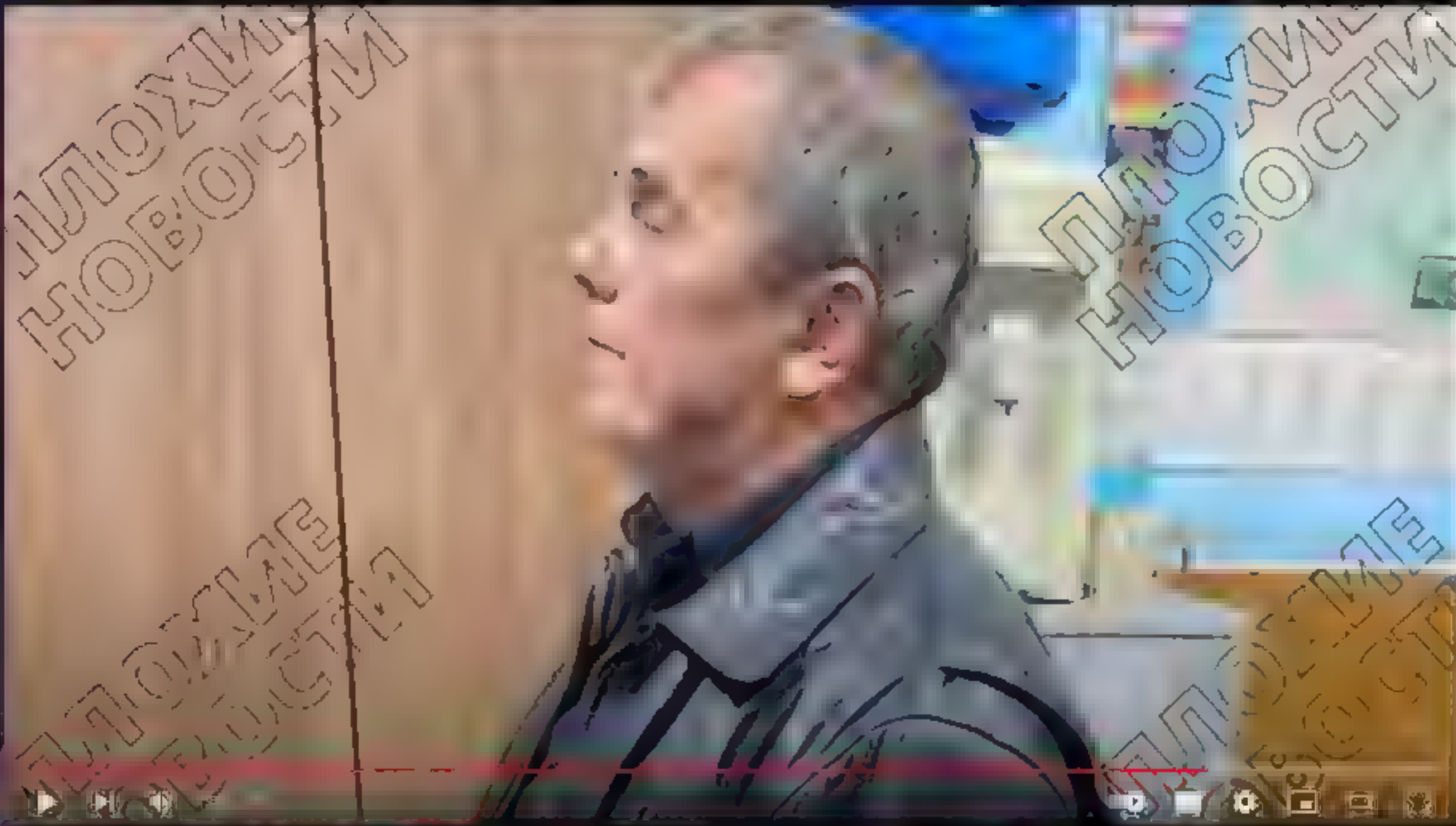
Девушка

Наринка

Самостоятельно записала

Защитите загрузку

В Анапе полицией задержан тип увязавшийся за школьницей #анapa #новостиапа

590 просмотров

32

НЕ

НРАВИТСЯ

ПОДЕЛИТЬСЯ

СОХРАНИТЬ

Плохие Новости

ВЫ ПОДПИСАНЫ

Русские сенсации
"Последний бой полковника"

17:11:16 17:11:16 17:11:16

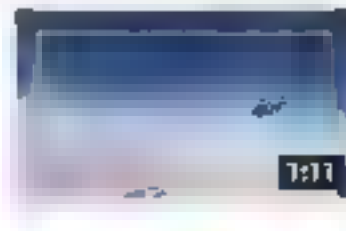
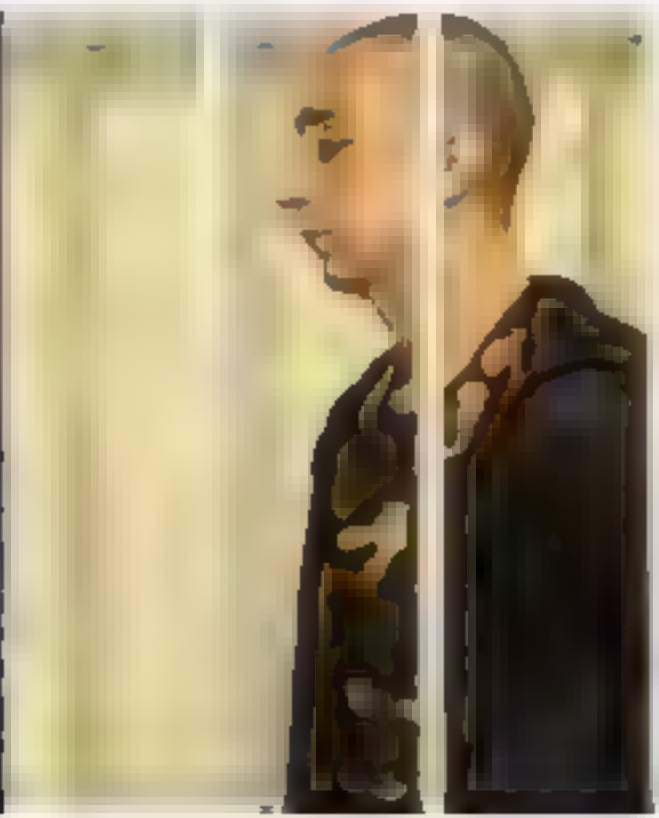
Следствие ведут ЗнаТоки.
Дело № 1-22. Все серии

Добавляйте на эту панель сайты, которые вы часто посещаете

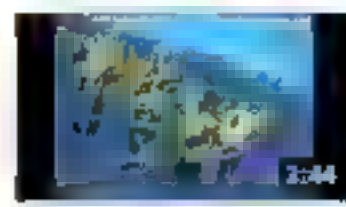
Адаптивный дизайн

ВКонтакте

Су-35 ВВФ перехватили "нарушителя" на учениях
РГБ НОВОСТИ
1:11
Рейтинг: 0
Видео: 0
Наличие: 0

Captain Hollywood Project Only With You (Official video)
Captain Hollywood Project
3:44
Рейтинг: 0
Видео: 0
Наличие: 0

Captain Hollywood Project More and More (Official video)
Captain Hollywood Project
4:09
Рейтинг: 0
Видео: 0
Наличие: 0

Узник замка Иф (1988. приключения)
Messa Film Studio
9:42:02
Рейтинг: 0
Видео: 0
Наличие: 0

БАНДЫ - Криминальный детектив / Все серии подряд
Kino Media
3:41:12
Рейтинг: 0
Видео: 0
Наличие: 0

24/7 Original Playstation TV (PS1 Classic Games)
James
1:11:11
Рейтинг: 0
Видео: 0
Наличие: 0

УБИЛИ И РАСЧЛЕНИЛИ ПРОФЕССОРА НОВОСТИ ЧП СЕГОДНЯ

УБИЛИ И РАСЧЛЕНИЛИ ПРОФЕССОРА НОВОСТИ ЧП СЕГОДНЯ

44 просмотра

НЕ НРАВИТСЯ

ПОДЕЛИТЬСЯ

СОХРАНИТЬ

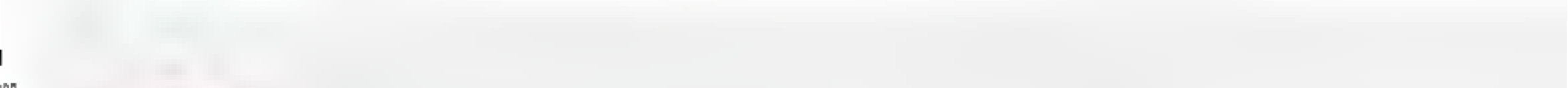
ЧЕСТНОЕ СЛОВО

ВЫ ПОДПИСАНЫ

Воронежский областной суд отправил в колонию строгого режима мужчин, растворивших в кислоте воронежского профессора Вячеслава Кузнецова
Аспиранта Дмитрия Быковского лишили свободы на 21 год, а айтишника Александра

покажите на эту панель сайты, которые вы часто посещаете

Erica Docs · 2 дня назад

*** В 2019 году был задержан маньяк, который на протяжении 12 лет насиловал женщин в родном городе Тулуне. Изворотливость и изощренный ум позволили ему очень долго находиться вне подозрений правоохранительных органов.

Видео [https://www.youtube.com/watch?v=...](#) М. РуС2ц6г0
Свернуть

Homo Neanderthal

Одинаково Неандертальцы

Неандертальцы
ископаемые древние люди, создавшие культуру раннего палеолита. Скелетные останки неандертальцев открыты в Европе, Азии и Африке. Живот существовал 200 — 35 тыс. лет назад. Как устроены органы генетического материала неандертальцев они являются прямыми предками современного человека.

Shared

Homo одинаково

Нет нет
неандертальцы
давно вымерли.
Я человек.
Совпадения
случайны.

ГОРЯЧИЕ
НОВОСТИ

ГОРЯЧИЕ
НОВОСТИ

ГОРЯЧИЕ
НОВОСТИ

ГОРЯЧИЕ
НОВОСТИ

Новости и Происшествия 24 часа в сутки

В Питере задержан тип пристававший к 13-летней девочке в метро с коллекцией детского видео

96 просмотров

5

НЕ

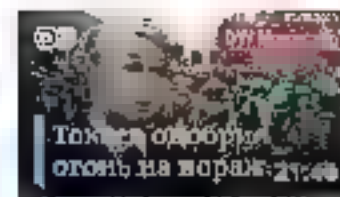
НРАВИТСЯ

ПОДЕЛИТЬСЯ

СОХРАНИТЬ

В Казахстане разрешен огонь на поражение на руку ли.

См. также видео
100% просмотров
6 на 15 секунд
Полная

См. также видео 3mTok

RU

13:43
08.04.2022

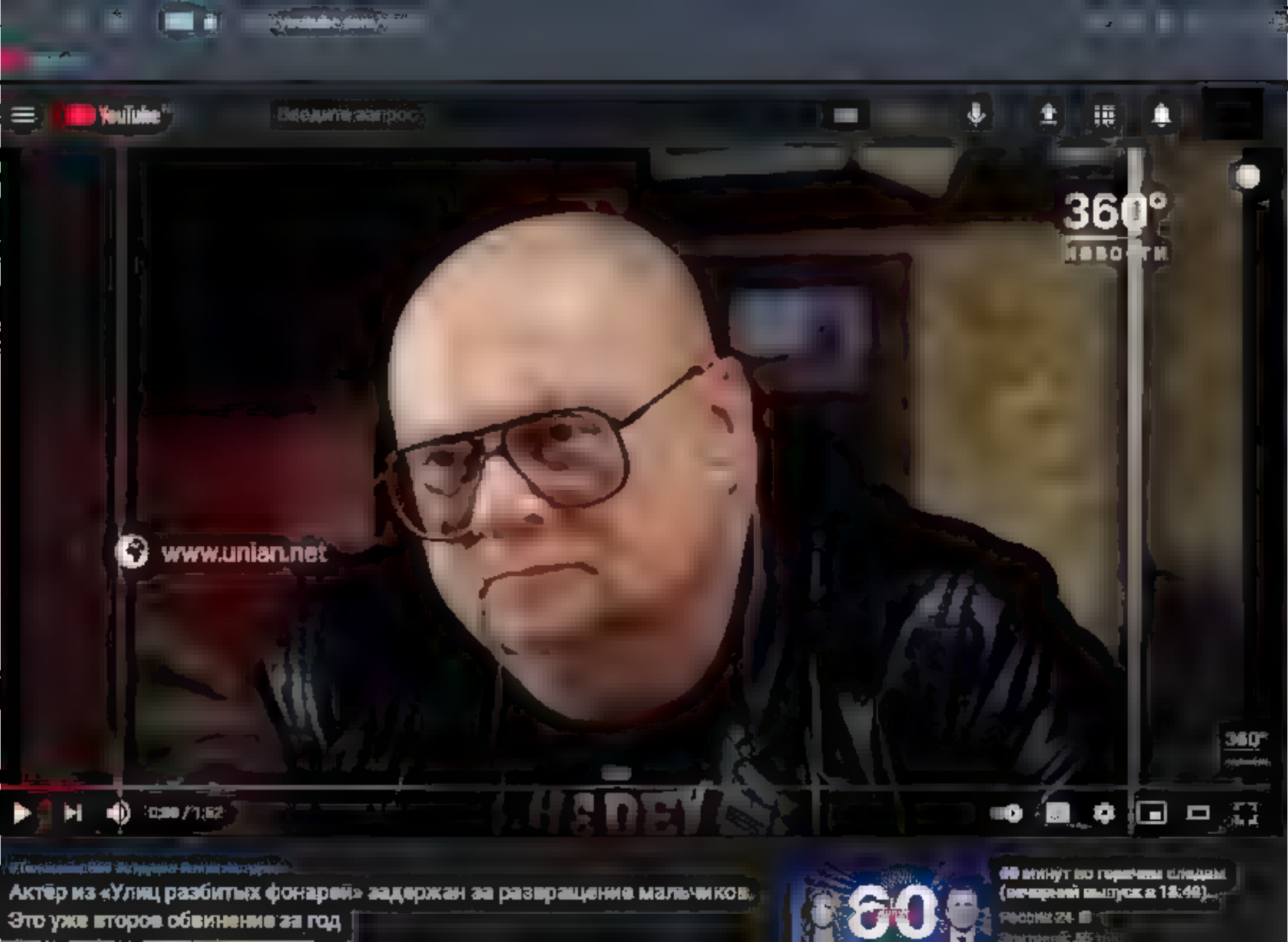
Удалено 361 · 4 часа назад

ВИДЕО <https://youtu.be/KPw1x6UKC2A>

Женщина пытается лишить убийцу дочери доли собственности в их общей недвижимости. А суд встаёт на сторону психически нездорового гражданина.

**ЗАРЕЗАЛ ПРИЁМНУЮ
ДОЧЬ И ТЕПЕРЬ
ПРОСИТСЯ ОБРАТНО
В СЕМЬЮ**

Улиц разбитых фонарей

Актёр из «Улиц разбитых фонарей» задержан за развращение мальчиков. Это уже второе обвинение за год

60 лет СССР

60 минут из горячих событий (вечерний выпуск в 18:40)

Редонд 24-й

Загрузка...

Обсуждайте на этой панели сайты, которые вы часто посещаете. и с друзьями и близкими

YouTube

Добавить видео

Настроить

Настройки

Войти

Подписаться

Моя страница

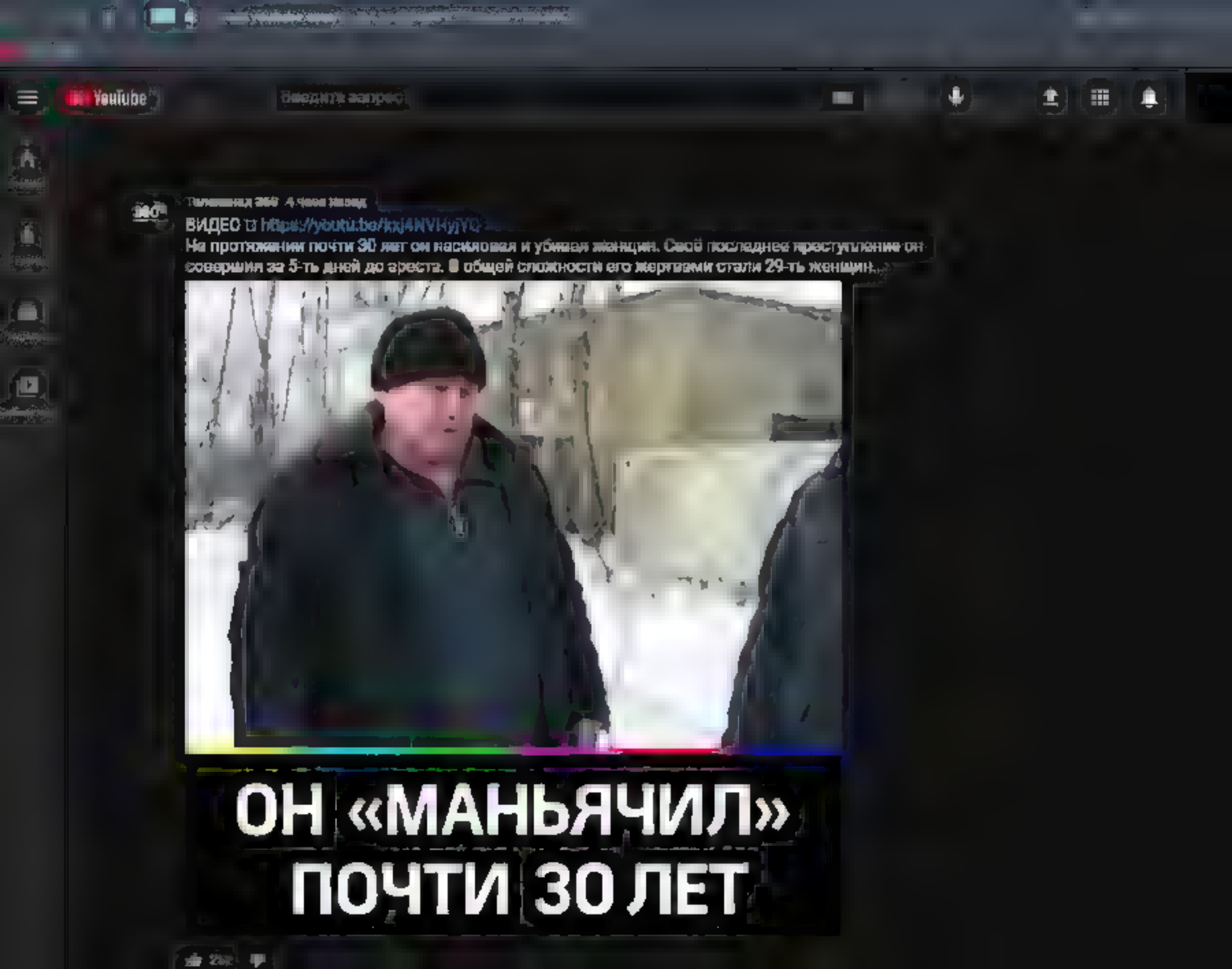
© 2023 YouTube LLC. Все права защищены.

ОН СЪЕДАЛ СВОИХ ЖЕРТВ | Серийный Убийца и Каннибал Оттис Тул

Все видео

Автор: [Long Ching] не разглад

ПОДПИСАТЬСЯ

YouTube

Введите запрос

Телеканал 360 4 часа назад

ВИДЕО <https://youtu.be/kxj4NVNujYQ>

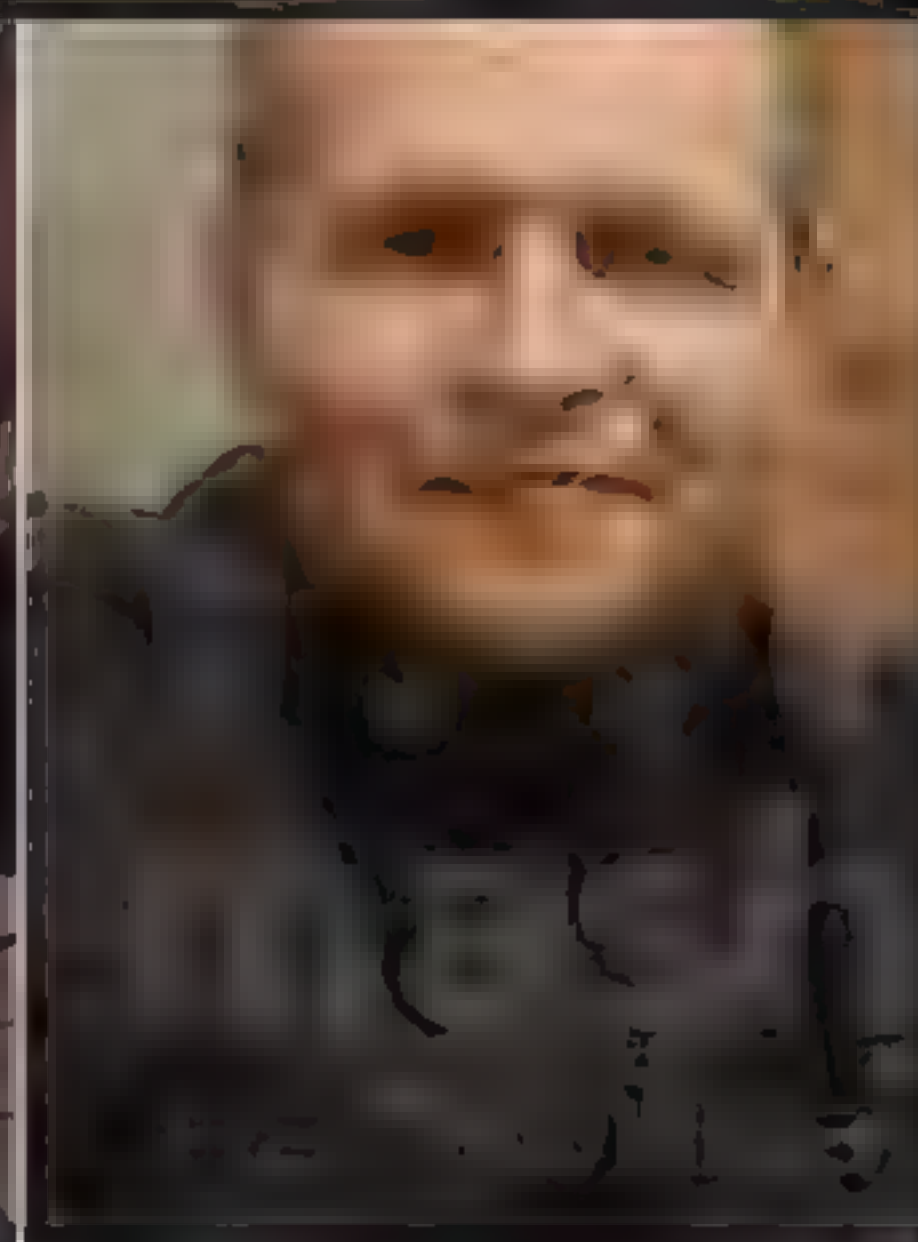
На протяжении почти 30 лет он насиловал и убивал женщин. Своё последнее преступление он совершил за 5-ть дней до ареста. В общей сложности его жертвами стали 29-ть женщин.

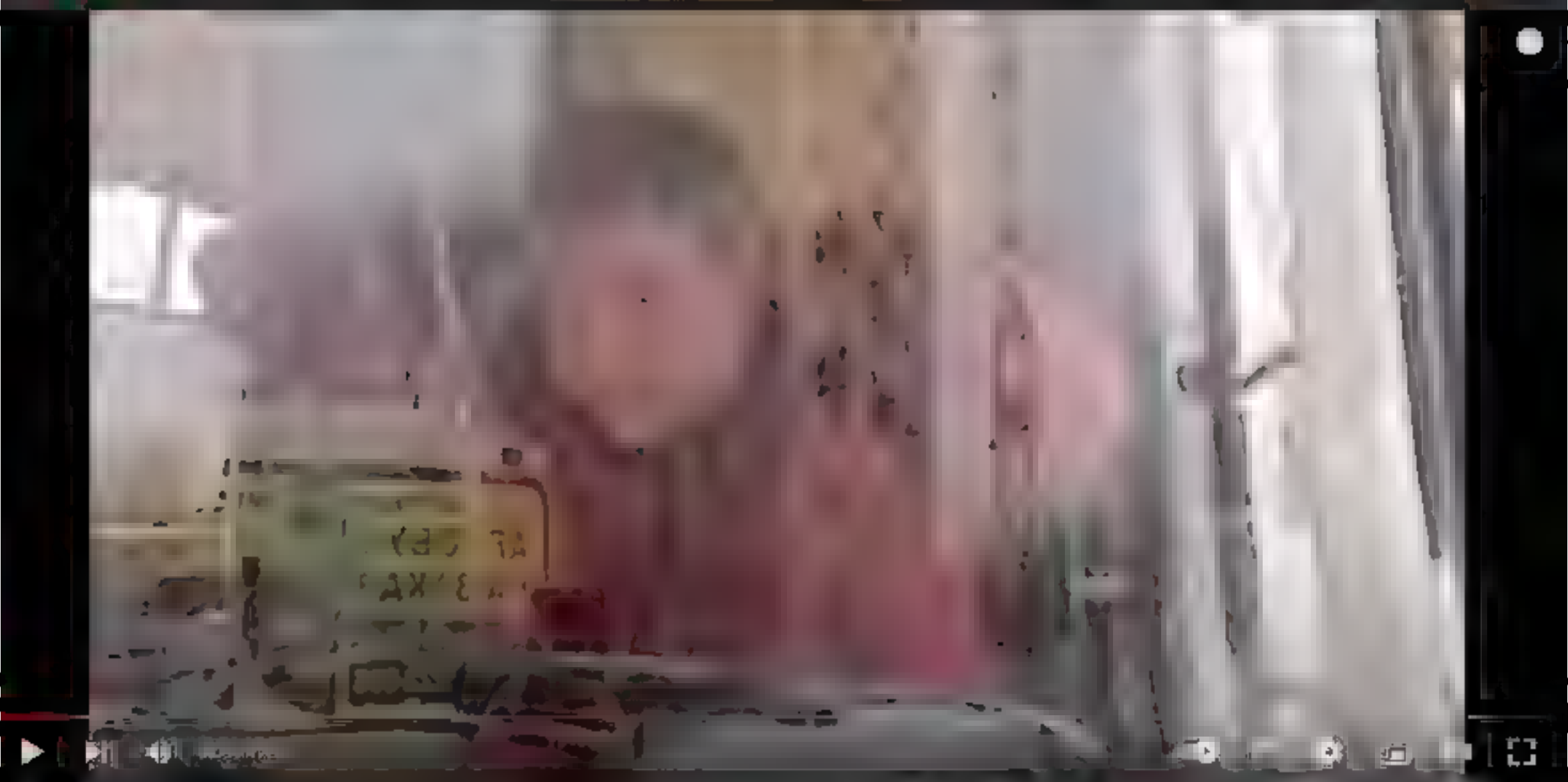
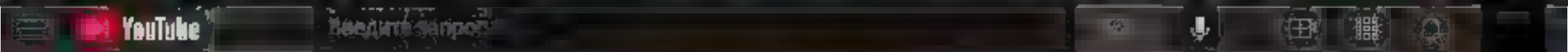
ОН «МАНЬЯЧИЛ»
ПОЧТИ 30 ЛЕТ

232

12. 1994年12月1日

2

† 41 6 10 20 30 40 50 60 70 80 90 100 110 120 130 140 150 160 170 180 190 200 210 220 230 240 250 260 270 280 290 300 310 320 330 340 350 360 370 380 390 400 410 420 430 440 450 460 470 480 490 500 510 520 530 540 550 560 570 580 590 600 610 620 630 640 650 660 670 680 690 700 710 720 730 740 750 760 770 780 790 800 810 820 830 840 850 860 870 880 890 900 910 920 930 940 950 960 970 980 990 1000 1010 1020 1030 1040 1050 1060 1070 1080 1090 1100 1110 1120 1130 1140 1150 1160 1170 1180 1190 1200 1210 1220 1230 1240 1250 1260 1270 1280 1290 1300 1310 1320 1330 1340 1350 1360 1370 1380 1390 1400 1410 1420 1430 1440 1450 1460 1470 1480 1490 1500 1510 1520 1530 1540 1550 1560 1570 1580 1590 1600 1610 1620 1630 1640 1650 1660 1670 1680 1690 1700 1710 1720 1730 1740 1750 1760 1770 1780 1790 1800 1810 1820 1830 1840 1850 1860 1870 1880 1890 1900 1910 1920 1930 1940 1950 1960 1970 1980 1990 2000 2010 2020 2030 2040 2050 2060 2070 2080 2090 2100 2110 2120 2130 2140 2150 2160 2170 2180 2190 2200 2210 2220 2230 2240 2250 2260 2270 2280 2290 2300 2310 2320 2330 2340 2350 2360 2370 2380 2390 2400 2410 2420 2430 2440 2450 2460 2470 2480 2490 2500 2510 2520 2530 2540 2550 2560 2570 2580 2590 2600 2610 2620 2630 2640 2650 2660 2670 2680 2690 2700 2710 2720 2730 2740 2750 2760 2770 2780 2790 2800 2810 2820 2830 2840 2850 2860 2870 2880 2890 2900 2910 2920 2930 2940 2950 2960 2970 2980 2990 3000 3010 3020 3030 3040 3050 3060 3070 3080 3090 3100 3110 3120 3130 3140 3150 3160 3170 3180 3190 3200 3210 3220 3230 3240 3250 3260 3270 3280 3290 3300 3310 3320 3330 3340 3350 3360 3370 3380 3390 3400 3410 3420 3430 3440 3450 3460 3470 3480 3490 3500 3510 3520 3530 3540 3550 3560 3570 3580 3590 3600 3610 3620 3630 3640 3650 3660 3670 3680 3690 3700 3710 3720 3730 3740 3750 3760 3770 3780 3790 3800 3810 3820 3830 3840 3850 3860 3870 3880 3890 3900 3910 3920 3930 3940 3950 3960 3970 3980 3990 4000 4010 4020 4030 4040 4050 4060 4070 4080 4090 4100 4110 4120 4130 4140 4150 4160 4170 4180 4190 4200 4210 4220 4230 4240 4250 4260 4270 4280 4290 4300 4310 4320 4330 4340 4350 4360 4370 4380 4390 4400 4410 4420 4430 4440 4450 4460 4470 4480 4490 4500 4510 4520 4530 4540 4550 4560 4570 4580 4590 4600 4610 4620 4630 4640 4650 4660 4670 4680 4690 4700 4710 4720 4730 4740 4750 4760 4770 4780 4790 4800 4810 4820 4830 4840 4850 4860 4870 4880 4890 4900 4910 4920 4930 4940 4950 4960 4970 4980 4990 5000 5010 5020 5030 5040 5050 5060 5070 5080 5090 5100 5110 5120 5130 5140 5150 5160 5170 5180 5190 5200 5210 5220 5230 5240 5250 5260 5270 5280 5290 5300 5310 5320 5330 5340 5350 5360 5370 5380 5390 5400 5410 5420 5430 5440 5450 5460 5470 5480 5490 5500 5510 5520 5530 5540 5550 5560 5570 5580 5590 5600 5610 5620 5630 5640 5650 5660 5670 5680 5690 5700 5710 5720 5730 5740 5750 5760 5770 5780 5790 5800 5810 5820 5830 5840 5850 5860 5870 5880 5890 5900 5910 5920 5930 5940 5950 5960 5970 5980 5990 6000 6010 6020 6030 6040 6050 6060 6070 6080 6090 6100 6110 6120 6130 6140 6150 6160 6170 6180 6190 6200 6210 6220 6230 6240 6250 6260 6270 6280 6290 6300 6310 6320 6330 6340 6350 6360 6370 6380 6390 6400 6410 6420 6430 6440 6450 6460 6470 6480 6490 6500 6510 6520 6530 6540 6550 6560 6570 6580 6590 6600 6610 6620 6630 6640 6650 6660 6670 6680 6690 6700 6710 6720 6730 6740 6750 6760 6770 6780 6790 6800 6810 6820 6830 6840 6850 6860 6870 6880 6890 6900 6910 6920 6930 6940 6950 6960 6970 6980 6990 7000 7010 7020 7030 7040 7050 7060 7070 7080 7090 7100 7110 7120 7130 7140 7150 7160 7170 7180 7190 7200 7210 7220 7230 7240 7250 7260 7270 7280 7290 7300 7310 7320 7330 7340 7350 7360 7370 7380 7390 7400 7410 7420 7430 7440 7450 7460 7470 7480 7490 7500 7510 7520 7530 7540 7550 7560 7570 7580 7590 7600 7610 7620 7630 7640 7650 7660 7670 7680 7690 7700 7710 7720 7730 7740 7750 7760 7770 7780 7790 7800 7810 7820 7830 7840 7850 7860 7870 7880 7890 7900 7910 7920 7930 7940 7950 7960 7970 7980 7990 8000 8010 8020 8030 8040 8050 8060 8070 8080 8090 8100 8110 8120 8130 8140 8150 8160 8170 8180 8190 8200 8210 8220 8230 8240 8250 8260 8270 8280 8290 8300 8310 8320 8330 8340 8350 8360 8370 8380 8390

Водитель автобуса в Балакове зажал дверями ГОЛОВУ девочке из за неоплаченного проезда

Вопросы
Видео

Продолжит 2010

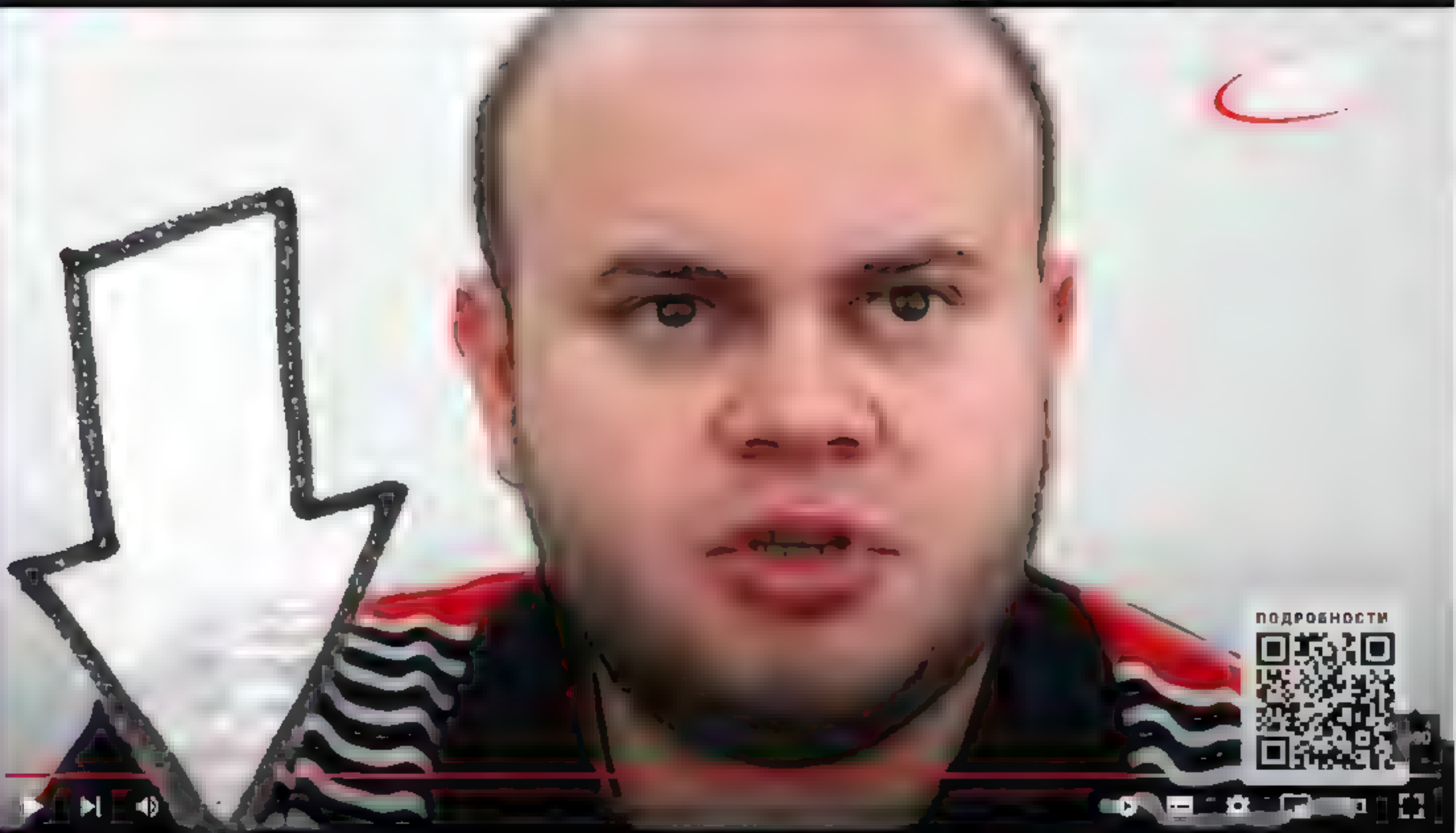
Ясно, что это?

**неандерталец,
разумный и много
болтающий подлый
ГОМИНИД.**

Введите запрос

ПОДРОБНОСТИ

Репортаж 360 Ямал-Ненецкий автономный округ

Вынес в пакетах из-под мусора чиновник расчленил «мисс Кузбасс» и въ кинул в реку

15 601 просмотра

496

НЕ НРАВИТСЯ

ПОДЕЛИТЬСЯ

СОХРАНИТЬ

...

Телеканал 360

ВЫ ПОДПИСАНЫ

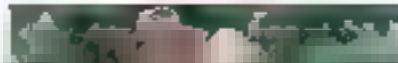

Итоги встречи Зеленского с Джонсоном Прямая.

Телеканал 360

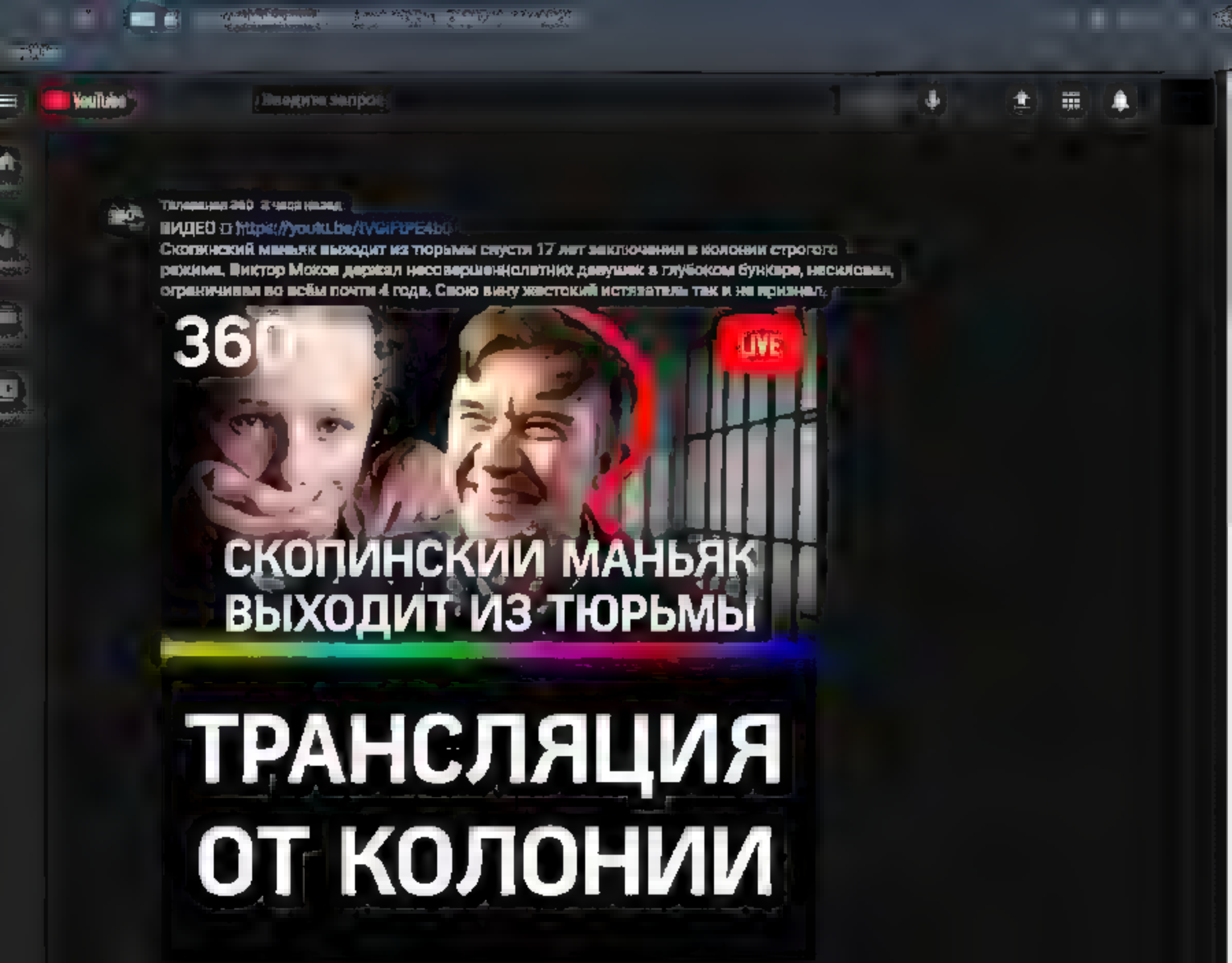
Зителки 999

СЕЙЧАС В ПРЯМОМ ЭФИРЕ

Спортлото-82 (комедия,

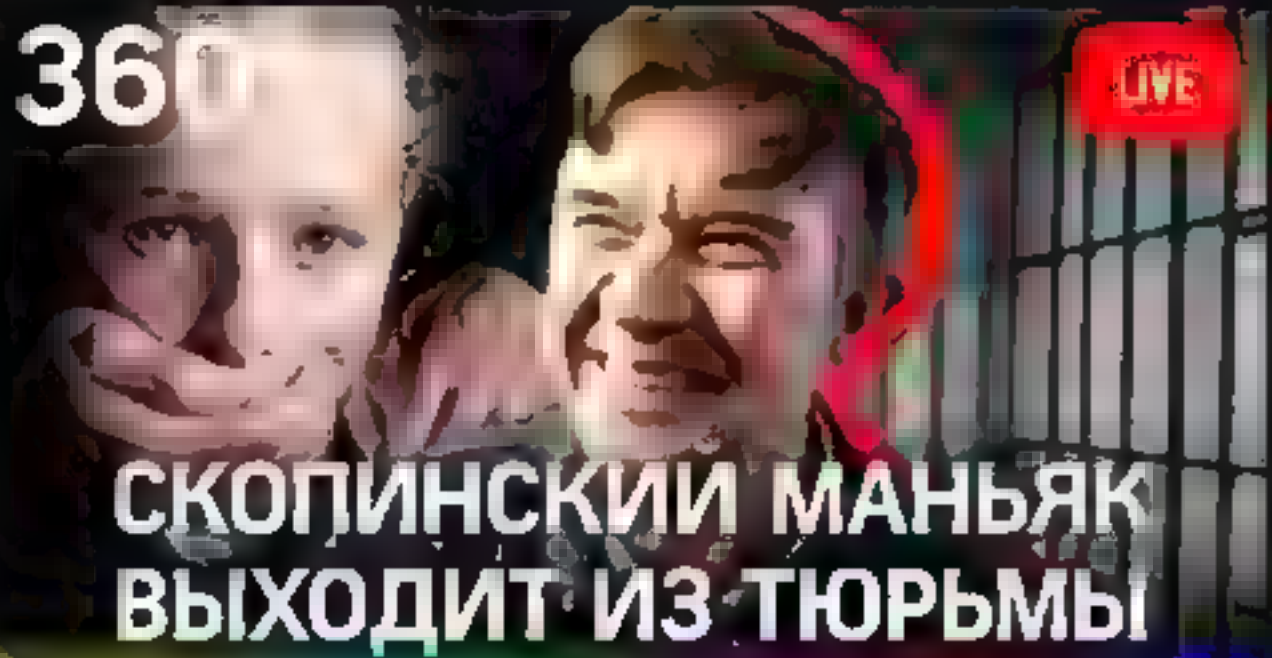
PIC-COLLAGE

Телеканал 360 24 часа онлайн

ВИДЕО <https://youtu.be/VGhF9E4bQ>

Скопинский маньяк выходит из тюрьмы спустя 17 лет заключения в колонии строгого режима. Виктор Мохов держал несовершеннолетних девушек в глубоком бункере, насиловал, ограничивал во всем почти 4 года. Свою вину жестокий истязатель так и не признал.

**ТРАНСЛЯЦИЯ
ОТ КОЛОНИИ**

Женщины неандертальцы

АНТИЛОГОИСТИКО. ИССЛЕДОВАНИЕ.

ЖЕНЩИНЫ-УБИЙЦЫ.

ИЗДАТ

П. Н. Тарновской

Съ 163 рисунками

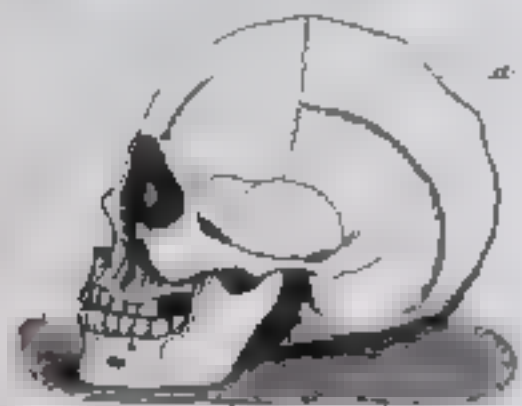
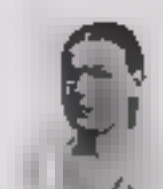
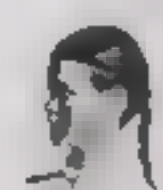
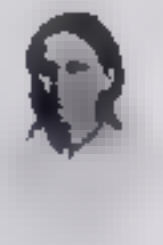
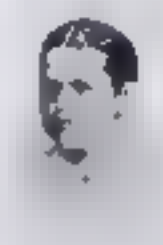
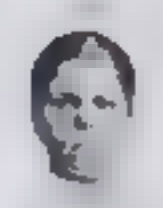
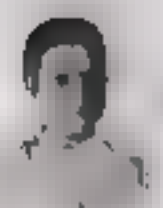
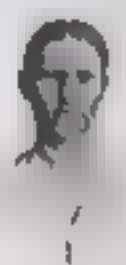
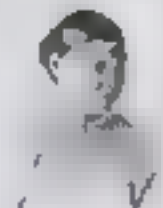
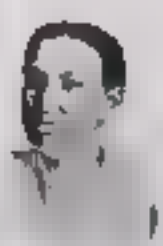
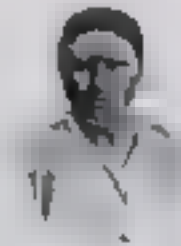
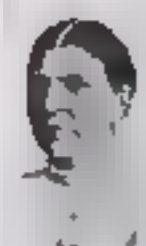
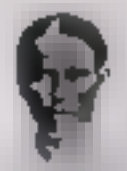
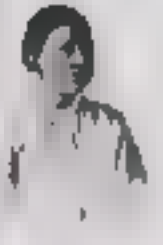
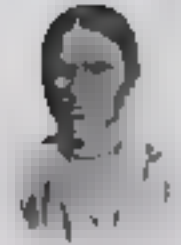
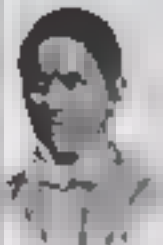
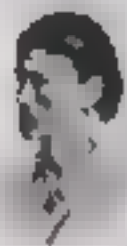
в антропометрических таблицах

С. ПЕТЕРБУРГ

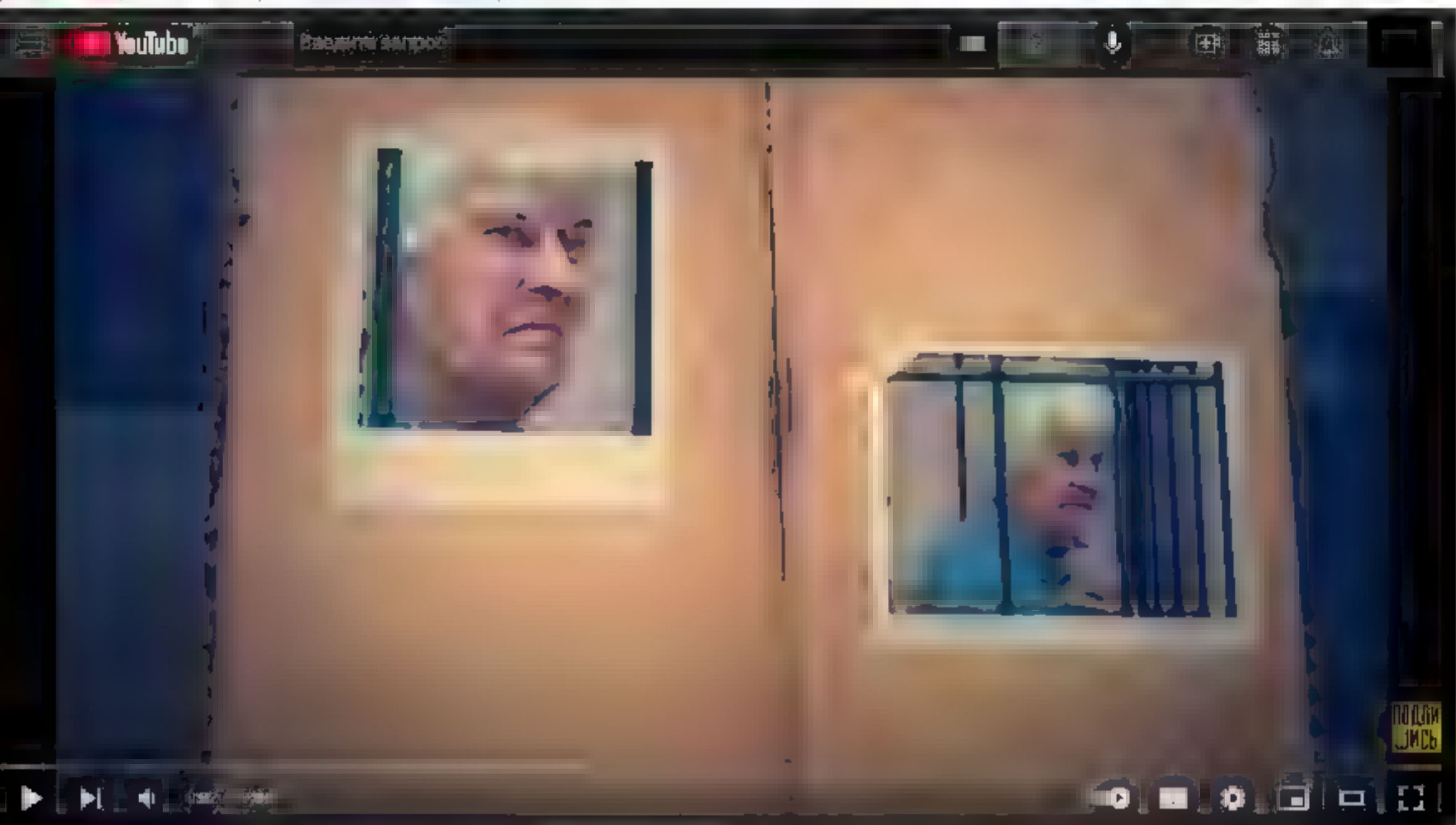
в издании книжной торговли А. С. Свистунов

1912

ПРИЛОЖЕНИЕ. Описание антропометрических признаков женщин-убийц. В настоящем приложении приводятся антропометрические данные, полученные от 163 женщин-убийц, исследованных в 1908-1910 гг. в Санкт-Петербурге. Данные эти сведены в таблицу, состоящую из 10 колонок. В первой колонке указаны фамилия и имя женщины, во второй — ее возраст, в третьей — ее образование, в четвертой — ее род занятий, в пятой — ее социальное положение, в шестой — ее национальность, в седьмой — ее религия, в восьмой — ее цвет волос, в девятой — ее цвет глаз, в десятой — ее цвет кожи. В каждой колонке даны данные по каждой из 163 женщин. В конце таблицы даны общие данные по всем женщинам.

Добавляйте на эту панель сайты, которые вы часто посещаете и которые вам нравятся

УБИЙСТВА В ХАБАРОВСКЕ ШОКИРОВАЛИ ВЕСЬ МИР Софья Жукова История

Маньяка

Все видео

Похожий контент

Автор [L]

Добавляйте на эту панель сайты, которые вы часто посещаете

#причинилиначалоидетектива

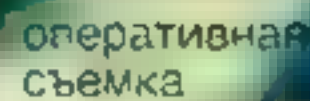
УБИЙСТВА В ХАБАРОВСКЕ ШОКИРОВАЛИ ВСЕГДА КИРОВАЛИ ВСЕГДА МИР | Софья Жукова История Маньяка

Все видео

Похожий контент

Автор 1.6 >

Жанр: документальный

ПОДПИСЬ

Маньяка

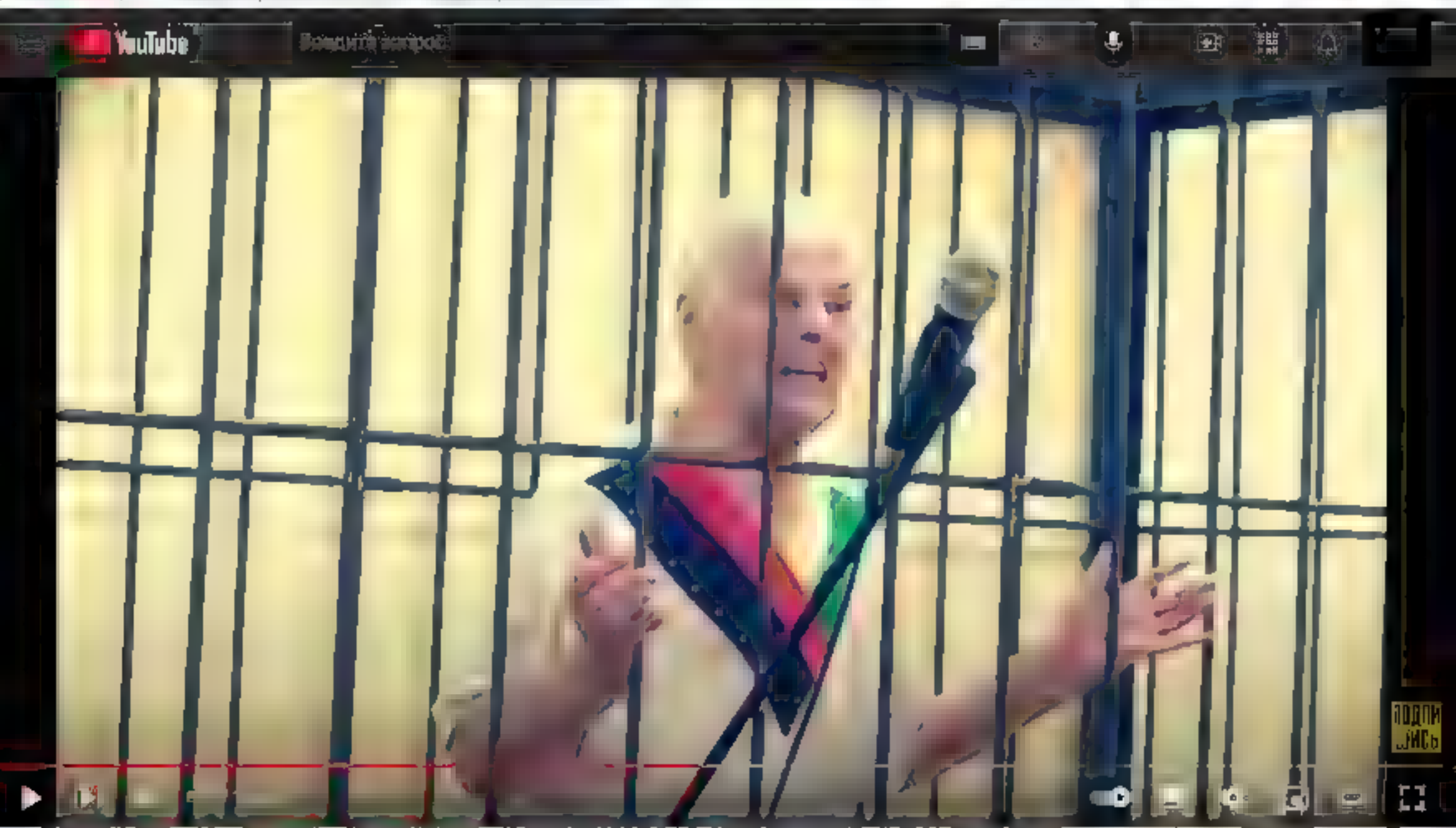
Not enough

Похожий контент

Автор: _____

Добавляйте на эту панель сайты, которые вы часто посещаете. 🔍 📌 📌 📌 📌

7-й класс, 1-й класс, 1-й класс, 1-й класс

УБИЙСТВА В ХАБАРОВСКЕ ШОКИРОВАЛИ ВСЕГДА МИР | Софья Жукова История Маньяка

Все видео

Подобный контент

Автор

Добавляйте на эту панель сайты, которые вы часто посещаете. [Импортировать закладки](#)

досье

4П
ПРЯМОЙ ЭФИР

НТВ

СВЕЛА В МОГИЛУ

НИКАМ АКВАПАРКА, ГДЕ УТОНУЛ РЕБЕНОК СОТРУДНИКИ ФСБ ЗАДЕРЖАЛИ ГЛАВ

5190A Gallery (495) 223-23-40

Запишитесь в доноры костного мозга на сайте Кровь5. www.blood5.ru

Отправляясь на Марс

или по другим делам, не забудьте спасти
жизнь на Земле

КРОВЬ 5
люди особого назначения

ФОНД
ПРЕЗИДЕНТСКИХ
ГРАНТОВ

Фотографии на стене сообщества 1 из 1297

Понасенков Евгений Николаевич
четыре часа назад

123

Антропологическое. Обратите внимание! среди так называемых "патриотов" (хотя такие, на самом деле - либо карьеристы-лицемеры, либо шизики) и черносотенцев находится много скотов, которые уже после того, как соколов-помойкин убил и расчленил девушку, продолжают его защищать по всем темам и в пьяном угаре велят, что "Понасенков еще хуе" (???). Подчеркивают по идеологии своей бредовой черносотенности, они ПЕРВЫЕ должны были пинать франкофила, атеиста, ряженого "Наполеона"-соколова, но нет! Причина проста, как биология: эти животные по натуре своей агрессивны, озлоблены, дикли. Им физиологически, образно, эмоционально ближе убийца! Тем более, что убийца - плашивый старик с харей спившегося алкаша: это родное, понятное, близкое отражению в зеркале. Эти типы преступны по своей природе и очень опасны. Они биологически неисправимы (как иск. террористы). И если бы законы писались не популистами-леваками, а учеными со здравым смыслом, то я бы сказал, что надо делать с подобным порченным материалом, чтобы обезопасить общество от убийств, насилия, шизофренических бредней и просто антиэстетики.

Показать предыдущие 8 комментариев

Женя Пономарев
Мастро открывает грозную статую в

**ВСЕГДА
не верьте
тому что
кажется,
верьте
ТОЛЬКО
доказательствам.**

PIC•COLLAGE

Чарльз Диккенс. «Большие надежды» 1861 г.